

ОСОБЫЙ
АРХИВ

РАССЕКРЕЧЕНО

Д. ПРОХОРОВ
О. ЛЕМЕХОВ

Перебежчики

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

Заочно расстреляны

Annotation

В данной книге впервые непредвзято и объективно изложен обширный фактологический материал о предательстве советских (российских) сотрудников разведки, начиная с революционных лет и кончая 90-ми годами. Бытует мнение, что за всю историю советской разведки, количество перебежчиков и предателей составило около двадцати человек. Но, к сожалению, это далеко не так. И доказательством этого служит книга, в процессе работы над которой авторам по крупицам удалось собрать информацию о фактах измены советских разведчиков.

- [Прохоров Д.П., Лемехов О.И](#)

- [От авторов](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Приложение](#)
- [Библиография](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)

**Прохоров Д.П., Лемехов О.И
Перебежчики. Заочно
расстреляны**

От авторов

Человечество, в шутку или всерьез, продолжает спорить о том, какая профессия является древнейшей. И шпионаж, без сомнения, занимает в этом списке если не первое, то уж наверняка почетное второе место.

По просторам истории ремесло это шагает по одним только ему известным тропам. А в сознании простых смертных даже укоренился образ этакого рыцаря в плаще и с кинжалом. Времена менялись, менялось и обличье этого рыцаря, и место символического кинжала уже занимало все более и более изощренное техническое оснащение. Однако суть этой профессии оставалась неизменной.

Но шпионаж — не единственное явление, таящееся в стороне от постороннего взгляда. Точно так же опасается гласности и предательство — во всяком случае, до тех пор, пока предатель в открытую не переходит в противоположный лагерь.

Из истории нам известно немало случаев вероломства пренебрегших законами морали людей. Фермопилы, например, пали в результате того, что предатель провел воинов Ксеркса в тыл греческого войска; греческий военачальник Алквид покинул войско в самый разгар Пелопоннесской войны и перешел на сторону Спарты; воевода Курбский, предав матушку Россию, пошел в услужение к королю Сигизмунду. Не отстал от воеводы и гетман Мазепа, перебежавший к Карлу XII. Приближенный герцога Бургундского Филипп де Коммин переметнулся к французскому королю Людовику XI. Имена провокаторов Романа Малиновского и Евно Азефа стали нарицательными в российском социал-демократическом движении.

Множить примеры предательства хитрых политиков и вероломных военачальников из истории различных времен и народов можно до бесконечности, авторы же предлагаемой вниманию читателей книги ставили своей задачей рассказать о предательстве сотрудников советской (российской) разведки. О людях, принадлежавших к элите советских спецслужб. О людях, облеченных доверием руководства страны, о тех «бойцах» невидимого фронта, которые без малейшего сопротивления сдавались и добровольно переходили линию этого фронта. И было таких «бойцов» немало. Так уж повелось, что граждане первого в мире социалистического государства читали в газетных передовицах исключительно об успехах нашей внутренней и внешней политики. Поэтому громкий судебный процесс над сотрудником Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ Олегом Пеньковским воспринимался как нечто совершенно экстраординарное. И не ведали простые советские люди, что «этот морально разложившийся тип» был сотрудником Главного разведывательного управления Генерального штаба, ибо даже помыслить не могли о существовании подобной организации. Да и в последующие годы сообщения о подобных случаях либо отсутствовали, либо не отличались объективностью. Так, например, в 1978 году был осужден на пятнадцать лет тюремного заключения некий «переводчик» Александр Филатов. Но за что? И за выдачу каких государственных секретов приговорили к высшей мере наказания некоего «советского служащего, работавшего за границей», Петра Попова? Ответ ясен, поскольку и тот и другой являлись сотрудниками военной разведки. Об измене сотрудников КГБ информация отличалась еще большей скудностью. Точнее сказать, ее не было вовсе. Но так или иначе, в сознании тогдашнего рядового

гражданина понятия «советский разведчик» и «измена» были несовместимы.

С началом перестройки и гласности в газетах и телеинтервью, в появлявшихся как грибы после дождя мемуарах сотрудники разведки стали нехотя обнародовать факты измены, имевшие место в их прочных рядах. Но, читая, например, мемуары одного бывшего заместителя начальника разведки, невольно задаешься резонным вопросом, а не кривит ли он душой, утверждая, что за всю историю советского государства было всего лишь полдюжины случаев предательства? Вторит ему и отставной генерал-майор, авторитетно заявляя, что с 1960 по 1980 год на запад ушло всего трое офицеров КГБ. Он, правда, оговаривается, что в середине восьмидесятых подобных случаев было уже около двадцати. И почему-то все эти случаи объясняются исключительно некомпетентным руководством председателя КГБ В.А. Крюкова. И уж совсем странным выглядит заявление этого генерала о том, что якобы за предыдущую пятидесятилетнюю историю разведки ничего подобного не было. Читатель, подвигнувший себя на прочтение этой книги, убедится, что подобные заявления, мягко говоря, не соответствуют действительности.

Существует еще одна категория авторов, когда-либо обращавшихся к теме перебежчиков. Это те, кто склонен изображать их самоотверженными борцами с тоталитаризмом, якобы своим предательством способствовавшими разрушению этого самого тоталитаризма. Доминирует же над подобными умозаключениями мнение о том, что на каждом перебежчике лежит каинова печать, на оттиске которой значатся такие слова, как «алкоголик», «карьерист», «бабник», «стяжатель», «трус» и т. п. Несомненно, именно таких среди предателей большинство, но справедливости ради нельзя признать, что порой люди

бежали от сталинских репрессий, бежали, разочаровавшись в «самом прогрессивном строе», наконец, бежали, чтобы просто не получить пулю в затылок за истинные верность и преданность рабоче-крестьянскому государству.

Естественно, каждое такое бегство причиняло государству серьезный ущерб. Ведь перебежчик неизменно раскрывает деятельность, структуру и методы работы своей разведслужбы, а значит, надолго парализует ее деятельность. Он выдает противнику и оперативных офицеров, с которыми, быть может, еще накануне обсуждал очередные служебные задачи. Он выдает агентов, судьба и карьера которых отныне загублена навсегда. Впрочем, в разведке такие критерии, как мораль и нравственность, весьма относительны, а то и двойственны. Но почему-то трудно представить себе академика Сахарова перебрасывающим портфель с секретной документацией по ядерному потенциалу через ограду посольства какой-нибудь западной державы, а генерала Григоренко — тайно фотографирующим секретные документы Генштаба. Эти люди открыто высказывали свои убеждения, прекрасно сознавая, какая судьба их ожидает. На этом фоне еще более жалким и беспомощным выглядит лепет предателей о высоких идеалах демократии и светлого будущего их бывшей Родины. Впрочем, углубляться в психологическую подоплеку измены стране, народу, присяге не входит в задачу авторов. Мы предоставляем эту возможность читателям и ограничиваемся лишь изложением фактов, которые были обнародованы в последние десятилетия.

Глава 1

1918-1930 годы

Октябрьская революция расколола нашу страну на два непримиримых лагеря. Взяв власть, большевики своей первоочередной задачей видели подавление любых проявлений контрреволюции. Совет Народных Комиссаров возложил решение этой задачи на Военно-революционный комитет (ВРК) при Петросовете. Для охраны порядка 21 ноября 1917 года был образован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) РСФСР. Расследованием преступлений против новой власти также занималась следственная комиссия ВЦИК, а рассмотрением особо опасных преступлений, согласно декрету о суде, принятому 5 декабря 1917 года, занимались специальные суды — преемники ревтрибуналов. И все же с ожесточенным сопротивлением старого мира эти вновь созданные структуры справиться не могли. Необходимо было создать новый орган, который не только бы жестко подавлял антибольшевистские выступления, но прежде всего выявлял бы и контролировал намерения тех граждан, в ком новая власть видела угрозу своему существованию. 20 декабря 1917 года Дзержинский в ответ на записку Ленина о том, что «необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками», подготовил проект создания такой структуры. Решение было принято оперативно, и в этот же день Совет Народных Комиссаров (СНК) РСФСР постановил образовать Всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК)^[1] по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Поэтому эта дата считается днем рождения советских органов государственной безопасности. В мае

1918 года под руководством Оперативного отдела, созданного в январе 1918 года, Народного комиссариата по военным делам (впоследствии Реввоенсовет) был создан Военный контроль, который отвечал за борьбу со шпионажем и сохранность военных секретов. Так же в его обязанности входило недопущение на командные должности в Красной Армии враждебных к новой власти элементов. Однако так случилось, что эти «враждебные элементы» и заняли в органах Военного контроля ключевые должности. В связи с этим фактом ВЧК при Отделе по борьбе с контрреволюцией был создан военный подотдел. Так армия получила еще одну надзирающую структуру — военную ЧК. Осенью 1918 года было проведено совещание о положении в Военном контроле. На нем присутствовали представители ВЧК и Реввоенсовета. В результате было принято решение о создании спецкомиссии по чистке от контрреволюционных элементов, проникших во все отделы контроля. Руководствуясь неутешительными выводами, к которым пришла комиссия, 19 декабря 1918 года Политбюро ЦК РКП(б) решило объединить фронтовые и армейские ЧК и Военный контроль. В результате этого 1 января 1919 года был создан Особый отдел (00) ВЧК, а 15 января все органы Военного контроля были слиты с армейскими и фронтовыми чрезвычайками. 3 февраля Дзержинский подписал Положение об Особом отделе ВЧК, а 21 февраля 1919 года ВЦИК утвердил это положение. Так появилась военная контрразведка. В это же время Дзержинский обратился к полпреду РСФСР в Турции с просьбой помочь агенту ВЧК в его работе на территории этой страны. А уже в мае того же года работа закордонных агентов иностранного отделения ВЧК и все взаимоотношения с советскими полномочными представителями за границей были регламентированы.

Первый Всероссийский съезд особых отделов фронтов и армий, проходивший с 22 по 25 декабря 1919 года, принял инструкцию Особого отдела ВЧК, в которой утверждалась структура этих отделов. Наряду с этим на иностранные отделения ОО возлагалась организация закордонной работы. Вслед за этим был создан Иностранный отдел (ИНО) ВЧК, который стал правопреемником расформированного иностранного отделения. Это произошло 20 декабря 1920 года, поэтому эту дату принято считать днем рождения советской разведки.

Одновременно в составе формирующейся Красной Армии создавалась своя разведка.

Двадцать шестого января 1918 года Коллегией ВЧК было принято решение о ликвидации старорежимной контрразведки, а двум ответственным товарищам было поручено опечатать сейфы с оперативными делами этой службы. В решении также говорилось о создании новой советской военной разведки и контрразведки.

С мая 1918 года всей агентурной и войсковой разведкой на территории РСФСР ведал Оперативный отдел (Оперод) Народного комиссариата по военным делам (Наркомвоен). Правда, за 2 месяца до этого, 17 марта 1918 года был утвержден штат Высшего военного совета (ВВС). В нем в числе прочих была предусмотрена должность помощника генерал-квартирмейстера по оперативной части и разведке. Наряду с Оперодом, Военному совету также было предписано заниматься военной разведкой. Но что примечательно, параллельно с этими двумя структурами продолжал функционировать Отдел 2-го генерал-квартирмейстера, осуществлявший военную разведку еще при царском режиме. Этот отдел до революции входил в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), а впоследствии вошел в Наркомвоен молодой республики.

В начале мая того же года, на базе ГУГШ Народного комиссариата по военным делам был создан Всероссийский главный штаб и преемником 2-го отдела стал Военно-статистический отдел, фактически полностью сохранив структуру 2-го отдела. После создания штаба Революционного военного совета республики (путем слияния ВВС и Оперода) в нем появился разведотдел и разведотделение. Но полностью это не устранило децентрализацию армейских разведорганов. И вот 14 октября 1918-го Реввоенсовет издал приказ об осуществлении руководства всеми органами Военного контроля и агентурной разведкой Полевым штабом РВС республики. 1 ноября 1918 года был утвержден штат Полевого штаба РВС, а 5 ноября 1918 года издан соответствующий приказ, согласно которому в состав шести сформированных управлений вошло и Регистрационное управление (Региструп) — центральный орган военной разведки Красной Армии. Вот почему 5 ноября считается днем основания советской военной разведки, впоследствии Главное разведывательное управление (ГРУ).

После окончания Гражданской войны Советская власть возложила на спецслужбы, помимо ведения разведки за рубежом, борьбу с белой эмиграцией за границей, а также подготовку и обеспечение «революционных ситуаций» в буржуазных странах. В связи с этим количество закордонных работников резко возросло. Изменились и методы работы. Первый случай предательства кадрового сотрудника Разведуправления РККА Смирнова произошел в 1924 году.

Андрей Павлович Смирнов был капитаном саперного батальона, расквартированного в Финляндии. После революции он обосновался в Москве, где в 1920 году был арестован ВЧК по обвинению в контрреволюционной деятельности. В тюрьме его

завербовали сотрудники Разведупра. Единственным его условием было сохранение жизни своей матери и двум братьям. В подписке о сотрудничестве, которую он дал своим вербовщикам, были, например, такие пункты:

«Если центр предпишет мне организацию какого-либо акта, грозящего по своим последствиям тяжчайшим наказанием по законам той страны, где он выполнен, я обязуюсь выполнить это задание.

Если обстоятельства дела, возложенного на оперуполномоченного, требуют моего активного участия в террористическом акте, изъятие представителя вражеского лагеря путем насилия или в действиях, предусмотренных положением о мерах борьбы, изданных Боевым Комитетом Коминтерна — я, под угрозой высшей меры наказания, подчиняюсь заданиям центра...

За измену интересам РСФСР — я приговариваюсь заочно к высшей мере наказания и такая же участь постигнет лиц круговой поруки».

После обучения основам агентурной работы Смирнов был зачислен в штат Разведупра РККА, и вместе с сотрудницей ВЧК Гибсон, которая по паспорту, значилась его женой, нелегально прибыл в Финляндию. Смирнов осел в Хельсинки под собственной фамилией, как русский эмигрант, приехавший из Турции. Одним из первых его заданий была срочная продажа доставленных из Москвы 211 бриллиантов для пополнения кассы разведывательных органов. При этом, вручая Смирнову под расписку мешочек с драгоценными камнями, сотрудник хельсинкской резидентуры ВЧК Мутценек сообщил ему, что

бриллианты оцениваются в 930 000 финских марок, из которых 500 000 марок поступают в распоряжение резидента ВЧК, 400 000 марок — резидента Разведупра, а 30 000 предназначены для финансирования важного агента в Хельсинки. Но если Смирнову удастся продать бриллианты дороже, то 50 процентов прибыли он получит в свое распоряжение. Смирнов успешно справился с заданием, выручив за бриллианты 965 000 марок, и получил оговоренную премию.

В дальнейшем работой Смирнова в Финляндии руководил военный атташе Бобрищев. В Центре деятельностью Смирнова были довольны и с 1 апреля 1921 года он был назначен заведующим агентурой 9-го сектора. (В то время Финляндия была разбита на одиннадцать секторов с резиденциями в городах Выборге, Таммерфорсе, Або, Гельсингфорсе (Хельсинки), Ганге, Вильмансранде, Тавастгусте, Бьернеборге, Раумо, Лаhti и Торнео.) Как заведующий агентурой, в своей работе он руководствовался инструкцией Разведупра. Вот некоторые ее положения:

«§ 14. Обратите внимание на всех уволенных с военной службы финофицеров, зарегистрируйте их по виду поступков или мотивов увольнения. Путем агентурных сведений составьте списки недоброжелательных к власти, претендующих на недополученные суммы, пособия, пенсии и т. п...на предмет дальнейшей возможности привлечь их на работу Разведупра. Если вы узнаете, что какой-либо офицер питает слабость к азартным играм, расточителен или ведет нетрезвый образ жизни — войдите в его доверие, сами или через агента, вам подчиненного, и попытайтесь материально оказывать ему услугу, ссужая крупные суммы под векселя, а мелочь на слово...

§ 15. Предписывается в интересах дела поддерживать связи с лицами, осужденными за

политпреступления против государственной власти или строя, не важны их политический взгляд, партийность или отношение к Р.К.П. Главное, они против существующей организации власти и государственного строя. Их сведениями надо умело приносить пользу делу обороны РСФСР и пролетаризации.

§ 16. Привлеките к работе несколько молодых, красивой внешности агентш из среды местной эмиграции. Их необходимо приспособить для осведомительной работы в среде офицерства и местного чиновничества.

§ 19. Ввести агента в каждую единицу армии и флота. Оклад от 3000 до 7000 марок.

§ 20. Мы находим необходимым ввести агентуру в военных и морских офицерских собраниях и казино. Подыщите официантов, могущих работать по информации...

§ 23. Собирайте сведения о печатающихся изданиях, переведенных или переводимых сочинениях военного, мемуарного или антисоветского характера... Авторы выясняйте с указанием адреса.

§ 29. Введите агента в генконсульство Великобритании, Соединенных Штатов Сев. Америки, Франции и Италии. Необходимо знать все видоизменения виз (типы марок, штампов, подписей и секретных отметок)».

В июле 1921 года Смирнов попал под наблюдение финской контрразведки. Но это ему не мешало, поскольку он регулярно спаивал следящего за ним агента. Продолжая работать, Смирнов разоблачил агента, продавшего военному атташе Бобрищеву чертежи миноносцев и план строительства новых ангаров. Агент утверждал, что эти материалы были похищены в Главном штабе финской армии. Бобрищев заплатил ему 200 долларов, а материалы отправил в Москву. Вскоре его вызвали к прямому проводу. Звонил

М. Тухачевский, который сообщил ему, что чертежи миноносцев были взяты из немецкого довоенного сборника. Пририсованы были лишь труба и орудия.

Агенту Освальду, принесшему эту липу, наоборот, выплатили дополнительную премию в 5000 марок и перевели с повышением оклада в распоряжение Смирнова. Через некоторое время Смирнов поручил Освальду раздобыть фотографии пороховых погребов, выдав в качестве аванса 4000 марок. В результате наблюдения выяснилось, что все время, которое агент (бывший писарь Свеаборгской крепости) попросил для выполнения задания, он просидел в собственной квартире, а через-два дня явился в условленное место со снимками. О случившемся Смирнов доложил Бобрищеву, и тот принял решение об «эвакуации» Освальда на территорию РСФСР. Проворовавшегося и изолгавшегося агента напоили до беспамятства и на советском пароходе «Коммунар» доставили в Петроград. Вскоре из Петроградского Особого отдела пришло сообщение о том, что Освальд расстрелян.

В начале 1922 года Смирнов был назначен внешним нелегальным резидентом Разведупра в Финляндии и продолжал активно собирать сведения о командном составе финской армии и ее техническом оснащении.

После неудавшейся 1 декабря 1924 года попытки совершить в Таллине коммунистический переворот Москва предписала проверить финансовые дела МОПРа за границей. Для выполнения этой задачи в Эстонии, Швеции и Дании был назначен Смирнов, временно наделенный полномочиями резидента-ревизора. Он выехал из Гельсингфорса по паспорту финского лесопромышленника и на пароходе прибыл в Таллин. Первая же ревизия дала показательный материал. Комитет МОПРа состоял из пяти человек, из которых двое были уголовниками. Остальные трое были типичными портовыми босьями. Растрата превышала

300 000 марок. А финансовым документом был замасленный листок бумаги. Составленный Смирновым акт никто из «активистов» не подписал.

В Швеции дело обстояло не лучше: местный казначей выправил себе заграничный паспорт и, прихватив с собой 189 000 шведских крон, отплыл в Северную Америку. Таким образом, проверять было нечего, так как касса состояла из груды расписок и партийного билета кассира. Соответствующий акт об исчезновении денег и кассира. был скреплен подписями оставшихся членов правления.

И лишь в Дании касса была относительно цела, хотя, как водится, без недостачи не обошлось. Партком возместил растраченную сумму, а все члены правления МОПРа были исключены из партии. И в довершение всего, когда Смирнов вернулся в Гельсингфорс, он был арестован финской контрразведкой, перехватившей следующих к нему курьеров на границе с СССР.

К тому времени Смирнов знал, что его младший брат расстрелян за принадлежность к организации «экономических вредителей», а мать и другой брат бежали в Румынию, а оттуда в Бразилию. Поэтому Смирнов выразил желание сотрудничать с финской контрразведкой и выдал всех известных ему сотрудников и агентов Разведупра в Финляндии и других странах. За предательство он был приговорен в СССР к расстрелу. Финский суд, учтя факт сотрудничества Смирнова с контрразведкой, приговорил его к двум годам тюрьмы, освободившись в 1927 году, он уехал в Бразилию к родным.

В 1925 году перебежал на Запад Владимир Степанович Нестерович, более известный под фамилией Ярославский.

Он родился в 1895 году. С началом Первой мировой войны пошел на фронт, участвовал в боевых действиях и к началу революции имел звание штабс-капитана.

Восторженно приняв свержение царизма он в 1917 году вступил в Коммунистическую партию, а впоследствии сражался в рядах Красной Армии, командуя знаменитой кавалерийской «Железной заволжской бригадой». Под его началом бригада воевала на Восточном и Южном фронтах, а затем была переброшена на Украину для борьбы с махновцами. За проявленную в боях отвагу Ярославский был награжден орденом Красного Знамени и наградным оружием.

По окончании Гражданской войны Ярославский учился в Военной академии, после чего был направлен на работу в Разведупр РККА. В 1923 году его назначили нелегальным резидентом в Вену. Из Вены он координировал работу по балканским странам. Поворотным пунктом в его работе в ГРУ стал взрыв в Софийском кафедральном соборе, организованный членами болгарской коммунистической партии по указанию и при поддержке Коминтерна и ГРУ.

Целью взрыва, организованного 16 апреля 1925 года, было убийство главы болгарского правительства Александра Цанкова, пришедшего к власти в результате военного переворота 9 июня 1923 года, и членов его кабинета. После ликвидации правительства, по замыслу организаторов этого теракта, должны были начаться рабочие вооруженные выступления, а затем и пролетарская революция. Но вся эта безумная затея провалилась. Хотя бомба взорвалась во время службы и погибло около 150 человек, ни Цанков, ни его министры не пострадали. Все непосредственные участники покушения были казнены, а на коммунистов обрушился шквал репрессий.

Ярославский, прекрасно осведомленный об истинных причинах и руководителях взрыва, решил порвать с ГРУ и выехал в Германию. Вскоре после этого в ОГПУ поступило донесение о том, что, находясь в Германии, Ярославский имел контакты с

представителями английской разведки. Последнее крайне обеспокоило Москву. Начальник ИНО ОГПУ М.А. Трилиссер отдал приказ о ликвидации Ярославского, и 6 августа 1925 года Ярославский был отравлен в одном из кафе города Майнца работниками военного аппарата германской Компартии братьями Голке. А 29 августа 1925 года Трилиссер отправил резиденту ИНО ОГПУ в Берлине следующую телеграмму, в которой предписывалось установить англичанина с которым контактировал Смирнов.

Позднее, после задержания на территории СССР английского разведчика С. Рейли, было установлено, что Ярославский установил контакт именно с ним. В Москве и Берлине было проведено тщательное расследование, но никаких дополнительных материалов о связях Ярославского с Рейли так и не было получено.

В том же 1925 году из-за сходных причин порвал с ГРУ нелегальный резидент в Прибалтике Игнатий Дзевалтовский. Его ожидала та же участь. В декабре 1925 года по приказу того же Трилиссера он также был отравлен.

В 1927 году произошел еще целый ряд провалов в деятельности советских спецслужб. В мае 1927 года англичанами был произведен и обыск в помещении Всесоюзного кооперативного общества «Аркос». «Аркос» был учрежден и зарегистрирован советской торговой организацией в 1920 году в Лондоне как частное акционерное общество с ограниченной ответственностью. В 1923 году советское правительство разрешило «Аркосу» ведение торговых операций на территории РСФСР. К началу 1927 года «Аркос» стал крупнейшим советским экспортно-импортным объединением в Англии.

Англичане не без основания полагали, что «Аркос» служит «крышей» для сотрудников советской разведки, и 12 мая 1927 года в помещениях общества был

проведен обыск, в результате которого были захвачены почта и шифры. Несколько советских граждан-сотрудников «Аркоса» пытались воспрепятствовать обыску, и к ним была применена сила. Во время обыска полицейские обнаружили, что советский шифровальщик Антон Миллер в подвале сжигал документы, разведя костер в одном из сейфов. Через девять дней, когда совслужащие работавшие в «Аркосе», были отозваны в Москву, Миллера среди них не оказалось. В связи с этим владелец левой газеты «Дейли геральд» сделал запрос в парламенте в адрес министерства внутренних дел относительно судьбы Миллера. В полученном ответе говорилось о том, что касаться этого вопроса публично нецелесообразно.

То, что шифровальщик Миллер стал перебежчиком, не вызывает сомнений. Но вот когда он стал работать на англичан? Дело в том, что с 1920 года британская служба военной шифровки (ШШПС), читала все дипломатические, разведывательные шифротелеграммы СССР. После обыска в «Аркосе» британское правительство, несмотря на протест главы шифровальной службы, приняло решение опубликовать в печати избранные места из дешифрованной советской секретной переписки, чтобы оправдать разрыв дипломатических отношений с СССР. А 26 мая 1927 года Чемберлен информировал советского поверенного в делах А. Розенгольца, что правительство его величества разрывает дипломатические отношения с Советским Союзом, поскольку тот ведет антибританскую шпионскую деятельность и пропаганду. Своему официальному заявлению Чемберлен придал неофициальный оттенок. Обращаясь к Розенгольцу, он процитировал его телеграмму, посланную 1 апреля, и сказал: «В ней вы просите материалы, которые позволят вам поддержать политическую кампанию против правительства Его Величества».

В результате майских событий в Лондоне вся система безопасности советских посольств, торговых миссий и резидентур разведки была изменена. Была коренным образом изменена система шифрования, и с тех пор использовалась трудоемкая, но при правильном использовании очень надежная «одноразовая система».

Первого января 1928 года из кишлака Лютфабад на самом юге Туркмении в Персию бежали бывший секретарь И. Сталина Борис Георгиевич Бажанов и секретный агент ОГПУ, Аркадий Романович Биргер более известный под фамилией Максимов. Личность Бажанова хорошо известна (например, по его мемуарам «Воспоминания бывшего секретаря Сталина»), он не был сотрудником советских спецслужб, и рассказ о его жизненном пути не входит в задачу авторов книги. А вот судьба второго перебежчика — Максимова — довольно поучительна.

Максимов был двоюродным братом Я.Г. Блюмкина, убившего в июле 1918 года посла Германии в Москве графа Вильгельма Мирбаха. Во время Гражданской войны Максимов был начальником хозяйственной части одного из кавалерийских полков Красной Армии. Но после окончания войны за хищение был исключен из партии и уволен из армии. Долгое время Максимов находился без работы, пока в 1925 году Блюмкин не устроил его на должность секретного агента в ОГПУ. Основной задачей Максимова была слежка за Бажановым по поручению Г. Ягоды. Непосредственно курировал Максимова в этот период начальник Административного управления ОГПУ Флексер.

Осенью 1927 года Бажанов добился перевода на партийную работу в Ашхабад и взял с собой Максимова, считая, что лучше иметь рядом с собой известного ему чекиста, чем другого агента ОГПУ, о котором он мог даже и не догадываться. Приняв еще в Москве твердое решение бежать на Запад, Бажанов вечером 31 декабря

1927 года отправился с Максимовым на охоту в район ответственности 46-го пограничного отряда. Воспользовавшись встречей Нового года, он 1 января перешел границу, заявив при этом Максиму: «Аркадий Романович, вот пограничный столб и это — Персия. Вы как хотите, а я в Персию, и навсегда оставляю социалистический лагерь». Растерявшийся Максимов признается Бажанову, что не может оставить его, так как ему грозит расстрел за подобное служебное упущение. В конце концов ему ничего не оставалось делать, как согласиться сбежать вместе с Бажановым.

Со 2 января 1928 года за беглецами началась настоящая охота.

Резидент ИНО ОГПУ в Тегеране Г.С. Агабеков получил из Москвы приказ любой ценой вернуть Бажанова и Максимова в СССР. А в случае неудачи ликвидировать! Используя многочисленную агентуру в Персии, Агабеков дважды пытался убить беглецов, пока Москва не отменила приказ. Представители СССР в Персии получили заверение местных властей в том, что перебежчики в самое ближайшее время будут возвращены в Советский Союз. Но судьба улыбнулась Бажанову, и он вместе с Максимовым благополучно укрылся в Индии в Симле, где их взяли под свою защиту англичане.

В Симле перебежчики подверглись интенсивным допросам англичан. Очень скоро они поняли, что Максимов не представляет для них существенного интереса, и сосредоточили все внимание на Бажанове. Данные, полученные от Бажанова, имели значение для понимания механизмов принятия политических решений в СССР. Вскоре, по просьбе Бажанова, английские власти предоставили возможность беглецам выехать во Францию, куда они и прибыли в начале сентября 1928 года.

В Париже Максимов был вынужден браться за любую работу, чтобы кое-как свести концы с концами. Поэтому неудивительно, что в начале 1929 года он согласился с предложением приехавшего в Париж Я. Блюмкина вновь начать следить за Бажановым. По утверждению самого Бажанова, Максимов, выполняя приказ ОГПУ, однажды попытался устроить на него покушение, но безуспешно, после чего стал старательно избегать Бажанова. Погиб Максимов в 1935 году при невыясненных обстоятельствах — он упал с Эйфелевой башни.

В следующем, 1929 году был расстрелян за измену двоюродный брат Максимова — небезызвестный Яков Блюмкин. Яков Григорьевич Блюмкин родился в марте 1900 года в бедной еврейской семье. Его отец умер в 1906 году, и мать, желая вывести сына в люди, устроила в 1908 году маленького Яшу в начальное духовное училище — Первую одесскую Талмуд-тору. Через пять лет Блюмкин, не имея средств для продолжения образования, поступил учеником в электромеханическую контору Карла Франка.

Тогда же начинается активная революционная деятельность Блюмкина. В 1914 году он примкнул к эсерам, участвовал в организации нелегального студенческого кружка. После Февральской революции начался новый этап в жизни Блюмкина. Он активно работал эсеровским агитатором в Харькове, Поволжье и в Одессе. В январе 1918 года вступил добровольцем в матросский «Железный отряд», вскоре стал его командиром, участвовал в боях с войсками Центральной рады. В марте 1918 года отряд Блюмкина вошел в состав 3-й советской Украинской армии. Вскоре Блюмкин становится комиссаром 3-й армии, а затем — помощником начальника штаба армии.

В мае 1918 года 3-я советская Украинская армия была расформирована, а Блюмкин откомандирован в

Москву в распоряжение ЦК партии левых эсеров. Без дела он не остался, и вскоре был направлен в ВЧК, где ему поручили организовать отделение для борьбы с международным шпионажем. Помимо прочих, перед создаваемым отделением ставилась задача по проникновению в открывшееся 23 мая 1918 года посольство Германии в Москве. С этой целью ВЧК был арестован по обвинению в шпионаже граф Роберт Мирбах, родственник посла Германии графа Вильгельма Мирбаха.

Однако не следовало поручать эту операцию Блюмкину, так как левые эсеры, недовольные политикой большевиков вообще, приняли 4 июля решение о покушении на немецкого посла в Москве Вильгельма Мирбаха. Произвести теракт было поручено Блюмкину. Тот, используя служебное положение, изготовил на официальном бланке удостоверение следующего содержания:

«Удостоверение

Всероссийская Чрезвычайная комиссия уполномочила ее члена Якова Блюмкина и представителя Революционного Трибунала Николая Андреева войти в переговоры с Господином Германским Послом в Российской Республике по поводу дела, имеющего непосредственное отношение к Господину Послу.

*Председатель Всероссийской Чрезвычайной комиссии
Дзержинский.*

Секретарь Ксенофонов».

Подпись Дзержинского была подделана, а настоящую печать поставил заместитель Дзержинского левый эсер Ксенофонтов.

Шестого июля 1918 года около двух часов дня Блюмкин и фотограф ВЧК Андреев явились в Германское посольство и, предъявив удостоверение, потребовали личного свидания с Мирбахом под предлогом необходимости обсудить вопрос, связанный с его родственником Робертом Мирбахом. Мирбах согласился. В приемной посольства вместе с послом находились советник К. Рицлер и лейтенант Мюллер. В самом начале беседы Блюмкин и Андреев неожиданно открыли стрельбу. Мирбах бросился вон из приемной, но Блюмкин побежал за ним и бросил бомбу. Германский посол был убит, а его сотрудники ранены. Воспользовавшись поднявшейся паникой, террористы выскочили через окно во двор и скрылись на автомобиле.

Покушение на Мирбаха было сигналом к вооруженному выступлению левых эсеров. Но к 8 июля мятеж был подавлен. 13 активных его участников, в том числе и В.А. Александров, были расстреляны, но Блюмкину и Андрееву удалось скрыться. Для расследования событий 6-7 июля СНК образовал особую следственную комиссию в составе П.И. Стучки, В.Э. Кингисеппа и Я.С. Шейнкмана. 27 ноября 1918 года дело левых эсеров было рассмотрено Верховным революционным трибуналом. В числе прочих Блюмкин был приговорен к тюремному заключению сроком на три года с применением принудительных работ. Однако радость принудительного труда ему испытать не удалось. 16 мая 1919 года Блюмкин, скрывавшийся на Украине, явился в ВЧК с повинной и был амнистирован.

В 1920 году Блюмкин вступил в РКП(б) и направляется на военную работу. А уже летом того же года принял участие в создании Гилянской советской

республики в Северном Иране в качестве комиссара штаба Красной Армии Гилянской советской республики. В сентябре 1920 года Блюмкин поступил в академию Главного штаба РККА, а с 1922 года работал в секретариате Реввоенсовета сотрудником для особых поручений Л. Троцкого.

В 1923 году Блюмкина вновь направили на работу в органы ОГПУ, но своих связей с Троцким он не прервал и даже принял участие в подготовке к изданию первого тома трехтомного труда Л. Троцкого «Как вооружалась революция».

В 1924–1925 годах Блюмкин занял должность помощника полномочного представителя ОГПУ в Закавказье по командованию войсками Закавказской ЧК, а в 1926–1927 годах работал главным инструктором внутренней охраны (службы безопасности) Монголии. Быстрый карьерный рост вскружил ему голову. Он стал крайне высокомерно относиться к своим коллегам и монгольским товарищам. В результате, по настоянию председателя ЦК Монгольской народно-революционной партии Дамбе-Дорчжи, в ноябре 1927 года Блюмкин был отозван в Москву.

В Москве Блюмкин, несмотря на покровительство начальника ИНО ОГПУ М.А. Трилиссера, оставался без дела.

Безделье закончилось в 1928 году когда Блюмкину поручили организовать нелегальную резидентуру на Ближнем Востоке. Сначала он должен был легализоваться в Стамбуле, а потом создать агентурную сеть в Палестине и Сирии для сбора информации о политике Англии и Франции на Ближнем Востоке и оказания помощи местному национально-освободительному движению.

В сентябре 1928 года Блюмкин с паспортом на имя персидского купца Якуба Султанова выехал на пароходе из Одессы в Стамбул, где приступил к

выполнению задания. Он побывал в Палестине, Вене, Париже, а в марте приехал в Берлин. Там он и узнал о высылке из Советского Союза в Турцию Льва Троцкого.

Поэтому и принял решение немедленно возвратиться в Стамбул, куда он приехал 10 апреля 1929 года. 12 апреля у него состоялась первая встреча с сыном Троцкого Львом Седовым, а через четыре дня, 16 апреля, — с самим Троцким. Между ними имела место продолжительная беседа, во время которой Блюмкин заявил, что полностью передает себя в распоряжение Троцкого и составил для него рекомендации для организации личной охраны. Кроме того, поддерживая связь с Троцким через его сына Седова, Блюмкин передавал ему секретные материалы стамбульской резидентуры ОГПУ и сведения о деятельности поезда председателя Реввоенсовета в годы Гражданской войны, необходимые Троцкому для издания автобиографической книги «Моя жизнь». Направляясь в Москву, Блюмкин согласился передать письма Троцкого его сторонникам в СССР, и в частности К. Радеку.

Однако об этом стало известно Сталину, которому Радек сам сообщил о приходе к нему Блюмкина 10 октября и состоявшемся между ними разговоре. За Блюмкиным было установлено наблюдение, порученное, как утверждает Александр Орлов, сотруднице ИНО Елизавете Горской, которой якобы поручили соблазнить изменника.^[2] Но последнее не соответствует действительности, так как роман между ними завязался 5 октября без всяких указаний сверху. Но 11 октября во время второй беседы с Радеком Блюмкин узнал, что тот сообщил об их разговоре Сталину. Блюмкин заметался в поисках спасения и даже предпринял попытку перейти на нелегальное положение. 12 октября он во всем признался Горской, которая посоветовала ему немедленно доложить о случившемся начальнику ИНО

М. Трилиссеру, но сама сообщила о поведении Блюмкина заместителю М. Трилиссера М. Горбу только в понедельник 14 октября. М. Горб внимательно выслушал Горскую и посоветовал ей больше с Блюмкиным не встречаться.

Арестовали Блюмкина 15 октября, на Мясницкой улице, возле дома № 21, где жил его друг некий Фальк.
[\[3\]](#)

Следствие по делу Блюмкина было поручено заместителю начальника секретного отдела ОГПУ Я.С. Агранову. На допросах Блюмкин ничего не скрывал, надеясь и в этот раз выйти сухим из воды. 28 октября он даже написал заявление в ЦКК ВКП(б), в котором утверждал, в частности, следующее:

«Что мной за эти годы было сделано по линии иностранной разведки, равно как и неоднократно проявленная мною готовность идти на самые опасные, требовавшие жизни, предприятия, — это известно тт. Менжинскому и Трилиссеру. Не было случая за эти годы, чтобы я не оправдал доверия, не проявил максимальной преданности и активности...

Я хочу, чтобы партия и ОГПУ, когда они будут решать вопрос о моей партийной судьбе, чтобы они видели мой путь, чтобы они видели, что я могу быть полезен, что я не должен быть потерян как работник для партии и Советской власти, и чтобы решали вопрос обо мне по совокупности. Я понимаю, что вопрос о полезности не есть вопрос о деловых качествах, а о политической революционно-большевистской устойчивости...

Даже и с этой моей ошибкой, я сейчас более надежен как революционер, чем многие и

многие члены нашей партии. Вся моя жизнь — тому доказательство».

В том же году, когда расстреляли «пламенного революционера» Блюмкина, принял решение не возвращаться в СССР и другой сотрудник ИНО ОГПУ — Г. Агабеков.

Георгий Сергеевич Агабеков (настоящая фамилия Арутюнов) родился в 1895 году в Ашхабаде. Перед Первой мировой войной он учился в Ташкентской гимназии, но с началом военных действий в 1914 году был мобилизован в армию и до октября 1916 года воевал на фронте. Потом он был направлен в Ташкентскую школу прапорщиков, после окончания которой служил командиром взвода и переводчиком с турецкого языка при штабе 46-го полка Румынского фронта. С началом революции Агабеков покинул армию, а в марте 1918 года в Одессе вступил в отряд Красной гвардии.

С 1918 по 1920 год Агабеков служит в Красной Армии. Он воевал в Туркестане, где командовал частями Красной гвардии, а затем воевал в Сибири против Колчака. В 1920 году он вступал в ряды РКП(б) и был назначен командиром батальона войск внутренней службы в Екатеринбурге. В том же году Агабекова перевели в ЧК Екатеринбурга, где он занял должность помощника уполномоченного по борьбе с контрреволюцией и ведал секретной агентурой.

С 1922 года, учитывая знание Агабековым персидского языка, его перевели в ЧК Туркестанского фронта, а затем в контрразведывательный отдел ТуркГПУ, где он занимался Средней Азией и Афганистаном. В 1922 году он был направлен в Бухару в качестве начальника агентуры. Там он так наладил дело, что в его руки попал весь разведывательный аппарат бухарского штаба. Активность его и

способности были замечены, и в 1924 году Агабеков был переведен в Иностранный отдел ОГПУ в Москве, а в апреле 1924 года командировается в Кабул. В Афганистане он работал под прикрытием должности помощника заведующего бюро печати посольства и одновременно считался уполномоченным советского торгпредства по кабульскому району.

В конце 1926 года Агабекова назначили резидентом ИНО ОГПУ в Тегеране. Там он добился больших успехов в приобретении шифров и перехвате корреспонденции аккредитованных в Иране иностранных представительств. Кроме того, он организовал возвращение из Афганистана и Персии беженцев, вербовал в качестве агентов русских эмигрантов, подкупал вождей белуджских и курдских племен с целью вооруженного выступления против Англии.

В апреле 1928 года Агабеков возвратился в Москву. Его назначили на пост начальника сектора по Ближнему и Среднему Востоку Иностранного отдела ОГПУ. Такое назначение свидетельствовало о доверии к нему не только со стороны ОГПУ, но и высшего руководства страны. А затем в октябре 1929 года его направили нелегальным резидентом в Турцию на место расстрелянного Блюмкина. 27 октября 1929 года на пароходе «Чичерин» он прибыл в Стамбул с документами на имя армянского коммерсанта Нерсеса Овсепяна.

Но в конце 1929 года, будучи резидентом ИНО в Турции, он принимает решение не возвращаться в СССР. В конце января 1930 года Агабеков обратился к английским властям в Стамбуле с просьбой предоставить ему политическое убежище, назвав при этом свое настоящее имя и должность и пообещав предоставить всю известную ему информацию о советской разведке. Но англичане не торопились, и в июне 1930 года Агабеков на пароходе отправился во

Францию, где открыто порвал с советской разведкой и сделал соответствующие заявления в эмигрантской и французской прессе.^[4]

«До настоящего времени работал честно и преданно для Советской России, — писал он сразу после бегства в одной из эмигрантских газет Парижа. — В последние два года я стал замечать, что революционный энтузиазм в СССР стал переходить среди коммунистических низов в подхалимство и бюрократизм, вырождаясь в заботу о сохранении своих мест и боязнь лишиться куска хлеба. Среди коммунистических верхов вопрос о революции свелся к борьбе за портфели.

В то время как эта привилегированная группа варится в собственном соку и, бросая революционные фразы о свободе и пр., на самом деле душит всякое проявление свободы — в это время рабочий класс приносит колоссальные материальные и моральные жертвы для осуществления преступно-фантастической пятилетки и физически истребляется, а крестьянство загоняется в колхозы и разоряется дотла, ибо, фактически разрушая индивидуальное хозяйство, сталинское правительство не дает взамен ничего. Результаты этого — перманентный голод в такой аграрной стране как Россия. В области внешней политики — лживые революционные призывы к рабочим Запада. Одновременно с провозглашением лозунга «освобождение угнетенного Востока» сталинское правительство ведет империалистическую политику в Китае, Персии, Афганистане и на

всем Ближнем Востоке, что я докажу фактами в своей готовящейся к печати книге.

В области торговли я считаю преступным при наличии фактического голода в России вывоз из СССР продуктов и трату вырученных денег на заполнение карманов совчиновников и поддержку компартий других стран.

С режимом, создающим невыносимую жизнь громадному стопятидесятиmillionному народу СССР и властвующим силой штыков, несознательности армии и неорганизованности классов рабочих и крестьян, — я обещаю отныне бороться.

Я имею сотни честных друзей-коммунистов, сотрудников ОГПУ, которые так же мыслят, как и я, но, боясь мести за рубежом СССР, не рискуют совершить то, что делаю я.

Я — первый из них, и пусть я послужу примером всем остальным честным моим товарищам, мысль которых еще окончательно не заедена демагогией нынешнего ЦК.

Я зову вас на борьбу за подлинную, реальную, настоящую свободу!»

Если говорить о практических шагах Агабекова по борьбе со сталинским руководством, то после его бегства в 1930 году только в Иране было арестовано более четырехсот человек, из которых четверо было расстреляно. А в июле 1931 года в Иране был принят специальный закон, в результате которого национально-освободительное и коммунистическое движение в стране было разгромлено. За сотрудниками советского консульства было установлено постоянное наблюдение, а советско-иранские отношения оказались сильно подорванными. И это только в одном Иране. А ведь не следует забывать, что Агабеков сдал всю

известную ему агентурную сеть не только в Иране, но и на всем Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Что же касается книги, которую написал Агабеков, то она под названием «ОГПУ» вышла в сентябре 1929 года в парижской эмигрантской газете «Последние новости», а в 1931 году отдельным изданием в Париже и Нью-Йорке. В ней Агабеков рассказывал об отдельных операциях на Среднем Востоке и крайне негативно отзывался о руководстве ОГПУ.

Разумеется, после провала многочисленной агентуры и таких публичных выступлений оставлять безнаказанным Агабекова руководство страны и ОГПУ не собиралось. Охота за ним длилась девять лет и закончилась летом 1938 года, хотя в сентябре 1936 года Агабеков отправляет советским властям письмо, заканчивающееся следующими словами:

«Моим единственным желанием сейчас является хоть немного умалить тот вред, который я нанес Советской власти своим предательством. Этим документом я, видимо, отдаю себя вполне сознательно на Ваше усмотрение, и как бы суров ни был Ваш приговор, я ему подчинюсь беспрекословно. Но я просил бы только одного, это умереть на работе. Умереть с сознанием, что я принес хоть какую-нибудь пользу своей власти и своей Родине».

Сами обстоятельства смерти Агабекова до сих пор точно не известны. По версии, распространенной на Западе, агент НКВД Зелинский заманил его на франко-испанскую границу под предлогом выгодной перепродажи вывозимых из Испании произведений искусства. Попавшись на удочку, он во время одного из переходов через границу был сброшен в пропасть. Но

по версии П.А. Судоплатова, Агабеков был убит в Париже, куда его пригласили для организации тайной сделки по вывозу драгоценностей, принадлежавших богатой армянской семье. Руководил операцией известный нелегал А.М. Коротков. Тело убитого Агабекова было помещено в чемодан, который выкинули в море. Поэтому труп Агабекова так никогда и не был обнаружен.

Впрочем, нельзя утверждать, что в 20-е годы все перебежчики бежали по политическим мотивам. Так, в 1930 году произошел случай, позднее ставший банальным.

Голландский еврей Роберт Гордон Свитц работал на ГРУ с начала 20-х годов. В 1930 году он был направлен в США на нелегальную работу. Въехать в США он должен был через Панаму, но там в американском консульстве было установлено, что у него фальшивый паспорт. Поставленный перед выбором — отсидеть 10 лет за попытку незаконного въезда в Соединенные Штаты или сотрудничать с военной разведкой США, Свитц выбрал последнее. В Москву было послано донесение о благополучном прибытии в США и начале работы.

«Работа» Свитца в Америке была оценена в Москве как успешная, и в 1932 году он вместе с женой был направлен во Францию, где перешел в подчинение И. Бира, нелегального резидента ГРУ, контролирующего сеть «рабкоров» газеты французской компартии «Юманите».

В результате этой ошибки Центра сеть Бира в июне 1932 года была разгромлена, сам он арестован и в декабре 1932 года осужден на 3 года тюремного заключения. Свитц, выпущенный на свободу благодаря заступничеству американского военного атташе, послал в Москву донесение, что ему удалось выйти сухим из

воды и необходимо на некоторое время исчезнуть. Больше его никто не видел.

В провале резидентуры И. Бира был, по официальной версии, выдвинутой французской Сюртэ женераль, обвинен журналист «Юманите» Рикье. В 1937 году руководство ГРУ послало во Францию своего сотрудника Л. Треппера с целью проверки виновности Рикье. С помощью адвоката Ферручи Треппер получил доступ к досье Бира и обнаружил в нем двадцать три письма переписки между Свитцем и военным атташе США. Таким образом был установлен факт предательства Свитца и невиновность Рикье.

Глава 2

1931-1940 годы

Тридцатые годы были самым страшным периодом сталинского режима. Террор, развязанный Сталиным против собственного народа с целью установления полного и беспрекословного господства над страной, после убийства Кирова 1 декабря 1934 года охватил весь Советский Союз и зарубежные компартии. Спецслужбы, а точнее, органы ОГПУ-НКВД были главным механизмом этого террора. Осознание этого факта и личное участие в репрессиях было неоднозначно принято работниками спецслужб и их закордонной агентурой. Многие кадровые разведчики бежали на Запад или остались там, особенно после 1937 года, когда репрессии коснулись Иностранного отдела НКВД и Разведупра РККА.

В 1931 году в Вене разразился громкий скандал вокруг некого Георга Земмельмана. Земмельман работал на ИНО с 1923 года и считался хорошим агентом. Его несколько раз высылали за шпионаж из разных европейских стран, и один раз он даже отбывал тюремное заключение. Весной 1931 года, работая под прикрытием советского торгпредства в Гамбурге, он женился на немецкой девушке. Усмотрев в этом серьезную опасность для своей разведывательной сети, Москва решила немедленно его уволить.

Обескураженный таким поворотом дела, Земмельман обратился в редакцию одной из венских газет с предложением опубликовать серию его статей о советском шпионаже в Германии, Австрии и ряде других стран. Земмельман, в частности, намеревался поведать о подпольных заведениях, занимающихся

изготовлением фальшивых документов для советских спецслужб и о посредничестве Компартии Германии в вербовке немецких военных для промышленного шпионажа. Особое место в его разоблачениях должно было занять описание подлинной деятельности Ганса Киппенбергера, члена Политбюро Компартии Германии. Киппенбергер, отвечавший в Политбюро КПГ за связь партийного подполья с советской разведкой, в 1930 году был избран депутатом парламента. В течение трех лет, до прихода к власти нацистов, он продолжал работать на советскую разведку, пользуясь депутатской неприкосновенностью и членством в комиссии по военным делам рейхстага.

Однако осуществить свой замысел Земмельман не успел, так как его угрозы вызвали мгновенную реакцию со стороны Москвы. Сербский коммунист Андрей Пиклович, выдававший себя за студента-медика, 27 июля 1931 года застрелил Земмельмана в его собственной квартире. На состоявшемся в 1932 году судебном процессе А. Пиклович признал себя виновным в убийстве и заявил, что убил он Земмельмана потому, что хотел «бороться до конца против капиталистического господства» и что тем самым он предотвратил предательство и гибель многих пролетарских борцов. После поднявшейся в коммунистической прессе кампании в защиту Пикловича, а также коммунистических демонстраций в его защиту суд присяжных не смог прийти к единому мнению, Пиклович был оправдан и выпущен на свободу.

В этой связи заслуживает упоминания любопытный факт. В октябре 1931 года находившийся проездом в Вене Георгий Агабеков, тогдашний резидент ОГПУ в Турции, желая оказать помощь австрийским властям, опознал в Пикловиче своего бывшего коллегу по ОГПУ Шульмана. Шульман, по утверждению Агабекова, возглавлял в Москве так называемый «черный кабинет»,

занимавшийся изготовлением фальшивых документов, и в свое время лично изготовил для Агабекова фальшивый персидский паспорт, с которым тот и отправился в Стамбул.

Надо сказать, убийство Земмельмана не спасло Киппенбергера. В 1933-м он покинул Германию, а в 1935 году обосновался в Москве, где в 1936 году был арестован и расстрелян по обвинению в шпионаже в пользу германского рейхсвера.

В том же 1931 году отказался выполнить приказ о возвращении в СССР сотрудник военной разведки Лаго. Б.Ф. Лаго начал подпольную деятельность во время французской интервенции в Одессе. Одно время он был членом «Союза русских студентов» и работал в тайной организации В. Шульгина под названием «Азбука». В 1922 году он становится сотрудником ГРУ и его командируют в Вену в распоряжение тамошнего советского резидента Ибрагимова. Основным направлением его деятельности были Балканы, и в частности Болгария. В 1923 году Лаго несколько раз выезжал туда для организации помощи болгарским коммунистам в подготовке вооруженного восстания. В 1924 году его командируют в Берлин, в непосредственное подчинение послу СССР в Германии Н. Крестинскому. По заданию Москвы Лаго сумел внедриться в ЦК партии монархистов-конституционалистов, но через некоторое время был арестован берлинской полицией по подозрению в шпионаже в пользу СССР, и только благодаря личному вмешательству Н. Крестинского удалось вызволить его из тюрьмы.

Покинув Германию, Лаго в качестве нелегала ГРУ отправляется в Румынию, но и тут его преследуют неудачи. В 1925 году румынская сигуранца (контрразведка) его арестовала. При задержании у него

были изъяты секретные документы и материалы, свидетельствовавшие о его причастности к советской разведке. По обвинению в шпионаже суд приговорил его к пяти годам каторжных работ.

Как это нередко случается, во время пребывания Лаго в заключении советские власти не проявили озабоченности его судьбой, и поэтому, выйдя в 1931 году на свободу, он отказался вернуться в СССР и эмигрировал во Францию. В Париже он близко сошелся с журналистом Владимиром Бурцевым, которому подробно рассказал о работе ГРУ в Европе. Многие из того, что рассказал ему Лаго, Бурцев использовал при написании книги «Тайная работа ОГПУ за границей». Позднее Лаго стал сотрудничать с французской контрразведкой Сюртэ-генераль и вошел в эмигрантскую группу «Борьба», созданную невозвращенцами Г. Беседовским и Багговутом, где он, Лаго, занимал должность начальника информационного отдела. Рукопись воспоминаний о своей работе за границей в бытность сотрудником ГРУ Лаго передал в конце тридцатых годов в «Русский зарубежный исторический архив» в Праге.

Однако далеко не всем невозвращенцам удалось избежать возмездия. Так, в мае 1932 года в Гамбурге был ликвидирован курьер ОГПУ Ганс Виссенгер. Обстоятельства убийства неясны до сих пор, но причина его очевидна — несогласие Виссенгера с политикой, проводимой Советским Союзом.

Другая загадочная история связана с именем одного из нелегалов ГРУ — Витольда Штурм де Штрема. Штурм де Штрём, родившийся в Польше, в молодости вступил в партию Пилсудского (ППС-Революционная Фракция), занимавшую правый фланг движения социалистов. В 1919 году он перешел в компартию Польши. А в апреле 1921 года, уже будучи одним из руководителей

военного аппарата партии и кандидатом в члены ЦК, он участвовал в переговорах о создании так называемой «социалистической организации в войске» на базе военного аппарата компартии и офицеров-пилсудчиков из числа членов Польской организации войсковой (ПОВ). Помимо него в них переговорах участвовали от компартии Польши Владислав Гжех-Ковальский, а от ПОВ — брат Витольда Тадеуш, С. Воевудский и др. Из этой затеи ничего не получилось, и уже в 1922 году Штурм де Штрем оказывается в штабе Разведуправления РККА, где, как уже говорилось, теноре становится одним из нелегалов.

В начале 1933 года в СССР раскручивается «дело ПОВ», то есть начинаются репрессии против бывших сторонников Пилсудского, якобы специально засланных т. ряды Компартии СССР. Среди них оказались: один из упомянутых выше участников переговоров 1921 года — Воевудский, а также бывшие соратники Штурм де Штрема по ППС — Т. Жарский, Е. Чешейко-Сохацкий, П.Ладан и другие. А в декабре 1933 года в Вене был от Штурм де Штрем. Причина его ликвидации так и не выяснена до сих пор. Известно лишь — и это весьма примечательно, — что в ликвидации. В. Штурм де Штрема принимали участие Вальтер Кривицкий и, возможно, И Иорецкий.

А к 1934 году в США бесследно исчез нелегальный агент ИНО ОГПУ, работавший под псевдонимом Дэвис (настоящее имя — Валентин Маркин). Его негласные поиски не дали результата: не было обнаружено следов ни уголовщины, ни политического предательства. Дело было закрыто, а место Дэвиса занял нелегал ИНО Исхак Абдулович Ахмеров.

Разумеется, не все случаи предательства, имевшие место в тридцатые годы, были обусловлены разногласиями с политикой властей. Подтверждение тому измена — Паскуале Эспозито.

Итальянец П. Эспозито работал мастером на авиационном заводе «Капрони». Оба его сына погибли в 1935 году во время войны, развязанной Муссолини против Абиссинии, и это привело его в ряды антифашистов, он стал заклятым врагом Муссолини. Падчерица Эспозито — Джанина, отец которой погиб в стычке с фашистами у проходной завода «Капрони», с 1934 года работала секретаршей в патентном бюро «Эврика» в Милане. Владелец «Эврики» австриец Конрад Кертнер был в действительности нелегальным резидентом ГРУ в Италии, подполковником Львом Ефимовичем Маневичем.^[5] Через Джанину Маневич завербовал Эспозито, и тот стал передавать ему информацию и документы, касающиеся производства новых самолетов.

Летом 1936 года, после начала войны в Испании, ОВРА^[6] резко усилила свою контрразведывательную деятельность. В результате Кертнер-Маневич и часть его агентуры попала под подозрение в шпионаже. Подозрения усилились после того, как в сентябре 1936 года Кертнер совершил поездку в Испанию на пароходе «Патриа», доставлявшем франкистам итальянские военные самолеты. Среди сопровождавших этот груз был и Эспозито. Подозревая Кертнера в шпионаже, но не имея никаких доказательств этого, ОВРА решает действовать через находящегося под подозрением Эспозито и сразу по возвращении из Испании в октябре 1936 года его арестовывают. Во время допроса ему сообщают, что его любимая падчерица Джанина тоже арестована, и с помощью этой хитрой уловки добиваются признания и согласия сотрудничать с ОВРА. Для большей убедительности. Эспозито предъявили пропитанное кровью шелковое белье, которое он подарил Джанине на день ангела, и обещали выпустить ее на свободу, если Эспозито поможет разоблачить

Кертнера. (Как впоследствии узнал Эспозито, Джанина не была арестована, а белье выкрали у нее из квартиры сотрудники ОВРА.)

Дав согласие на сотрудничество, Эспозито по указке ОВРА вызвал Кертнера на связь в тратторию близ кондитерской фабрики «Мотта», якобы для передачи ему чертежей нового самолета. Там, в траттории, Кертнер был арестован и в скором времени осужден. После ареста Кертнера Эспозито разрешили свидание с падчерицей. Тогда-то он и узнал, что Джанина не подвергалась аресту. Сама же Джанина, выслушав признание Эспозито о совершенном им подлом предательстве, отказалась от дальнейших встреч с ним. Душевно сломленный Эспозито, распустив шерстяные носки, в конце октября 1936 года повесился в тюремной камере.

В 1937-1938 годах основной причиной, толкавшей сотрудников спецслужб на путь предательства, был страх за собственную жизнь. И этот страх был вполне обоснован. По свидетельству А. Орлова, тогдашнего резидента НКВД в Испании, в течение лета 1937 года в Москву было отозвано примерно сорок сотрудников ИНО НКВД. Почти все они были репрессированы. Среди них были такие асы разведки, как Николай Самсонов, Дмитрий Быстролетов, Станислав Глинский, Борис Гордон, Теодор Малли, Борис Базаров и другие. Поэтому сотрудники зарубежных резидентур, зная, что ожидает их в СССР, становились невозвращенцами. В том числе и Орлов. Среди тех, кто отказался вернуться, Орлов называет неких БРУНО и ПАУЛЯ. Возможно, БРУНО — это Грюнфельд, посланный в 1933 году после прихода Гитлера к власти в Германию для руководства агентурными сетями «Грета» и «Клара», и впоследствии замененный Г. Рабиновичем.

Но даже бегство на Запад не гарантировало им сохранность жизни. Характерна в этом отношении

судьба американки Джульет Стюарт Глезер Пойнтц. Она родилась в 1887 году, смолоду сочувствовала рабочему движению, что, естественно, привело ее в ряды коммунистической партии США. В начале двадцатых годов она стала сотрудничать с ИНО ОГПУ. Находясь на связи с Нью-Йоркской резидентурой, Пойнтц занималась вербовкой студентов и преподавателей Колумбийского университета. Но, разочаровавшись в коммунистических идеях, она решила в начале 1937 года порвать с советской разведкой. Третьего июня 1937 года она покинула свою комнату в доме «Ассоциации женщин» на Манхэттене, и больше ее никто не видел. По одной версии, ее заманил в ловушку бывший любовник, он же сотрудник НКВД Шахно Эпштейн, и она была убита сотрудниками мобильной группы Отдела специальных операций НКВД. По другой версии, она была вывезена на советском судне из Нью-Йорка в Ленинград. Летом 1937 года произошло событие, известие о котором мгновенно облетело весь мир. Семнадцатого июля отказался вернуться в СССР нелегальный резидент ИНО НКВД Игнатий Станиславович Порецкий.

Настоящее имя этого человека — Натан Маркович Рейсс. Он родился 1 января 1899 года в галицийском городке Подволочиск на границе России и Австро-Венгрии в мелкобуржуазной еврейской семье. Во время учебы в Львовской гимназии он увлекся идеями социализма, а после поступления на юридический факультет Венского университета окончательно связал свою судьбу с коммунистическим движением.

Вступив в 1919 году в Коммунистическую рабочую партию Польши, Рейсс становится связником между Юго-Восточным бюро Исполнительного комитета Коминтерна и Коммунистической партией Восточной Галиции. В 1920 году он нелегально работает в Польше, ведя цитацию среди польских солдат, и организовывает

диверсии против польских войск. Вскоре он был арестован и осужден на пять лет тюремного заключения.

В 1921 году, после освобождения под залог, он прибывает в Москву, где вместе со своим другом детства Кривицким (более подробно о нем будет рассказано ниже) наминает сотрудничать с Разведуправлением РККА. В 1921 году его направляют в Польшу, а в 1923 году перекают в Берлин для подготовки вооруженного восстания германских коммунистов. В Берлине Рейсс взаимодействует с военным аппаратом КПГ, точнее, с его «советско-инструкторской» частью. После неудачной попытки коммунистов захватить власть в 1925 году Рейсса переводят в венскую резидентуру ГРУ под начало резидента А В Емельянова. В Вене Рейсс принимал участие в ряде операций, связанных с локализацией провалов. Так, например, он был явно замешан в убийстве Ярославского, о котором уже говорилось.

Деятельность Рейсса в Германии и Австрии была высоко оценена руководством ГРУ. Прибыв в 1927 году в Москву, он был повышен в звании и получил крайне редкий в те времена для разведчиков орден Красного и имени. Тогда же он стал членом ВКП(б).

Через некоторое время Рейсса снова направляют в зарубежную командировку. Проведя несколько месяцев в Чехословакии, где он легендируется, налаживает работу военного аппарата КП Чехословакии и внедряет группы информаторов в военные предприятия, Рейсс отправляется в Голландию, на смену нелегальному резиденту ГРУ Максиму Максиму (Фридману). Работа в Голландии была чрезвычайно важна, так как именно эта страна служила основным форпостом СССР для ведения разведывательных операций против Великобритании после разрыва дипломатических отношений с ней в 1927 году. Самым большим успехом Рейсса в это время

было привлечение к сотрудничеству местного коммуниста Хана Пика, ставшего одним из лучших агентов-вербовщиков. Именно Пик завербовал в 1935 году капитана Джона Герберта Кинга, служившего в английском МИД шифровальщиком.

В конце 1929 года Рейсс возвращается в Москву и некоторое время работает начальником архивного отдела ГРУ. Возможно также, что одновременно он преподавал в Военной школе, где обучались польские коммунисты. Как один из наиболее профессиональных разведчиков, Рейсс в 1931 году в числе большой группы военных разведчиков переходит на работу из ГРУ в ИНО ОГПУ. Туда же переходит и Вальтер Кривицкий. Это было обусловлено усилением роли ОГПУ в системе советской разведки, а также постоянной нехваткой там высококвалифицированных кадров.

В том же 1931 году Рейсс выехал в свою последнюю заграничную командировку с паспортом гражданина Чехословакии Германа Эберхарда, коммерсанта. Сначала он обосновался в Берлине, а после прихода к власти Гитлера перебрался в Париж, где вместе с другими нелегалами (Б. Базаровым, Ф. Парпаровым, В. Зарубиным, Т. Мал-ли) занимался сбором информации о планах фашистской Германии. У него имелись информаторы и в Генштабе, и в спецслужбах, и в Имперской канцелярии Третьего рейха, а также в Швейцарии, в Лиге Наций. В конце 1936 года Рейссу стало известно о начавшихся по указанию И.В. Сталина переговорах между торговым представителем СССР в Германии Д. Канделаки и имперским советником по экономике Я. Шахтом. В январе 1937 года к Рейссу поступила информация о том, что на переговорах вырабатывается проект советско-германского соглашения. Не было для него секретом и то, что в Москве идут аресты старых большевиков и членов зарубежных компартий, что новое руководство НКВД во

главе с Н.И. Ежовым перетряхивает кадры старого ОГПУ, что началась чистка зарубежных резидентур. Под различными предлогами резиденты и наиболее информированные сотрудники резидентур отзывались в СССР и бесследно исчезали. Самому Рейссу также неоднократно предписывалось прибыть в Москву «для назначения резидентом в США». В феврале 1937 года вернувшаяся из поездки в СССР его жена Элизабет сообщила о советах друзей ни в коем случае не возвращаться в Москву. Рейсс понял, что его разрыв со сталинским режимом становится неизбежным.

В мае 1937 года, после возвращения из Москвы В. Кривицкого, отозванного туда в начале года, Рейсс принял окончательное решение. Семнадцатого июля 1937 года через жену своего связного Лидию Грозовскую Рейсс передал пакет для отправки в СССР. В пакете находилось удостоверение члена Польской коммунистической партии, орден Красного Знамени и письмо в ЦК ВКП(б) следующего содержания:

«Это письмо, которое я пишу вам сейчас, я должен был бы написать гораздо раньше, в тот день, когда «шестнадцать» были расстреляны в подвалах Лубянки по приказу «отца народов».

Тогда я промолчал. Я также не поднял голоса в знак протеста во время последующих убийств, и это молчание возлагает на меня тяжкую ответственность. Моя вина велика, но я постараюсь исправить ее, исправить тем, что облегчу совесть.

До сих пор я шел вместе с вами. Больше я не сделаю ни одного шага рядом. Наши дороги расходятся! Тот, кто сегодня молчит, становится сообщником Сталина и предаёт дело рабочего класса и социализма!

Я сражаюсь за социализм с двадцатилетнего возраста. Сейчас, находясь на пороге сорока, я не желаю больше жить милостями таких, как Ежов. За моей спиной шестнадцать лет подпольной деятельности. Это немало, но у меня еще достаточно сил, чтобы все начать сначала. Потому что придется именно «все начать сначала», спасти социализм. Борьба завязалась уже давно. Я хочу занять в ней свое место.

Шумиха, поднятая вокруг летчиков над Северным полюсом, направлена на заглушение криков и стонов пытаемых жертв на Лубянке, Свободной, в Минске, Киеве, Ленинграде, Тифлисе. Эти усилия тщетны. Слово правды сильнее, чем шум самых мощных моторов.

Да, рекордсмены авиации затронут сердца старых американских леди и молодежи обоих континентов, опьяненной спортом, это гораздо легче, чем завоевать симпатии общественного мнения и взволновать сознание мира! Но пусть на этот счет не обманываются: правда проложит себе дорогу, день правды ближе, гораздо ближе, чем думают господа из Кремля. Близок день, когда интернациональный социализм осудит преступления, совершенные за последние десять лет. Ничто не будет забыто, ничто не будет прощено. История сурова: «гениальный вождь, отец народов, солнце социализма» ответит за свои поступки: поражение китайской революции, красный плебисцит, поражение немецкого пролетариата, социал-фашизм и Народный фронт, откровения с мистером Говардом, нежное заигрывание с Лавалем; одно гениальнее другого!

Этот процесс будет открытым для публики, со свидетелями, со множеством свидетелей, живых или мертвых: они все еще раз будут говорить, но на этот раз скажут правду, всю правду. Эти невинно убиенные и оклеветанные, и рабочее интернациональное движение реабилитирует их всех, этих Каменевых и Мрачковских, этих Смирновых и Мураловых, этих Дробнис и Серебряковых, этих Мдивани и Окуджав, Раковских и Андресов Нин, всех этих шпионов и провокаторов, агентов гестапо и саботажников!

Чтобы Советский Союз и все рабочее интернациональное движение не пали окончательно под ударами открытой контрреволюции и фашизма, рабочее движение должно избавиться от Сталиных и сталинизма. Эта смесь худшего из оппортунистических движений — оппортунизма без принципов, крови и лжи — угрожает отравить весь мир и уничтожить остатки рабочего движения.

Беспощадную борьбу сталинизму!

Нет — Народному фронту, да — классовой борьбе! нет — комитетам, да — вмешательству пролетариата, чтобы спасти испанскую революцию. Такие задачи стоят на повестке дня!

Долой ложь о «социализме в отдельно взятой стране»! Вернемся к интернационализму Ленина!

Ни II, ни III Интернационалы не способны выполнить эту историческую миссию: раздробленные и коррумпированные, они могут лишь помешать рабочему классу, они лишь помощники буржуазной полиции. Ирония судьбы: когда-то буржуазия выдвигала из своих

рядов Кавеньяков и Галифе, Треповых и Врангелей. Сегодня именно под «славным» руководством обоих Интернационалов пролетарии сами играют роль палачей собственных товарищей. Буржуазия может спокойно заниматься своими делами; повсюду царят «спокойствие и порядок»; есть еще Носке и Ежовы, Негрины и Диасы. Сталин их вождь, Фейхтвангер их Гомер!

Нет, я не могу больше. Я снова возвращаюсь к свободе. Я возвращаюсь к Ленину, к его учению и его деятельности.

Я собираюсь посвятить мои скромные силы делу Ленина: я хочу сражаться, потому что наша победа — победа пролетарской революции — освободит человечество от капитализма, а Советский Союз от сталинизма.

Вперед, к новым битвам за социализм и пролетарскую революцию! За создание IV Интернационала!

Людвиг. 17 июля 1937 года.

P.S. В 1928 году я был награжден орденом Красного Знамени за заслуги перед пролетарской революцией. Я возвращаю вам прилагаемый к письму орден. Было бы противно моему достоинству носить его в то время, как его носят палачи лучших представителей русского рабочего класса. («Известия» опубликовали в последние две недели списки недавно награжденных, о заслугах которых стыдливо умолчали: это были исполнители казней.)».

Отправляя пакет, Рейсс полагал, что его вскроют только в Москве. Однако письмо прочитали еще в Париже, и вскоре во Францию прибыл заместитель начальника ИНО С. Шпигельглас с группой сотрудников Отдела специальных операций при ИНО ГУГБ НКВД, в обязанности которых входило устранение за границей тех, кому вынесен смертный приговор.

Первая попытка захватить или ликвидировать Рейсса не удалась. Для этой цели Шпигельглас вызвал из Голландии Кривицкого, назначив ему встречу на парижской выставке в Весенне. Однако, ознакомившись с письмом Рейсса, Кривицкий сумел предупредить своего друга о грозившей ему опасности, и Рейсс скрылся в Швейцарии. Тогда Шпигельглас подключил к поискам Рейсса нелегальных сотрудников и агентов ИНО во Франции, работавших под прикрытием белоэмигрантской организации «Союз возвращение на Родину». Поисками Рейсса занимались Сергей Эфрон (муж Марины Цветаевой), Николай Клепинин, Вадим Кондратьев, Вера Гучкова-Трайл. Выследили Рейсса с помощью Ренаты Штайнер, уроженки Швейцарии, агента НКВД с 1936 года, следившей за сыном Троцкого Л. Седовым.

Заманила же Рейсса в ловушку, устроенную Шпигельгласом, Гертруда Шильдбах, еврейка-коммунистка, бежавшая от нацистского режима, друг семьи Рейсса, им же привлеченная к работе на советскую разведку. Шильдбах написала Рейссу письмо, сообщив, что ей срочно нужен его совет. Она встретила с Рейссом и его женой в кафе в Лозанне. Правда, Шильдбах не нашла в себе сил до конца следовать инструкциям Шпигельгласа и не передала Элизабет коробку шоколадных конфет, отравленных стрихнином, которую потом обнаружила швейцарская полиция. Четвертого сентября 1937 года она сумела заманить Рейсса на глухую дорожку в парке, где его в

упор расстреляли сотрудники НКВД Франсуа Росси (он же Ролланд Аббиа) и Шарль Мартиньи. В последний момент Рейсс, вероятно, понял, что его заманивают в ловушку. Когда полиция нашла его тело, в кулаке у него был зажат клочок седых волос Шильдбах. Такова официальная версия. Другую высказывает в своей книге «Разведка и Кремль» П.А. Судоплатов:

«Рейсс вел довольно беспорядочный образ жизни, и агентурная сеть Шпигельгласа в Париже весьма скоро его засекла. Ликвидация была выполнена двумя агентами: болгаринем (нашим нелегалом) Борисом Афанасьевым и его зятем Виктором Правдиным. Они обнаружили его в Швейцарии и подвели к нему за столик в маленьком ресторанчике в пригороде Лозанны. Рейсс с удовольствием выпивал с двумя болгаринами, прикинувшимися бизнесменами. Афанасьев и Правдин имитировали ссору с Рейссом, вытолкнув его из ресторана и запихнув в машину, увезли. В трех милях от этого места они расстреляли Рейсса, оставив труп лежать на обочине дороги».

Эти разночтения легко устраняются, если предположить, что Роланд Росси и Виктор Правдин, а также Шарль Мартиньи и Борис Афанасьев — одни и те же лица.^[7] Биографии Росси и Правдина совпадают до мелочей, а у Афанасьева и Мартиньи разнятся. Здесь возможны несколько версий: либо кадровый сотрудник НКВД Афанасьев работал во Франции под фамилией Мартиньи и с соответствующей легендой, либо Мартиньи не принимал участия в убийстве Рейсса, но скрылся в СССР.

Десятого ноября 1937 года начальник ИНО ГУГБ НКВД Слуцкий представил Ежову рапорт с

ходатайством о награждении сотрудников разведки, успешно выполнивших задание по делу Раймонда (И. Рейсса) и Деда (главы РОВСа генерала Е.К. Миллера, похищенного в Париже и вывезенного пароходом «Мария Ульянова», отплывшим из Гавра 22 сентября 1937 года). Предполагалось наградить: орденом Ленина Шпигельгласа С.М., орденом Красного Знамени Правдина В.С., Григорьева М.В., Косенко Н.Г., Гражуля В.С., Афанасьева Б.М., Долгорукова А.Л. и орденом Красной Звезды Арсеньеву М.С. Ежов собственноручно вписал в проект указа фамилии Судоплатова и Зарубина с предложением наградить их орденом Красного Знамени, и 13 ноября 1937 года вышел указ ВЦИК (без публикации в печати) о награждении вышеназванных чекистов «За самоотверженное и успешное выполнение специальных заданий Правительства СССР».

В Лозанне после обнаружения трупа Рейсса швейцарская полиция начала расследование по факту убийства. Сотрудники полиции не приняли во внимание подброшенное НКВД анонимное письмо, в котором сообщалось, что убитый занимался международной контрабандой оружия. После допроса Штайнер была установлена личность террористов и определены мотивы преступления — политическое убийство. К делу подключилась французская криминальная полиция, и расследование приняло другой оборот.

Двадцать второго ноября 1937 года комиссар криминальной полиции дирекции национальной безопасности Папэн Робэр произвел обыск в доме № 65 по улице Потэн в Париже, где проживали бывший белый офицер Сергей Эфрон и его жена Марина Цветаева, известная русская поэтесса. Документы, изъятые при обыске, неоспоримо свидетельствовали о том, что хозяин квартиры сотрудничал со спецслужбами СССР. Были также получены неопровержимые аналогичные доказательства по поводу эмигранта Вадима

Кондратьева, работавшего разносчиком хлеба, таксистом, помощником наборщика и вдруг разбогатевшего. По представлению официальных швейцарских органов в Париже арестовали Лидию Грозовскую, сотрудницу советского посольства во Франции, через которую Рейсс отправил свое последнее письмо. Тогда же был арестован и некий Пьер Дюкоме, осуществлявший вместе со Штайнер слежку за Рейссом. Он провел двенадцать месяцев в предварительном заключении за «добровольное соучастие в преступлении». Итогом работы следствия был разгром «Союза возвращение на Родину».

Но организаторам убийства удалось скрыться. Судьба их сложилась по-разному. Сергей Михайлович Шпигельглас вернулся в Москву после похищения в Париже генерала Миллера и был отмечен руководством НКВД. Однако уже в 1939 году он был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Германии и расстрелян.

С. Эфрон, Н. Клепинин и В. Кондратьев бежали после убийства Рейсса в Испанию, откуда позже выехали в СССР. Вскоре по прибытии в Советский Союз Кондратьев умер от туберкулеза, а Эфрон и Клепинин были арестованы и расстреляны как шпионы. И все же самая главная загадка в деле Рейсса состоит в том, что именно от него так быстро поспешили избавиться. Ведь были и другие перебежчики, грозившие выступить с разоблачениями советского режима, и очень многие из них умерли своей смертью. И потом, если в ходе ликвидации неугодного лица вскрывался след НКВД, операция считалась проваленной, а тут за проваленную операцию, вызвавшую шумную антисоветскую кампанию в зарубежной прессе и приведшую к арестам целого ряда агентов, были розданы ордена. По мнению историка-архивиста Никиты Петрова столь поспешное убийство Рейсса связано с тем, что он знал о тайных

переговорах бывшего секретаря ВЦИК Енукидзе с немцами: в 1929 году с министром иностранных дел Штреземаном, в 1932 году — с военным министром Шляйхером и, наконец, в 1934 году — с заместителем Гитлера по партии — Гессом. Если верить дневниковым записям Литвинова, изданным на Западе в пятидесятые годы, Сталин как-то на заседании Политбюро спросил Литвинова, знают ли иностранцы о тайных переговорах с немцами. Он требовал предотвратить любую утечку информации. Узнав, что материалы о переговорах были у Рейсса, Сталин кричал Ежову: «Убейте его, или я убью того, кто не выполняет мои приказы». Разумеется, выжить после этого Рейсс не мог.

В 1990 году история Рейсса получила неожиданное продолжение. В Комиссию по реабилитации Прокуратуры СССР обратился швейцарский историк Питер Хубер. Он поднял вопрос о восстановлении в судебном порядке честного имени И. Рейсса (Порецкого). Прокуратура СССР ответила лишь год спустя. В официальном письме говорилось, что Порецкий Игнатий Станиславович, 1899 года рождения, находился в служебной командировке за границей. В 1937 году он отказался вернуться в СССР, похитив при этом крупную сумму денег и совершенно секретные документы. Официально уголовное дело против него не возбуждалось, поэтому нет оснований ставить вопрос о его реабилитации в судебном порядке.

В октябре 1937 года вслед за Рейссом объявил себя невозвращенцем его близкий друг — нелегальный резидент ИНО НКВД в Гааге Вальтер Германович Кривицкий. Его настоящие имя и фамилия Самуил Гершевич Гинзберг. Он родился 28 июня 1899 года в городе Подволочиске в семье служащего и был одним из близких друзей Рейсса как в молодости, так в последующие годы. Он окончил львовскую гимназию, а потом Венский университет, где и приобщился к

революционной деятельности. В 1919 году он вступает в Коммунистическую рабочую партию Польши и начинает вести активную нелегальную работу по линии Коминтерна в Австрии и Польше, принимает деятельное участие в советско-польской войне 1920 года, организуя в тылах польской армии диверсии, забастовки и акты саботажа. В 1921 году он становится штатным сотрудником Разведуправления Красной Армии, проходит обучение на специальных курсах и во время событий 1923 года в Германии, известных как «германский Октябрь», направляется в эту страну. Он работает в Руре, в то время оккупированном Францией, в Силезии, ставшей ареной германо-польского противостояния, в Саксонии, где находилось центральное руководство готовившегося коммунистического переворота.

В 1925 году, после реорганизации всех советских легальных и нелегальных спецслужб в Германии, Кривицкий возвращается в Москву. По возвращении он женится на Антонине Семеновне Порфирьевой, родившейся 18 февраля 1902 года в семье путиловского рабочего. В июне 1926 года Кривицкого вновь направляют за рубеж на нелегальную работу. Он действует на территории Германии, Франции и Италии, а в 1929 году назначается нелегальным резидентом в Гааге (Голландия). Судя по всему, его работа была весьма успешной. В 1928 году его награждают именным оружием с надписью: «Стойкому защитнику пролетарской революции от Реввоенсовета Советского Союза», а в феврале 1931 года за образцовое выполнение правительственных заданий награждают орденом Боевого Красного Знамени.

В 1931 году Кривицкого вместе с Рейссом в числе большой группы военных разведчиков переводят в ИНО ОГПУ. В 1934 году его назначают заместителем директора Института военной промышленности, а в

октябре 1935 года капитана госбезопасности Кривицкого направляют нелегальным резидентом в Голландию, где он проявил себя также с лучшей стороны. Весной 1936 года агент, которого курировал Кривицкий, получил доступ к кодовой книге японского посольства в Берлине и к содержащимся в ней шифрам по немецко-японским переговорам между Риббентропом и японским военным атташе генералом Хирочи Осимой. С тех пор переписка Осимы с начальством в Токио проходила через руки Кривицкого, и Москва располагала исчерпывающей информацией по поводу переговоров, закончившихся подписанием 25 ноября 1936 года немецко-японского анти-коминтерновского пакта. За эту операцию Кривицкий был представлен к ордену Ленина.

В декабре 1936 года начальник ИНО НКВД А.А. Слуцкий, прибыв в Гаагу, объявил Кривицкому странный приказ, гласивший:

«Отберите из ваших людей двух человек, способных сыграть роль немецких офицеров. Они должны обладать достаточно представительной внешностью, чтобы сойти за военных атташе, должны изъясняться как военные и должны быть исключительно надежными и сильными. Отправьте их ко мне в срочном порядке. Это чрезвычайно важно».

Кривицкий выполнил приказ, но смысл его стал понятен ему позднее, когда он узнал о похищении в Париже главы РОВСа генерала Миллера. Тогда же, в декабре 1936 года, он получил информацию о начавшихся по инициативе Сталина переговорах между главой советской торговой миссии в Берлине Д. Канделаки и Я. Шахтом, в ходе которых прощупывалась почва для заключения советско-германского

политического договора. Кривицкий получил приказ из Москвы заморозить на время переговоров деятельность своей агентуры в Германии. В то время Гитлер не проявил интереса к переговорам. Однако, когда в марте 1937 года Кривицкий был вызван в СССР, он узнал от нелегального резидента ИНО НКВД в Германии В.М. Зарубина, сопровождавшего Канделаки в Москву для доклада Сталину, что Канделаки дал оптимистическую оценку перспектив соглашения с Гитлером.

Находясь в Москве, Кривицкий не меньше, чем переговорами с фашистской Германией, был потрясен ширящимися процессами против старых большевиков и арестами среди сотрудников НКВД и ГРУ, сам при этом ожидая ареста со дня на день. На его глазах арестовывают бывших коллег, в том числе Макса Максимова и Софью Залесскую. Еще ранее, в ноябре 1936 года, были арестованы бывшие руководители нелегального военного аппарата компартии Германии, с которыми Кривицкий был тесно связан с начала двадцатых годов. Восемнадцатого марта 1937 года он присутствовал на собрании офицеров в клубе НКВД, когда Н. Ежов объявил о раскрытии очередного масштабного контрреволюционного заговора. Ежов заявил, что заговорщики проникли в самое сердце НКВД, а главным предателем оказался сам Г.Г. Ягода. Якобы работая в свое время на царскую охранку, Г. Ягода был завербован немецкой секретной службой и внедрен в ВЧК. К тому моменту, когда он был освобожден от занимаемой должности, ему удалось поставить шпионов на все ключевые посты в НКВД. Некоторые из них, по словам Ежова, уже были арестованы. Присутствующие громко аплодировали при этом, хотя большинство из них знало, что все сказанное здесь было неправдой. По словам Кривицкого, они выражали аплодисментами свою преданность.

Однако в конце мая 1937 года Кривицкого вновь отправляют в Гаагу. Там он встречается со своим другом Рейссом, который после доверительного разговора с ним принимает окончательное решение порвать со сталинским режимом и остаться на Западе. Сам Кривицкий еще колеблется, но вскоре его колебаниям придет конец.

В июле 1937 года, сразу после принятия Рейссом решения о невозвращении в СССР, Кривицкого вызвал в Париж заместитель начальника ИНО НКВД С. Шпигельглас. Встретившись с Кривицким в ресторане на бульваре Монпарнас, Шпигельглас сообщил ему, что прибыл сюда с миссией чрезвычайной важности. Поделившись московскими новостями и рассказав о деле Тухачевского («Мы только что раскрыли гигантский заговор в армии, такой заговор, какого не знала история. Мы только что узнали о планах убить самого Николая Ивановича [Ежова]! Но мы взяли их всех, сейчас мы все держим под контролем»), Шпигельглас сообщил Кривицкому, что И. Рейсс — предатель и подлежит ликвидации и что Кривицкий должен оказать необходимую помощь оперативной группе Отдела специальных операций, прибывшей из Москвы. И что он, Кривицкий, также должен передать в распоряжение Шпигельгласа двух человек, отобранных по приказу Слуцкого.

Кривицкий не мог не выполнить приказа Шпигельгласа, но ему удалось предупредить Рейсса о грозящей ему опасности, и тот успел скрыться. Правда, это не спасло Рейсса. Пятого сентября 1937 года Кривицкий узнал из газет, что тело Рейсса, изрешеченное пулями, было найдено в Швейцарии недалеко от Лозанны. А спустя чуть больше двух недель, 22 сентября, он узнал о похищении в Париже генерала Миллера.

Так как Кривицкий был тесно связан с Рейссом, он имел все основания опасаться за свою судьбу. После получения очередного вызова в Москву он решает по примеру Рейсса стать невозвращенцем. В октябре 1937 года он из Гааги переезжает в Париж и через адвокатов вдовы Рейсса устанавливает связь с сыном Троцкого, Львом Седовым, издававшим там «Бюллетень оппозиции». Пятого декабря Кривицкий передает Седову текст открытого письма для публикации в рабочей печати, где заявляет о своем разрыве с советской разведкой:

«18 лет я преданно служил Коммунистической партии и Советской власти в твердой, уверенности, что служу делу Октябрьской революции, делу рабочего класса. Член ВКП с 1919 года, ответственный военно-политический работник Красной Армии в течение многих лет, затем директор Института военной промышленности, я в течение многих последних лет выполнял специальные миссии Советского правительства за границей. Руководящие партийные и советские органы постоянно оказывали мне полное доверие; я был дважды награжден (орденом Красного Знамени и личным оружием).

В последние годы я с возрастающей тревогой следил за политикой Советского правительства, но подчинял свои сомнения и разногласия необходимости защищать интересы Советского Союза и социализма, которым служила моя работа. Но развернувшиеся события убедили меня в том, что политика сталинского правительства все больше расходится с интересами не только Советского

Союза, но и мирового рабочего движения вообще.

Через московские публичные — и еще больше тайные — процессы прошли в качестве «шпионов» и «агентов гестапо» самые выдающиеся представители старой партийной гвардии: Зиновьев, Каменев, И.Н. Смирнов, Бухарин, Рыков, Раковский и другие, лучшие экономисты и ученые Пятаков, Смилга, Пашуканис и тысячи других — перечислить их здесь нет никакой возможности. Не только старики, все лучшее, что имел Советский Союз среди октябрьского и послеоктябрьского поколений, — те, кто в огне Гражданской войны, в голоде и холоде строили Советскую власть, подвергнуты сейчас кровавой расправе. Сталин не остановился даже перед тем, чтобы обезглавить Красную Армию. Он казнил ее лучших полководцев, ее наиболее талантливых вождей: Тухачевского, Якира, Уборевича, Гамарника. Он лживо обвинил их — как и все другие свои жертвы — в измене. В действительности же именно сталинская политика подрывает мощь Советского Союза, его обороноспособность, советскую экономику и науку, все отрасли советского строительства.

При помощи методов, кажущихся невероятными на Западе, — которые еще станут известны (например, на допросе Смирнова и Мрачковского), Сталин — Ежов вымогают у своих жертв «признания» и инсценируют позорные процессы.

Каждый новый процесс, каждая новая расправа все глубже подрывает мою веру. У меня достаточно данных, чтобы знать, как строились эти процессы и понимать, что

погибают невинные. Но я долго стремился подавить в себе чувство отвращения и негодования, убедить себя в том, что, несмотря на это, нельзя покидать доверенную мне ответственную работу. Огромные усилия понадобились мне — я должен это признать, — чтобы решиться на разрыв с Москвой и остаться за границей.

Оставаясь за границей, я надеюсь получить возможность помочь реабилитации тех десятков тысяч мнимых «шпионов» и «агентов гестапо», действительно преданных борцов рабочего класса, которые арестовываются, ссылаются, убиваются, расстреливаются нынешними хозяевами режима, который эти борцы создали под руководством Ленина и продолжали укреплять после его смерти.

Я знаю — я имею тому доказательства, — что голова моя оценена. Знаю, что Ежов и его помощники не остановятся ни перед чем, чтоб убить меня и тем самым заставить замолчать; что десятки на все готовых людей Ежова рыщут с этой целью по моим следам.

Я считаю своим долгом революционера довести обо всем этом до сведения мировой рабочей общественности.

5 декабря 1937 г. В. Кривицкий (ВАЛЬТЕР)».

Узнав об измене Кривицкого, Ежов немедленно направил во Францию оперативную группу Отдела специальных операций, и Кривицкий не прожил бы и месяца, если бы не решительная акция французского правительства, которое предоставило ему вооруженную охрану. В МИД Франции был вызван советский поверенный в делах Гиршфельд. Его попросили довести

до сведения Советского правительства, что французская общественность так возмущена только что совершенным похищением бывшего царского генерала Миллера, что в случае повторения советскими агентами аналогичных действий — похищения или убийства на французской территории неугодных СССР лиц — правительство Франции окажется вынужденным порвать дипломатические отношения с Советским Союзом. Впрочем, это не помешало Кривицкому позже утверждать, что на его жизнь во Франции было совершено два покушения.

В ноябре 1937 года Кривицкий был представлен сыну Л. Троцкого Льву Седову. Впоследствии он так писал об этой встрече:

«Когда я встретился с Седовым, я откровенно сказал ему, что пришел не для того, чтобы присоединиться к троцкистам, а скорее за советом и из чувства товарищества. Он принял меня сердечно. Впоследствии мы встречались почти ежедневно. Я научился восхищаться сыном Льва Троцкого как личностью. Никогда не забуду бескорыстной помощи и поддержки, которую он оказал мне в те дни, когда за мной охотились сталинские агенты. Он был еще очень молод, но при этом исключительно одарен — обаятельный, знающий, деятельный. На суде в Москве, когда его обвиняли в измене, было сказано, что он получал крупные суммы от Гитлера и от японского императора. Я же обнаружил, что Седов живет жизнью революционера, весь день работая на дело оппозиции, нуждаясь в более качественном питании и одежде».

В марте 1938 года, когда в Москве проходил процесс по делу Бухарина и Рыкова, к Кривицкому обратился Борис Суварин, являвшийся в начале двадцатых годов одним из лидеров французской компартии, к тому времени порвавший с коммунистическим движением, а затем и Гастон Бержере, депутат французского парламента. Выполняя их просьбу, Кривицкий прокомментировал события, происходившие в СССР. Ряд его статей по этому вопросу был опубликован в меньшевистской газете «Социалистический вестник».

В 1938 году Кривицкий переезжает в США и в апреле 1939 года в журнале «Сатердей ивнинг пост» публикует серию статей, в которых среди прочего рассказывает о проходивших в 1936 году тайных советско-германских переговорах. После заключения в августе советско-германского пакта о ненападении он становится признанным специалистом по советской политике, к мнению которого прислушиваются. Это обстоятельство дает ему возможность в короткий срок издать книгу «Я был агентом Сталина», позже переведенную на многие языки мира.

После произведенных Кривицким разоблачений на него обратили внимание английские спецслужбы. Он был вызван в Англию и в своих показаниях, данных следователю Джейн Арчер, раскрыл более ста имен. В числе прочего он сообщил, что у НКВД есть источник — молодой англичанин, работающий в Испании в качестве журналиста. Речь, очевидно, шла о К. Филби, но Кривицкий к своему краткому заявлению не смог ничего добавить, а у английской службы безопасности были в то время другие, более важные дела, чем проведение расследования по этому весьма неопределенному факту. Впрочем, предвидя подобный поворот событий, советская разведка отозвала или заморозила многих из тех агентов, с которыми Кривицкий в то или иное время

соприкасался в своей работе за рубежом, что, к сожалению, не спасло от разоблачения шифровальщика английского МИД Кинга, с 1935 года работавшего на СССР.

В начале 1941 года Кривицкий получил новый вызов в Лондон. А в понедельник 10 февраля 1941 года Телма Джексон, горничная скромного вашингтонского отеля «Бельвю» в 9.30 утра обнаружила тело Кривицкого на кровати с простреленной головой. Рядом с кроватью весь в крови лежал пистолет, а на столике три прощальные записки следующего содержания:

«Дорогие Таня и Алик!

Мне очень тяжело. Я очень хочу жить, но это невозможно. Я люблю вас, мои единственные. Мне трудно писать, но подумайте обо мне, и вы поймете, что я должен сделать с собой. Таня, не говори сейчас Алику, что случилось с его отцом. Так будет лучше для него. Надеюсь, со временем ты откроешь ему правду...

Прости, тяжело писать. Береги «его, будь ему хорошей матерью, живите дружно, не ссорьтесь... Добрые люди помогут вам — но только не враги! Моя вина очень велика.

Обнимаю вас обоих.

Ваш Валя».

Внизу была приписка:

«Я написал это вчера на ферме Добертова. В Нью-Йорке у меня не было сил писать. В Вашингтоне у меня не было никаких дел. Я приехал к Добертову, потому что нигде больше не мог достать оружие».

Вторая записка была адресована адвокату Кривицкого и написана по-английски:

«Дорогой м-р Валдман, моя жена и сын будут нуждаться в Вашей помощи. Пожалуйста, сделайте для них все, что можете.

Ваш Вальтер Кривицкий.

P.S. Я побывал в Виргинии, т. к. знал, что там я смогу достать пистолет. Если у моих друзей будут неприятности, помогите им, пожалуйста. Они хорошие люди. Зачем мне понадобился пистолет, им неизвестно».

Третья записка, на немецком языке, была обращена к Сюзанне Лафолетт, либеральной писательнице и другу Кривицкого:

«Дорогая Сюзанна,
полагаю, у тебя все в порядке. Умирая, я надеюсь, что ты поможешь Тане и моему бедному мальчику. Ты была верным другом.

Твой Вальтер».

Несмотря на то, что на пистолете не были обнаружены отпечатки пальцев Кривицкого, а вышедшая из головы пуля не найдена, следствие пришло к выводу, что имело место самоубийство. Напротив, большинство западных исследователей считают, что Кривицкий был убит советскими агентами, и при этом называют имена двух его голландских сотрудников — журналиста Г. Брусса и его секретарши Магдалены Иоганны Веркер. Так ли это было на самом деле, можно будет установить после того, как у

историков появится возможность работать с архивами НКВД-КГБ.

Другим высокопоставленным сотрудником советской разведки, бежавшим на Запад в 1937 году, стал А.Г. Бармин.

Александр Григорьевич Графф, более известный под фамилией Бармин, родился 16 августа 1899 года под Киевом. Его отец, учитель-немец, вскоре после рождения сына оставил семью, и молодой Саша воспитывался матерью, украинской крестьянкой. В 1915 году она вышла замуж вторично, после чего Бармин, у которого не сложились отношения с отчимом, был вынужден уйти из дому.

Гражданская война и оккупация Украины немцами круто изменили жизнь Бармина. В 1919 году он вступает в компартию Украины, а вслед за этим записывается добровольцем в Красную Армию. В дальнейшем он принимал участие в деникинской и польской кампаниях, а в октябре 1920 года был рекомендован Реввоенсоветом 16-й армии в Военную академию.

Окончив восточное отделение академии, Бармин в 1921 году был откомандирован в распоряжение Разведупра РККА. Его первая командировка в 1921 году по линии военной разведки была в Бухару, где он одновременно выполнял и задания НКВД. В дальнейшем он успешно работал во многих странах под дипломатическим прикрытием: в 1923–1925 годах — генеральным консулом в Персии, с 1925 по 1931 год — главным директором экспорта из Франции и Италии в системе Наркомвнешторга, в 1932 году — официальным представителем СССР в Бельгии и Польше, а в 1935 году был назначен резидентом Разведупра в Афинах, официально занимая должность поверенного в делах советского посольства. Об успешной деятельности

Бармина на разведывательном поприще говорит тот факт, что его фамилия фигурирует среди семи лучших советских разведчиков в докладе, представленном Сталину начальником ИНО ОГПУ и одновременно заместителем начальника Разведупра РККА А.Х. Артузовым.

Но в 1937 году над ним, как и над многими другими старыми сотрудниками разведки, стали сгущаться тучи. Узнав о бегстве Рейсса, с которым был хорошо знаком, Бармин не стал дожидаться вызова в Москву и допроса о связях с невозвращенцем, и в июле 1937 года покинул свой пост в Греции. Обосновавшись во Франции, он громко заявил о своем несогласии с проводимой в СССР политикой. Первое время он активно сотрудничал с троцкистами и опубликовал книгу под несколько странным названием «Записки советского дипломата».

Но в 1939 году, не желая более рисковать жизнью, Бармин уходит от троцкистов и переезжает в США, где вскоре получает американское гражданство. За океаном он начинает сотрудничать с американскими спецслужбами. В годы Второй мировой войны он находился на службе в военной разведке, а потом в Управлении стратегических служб. После войны Бармин в числе очень немногих перебежчиков сделал успешную карьеру в ЦРУ, а потом возглавлял русский отдел «Голоса Америки». С 1964 по 1972 год он работал в Информационном агентстве США (ЮСИА), где за успешную службу был награжден тремя наградами этого ведомства. Умер Бармин 25 декабря 1987 года.

В отличие от Рейсса, Кривицкого и Бармина, через прессу заявивших о своих политических убеждениях сразу же после побега, нелегальный резидент НКВД в Швейцарии Максим Штейнберг, принявший в конце 1937 года решение не возвращаться в Москву, не афишировал свой выбор. Более того, в письме своему

бывшему начальству, написанном в 1938 году, он заявил, что по-прежнему предан партии и Советской власти, но боится возвращаться в Москву, так как опасается чисток в НКВД. Кроме того, в августе 1939 года через сотрудника НКВД Л. Василевского он помог нелегалу ИНО Н. Эйтингону получить американскую визу для въезда в США, чем немало способствовал успешному проведению операции по убийству Л. Троцкого. Вот что вспоминает по этому поводу П.А. Судоплатов:

«Василевский послал для встречи с ним в Лозанну офицера-связника, нашего нелегала Тахчианова. Его подстраховывал другой нелегал, Алахвердов. Во время встречи Штейнберг готов был застрелить связника, боясь, что это убийца. В конце концов он согласился устроить визу для сирийского еврея: он не узнал Эйтингона на фотографии в паспорте — тот отрастил усы и изменил прическу. Через неделю Штейнберг достал визу, и наш посланец вернулся с ней в Париж».

Но, отказавшись вернуться в СССР в конце тридцатых годов, Штейнберг после смерти Сталина поверил обещанной ему амнистии и вместе с женой Эльзой приехал в Москву. Там он был немедленно арестован по обвинению в государственной измене. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к пятнадцати, а его жену Эльзу — к десяти годам тюремного заключения. При этом в его приговоре фигурировала весьма любопытная формулировка: суд не считает необходимым применить к нему за измену Родине высшую меру наказания в связи с тем, что его действия не нанесли реального ущерба государству и

он возвратил денежные средства, выделенные ему на оперативные цели в 1937 году.

В сентябре 1937 года произошел редчайший случай в истории большого террора, связанный с именем сотрудника НКВД Гуднева.

Гуднев работал в Воронеже референтом по следственному производству областного управления НКВД. В сентябре 1937 года он без доклада начальнику управления НКВД освободил четырех человек, арестованных за подрывную агитацию против ЦК и издание нелегальной литературы. На следующий день он исчез, а вместе с ним и освобожденные им лица. Проведенное расследование установило, что перед своим исчезновением Гуднев уничтожил находившиеся у него в производстве дела по тем статьям УК, которые грозили высшей мерой наказания. Этот случай стал широко известен в Воронеже и сильно взбудоражил население.

Другой подобный случай произошел на Украине в ноябре 1938 года, когда перед своим арестом скрылся в неизвестном направлении нарком внутренних дел Украины комиссар государственной безопасности 3-го ранга А.И. Успенский.

Александр Иванович Успенский родился в 1902 году и был сыном то ли лесничего, то ли священника. После окончания сельской школы он некоторое время работал в тульском частном магазине, а с 1917 года — в Суходольском волисполкоме. После Октябрьской революции Успенский примкнул к большевикам, а в сентябре 1920 года был направлен в органы ВЧК.

Первое время он служил в Тульской губчека, а потом в Тульском губотделе ОГПУ. В 1927 году Успенский был переведен на работу в Полномочное представительство ОГПУ по Уралу, где его назначили начальником экономического отдела ПП ОГПУ. На этом посту

Успенский сумел отличиться в так называемом «Шахтинском деле». Организовал его полномочный представитель ОГПУ по Северному Кавказу Е. Евдокимов, в 1927 году доложивший лично Сталину о том, что в городе Шахты действуют вредители. После этого доклада по прямому указанию Сталина в Шахтах была арестована большая группа старых специалистов, в том числе и иностранных, которых обвинили во вредительской деятельности на предприятиях угольной промышленности и цветной металлургии и создании контрреволюционной организации, действовавшей под руководством так называемого «Парижского центра». Успенский принимал в этом деле активное участие и в 1930 году «за разгром шахтинских вредителей в уральской металлургии, в угольной, медеплавильной и золото-платиновой промышленности» был награжден орденом Красного Знамени. Скорее всего, именно тогда на него и обратил внимание Н. Ежов, работавший в то время заведующим отделом кадров ЦК ВКП(б) и много сделавший для дальнейшего продвижения Успенского вверх.

В 1931 году Успенский был переведен в Москву, где работал в Полномочном представительстве ОГПУ по Московской области, а в июле 1934 года — стал вторым заместителем начальника УНКВД по Московской области. Двадцать девятого ноября 1935 года ему было присвоено специальное звание старшего майора госбезопасности, после чего он был назначен заместителем коменданта Московского Кремля по внутренней охране. Это назначение без протекции Н. Ежова состояться не могло, а значит, будущий нарком НКВД СССР зачислил Успенского в свою команду.

В феврале 1936 года Успенский был направлен в Западно-Сибирский край заместителем начальника краевого УНКВД. Но пробыл там недолго. В октябре 1936 года новым наркомом НКВД СССР становится Ежов,

развернувший по распоряжению Сталина очередной этап «большого террора». Для выполнения указаний Сталина Ежову потребовались люди, способные выполнять деликатные поручения особой важности и не раз доказывавшие свою преданность. Одним из таких людей и был Успенский. Поэтому, когда в марте 1937 года, как «не обеспечивший чекистской работы по области», был снят с должности начальника УНКВД по Оренбургской области Н. Райский, на его место назначили Успенского. Перед назначением на новую должность Успенского принял сам Ежов, дав при встрече следующее напутствие:

«Не считаясь с жертвами, нанести полный оперативный удар по местным кадрам. Да, могут быть и случайности. Но лес рубят — щепки летят. Имей в виду, в практической работе органов НКВД это неизбежно. Главное, что требуется от тебя — это показать эффективность своей работы, хорошие результаты, блеснуть внушительной цифрой арестов».

Указания своего покровителя Успенский принял к безусловному исполнению. В результате за короткое время в Оренбурге было сфальсифицировано несколько громких дел, в том числе и о военизированной белогвардейской организации. И только по этому делу местными органами НКВД было арестовано несколько тысяч человек. Ежов был доволен успехами своего назначенца, и на состоявшемся в июне 1937 года Всесоюзном совещании руководства НКВД поставил его в пример другим. А уже в январе 1938 года Ежов назначает Успенского наркомом внутренних дел Украины.

Прибыв в Киев, Успенский заручается санкцией ЦК ВКП(б) на арест тридцати шести тысяч человек с вынесением им приговора во внесудебном порядке, то есть постановлением тройки при НКВД УССР. Надо ли говорить, что маховик репрессий на Украине после назначения Успенского завертелся в полную силу. Но в июле 1938 года первым заместителем Ежова был назначен Л. Берия. Опытный аппаратчик Ежов прекрасно понял, что его время подходит к концу. Как в свое время он уничтожил всех руководителей НКВД, занимавших свои посты при Г. Ягоде и готовивших первые московские процессы, так и Берия уберет его и его выдвиженцев. В августе 1938 года, когда в Москве собралась вторая сессия Верховного Совета СССР, Ежов пригласил к себе на дачу Успенского и другого своего любимчика — М. Литвина. За обедом, выпив, по обыкновению, немало водки, Ежов сказал своим фаворитам: «Мы свое дело сделали и теперь больше не нужны. От нас будут избавляться как от ненужных свидетелей».

Вернувшись в Киев, Успенский стал лихорадочно искать выход из создавшейся ситуации. Первым делом он решил выяснить возможность нелегального, вместе с семьей, перехода советско-польской границы. Но нелегально перейти границу оказалось невозможно. И тогда Успенский решил спастись в одиночку, затерявшись на бескрайних просторах страны. С этой целью он приказал оперативно-техническому отделу своего наркомата изготовить пять комплектов фиктивных документов. Четыре комплекта он уничтожил, а один, на имя Шмашковича Ивана Лаврентьевича, оставил у себя.

Утром 14 ноября 1938 года Успенскому позвонил Ежов и сказал, что его вызывают в Москву. При этом он добавил: «Плохи твои дела», а в конце разговора заметил: «А в общем, ты сам смотри, как тебе ехать и

куда именно ехать». Успенский сразу же понял, что в Москве его ждет арест, и решил немедленно бежать. В шесть часов вечера он вызвал машину, сообщив секретарю, что собирается съездить домой пообедать и заодно переодеться в штатское, так как вечером у него намечена встреча с агентом в городе. В девять часов вечера он вернулся в свой кабинет и продолжил работу. Наконец, в пять часов утра он покинул здание наркомата, сказав, что хочет прогуляться пешком. Больше его никто из работников наркомата не видел.

Когда на следующий день Успенский не появился на работе, в наркомате поднялся переполох. Позвонивший ему на квартиру секретарь узнал, что Успенский дома так и не появлялся. Было решено вскрыть кабинет наркома. Там на рабочем столе была обнаружена записка: «Ухожу из жизни. Труп ищите на берегу реки». Впавшие в панику подчиненные Успенского немедленно доложили о случившемся Ежову, а сами снарядили поисковую группу, в которую входили водолазы, на берег Днепра. Там, в кустах, была обнаружена одежда наркома, но его тело так и не было найдено.

Интересные воспоминания по поводу исчезновения Успенского оставил Н.С. Хрущев, в то время занимавший пост первого секретаря ЦК компартии Украины. Вот что он пишет:

«Звонит мне Сталин: «Есть показания на наркома внутренних дел Украины Успенского, и они у нас не вызывают сомнений». По телефону мне слышалось, что тот говорит об Усенко, комсомольском работнике. Сталин: «Можете арестовать его сами?» — «Можем, если будет поручено». — «Арестуйте!» Но когда он начал уточнять детали, я понял, что речь идет об Успенском. Не успел я положить трубку, Сталин опять звонит: «Насчет Успенского ничего не

нужно делать. Мы это сами сделаем. Отзовем его в Москву и в пути арестуем». А я собирался ехать в Днепропетровск. Уехал. Успенского же отозвали в Москву. У меня имелось предчувствие, что он не поедет туда, потому что догадывается, что может быть арестован. И, уезжая, я сказал Коротченко, председателю Совнаркома Украины: «Ты позванивай якобы по делам Успенскому, понаблюдай за ним, ведь ты остаешься тут за меня». Утром приехал я в Днепропетровск, а мне туда звонит Берия. Именно Берия, а не Ежов: «Вот, ты там разъезжаешь, а твой Успенский сбежал». — «Как?» — «А вот так, сбежал, и все». Я срочно вернулся в Киев. Действительно, Успенского нигде нет. Потом, когда я опять был в Москве, Сталин сказал мне, что, видимо, Ежов его предупредил: «Ежов подслушал нас, когда я с вами разговаривал, и предупредил Успенского по телефону».

Как видно из воспоминаний Н. Хрущева, отличавшийся подозрительностью Сталин не поверил в самоубийство Успенского. По его личному распоряжению новый парком НКВД СССР Л. Берия (Ежов был снят с должности почти сразу же после исчезновения Успенского), организовал поиски «утопленника». В Москве был создан штаб по руководству поисками, а в областных управлениях НКВД — специальные розыскные группы. Фотографии Успенского были разосланы во все отделения милиции. Была арестована его жена, а за всеми родственниками, особенно за теми, кто проживал в Москве, было установлено постоянное наблюдение. В результате один из двоюродных братьев Успенского, работавший

на железной дороге в Ногинске, обнаружив слежку и решив, что его скоро арестуют, покончил с собой.

Что касается Успенского, то он, оставив одежду на берегу Днепра, отправился на вокзал, где жена вручила ему купленный для него билет до Воронежа. Но до Воронежа он не доехал, а сошел с поезда в Курске, рассчитывая таким образом сбить преследователей со следа. Пробыв в Курске несколько дней, он отправился в Архангельск, надеясь устроиться там на работу. Но это ему не удалось, и он поехал в Калугу, а оттуда — в Москву, в надежде разыскать верных друзей, у которых можно затаиться. В Москве Успенский через справочное бюро узнал адрес некой М. Матсон, в прошлом его хорошей знакомой, и направился к ней. Но она приютить его не могла, поскольку сама, как жена репрессированного, жила в г. Москве у чужих людей. Успенский уезжает в Тулу.

Впрочем, Матсон не бросила Успенского в беде. Когда в скором времени она получила в Наркомздраве назначение на работу в Муром заведующей родильным домом, то дала ему знать, что некоторое время он может пожить у нее. Успенский немедленно приезжает в Муром и поселяется у Матсон, которая выдает его за мужа, литературного деятеля, работающего на дому. У Матсон Успенский прожил до марта 1939 года, когда ее перевели на работу в Москву. Но за время работы в городской больно не она успела сделать для него фиктивную справку на подлинных бланках о том, что Шмашкович И.Л., заместитель директора школы по хозяйственной части, с 18 января по 19 марта 1939 года находился на лечении в Муромской больнице. С этой справкой Успенский отправляется на восток страны, надеясь обосноваться там. Побывав в Казани, Арзамасе и Свердловске, он едет в Челябинск в надежде устроиться на Миасских золотых приисках.

Тем временем в Москве на очередном допросе жены Успенского выяснилось, что она видела у него паспорт на имя Шмашковича. Немедленно все органы НКВД были оповещены, что объявленный в розыск Успенский может пользоваться документами на это имя. В результате розыскная группа Свердловского УНКВД 14 апреля 1939 года обнаружила в камере хранения на станции Миасс квитанцию на имя Шмашковича И.Л. Камера хранения немедленно была взята под усиленное наблюдение, и 16 апреля при попытке получить свои вещи Успенский был арестован.

Доставленный в Москву Успенский признался в том, что пытался скрыться, спасая свою жизнь. Впрочем, признался он и не только в этом. В итоге решением Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 января 1940 года Успенский А.И. «за участие в антисоветском заговоре в органах НКВД и нарушение социалистической законности» был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение на следующий день. Несколько раньше, 21 октября 1939 года, той же коллегией «за активное участие в подготовке и совершении перехода Успенского на нелегальное положение» была приговорена к высшей мере наказания его жена, Успенская А.В. Приговор в отношении ее был приведен в исполнение 27 марта 1940 года.

Между тем проникавшие на Запад слухи о том, что происходило в СССР, отталкивали от сотрудничества с советской разведкой все больше людей, ранее способствовавших ее успешной работе. Одним из них был немец Вильгельм (ВИЛЛИ) Мюнценберг.

Мюнценберг родился в 1889 году. Рабочий-обувщик по профессии, он рано включился в рабочее движение. С 1915 по 1919 год он — секретарь Социалистического интернационала молодежи, еще в Первую мировую

войну придерживался интернационалистских взглядов. С 1919 по 1921 год он — секретарь КИМа, В 1921 году Мюнценберг становится сотрудником созданного при Коминтерне секретного Отдела международных связей, который возглавлял Иосиф Аронович Пятницкий (ТАРШИС). ОМС работал в тесном контакте с ИНО ОГПУ и Разведуправлением РККА и вовлекал в секретную разведывательную работу иностранных коммунистов и сочувствующих, поскольку те охотнее помогали Коминтерну, чем советской разведке. Поэтому очень многие агенты ОГПУ-НКВД в тридцатые годы были уверены, что работают именно на Коминтерн. Помимо вербовки агентуры, ОМС занимался проведением «активных мероприятий» — формированием нужного СССР общественного мнения в зарубежных странах.

Мюнценберг, являвшийся одновременно заместителем председателя Коммунистической партии Германии и депутатом рейхстага с 1924 года, был известен как «гений пропаганды» и отвечал за всю агитационно-пропагандистскую работу КПГ. Особенно он преуспел в области формирования общественного мнения. В 1921 году он создал Международный фонд помощи рабочим (МФПР) со штаб-квартирой в Берлине, известный среди членов Компартии как «Трест Мюнценберга». Трест открывает свои собственные газеты, издательства, книжные клубы, выпускает целый ряд фильмов и театральных постановок. По ряду свидетельств, всего «Трест Мюнценберга» контролировал около двадцати газет и журналов, и, как ни странно, большинство из них приносило доход.

При МФПР были организованы так называемые «клубы невинных» для интеллигенции. После поджога рейхстага 27 февраля 1933 года и развязанной нацистами антикоммунистической «охоты за ведьмами», Мюнценберг перенес свою штаб-квартиру из Берлина в Париж, где в июне 1933 года основал

наиболее влиятельный из всех «клубов для невинных» — «Всемирный комитет помощи жертвам немецкого фашизма». Находясь в Париже, Мюнценберг вместе с Отто Кацем в августе 1933 года написал «Коричневую книгу» о терроре Гитлера и поджоге рейхстага, ставшую библией антифашистов. Побывав после издания «Коричневой книги» в Москве, Мюнценберг получил от ОМС и ИНО добро на создание международного комитета юристов с целью организации ответного процесса «поджигателей» рейхстага. Такой процесс состоялся 13 сентября в Лондоне, и хотя не оправдал полностью ожиданий Мюнценберга, на нем было заявлено, что «существуют серьезные основания для подозрений, что рейхстаг был подожжен ведущими деятелями национал-социалистической партии».

Одним из объектов пристального внимания Мюнценберга был Кембриджский университет. Вместе с нелегалом ИНО НКВД С.Н. Ростовским (более известным как Эрнст Генри) Мюнценберг пропагандировал так называемые «пятерки». Именно эта деятельность послужила предпосылкой для создания знаменитой, так называемой «кембриджской пятерки», куда вошли К. Филби, Г. Берджесс, Д. Маклин, Э. Блант и Дж. Кернкросс.

Своей активной работой Мюнценберг смог добиться большой степени независимости и свободы действий на международной арене, чем любой другой видный деятель Коминтерна. Но после 1936 года это уже не могло нравиться Москве. Мюнценберг понимал это, и когда в 1937 году последовал вызов в СССР, он отказался ехать, а в 1938 году вышел из Компартии. Дальнейшая его судьба сложилась незавидно. С началом войны Германии против Франции он был интернирован и посажен в лагерь. В 1940 году в связи с наступлением немцев французы сняли с лагеря охрану,

и Мюнценберг вместе с еще одним заключенным решил бежать в Швейцарию. Через несколько дней тело Мюнценберга было найдено, он был повешен на дереве в лесу под Греноблем. Лицо его было изуродовано настолько, что версия самоубийства представляется весьма маловероятной.

Более удачно сложилась судьба Гедды Массинг (Гуне). Австрийская подданная, она родилась в 1900 году. Рано увлекшись коммунистическими идеалами, она вступила в компартию Австрии, а в 1920 году, проживая в Германии, вышла замуж за немецкого коммуниста Герхарда Эйслера.^[8] В Германии она, как и многие другие, была завербована ОМС Коминтерна, а в 1931 году, когда она находилась вместе со своим третьим мужем Паулем Массингом^[9] в Москве, ее привлекли к работе на советскую разведку в качестве агента ГРУ. Как работник Коминтерна и ГРУ, она хорошо знала Рихарда Зорге, Игнаца Рейсса, переписывалась с нелегалом ОГПУ Теодором Малли. Сама Массинг работала в начале тридцатых годов в Австрии и Англии. После подготовки в 1935 году в Москве она была командирована в США, где была куратором Ноэля Филда, агента, завербованного Рейссом, и работавшего в госдепартаменте.

В 1937 году, в разгар сталинских репрессий, Массинг вызвали в Москву для дачи показаний по делу Рейсса. Рассчитывая, что ее защитит американский паспорт, она официально приехала в СССР, предупредив об этом большую группу зарубежных журналистов, аккредитованных в Москве. После подробного допроса, продолжавшегося несколько недель, ей явно грозил арест, но она, воспользовавшись приездом в СССР Филда (он в 1937 году работал секретарем комитета по разоружению Лиги Наций в Женеве) пришла к нему в номер гостиницы и, позвонив

в НКВД, потребовала выездной визы, грозя в случае отказа обратиться в американское посольство. Не желая раздувать скандал, НКВД выдал ей визу, и она уехала в США. После завершения Второй мировой войны Массинг окончательно порвала с советской разведкой, из-за чего развелась с Массингом. Позднее она написала книгу под названием «Ложь».

В шестидесятые годы однажды она получила по почте вырезку из газеты с указом о присвоении Зорге звания Героя Советского Союза и короткую записку: «Вы могли бы иметь то же».

Умерла Массинг в 1981 году.

Другим важным агентом, порвавшим отношения с ГРУ в конце тридцатых годов, был гражданин США У. Чемберс.

Уиттакер Чемберс родился 1 апреля 1901 года в Филадельфии в семье журналиста, позднее поселившейся в Нью-Йорке. В 1919 году он окончил среднюю школу и на следующий год поступил в престижный Колумбийский университет. Однако учеба его продолжалась недолго: в 1922 году за сочинение и издание пьесы, которую сочли «антихристианской», он был отчислен из университета.

В 1923 году Чемберс ненадолго уезжает в Европу и посещает Германию, Бельгию и Францию. После возвращения в США он восстанавливается в Колумбийском университете, откуда, однако, вскоре его опять отчислят, на этот раз — за кражу книг из библиотеки. Озлобленный на американский истеблишмент, Чемберс решил свести с ним счеты с помощью мировой революции. В 1925 году он вступает в Компартию США и активно сотрудничает с ее центральным печатным органом — газетой «Дейли Уоркер». Начав свою революционную деятельность

рядовым журналистом, он вскоре становится главным редактором ведущего партийного издания.

В 1931 году Чемберс женился на Эстер Шемиц, тоже члене компартии, которая вовлекла его в работу подпольного аппарата КП США, связанного с советской разведкой. Вскоре он был завербован резидентом Разведупра РККА в США А. Улановским, которому его рекомендовал С. Голдберг, бывший сотрудник аппарата Коминтерна, более известный под именем Дж. Питерс, «серый кардинал» КП США. В 1932 году Чемберсу было приказано прервать все видимые контакты с компартией, дабы не привлекать к себе внимания, а в 1933 году он был отправлен в Москву для подготовки к разведывательной деятельности. По возвращении из Москвы в Вашингтон он стал связным между Улановским и подпольной вашингтонской ячейкой, основанной Гарольдом Уэром, коммунистом, работавшим в министерстве сельского хозяйства и погибшим в 1935 году в автомобильной катастрофе.

Сеть Уэра состояла из сотрудников вашингтонской администрации. В показаниях, данных несколько лет спустя, Чемберс назвал Джона Абта из министерства сельского хозяйства, работавшего впоследствии в администрации по организации общественных работ, в сенатском комитете по труду и образованию и в министерстве юстиции; Натана Уитта из министерства сельского хозяйства, позже работавшего в национальной комиссии по трудовым отношениям, Ли Прессмана из министерства сельского хозяйства, позже также работавшего в администрации по организации общественных работ; Элджера Хисса из министерства сельского хозяйства, потом работавшего в группе по расследованию деятельности военной промышленности специального сенатского комитета, в министерстве юстиции и госдепартаменте; его брата Дональда Хисса из госдепартамента, который затем работал в

министерстве труда; Генри Коллинза из агентства национального возрождения, позже работавшего в министерстве сельского хозяйства; Чарльза Крамера (он же Кривицкий) из национальной комиссии по трудовым отношениям, работавшего впоследствии в управлении по ценам и сенатском подкомитете по военной мобилизации; Виктора Перло из управления по ценам, затем работавшего в комиссии по военному производству и в министерстве финансов.

В 1935 году Э. Хисс при поддержке Чемберса основал параллельную сеть, в которую, кроме него, входили Гарри Уайт из министерства финансов, Дж. Сильверман, работавший в Пентагоне, и Джулиан Уодли, который в 1936 году перешел из министерства сельского хозяйства в отдел торговых отношений госдепартамента. Следует отметить, что члены сети Чемберса были уверены, что работают на Коминтерн, и поэтому сотрудничали исключительно на идейной основе. Вот как писал об этом в своей книге Д. Уодли:

«Когда стало ясно, что Коммунистический Интернационал стал единственной силой в мире, успешно противостоящей нацистской Германии и другим агрессорам, я предложил свои услуги советскому подполью в Вашингтоне как свой маленький вклад в борьбу с натиском фашизма».

В 1936 году в Вашингтон прибыл новый резидент ГРУ Борис Буков^[10] (ПИТЕР), который принял у Улановского руководство агентурной сетью Чемберса. Он ввел новшество в деятельность агентуры — платить всем членам подполья деньги, дабы их работа была максимально эффективной. Когда Чемберс возразил, Буков дал ему тысячу долларов на покупку для четырех самых ценных агентов Хисса, Сильвермана, Уайта и

Уодли бухарских ковров. Каждому было сказано, что ковры — «подарок американским товарищам от русского народа». Свою работу с агентурой Буков строил в соответствии с указаниями Москвы, которую гораздо больше интересовали крупные европейские державы и Япония, чем США. Поэтому Буков задался целью собрать как можно более полные данные по Германии и Японии, в частности по проблемам, касающимся подготовки немцев и японцев к войне против СССР. Так что не было удивительным недовольство Букова деятельностью Уодли, не сумевшего добыть документы госдепартамента по немецкой и японской политике. Правда, несколько позднее Хисс, ставший помощником Френсиса Сейра, помощника госсекретаря, получил доступ к донесениям дипломатов и военных атташе, что весьма обрадовало Букова. С начала 1937 года объем доставляемой Букову информации резко увеличился. Чемберс приносил ему документы пачками каждые десять дней. В их числе была оценка японской политики во время японо-китайской войны, а также телеграмма со ссылкой на неназванных высокопоставленных японских военных о том, что «они смогут вести успешную войну против России, без труда удерживая китайцев на фланге».

Следует отметить, что Чемберс часто нарушал правила конспирации и дисциплину. Так, во время учебы на курсах в Москве в 1933 году он, вопреки инструкциям, слал друзьям в США открытки. В одной из них он давал «советское благословение» новорожденному. Прибыв в 1934 году в США, он стал играть в странные и глупые шпионские игры. Говорил с легким акцентом и, по словам Уодли, он сам и другие агенты не признавали в Чемберсе американца. Кроме того, некоторые знакомые Чемберса знали, что он занимается секретной работой, а однажды он и открыто заявил, что занимается контршпионажем в пользу СССР

против японцев. К своему ведущему агенту Э. Хиссу Чемберс относился как к другу семьи, и даже жил с женой у Хисса дома. Агенты Чемберса также не соблюдали правила конспирации. Они тесно общались друг с другом, ходили вместе в гости, на выставки, играли в теннис. Несмотря на то, что такое поведение было довольно опасным, Буков закрывал глаза на нарушение правил.

Но в 1937 году, по словам самого Чемберса, в его сознании произошел перелом. Он полностью разочаровался в сталинизме и идеях Коминтерна. Когда в июле 1937 года его вызвали в Москву, он, опасаясь расстрела, тянул с отъездом девять месяцев, пока окончательно не порвал с Разведупром в апреле 1938 года. Предательство ведущего связного в США нанесло Разведупру серьезный удар. Москва, во избежание многочисленных провалов, приказала передать агентуру Чемберса на связь резиденту ИНО НКВД в Нью-Йорке Гайку Бадаловичу Овакимяну. Сам же Чемберс, боясь возмездия со стороны Разведупра или НКВД, ушел на некоторое время в подполье. Объявился он в 1939 году уже в качестве автора, а позднее редактора журнала «Тайм», и при этом всем жаловался на свою несчастную судьбу.

После подписания пакта между Германией и СССР и нападения Гитлера на Польшу возмущенный Чемберс 2 сентября 1939 года рассказал свою историю Адольфу А. Берле, помощнику госсекретаря и советнику президента Рузвельта по вопросам внутренней безопасности. После встречи с Чемберсом Берле написал справку «Подпольный шпион», в которой упоминал Э. Хисса, Г. Уайта и других советских агентов, с которыми Чемберс работал в качестве связного. Но Рузвельта справка не заинтересовала, и Берле положил ее под сукно.

Но в 1942 году Чемберс привлек к себе внимание ФБР. Это произошло после того, как бывший соратник Чемберса по коммунистическому подполью идентифицировал его как советского агента. Однако, опасаясь возможного расследования, Чемберс был на допросах менее откровенен, чем во время бесед с Берле, и говорил в основном о своем коммунистическом прошлом, а не о шпионской деятельности. В результате директор ФБР Э. Гувер назвал протокол его допроса «сборником рассказов, гипотез и умозаключений». Таким образом предательство Чемберса не повлекло за собой арестов и провалов, что объяснялось наплевательским отношением Вашингтона к проблемам безопасности.

И только в 1946 году после предательства Э. Бентли ФБР стало расследовать показания Чемберса о советском шпионаже в тридцатые годы. Третьего августа 1948 года Чемберс дал Комитету по расследованию антиамериканской деятельности показания о работе советской разведки в США. В своих показаниях он назвал имена Г. Уайта и Э. Хисса, но не привел каких-либо убедительных доказательств. В результате обвинение было выдвинуто только в отношении Э. Хисса, который покинул госдепартамент и в начале 1947 года стал президентом фонда Карнеги, но в 1950 году был приговорен к пяти годам заключения за лжесвидетельство. Что же касается Г. Уайта, то он умер от сердечного приступа через три дня после дачи показаний.

Впрочем, выступление с разоблачениями не принесло Чемберсу успеха и славы. Он был вынужден уйти из редакции «Таймс», стал активным антикоммунистом и неоднократно выступал на различных общественных мероприятиях правых организаций в качестве «кающегося грешника». В 1952 году он опубликовал свои мемуары.

Умер Чемберс 9 июля 1961 года в возрасте шестидесяти лет, а в 1984 году президент США Р. Рейган посмертно наградил его самой высокой гражданской наградой США — медалью Свободы.

Говоря о событиях конца тридцатых годов, особо следует отметить тот факт, что страх перед возможным расстрелом охватил тогда не только рядовых сотрудников, но и руководителей советских спецслужб. Среди них был и Генрих Самойлович Люшков. Люшков и в ранних, и в более поздних публикациях о советских спецслужбах практически не упоминается, хотя с его именем связано много таинственных эпизодов в истории СССР. Достаточно сказать, что он был самым первым высокопоставленным чекистом (комиссар государственной безопасности 3-го ранга), бежавшим за рубеж, и при этом, похоже, единственным, перешедшим государственную границу СССР без чьего-либо содействия. Он занимал пост заместителя начальника секретно-политического управления НКВД и помогал своему начальнику Молчанову в подготовке первого московского процесса (процесса Г. Зиновьева) времен «большого террора». Но самое главное, он был участником тщательно подготовленного, но сорвавшегося покушения на И. Сталина.

Люшков родился в 1900 году в Одессе, в семье торговца. После окончания начальной школы он подвизался в качестве мелкого служащего в различных конторах и одновременно учился в вечерней школе. В 1917 году под влиянием старшего брата-большевика приобщился к политической работе и вскоре вступил в РСДРП. В дальнейшем его судьба складывалась типично для того времени. Когда в 1918 году Украина была оккупирована германской армией, Люшков стал сотрудником Одесского комитета РСДРП. В 1919 году — он комиссар 1-го крымского полка Красной Армии. В апреле 1919 года Люшков поступает на курсы при ЧК

Украины. После разгрома Деникина он становится начальником политотдела армейской бригады и в этой должности участвует в «польском походе», закончившемся, как известно, поражением Красной Армии. Дальнейшая его судьба была связана с органами государственной безопасности: он служил в ОГПУ Украины, был заместителем начальника секретно-политического управления НКВД СССР; в 1936 году назначается начальником Азово-Черноморского управления НКВД, затем — начальником пограничных войск, с августа 1937 года он — начальник Дальневосточного управления НКВД.

Репрессии 1937 года, охватившие всю страну, обрушились и на сотрудников НКВД. *«Только за 1937 год было казнено более трех тысяч оперативников НКВД... Среди исчезнувших в этой кровавой мясорубке были Молчанов, заместители Ягоды Агранов и Прокофьев, а также все начальники управлений НКВД в Москве и провинции. Только одному человеку из числа руководителей НКВД удалось избежать такого конца. Благодаря дружеским отношениям с Ежовым Люшков продержался на своей должности до лета 1938 года. Увидев из своего далека, что Сталин как будто уже не оставил в живых никого из опасных свидетелей своих преступлений, Люшков использовал преимущества своей должности и тем же летом перешел к японцам».* Страх Люшкова был вполне оправданным: незадолго до его побега были арестованы и расстреляны шестнадцать руководящих работников НКВД Дальневосточного края.

Десятого июля 1938 года Люшков отправился с инспекторской проверкой на участок 59-го пограничного отряда. Особенно тщательно проверялись пограничные дозоры. Проверяющие скрытно подбирались к пограничникам, и, если те их не обнаруживали, следовали разnosы, сопровождаемые

руганью и угрозами. В тогдашних условиях угрозы Люшкова воспринимались как вполне реальные. Тринадцатого июля около пяти часов утра все начиналось как обычно. Объявлены пункты проверки и место сбора. Когда все проверяющие разошлись по указанным пунктам, а шофер задремал, Люшков, сверившись с картой, двинулся на запад. Через некоторое время он услышал окрик, и навстречу ему выскочили солдаты пограничной охраны Маньчжоу-Го. Люшков поднял руки вверх. Через полчаса прибыл офицер со взводом солдат. Он обыскал Люшкова, отобрал два имевшихся при нем пистолета и в окружении солдат отконвоировал в расположение штаба японской пограничной части.

Перешедший границу Люшков был допрошен сотрудниками японской военной разведки. Вот выдержка из протокола допроса Люшкова, составленного 5-м отделом 2-го (разведывательного) управления штаба японской армии:

«Вопрос: Почему вы решили бежать и получить здесь политическое убежище?

Ответ: Я почувствовал, что мне грозит опасность.

В: Какая именно опасность вам грозила?

О: В конце мая я получил известие от близкого друга в НКВД, что Сталин приказал арестовать меня. Я узнал также, что Ежов откомандировал в Хабаровск, где находится Дальневосточное управление НКВД, Мехлиса и Фриновского.

В: Назовите вашего друга в НКВД.

О: Прошу не требовать от меня этого. Скажу только, что этот человек — один из тех, кто занимает в НКВД положение сразу вслед за Ежовым.

В: Кто такие Мехлис и Фриновский?

О: Мехлис — начальник политуправления Красной Армии. Фриновский — заместитель Ежова. Оба пользуются большим доверием Сталина. Мехлис отвечает за чистку в Красной Армии, Фриновский отвечает за это в НКВД. Перед их прибытием в Хабаровск я и решил бежать.

В: Почему вы вызвали гнев Сталина?

О: До августа прошлого года я являлся начальником Управления пограничных войск НКВД. Ежов отправил меня на Дальний Восток наблюдать за действиями штаба Особой Дальневосточной Армии. Сталин занимался тогда чисткой правых в партии. Он считал, что в Красной Армии много правых элементов. Мне было поручено выявлять их, в частности выявлять недовольных чисткой в штабе Особой Дальневосточной Армии, которой командует Блюхер. О положении в штабе и в армии я был обязан докладывать непосредственно Сталину и Ежову. Но отыскать порочащие Блюхера факты я не смог, и мне нечего было сообщать в Москву. Поэтому Сталин и Ежов решили, что я заодно с недовольными элементами. Они задумали подвергнуть чистке вместе с Блюхером и меня.

В: Расскажите мне о действиях НКВД на Дальнем Востоке.

О: Во время моей работы в Хабаровске с апреля прошлого года и до сих пор арестованы за политические преступления двести тысяч человек. Семь тысяч расстреляны. Это значительно меньше, чем в среднем по стране. Поэтому-то в Москве и подумали, что я саботирую. Меня стали подозревать».

Очень большую ценность для японской разведки имели также переданные Люшковым данные о боеготовности и планах Особой Дальневосточной Армии, об экономическом положении дальневосточных районов, мерах по охране государственной границы и сведения о советской агентурной сети в Маньчжурии. Правда, Люшкову не были известны руководители агентуры, так как резиденты подчинялись непосредственно Москве. В Хабаровске, куда поступали их радиogramмы, знали только псевдонимы — Као и Лео. Као (по предположению Люшкова, женщина) связан с Компартией Китая и координировал борьбу против Японии в Маньчжурии. Лео передавал в Центр информацию о нахождении в Маньчжурии русских эмигрантов.

Однако никто из допрошенных в 1945 году свидетелей из числа сотрудников японских спецслужб, в разной мере посвященных в судьбу Люшкова после его бегства в Маньчжурию, не говорил, что он доставил из СССР какие-либо оперативно-значимые документы, кроме своих личных. Несмотря на предательство Люшкова, не была поколеблена уверенность японской разведки в преданности ей Старика и Большого корреспондента — агентов, которых в начале тридцатых годов подставили японским спецслужбам сотрудники НКВД. Но нельзя забывать, что Люшков бежал накануне хасанских событий. Недаром в эмигрантской прессе указывалось, что Люшков — большая находка для Японии. Лояльно настроенные к СССР эмигранты говорили о нем, как о предателе, равного которому нет в СССР.

Люшкова допрашивали в разведотделе штаба Квантунской армии в течение трех недель, после чего он был тайно вывезен в Японию. В связи с поднятым японской прессой возмущением по поводу скрывааемых Военным министерством подробностей побега Люшкова

был распушен слух, будто он уехал в Европу, поскольку утратил ценность в глазах японской разведки. Вскоре после этого газеты перестали интересоваться судьбой беглеца.

Слух об отъезде Люшкова в Европу был распушен 5-м отделом 2-го управления японского Генштаба с целью скрыть приготовления к небывалой по своей дерзости операции — убийству Сталина. Целесообразность данной операции в японском Генштабе никогда не ставилась под сомнение. Дело в том, что в это время японские военные круги активно готовились к агрессии против СССР. Но проведение операции по ликвидации Сталина было возможно только при наличии реального плана и готовых пожертвовать собой исполнителей. Бегство Люшкова, испытывавшего к Сталину враждебные чувства из-за краха карьеры, вынужденного изгнания и смерти близких (в расстреле своей семьи Люшков не сомневался) делало операцию вполне реальной. Поэтому на совещании во 2-м управлении под председательством начальника Генштаба такая операция, получившая название «Медведь», была утверждена. В помощь Люшкову была сформирована группа из шести человек — членов «Союза русских патриотов» в Маньчжурии. Подготовкой операции занимались полковник Утагава и некий Хасэбэ, впоследствии сопровождавший группу в Стамбул. В состав группы вошли Борис Безыменский, переводчик в правительстве Маньчжоу-Го, работавший на разведотдел Квантунской армии; Николай Лебеденко, председатель харбинского «Союза русских патриотов»; Леонид Малхак, заместитель председателя Союза; Смирнов, Сурков и Зеленин. Люшкову были выданы документы на имя Алексея Барского, служащего Харбинской торговой палаты. По плану Люшкова и начальника 5-го отдела 2-го управления

полковника Кавамото совершить убийство предполагалось в Сочи.

Дело в том, что Сталин любил бывать в Мацесте. Иногда он принимал лечебные ванны. Бывало, он проводил в Мацесте по пять часов кряду. Сталин никогда не оставался обнаженным при посторонних. Поэтому в ванной комнате он всегда пребывал в одиночестве. Люшков же, будучи в свое время начальником Азово-Черноморского управления НКВД, сумел найти в охране Сталина слабое звено.

По рисункам Люшкова в лагере в Чанчуне соорудили макет ванного корпуса в натуральную величину, где группа отрабатывала слаженность своих действий. Во время тренировок в девяти случаях из десяти «охранники» опаздывали с контрмерами. В результате офицеры из 5-го отдела Генштаба и из разведуправления Квантунской армии, проверявшие готовность группы, пришли к заключению, что операция «Медведь» должна завершиться успешно.

В начале января 1939 года группа Люшкова в сопровождении Хасэбэ прибыла в Дайрен, чтобы оттуда отправиться на пароходе в Европу. В Дайрене для группы и сопровождающего ее Хасэбэ сняли номер в гостинице «Ямато». Сам Люшков поселился на вилле президента фирмы «Дайрен консу» Харуёси Санады, работавшего на разведотдел Квантунской армии. Но во время ожидания пароходного рейса в Неаполь возникло непредвиденное обстоятельство. В отеле задержали китайца, у которого была обнаружена записка: «Следите за нами. Лео». Попытка установить личность Лео не увенчалась успехом, так как китаец при попытке задержать его связника бежал. Тем не менее, несмотря на это происшествие, группа, соблюдая все меры предосторожности, отбыла в Неаполь на японском пароходе «Азия-мару».

Семнадцатого января 1939 года в Неаполе группу встретил майор Хироити Такэнака, помощник военного атташе японского посольства в Берлине. Он оформил въездные визы в Турцию и препроводил группу на пароход «Таллес», следовавший по маршруту Неаполь — Стамбул. Девятнадцатого января в часа 30 минут японский военный атташе в Стамбуле Митио Арикура встретил пароход на катере в море. Люшков с группой и Хасэбэ пересели в катер, который доставил их в малолюдный уголок порта. Оттуда на трех машинах группа отправилась во второразрядную гостиницу.

В соответствии с планом группа должна была перейти советско-турецкую границу у селения Борчка, где на восточном берегу речки Моруха в глубь советской территории уходила расселина, мало кому известная и не охраняемая пограничниками. Опробовав снаряжение и купленное Арикурой через германское представительство фирмы Круппа оружие, группа направилась к советско-турецкой границе и прибыла в Борчку 24 января. Авангард из трех человек вышел из Борчки в семь часов вечера, а через час вслед за ними отправились остальные четверо. Перед границей группе предстояло соединиться. Арикура и Хасэбэ должны были вернуться в Стамбул на следующее утро.

Группа без каких-либо осложнений добралась до границы и гуськом двинулась по восточному скалистому берегу Моруха. Но когда группа вошла в расселину, то из глубины ее и с западного берега на группу обрушился огонь из пулеметов и винтовок. Шедшие впереди Лебеденко, Малхак и Сурков были сражены наповал. Остальным удалось бежать. Стало ясно, что советские пограничники были предупреждены и что операция «Медведь» провалилась. Поэтому Арикура, Хасэбэ и остатки группы срочно покинули Борчку. В порту Хопа, перед посадкой на пароход, следующий в Стамбул, Арикура отправил в Берлин военному атташе

генерал-майору Окабэ телеграмму: «Сакура опала». (Если бы операция закончилась успешно, Арикура послал бы другую телеграмму: «Хризантема расцвела».)

Двадцать восьмого января группа прибыла в Стамбул. В предвидении протеста советского правительства правительству Турции по поводу провокации на границе группа выехала в Германию, и там ее след затерялся. Хасэбэ осенью 1939 года видели в Харбине, после чего он исчез, а Арикура в марте 1939 года получил назначение в Мадрид.

По поводу случившегося на границе английская газета «Ньюс кроникл» от 29 января 1939 года писала:

«Как сообщило агентство ТАСС, 25 января погранвойска Грузинской ССР уничтожили трех человек, пытавшихся перейти границу со стороны Турции. Эти трое — троцкисты, пользующиеся поддержкой фашистов. У убитых найдены пистолеты, ручные гранаты и подробные карты местности. Целью преступной группы было убийство Иосифа Виссарионовича Сталина, находившегося в Сочи. Однако пограничники заблаговременно узнали о преступном плане и истребили злоумышленников. Нарком иностранных дел Литвинов выразил решительный протест в связи с тем, что Турция сделалась базой антисоветских провокаций».

А вот выдержки из материалов служебного расследования провала операции «Медведь»:

«...В записке, которую китаец взял в мусорной корзине в отеле «Ямато», было сказано: «Следи за нами». Значит, Лео находился в числе семерых русских. В

противном случае фраза звучала бы иначе: «Следи за ними»...

...На пароходе «Азия-мару» никто в контакт с русскими не вступал. Телеграмм они не посылали и не получали...

...В Неаполе, в Стамбуле, по пути в Хопу, в селении Борчка контактов с кем-либо из посторонних у русских не было. Они не звонили по телефону и не отправляли телеграмм...

...Почему написанная по-русски записка в отеле «Ямато» имела подпись, сделанную латинскими буквами: «Leo»? Лео — сокращение от имен Леопольд или Леонгард. Но группа состояла из русских. Ни один из них не жил в Европе или Америке, кроме Бориса Безыменского. Безыменский ездил ненадолго в Германию. Лео могло быть дружеской кличкой, полученной среди иностранцев...

...После инцидента в отеле «Ямато» всю группу заново проверили, особенно Леонида Малхака. Безрезультатно...

...Советская разведка могла узнать об отплытии группы в Неаполь в билетной кассе порта Дайрен. В Неаполе советские разведчики могли группу встретить и выяснить, что она направляется в Стамбул. Однако в Стамбуле Митио Арикура принял действенные меры, чтобы избавиться от возможной слежки...

...На пароходе по пути в Хопу на палубе был замечен некто, по виду англичанин. Он постоянно фотографировал. Таро Хасэбэ обратил на него внимание Люшкова. Люшков пришел к заключению, что это действительно англичанин. У англичанина был чемодан с рекламной наклейкой туристской фирмы —

головы льва. Англичанин в контакт с группой не входил...

...На пароходе плыл турок. Он расстелил на палубе шкуру льва и, разложив на ней безделушки, торговал ими. В контакт с группой не входил...

...В Стамбуле, когда группа размещалась в гостинице, к портье подошел мальчик с игрушечным львом в руках...

...В Стамбуле, когда Митио Арикура направлялся в гостиницу, чтобы оттуда доставить группу в порт, он увидел рядом с гостиницей флаг с изображением морды льва...

...В досье, составленном тайной политической полицией, отмечается, что на правой руке Бориса Безыменского сделана наколка в виде льва.

...В этом же досье в разделе «привычки» сказано, что Борис Безыменский курит только самодельные папиросы. После двух-трех затяжек самокрутку выкидывает и готовит другую...

...Если Лео — это Безыменский, то он мог оставлять связникам информацию в окурках, которые разбрасывал везде, где находился».

После провала операции «Медведь» Люшков через Европу возвратился в Японию и в дальнейшем работал в «Бюро по изучению Восточной Азии», находившемся в ведении 2-го управления японского Генштаба. Там Люшков, известный под псевдонимом МАРАТОВ, готовил по материалам советской прессы и радиопередач сводки об экономическом положении и внешней политике СССР. Выступал Люшков и в роли советника разведотдела Квантунской армии. Так, с целью разработки подрывных акций против СССР он в

сентябре — октябре 1944 года находился в Харбине, проживая в гостинице «Нью-Харбин» под видом японского служащего Като Тадаси.

В конце июля 1945 года Люшкова перевели в распоряжение Дайренской Японской военной миссии и поселили в гостинице «Ямато» под именем Ямагути Тосикадзу, служащего Харбинской ЯВМ. Когда советские войска вступили на территорию Маньчжурии, перед японским командованием встал вопрос: что делать с Люшковым? Пятнадцатого августа 1945 года его судьбу решали начальник штаба обороны Квантунского полуострова генерал Янагита и начальник Дайренской ЯВМ Такэока. Рассматривались четыре варианта: дать возможность Люшкову бежать из Маньчжурии; в случае требования СССР — выдать; бросить на произвол судьбы; наконец, просто ликвидировать. Решение Янагиты как старшего начальника было однозначным: если Люшков откажется от самоубийства — убить. Девятнадцатого августа в 9 часов вечера Такэока вместе с сотрудником миссии навел Люшкова в гостинице и предложил зайти в миссию для переговоров по его делу.

«Придя втроем в военную миссию, в мой кабинет, который находился на втором этаже, — давал показания допрошенный 25 ноября 1945 года сотрудниками СМЕРШ Забайкальского фронта Такэока, — мы около двух часов вели разговор о том, как поступить с ним в связи с тем, что части Красной Армии скоро могут быть в Дайрене... Я завел разговор о том, чтобы он покончил самоубийством, указав на безвыходность создавшегося положения. Но Люшков отказался от самоубийства и опять настоятельно требовал создать ему условия для побега. Сделав вид, что не возражаю против

побега, я предложил ему пойти в порт, якобы подыскать для этого подходящее судно. Спустившись со второго этажа к выходу во двор, я быстро зашел вперед и внезапно из имевшегося у меня браунинга выстрелил ему в левую сторону груди. Он упал. Это было примерно в 11 часов 30 минут вечера...»

О дальнейших событиях рассказал допрошенный 2 декабря 1945 года начальник разведывательного отделения той же миссии Аримаца Кадзуо:

«Примерно в 11.00 вечера во дворе миссии раздался выстрел... Выбежав во двор, я увидел около парадного входа лежащего на земле человека в штатском, рядом с которым стояли Такэока и Ивамото. В руке Такэоки был браунинг. Такэока приказал нам отнести труп в заднюю часть двора. Когда мы стали его поднимать, человек застонал, Такэока приказал мне задушить этого человека, но я отказался делать это. Я взял его пистолет и выстрелом в висок убил этого человека...»

Той же ночью, прибыв на квартиру Янагиты, Такэока доложил ему об убийстве Люшкова и предложил кремировать его, оформив все необходимые документы от имени военного госпиталя. Янагита согласился и тут же дал по телефону соответствующие указания начальнику госпиталя полковнику Ёсимуре Фумио.

Люшков по распоряжению генерала Янагиты был кремирован под видом покончившего самоубийством японского военнослужащего Ямагути Тосикадзу. Документ, сохранившийся в делах Дайренского крематория, гласит:

«Причина смерти — смертельное ранение из револьвера в область сердца.

Кто проводит кремацию — начальник отряда 15 518 Ёсимура Фумио.

Умерший — Ямагути Тосикадзу.

Класс кремации—2-й класс, как военнослужащий, бесплатно.

Дата кремации—20 августа 1945 года».

Однако существует и другая версия гибели Люшкова. Бывший сотрудник советского консульства в Харбине Г. Пермяков рассказывал, что во время разгрома Квантунской армии ему довелось принимать участие в следствии по делу Люшкова. По его словам, труп Люшкова был найден в заливе близ Дайрена. Следствие установило, что Люшков был задушен и брошен с моторной лодки сотрудниками ЯВМ в Дайрене.

Следующим после Люшкова высокопоставленным перебежчиком стал майор государственной безопасности Александр Михайлович Орлов. Орлов, безусловно, является самым известным невозвращенцем, покинувшим СССР до Второй мировой войны. Эту известность он приобрел прежде всего благодаря своим книгам, в которых раскрыл фальсифицированный характер политических процессов в Москве в тридцатые годы и описал механизм «большого террора». К тому же он — единственный из высокопоставленных сотрудников НКВД, кто, перебежав на Запад, умер своей смертью.

Лейба Лазаревич Фельдбин (таково настоящее имя Орлова) родился в 1895 году в белорусском городе Бобруйске в семье лесоторговца. С началом Первой мировой войны дела в Бобруйске пошли плохо, и семья переехала в Москву. Молодой Орлов поступил на юридический факультет Московского университета, но

в 1916 году был призван в армию и до Февральской революции служил на Урале.

После Февральской революции Орлов вступил в Российский социал-демократический рабочий союз, который возглавлял С. Лозовский, а в 1920 году стал большевиком. В годы Гражданской войны он сражался в рядах Красной Армии на Юго-Восточном фронте, где руководил действиями партизанских отрядов в тылу белогвардейцев и отвечал за контрразведку. По окончании войны Орлов был направлен на работу в Революционный трибунал, а потом в Верховный суд, где занимал должность помощника прокурора и принимал участие в разработке первого уголовного кодекса. В это время он знакомится с такими людьми, как Н. Крыленко, А. Сольц, Н. Немцов, а также с небезызвестным А. Вышинским.

В 1924 году Орлов возвращается на службу в ОГПУ на должность заместителя начальника экономического управления. Как пишет он сам, на него были возложены государственный надзор за реконструкцией советской промышленности и борьба со взяточничеством. Именно Орлов в том же 1924 году рекомендовал Дзержинскому назначить на пост начальника одного из отделов управления Миронова, который в дальнейшем стал заместителем начальника, а потом и начальником экономического управления и «прославился» своим активным участием в организации судебных процессов «большого террора». В должности заместителя начальника управления Орлов проработал до конца 1925 года, а потом был переведен в Закавказье в погранвойска, где командовал частями, несшими охрану границы с Ираном и Турцией. Во время своей службы там он имел возможность общаться с С. Орджоникидзе, бывшим в то время секретарем ЦК Закавказской федерации советских республик (ЗФСР).

В 1926 году Орлова переводят в Иностранный отдел ОГПУ на должность начальника экономического отдела и уполномоченным госконтроля, отвечающим за внешнюю торговлю. С этого момента и до самого бегства в Канаду Орлов работает в Западной Европе. Летом 1926 года с паспортом на имя сотрудника советской торговой миссии Бориса Никольского он выезжает в Париж в качестве резидента одной из самых сильных резидентур ОГПУ в Европе. В начале 1928 года он становится легальным резидентом берлинской резидентуры, где работает под «крышей» советника торгпредства Льва Лазаревича Фельделя. В Берлине он контролирует все импортные и экспортные операции, в том числе и секретные военные заказы, размещенные в Германии и других европейских странах. Одновременно он отвечал за экономический шпионаж, особенно усилившийся после принятия пятилетнего плана.

В 1931 году Орлова отзывают в Москву в связи с участвовавшими случаями провалов сотрудников советских спецслужб. Перед разведкой встала задача перестроить свою работу так, чтобы провалы в работе не приводили к дискредитации советских дипломатов. Поэтому с этого времени основной упор делается на нелегальную разведку.

Весной 1933 года Орлова назначают нелегальным резидентом в Париж, где он проживал по паспорту американского гражданина Уильяма Голдина. В состав резидентуры кроме него входили его помощник Александр Михайлович Коротков (ДЛИННЫЙ),^[11] жена Орлова Мария (ЖАННА) как сотрудник по технике и местной связи и связник ЭКСПРЕСС. Основной задачей резидентуры была разработка Второго бюро французского Генерального штаба (военная разведка) и его агентуры в СССР путем проведения вербовок в его

важнейших отделениях. Но в апреле 1934 года Москве становится известно, что французская Сюртэ женераль осуществляет против сотрудников возглавляемой Орловым резидентуры контрразведывательную операцию, после чего он был немедленно отозван из Парижа в Вену, где получил новое назначение — возглавить нелегальную резидентуру в Лондоне.

Разумеется, это был не первый приезд Орлова в Лондон. Еще в 1931 году он руководил работой нелегала, чье имя прогремело в 1957 году. Его звали Вильям Генрихович Фишер, позднее известный как полковник Рудольф Абель. Фишер приехал в Англию в июне 1931 года через Францию, где его встречал Орлов, имевший в то время псевдоним Швед. Фишер под руководством Шведа создал в Англии и Скандинавии сеть нелегальных передатчиков. Но по-видимому, было еще одно задание Орлова. Фишер употребил немало усилий на то, чтобы выполнить приказ Сталина — вернуть в СССР физика П.Л. Капицу. Капица выехал в Англию в 1921 году, а к 1931 году сделал великолепную карьеру, работал в Кембридже у Резерфорда и возвращаться в СССР не собирался. Письма коллег, уговоры посланцев из России, официальные делегации представителей СССР цели не достигали — Капица ехать в Москву не хотел. Но тут Капице встретился незадолго до этого прибывший из СССР молодой инженер, англичанин Вилли Фишер, женатый на русской, хорошо знакомый с условиями жизни в Советском Союзе, так как проработал там несколько лет по контракту. Он отзывался об условиях жизни в новой России исключительно положительно. Слова человека, лично не заинтересованного в возвращении Капицы в Москву, заставили знаменитого физика по-иному взглянуть на аргументы своих московских друзей и он вернулся в СССР.

Что же касается основных направлений работы лондонской нелегальной резидентуры ИНО НКВД, которой руководил Орлов, то он сам пишет об этом так:

«В начале тридцатых годов резидентуры НКВД сосредоточили усилия на вербовке молодых людей из влиятельных семей. Политический климат тех лет благоприятствовал этому. Молодое поколение было восприимчиво к идеям свободы и стремилось спасти мир от фашизма и уничтожить эксплуатацию человека человеком. На этом НКВД и строил свой подход к молодым людям, уставшим от бессмысленной жизни, удушающей атмосферы своего класса. И когда эти люди созревали для вступления в коммунистическую партию, им говорили, что они могут принести гораздо больше пользы, если будут держаться подальше от партии, скроют свои политические взгляды и примкнут к революционному подполью».

Надо признать, что эта установка принесла ощутимые результаты. Так, в Англии в Кембриджском университете под руководством Орлова в течение 1934 года были завербованы Ким Филби, Дональд Маклин и Гай Берджесс. Сам Филби, уже будучи в Москве, воздерживался упоминать имя Орлова, хотя высоко ценил его и считал прекрасным разведчиком. Когда Филби по заданию советской разведки стал корреспондентом «Обсервера» и действовал на стороне Франко, он выезжал на тайные встречи во французский город Биарриц, где его встречал резидент и советник НКВД в Испании Орлов. Кроме того, следует особо отметить, что, помимо известной кембриджской группы под руководством Орлова, была создана оксфордская

группа во главе с неким агентом под псевдонимом СКОТТ, ни один человек из которой не известен до сих пор.

В конце 1935 года Орлов получил приказ вернуться в СССР, и в декабре через Финляндию прибыл в Ленинград, а затем в Москву. Находясь в Москве, он смог достаточно подробно узнать об убийстве 1 декабря 1934 года в Ленинграде С.М. Кирова, и последовавших затем процессах над так называемой «ленинской гвардией». Однако сам Орлов ни в малейшей степени доверия Сталина не утратил, и когда в июле 1936 года в Испании началась Гражданская война, он был послан туда советником республиканского правительства для организации контрразведки и партизанской войны в тылу противника.

Он прибыл в Испанию в сентябре 1936 года с паспортом на имя Александра Михайловича Орлова вместе с семьей и незамедлительно приступил к работе. Шестнадцатого сентября Орлов уже в Мадриде, где в «Гей-лор-отеле», недалеко от Прадо, размещалось большинство советских военных советников. Одной из самых важных операций Орлова в это время был вывоз в Москву на нескольких судах и подводных лодках золотого запаса республиканского правительства в оплату военных поставок из СССР. Но основной сферой деятельности Орлова в Испании было оказание практической помощи в создании собственной разведки и контрразведки, естественно, под контролем НКВД. Попросту его главной задачей было «сталинизировать» республиканскую Испанию, что, безусловно, не раз вызывало резкие протесты со стороны республиканских лидеров.

Контрразведывательная работа Орлова строилась по советскому образцу. Уже через два месяца после прибытия в Испанию он сообщил в Москву о разоблачении резидентуры фашистской разведки, с его

помощью были разгромлены подпольные фалангистские группы и развернуты партизанские действия против армии Франко. Сохранились и его многочисленные доклады о шпионах в рядах самих республиканцев. Однако главным объектом НКВД в Испании была ПОУМ — испанская марксистско-троцкистская партия, основанная в сентябре 1935 года в Барселоне руководителем европейского анархо-синдикализма, примкнувшим к III Интернационалу, Андресом Нином. Тут Орлов пошел испытанным путем. Мадридской контрразведке были подброшены поддельные документы (план обороны одного из пригородов Мадрида и закодированный текст к нему, на котором была нанесена симпатическими чернилами буква «Н», что должно было означать «Нин»), изготовленные двумя сотрудниками тайной полиции республиканцев А. Кастильей и Х. Хименесом. Шестнадцатого июня 1937 года А. Нин и еще сорок руководителей ПОУМ в Барселоне были арестованы, их войска распущены, штаб закрыт, а ПОУМ объявлена вне закона.

Когда арестованному Нину предъявили обвинение в предательстве, он отмел его с порога. Тогда его отправили в тюрьму города Алкала-де-Энарес, где долго допрашивали, добиваясь чистосердечного признания. Но, как с сожалением сообщал в Москву Орлов о ходе операции «Николай» (так называлась акция по ликвидации А. Нина), испанец оказался мужественнее советских коммунистов и категорически отрицал свою вину. Тогда было решено похитить Нина и «заставить исчезнуть» без суда и следствия, что и было сделано. Исполнителями этой акции были Орлов, сотрудник НКВД в Испании Иосиф Ромуальдович Григулевич (ЮЗИК) и три сопровождавших их испанца. Тело расстрелянного Нина было вывезено из тюрьмы и наспех похоронено у отметки «17 километр» на шоссе

близ Алкала-де-Энареса. Кроме Нина были уничтожены бывший секретарь Льва Троцкого немец Эрвин Вольф, сын меньшевика Абрамовича Марк Рейн и многие другие.

Выполняя столь грязную и неблагодарную работу, Орлов нисколько не походил на палача. Вот как описывает первую встречу с ним боец интербригад, а потом агент НКВД Кирилл Хенкин:

«Меня поразил его ухоженный вид. Только что душ, только что бритье с одеколоном... Он был одет по-утреннему: в серых фланелевых брюках, в шелковой рубашке без галстука. На поясе — открытая замшевая кобура с пистолетом Вальтер калибр 7,65.

Мне повезло. Выслушав мои путанные объяснения: кто я, зачем, от кого, откуда приехал и почему пришел именно к нему, он не приказал охране меня пристрелить. Для порядка. Бывало и такое. Но в то утро я был парализован зрелищем завтрака, который перед носом у меня вкушал Орлов.

Лакей в белой куртке вкатил столик, снял салфетку и удалился. Орлов намазал маслом горячий тост, откусил уголок, принялся за яичницу с ветчиной, иногда отхлебывая кофе. К сливкам он не прикоснулся. Он не был, видимо, особенно голоден. Подобрал остаток желтка кусочком круассана и выпив последний глоток кофе, Орлов отодвинул столик, на котором оставалась еще булочка, масло, кувшинчик со сливками и пол-кувшинчика кофе, достал пачку «Лакки страйк», вынул сигарету и закурил».

Но в 1937 году над Орловым стали сгущаться тучи. Первой ласточкой стала полученная в августе 1937 года

телеграмма от начальника ИНО НКВД А.А. Слуцкого. В ней говорилось, что секретные службы Франко и гитлеровской Германии разработали план похищения Орлова. В связи с этим Слуцкий собирается послать Орлову охрану из двенадцати человек, которая отвечала бы за его безопасность и сопровождала во всех поездках. Почуввав неладное, Орлов ответил Слуцкому, что в охране не нуждается, и одновременно набрал десяток человек личной охраны, всюду его сопровождавших. Вторым сигналом для Орлова послужило прибытие в Испанию в октябре 1937 года заместителя Слуцкого С. Шпигельгласа, организовавшего 4 сентября 1937 года в Швейцарии убийство И. Рейсса. Не имея в Испании никаких явных дел, Шпигельглас встретился с Володиным, который руководил в Мадриде мобильной группой Отдела специальных операций. Это настолько обеспокоило Орлова, что он вывез жену и дочь во Францию в Перпиньян, где снял для них виллу.

Девятого июля 1938 года Орлов получил телеграмму от Ежова, предписывавшую ему выехать в Бельгию, в Антверпен, где 14 июля на борту советского парохода «Свирь» якобы должно было состояться совещание с «товарищем, известным вам лично». При этом рекомендовалось прибыть туда на посольской машине в сопровождении советского генерального консула во Франции Бирюкова, «который может пригодиться в качестве посредника в связи с предстоящим важным заданием». Понимая, что в Бельгии его ждет не совещание, а арест с последующим расстрелом, Орлов решает вместе с семьей бежать. Он посылает ответ: «Прибуду в Антверпен в назначенный день» и 12 июля выезжает из Барселоны на машине во Францию. В Перпиньяне, забрав жену и четырнадцатилетнюю дочь, он садится на ночной поезд и утром 13 июля прибывает в Париж. Там он неожиданно для всех исчез.

После отъезда Орлова в Барселоне обнаружили, что он по рассеянности взял с собой ключ от сейфа. В Париж была послана телеграмма с просьбой, как только прибудет Орлов, пусть с нарочным пришлет ключ. Когда стало известно об исчезновении Орлова, сейф вскрыли. В нем отсутствовало 60 тысяч долларов, по тем временам очень солидная сумма, но зато имелось письмо. Вот что сообщает о его содержании сам Орлов:

«В нем я сказал Сталину, который лично меня знал еще с 1924 года, что я думаю о его режиме. Но главный смысл письма был в другом. Я ставил своей целью спасти жизни наших матерей (т. е. своей и жены). Со всей доступной мне решительностью я предупредил его, что, если он посмеет выместить зло на наших матерях, я опубликую все, что мне известно о нем. Чтобы показать, что это не пустая угроза, я составил и приложил к письму перечень его преступлений. Кроме того, я предостерег его: если даже я буду убит его агентурой, историю его преступлений немедленно опубликует мой адвокат».

Действительность же была несколько иной. После прибытия в Париж Орлов обратился в канадское посольство, где, предъявив дипломатические паспорта, попросил канадскую визу якобы для того, чтобы отправить семью в Квебек на летнее время. Получив визы и письмо главы канадского представительства к иммиграционным властям в Квебеке с просьбой оказать ему помощь, он на канадском пароходе «Монклер» в тот же день отплыл из Шербура за океан. Прибыв в Канаду, Орлов сразу же вызвал туда из США своего родственника Курника и поручил ему доставить в

советское посольство в Париже письмо, адресованное Ежову. Вот его содержание:

«Николаю Ивановичу Ежову.

Я хочу объяснить Вам в этом письме, как могло случиться, что я, — после 19 лет безупречной службы Партии и Советской власти, после тяжелых лет подполья, после моей активной и полной самопожертвования борьбы последних двух лет в условиях ожесточенной войны, после того как Партия и Правительство наградило меня за боевую работу орденами Ленина и Кр. Знамени, — ушел от Вас.

Вся моя безупречная жизнь, полная служения интересам пролетариата и Сов. власти, прошла на глазах Партии и коллектива работников наркомата...

9 июля я получил телеграмму, лишенную всякого оперативного смысла, в которой я ясно прочел, что мне по диким и совершенно непонятным мотивам устраивается ловушка на специально посланном для захвата меня пароходе «Свирь».

В телеграмме предлагалось мне явиться в Антверпен 14 июля, куда на этом пароходе прибудет «товарищ, которого я знаю лично». «Желательно, — гласила телеграмма, — чтобы первая встреча произошла на пароходе». Для «обеспечения конспиративности встреч» телеграмма предлагала мне поехать на дипломатической машине н/посольства в сопровождении ген. консула...

Я анализировал телеграмму: почему первая встреча должна произойти именно на пароходе? Зачем, если не для того, чтобы оглушить меня и

увезти как уже заведомого врага. Почему меня должен сопровождать ген. консул в дипломатической машине, если не для того, чтобы не спускать с меня глаз по пути и, в случае заминки у парохода, засвидетельствовать властью консула, что я — сумасшедший, контуженный в Испании, которого заботливо везут в СССР. Сопровождение меня в дип. машине объяснялось в телеграмме интересами обеспечения конспиративности встреч...

Эта бездарная в оперативном отношении телеграмма просто являлась плохой дымовой завесой для заготовленной для меня, человека ни в чем не повинного, коварной ловушки. Для меня стало ясно, что руководитель отдела переусердствовал в «чистке» аппарата и пытается укрепить свою карьеру намерением выдать меня... за преступника, которого необходимо ухищрениями, кстати, очень безграмотными, заманить на пароход, как «врага народа», и потом кричать «ура» и ждать награждения, как за хорошо проведенную операцию. Таким образом, я знал, что моя судьба предрешена и что меня ждет смерть.

Я перед собой ставил вопрос: имею ли я право, как партиец, даже перед угрозой неминуемой смерти отказаться от поездки домой. Товарищи, работавшие со мной, хорошо знают, что я неоднократно рисковал жизнью, когда это требовалось для дела, для партии.

Я систематически находился под ожесточенными бомбардировками. Вместе с морским атташе я в течение 2-х недель под бомбами фашистской авиации разгружал пароходы с боеприпасами (хотя это не входило

в мою обязанность). Я неоднократно жертвовал своей жизнью при выполнении известных Вам боевых заданий. На расстоянии трех шагов в меня стрелял известный Вам белогвардеец, как в ненавистного большевика. Когда в результате автомобильного крушения у меня был сломан позвоночный столб (два позвонка), я, будучи наглухо залит гипсом, вопреки запрету врачей не бросил работы, а систематически разъезжал по фронтам и городам, куда меня звали интересы борьбы с врагом...

Никогда партия не требовала от своих членов бессмысленной смерти, к тому же еще в угоду преступным карьеристам.

Но даже не это, не угроза незаконной и несправедливой расправы остановила меня от поездки на пароход... Сознание того, что после расстрела меня, ссылки или расстрела моей жены, моя 14-летняя больная девочка окажется на улице, преследуемая детьми и взрослыми как дочь «врага народа», как дочь отца, которым она гордилась, как честным коммунистом и борцом, — выше моих сил.

Я не трус. Я бы принял и ошибочный, несправедливый приговор, сделав последний, даже никому не нужный, жертвенный шаг для партии, но умереть с сознанием того, что мой больной ребенок обречен на такие жуткие муки и терзания, — выше моих сил.

Мог ли я рассчитывать по прибытии в СССР на справедливое разбирательство моего дела? — Нет еще раз нет! Вот мотивы:

1) Факт не открытого вызова меня домой, а организация западни на пароходе уже predetermined все. Я уже был занесен в

список «врагов народа» еще до того, как моя нога ступила бы на пароход.

2) Я оказался бы в руках преступника ДУГЛАСА (псевдоним С. Шпигельгласа. — Авт.), который из низменных личных побуждений уничтожил 2-х честнейших коммунистов.

Этого мало. Мне известно, что ДУГЛАС дал распоряжение об уничтожении героя войны Вальтера, добровольно прошедшего 16 месяцев на передовой линии огня. Имя этого Вальтера является одним из нескольких популярнейших имён, известных каждому солдату. Это распоряжение было отдано ДУГЛАСОМ на основании необоснованных слухов, что у него, мол, «нездоровые настроения, могущие привести к невозвращенчеству»...

Честные люди не пошли на исполнение этого преступного приказа. Вальтер вскоре добровольно поехал домой с радостным чувством выполненного задания партии. Есть много других примеров, характеризующих преступность этого человека, готового из карьеристских мотивов погубить десятки заведомо честных людей и партийцев, лишь бы создать видимость оперативной работы и успешной борьбы с врагами.

В поисках популярности этот карьерист ДУГЛАС в присутствии большинства моих работников выбалтывал ряд важнейших ведомственных тайн. Он терроризировал моих сотрудников перечислением десятков фамилий н/бывших сотрудников, расстрелянных без суда (в освещении, достойном «Нового времени»).

Сам ДУГЛАС, да и кроме него даже честные работники, приезжавшие из дому, терялись в догадках: на основании чего были признаны

шпионами и расстреляны без суда даже такие н/работники, которые пользовались полным доверием, в то время как с их бывшей сетью продолжают работать и поныне? И, действительно, если П., например, был шпион, то как же продолжают работать с таким человеком, как ТЮЛЬПАН, которого он создал. Как он не предал ТЮЛЬПАНА? Или, если М. был шпион, то как же он не предал ВАЙЗЕ, ЗЕНХЕНА и других, с которыми продолжают работать до сих пор.^[12] Вот вкратце причины, заставившие меня, человека преданного партии и СССР, не идти в заготовленную мне карьеристом ДУГЛАСОМ ловушку на пароходе.

Я хочу, чтобы Вы по-человечески поняли всю глубину переживаемой мною трагедии честного партийца, лишённого партии, и честного гражданина, лишённого своей родины.

Моя цель — довести своего ребенка до совершеннолетия.

Помните всегда, что я не изменник партии и своей стране. Никто и ничто не заставит меня никогда изменить делу пролетариата и Сов. власти. Я не хотел уйти из н/страны, как не хочет рыба уйти из воды. Но преступные деяния преступных людей выбросили меня, как рыбу на лед... По опыту других дел знаю, что Ваш аппарат бросил все свои силы на мое физическое уничтожение. Остановите своих людей! Достаточно, что они ввергли меня в глубочайшее несчастье, лишив завоеванного мной долголетней самоотверженной работой права жить и бороться в рядах партии, лишив меня родины и права жить и дышать одним воздухом совместно с советским народом.

Если Вы меня оставите в покое, я никогда не стану на путь, вредный партии и Сов. Союзу. Я не совершал и не совершу ничего против партии и н/страны.

Я даю торжественную клятву: до конца моих дней не проронить ни единого слова, могущего повредить партии, воспитавшей меня, и стране, взрастившей меня.

ШВЕД.

Пр. Вас отдать распоряжение не трогать моей старухи-матери. Ей 70 лет. Она ни в чем не повинна. Я последний из 4-х детей, которых она потеряла. Это больное, несчастное существо».

Как видно из строк этого письма, Орлов вовсе не угрожал Сталину разоблачением его так называемых преступлений, а откровенно шантажировал руководство разведки и страны угрозой выдачи всей известной ему агентуры, если его не оставят в покое. Угроза эта была тем более действенной, что Орлову были известны практически все важнейшие агенты в европейских странах, начиная от кембриджской сети и заканчивая так называемой «Красной Капеллой» — группой агентов в Германии, руководимой Арвидом Харнаком и Харро Шульце-Бойзенем. Этот шантаж не оставлял советскому руководству никакого иного выбора, как согласиться на условие Орлова. Ведь, кроме самого письма, Орлов приложил к нему дополнение на двух страницах, в котором подробно описывал свою работу — операции с испанским золотом, собственную роль в организации политического террора в Испании, оперативные мероприятия, связанные с Л.Д. Троцким и его сыном, и многое другое. Поэтому неудивительно, что спланированная охота за беглецом была отменена

уже в середине августа, то есть как только письмо Орлова достигло Москвы.

Стоит обратить внимание и на некоторые аспекты письма, касающиеся С.М. Шпигельгласа (ДУГЛАСА). Все, что говорится о нем, представляет собой прекрасный образец доноса времен «большого террора». Думается, тот донос был не последним аргументом, решившим судьбу Шпигельгласа.

Когда родственник Орлова возвратился из Парижа в Монреаль, выполнив свою миссию связника, Орлова там уже не было. Тринадцатого августа 1938 года он уехал в США по дипломатическому паспорту, указав в заявлении, что едет на работу в советское посольство в Вашингтоне вместе с семьей. В Нью-Йорке он зарегистрировался под именем своего родственника Курника, так как боялся привлечь к себе внимание как американских властей, так и мобильных групп Отдела специальных операций. Прожив некоторое время в Нью-Йорке, он, благодаря высоким связям своих родственников получил вид на жительство в США, и под именем Игоря Константиновича Берга с женой и дочерью уехал в Калифорнию.

В 1953 году после смерти Сталина Орлов публикует книгу под неудачным названием «Тайная история сталинских преступлений», в которой раскрывается подробная история подготовки и проведения показательных процессов против партийной оппозиции. Только тогда американские власти, в том числе и директор ФБР Э. Гувер, узнали, что с 1938 года в США успешно скрывается бывший крупный советский разведчик. После этого Орлову пришлось «балансировать на лезвии бритвы», давая показания комиссиям сената США и на допросах в ФБР. В 1957 году он, отталкиваясь от истории московских процессов и их подготовки, публикует в журнале «Лайф» статьи о сотрудничестве Сталина с царской охранкой. А в 1963

году выходит его вторая книга — «Учебник разведки и партизанской войны», в которой он рассказывает о некоторых методах работы советской разведки за границей. Вскоре, не без помощи ЦРУ, он приступает к чтению лекций в Мичиганском университете. На этом можно было бы поставить точку, но...

В самом конце 1938 года Троцкий, проживавший в Мексике, получил письмо, датированное 27 декабря 1938 года, от некоего американца русско-еврейского происхождения. Аноним писал, что недавно вернулся из Японии, где виделся со своим родственником Люшковым, сотрудником НКВД, бежавшим из СССР. От имени Люшкова аноним сообщал Л. Троцкому, что среди членов его парижской организации есть провокатор. Люшков дал его описание и некоторые подробности: он женат, носит очки, у него есть маленький ребенок, а также сообщил, что его имя Марк. Это описание точно соответствовало приметам действительно внедренного к троцкистам агента НКВД Марка Зборовского, сумевшего стать правой рукой сына Троцкого Льва Седова. В дополнение к сказанному этот русский еврей из Нью-Йорка призывал Троцкого к осторожности, предупреждая о готовившемся на него покушении, которое совершит либо приехавший из Парижа Зборовский, либо испанец, выдающий себя за троцкиста.

Вскоре за письмом последовал телефонный звонок из Нью-Йорка, и неизвестный невнятно повторил об угрозе жизни Л. Троцкому. (Было крайне плохо слышно.) Но Л. Троцкий, не захотев копаться в грязи, отмахнулся от предупреждений, и 20 августа 1940 года Меркадер обрушил ледоруб на его голову. Позднее, давая показания одной из подкомиссий сената США, Орлов заявил, что письмо написал он, и тут всплывает масса вопросов.

Почему Орлов написал анонимно? Ведь если бы он говорил от своего имени, Л. Троцкий отнесся бы к предупреждению более внимательно. Далее, он говорит о Зборовском, но тот был агентом и явно не подготовлен для террористической акции. В то же время о Меркадере Орлов пишет крайне скупо и расплывчато, что очень странно. Ведь на выполнение задания Меркадер был рекомендован первым заместителем Орлова в Испании И. Эйтингоном, и Орлов должен был его хорошо знать, так как перед отъездом в Москву на подготовку тот служил в спецчастях, подчиненных Орлову. Не следует сбывать и то, что его мать, Каридад Меркадер дель Рио, была любовницей Эйтингона и принадлежала к ближайшему окружению Орлова. Вся операция с участием Меркадера была задумана и вступила в фазу практической подготовки до бегства Орлова, и поэтому он не мог не знать, по какому паспорту и под каким именем будет действовать Меркадер.

Могут возразить: Орлов боялся назвать себя, так как за ним, возможно, охотились. Но не лучше ли было тогда вообще не писать, что, кстати, соответствует выдвинутым им же условиям? А Орлов, наоборот, путает и темнит до такой степени, что его письмо выглядит в глазах Троцкого пропорцией. Вот и выходит, что это письмо Орлов писал не Л. Троцкому, а И. Сталину. Писал, уверенный, что агенты в окружении Троцкого немедленно донесут содержание письма в Москву, а там оценят всю разницу между тем, что он знал, и тем, что он сообщил. Орлов понимал, что, даже отдавшись под покровительство западных спецслужб, можно очень скоро лишиться жизни. Выход был один — быть полезным Сталину. Письмом Троцкому Орлов давал знать о готовности быть полезным, и залог его преданности — пробитый Меркадером череп Троцкого.

«Письмо Троцкому, — считает К. Хенкин, — было не только предложением услуг Москве, но также залогом этих услуг в будущем. Раскрыв через несколько лет свое авторство, Орлов укреплял свой авторитет в глазах опекавшей его американской разведки, лишней раз подчеркивал, что он последовательный и ярый противник Москвы.

А в доказательство своей полной лояльности он даже помог разоблачить приехавшего в США Зборовского. Тот, уже честно послужив агентом в рядах троцкистов, сыграл свою роль в убийстве Льва Седова и в убийстве Порецкого, потерял свою былую полезность. Зборовский оказался в тюрьме».

Теперь несколько слов о книгах Орлова. Первая книга, «Тайная история сталинских преступлений», изданная после смерти Сталина, состоит из двух частей. Первая часть — подробная история подготовки и проведения показательных процессов против партийной оппозиции. Там достаточно много подробностей и, возможно, впервые прямо говорится о том, что истинным организатором убийства Кирова был Сталин. Подробно описывая методы следствия и фальсификации приведенных на суде доказательств, он показывает все нелепости и противоречия, допущенные следователями. Вторая часть книги — это набор анекдотических историй из жизни Сталина на кавказской даче. Если подвести итог его разоблачениям, то станет ясно, что он обвинял Сталина: 1) в жестокости; 2) в уничтожении ленинской гвардии; 3) в фальсификации процессов. Ну и что же здесь нового? О том, что Сталин уничтожил оппозицию, говорили и писали и раньше, и ни на кого это не произвело особого впечатления. Тем, кто был

равнодушен к «мировой революции», ото было безразлично, а твердокаменные коммунисты до секретного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС были непробиваемы.

В 1963 году Орлов публикует очередную книгу: «Учебник разведки и партизанской войны», в которой «разоблачил методы советского шпионажа за границей», «та книга Орлова — всего лишь сборник забавных и назидательных историй из жизни разведчиков, закамуфлированный рассказ об операциях 1920–1930 годов. Так что, рассказывая об этом в 1963 году, Орлов не нанес советской разведке никакого вреда. Не навредил он ей и раскрытием общей концепции работы за рубежом: ставка на агентуру, а не на обработку открытых источников, особая роль дезинформации и т. д. К тому же некоторые эпизоды явно лживы.

«В конце книги, — указывает К. Хенкин, — Орлов подробно рассказывает о подвигах легендарного капитана Николаевского, который, командуя в Испании партизанским отрядом, всех поражал храбростью и смекалкой. Прослужив в испанских партизанских отрядах более года, я ни разу Николаевского не встретил, ни разу о нем не слышал. А уж нам ли не стараясь поднять боевой дух всякими героическими историями».

Разумеется, совершенно абсурдным следует считать предположение, что Орлов бежал в США по заданию Москвы. В те годы на столь высоком уровне такие операции не проводились. Все значительно проще. Орлов был не из тех, кто покорно ехал навстречу следствию и пуле в лубянских подвалах. Но желание

сохранить жизнь не делало его противником советского строя.

Строй был свой, только надо было перестать расстреливать хороших и снова доверять им (таким, как Орлов) расстреливать плохих. Политически и практически с советским режимом Орлов не порывал никогда. Не мыслили себя вне коммунистического движения и другие перебежчики, опередившие Орлова, — Г. Агабеков, В. Кривицкий, И. Рейсс. Но они искали прежде всего связи с партийной оппозицией, хотели продолжить политическую борьбу со Сталиным. Результат этих исканий известен. Орлов же понял, что, порвав с Москвой, человек его профессии мог жить, только сотрудничая с западными спецслужбами с пользой для СССР. Чем он и занимался.

В подтверждение этому можно поведать о старом знакомом Орлова Вилли Фишере. Посланный в 1948 году нелегалом в США, он был арестован в 1957 году и назвался при аресте Рудольфом Ивановичем Абелем. Настоящий Рудольф Абель, тоже работник КГБ, в 1957 году умер в Москве. Само по себе это не интересно. Интересно другое. Вскоре после освобождения и возвращения Фишера в Москву его бывший сослуживец и друг К. Хенкин в частной беседе спросил его:

«— Почему при аресте вы назвались именем Абеля?

— Во-первых, потому, что биографию Рудольфа я знал, как свою, во-вторых, потому, что я таким образом давал сигнал в Центр, и, наконец, потому, что я проверял ШВЕДА».

Орлов, лично знавший Фишера, мог сказать, что настоящее имя человека, представшего перед судом, не Рудольф Иванович Абель, а Вильям Август Фишер. Он сын принявшего британское подданство Генриха Метью

Фишера. Он родился в городе Ньюкастл-на-Тайне 12 июля 1903 года. Он гражданин Великобритании, которую покинул по законному паспорту в 1921 году, по которому въехал в Великобританию в 1931 году. Паспорту, дающему право на защиту Короны и обязывающему Фишера соблюдать ей верность. Но Орлов не сделал этого.

Проверка, устроенная Орлову Фишером, вряд ли касалась какого-либо конкретного случая. Скорее всего, речь шла об общей благонадежности и подтверждении сделанного в декабре 1955 года начальником Следственного управления КГБ вывода: «У нас нет оснований для возбуждения судебного дела против Орлова».

Еще одним косвенным подтверждением этому можно считать следующий факт. В 1967 году сотрудники вашингтонской резидентуры КГБ установили местонахождение Орлова в США. Резидент Борис Соломатин и его заместитель по линии ПР Олег Калугин послали в Москву шифротелеграмму, в которой предлагали организовать встречу с Орловым и попытаться склонить его к возвращению в СССР. Из Центра пришло согласие, и 14 ноября 1969 года оперативный сотрудник КГБ Михаил Александрович Феоктистов встретился с Орловым на его квартире и передал ему письмо от его друга Прокопюка, с которым Орлов работал в Барселоне. В ходе состоявшейся беседы Феоктистов сказал Орлову, что он реабилитирован и что у него остались в СССР друзья, однако позитивного разговора не получилось. Орлов был сдержан, хотя разговаривал благожелательно. Вторая встреча Феоктистова с Орловым состоялась летом 1971 года. Орлов спокойно выслушал сообщение Феоктистова, что его ждут в СССР и считают честным человеком, но возвращаться отказался. Через месяц после этой встречи из Москвы поступил приказ оставить

Орлова в покое. По словам Калугина, приказ исходил из Политбюро, от М.А. Суслова. В результате контакты с Орловым прекратились, но и смертный приговор, вынесенный ему в 1938 году, не был приведен в исполнение.

Что же касается дальнейшей судьбы Орлова, то осенью 1971 года от сердечного приступа умерла его жена Мария. Тяжело переживая ее смерть, Орлов продолжал работать над мемуарами. В марте 1973 года он был отправлен в госпиталь с серьезной болезнью сердца и 8 апреля 1973 года умер в возрасте семидесяти восьми лет.

Следующим сотрудником НКВД, решившим остаться на Западе и не возвращаться в СССР, стал сотрудник резидентуры ИНО в Риме Гельфанд.

Лев Борисович Гельфанд родился 29 декабря 1900 года в селе Артемовка Полтавской губернии в семье управляющего помещьем. С 1910 по 1918 год молодой Гельфанд учился в гимназии города Переславля, где познакомился с учением К. Маркса, сблизился с большевиками и занимался распространением революционной литературы. После Октябрьской революции он встал на сторону новой власти, записался в отряд городской самообороны и принимал активное участие в борьбе с местными бандформированиями.

В ноябре 1918 года Гельфанд вступил добровольцем в Красную Армию и в дальнейшем служил в бронечастях, занимаясь политработой. Так, летом 1920 года он был назначен начальником политотдела Московской автобронетанковой бригады, в 1921 году по предложению Г. Котовского стал комиссаром бронесил РККА, а в начале 1922 года занимал должность уполномоченного ПУР у Троцкого. Одновременно учился на заочном отделении МГУ и редактировал журнал «Броневое дело».

В конце 1922 года Гельфанда направляют в Народный комиссариат путей сообщения, на должность заместителя начальника политсекретариата наркомата, а в 1923 году он становится заместителем председателя треста «Транспечать». Но, находясь на этой должности, он проворовался и в феврале 1924 года был исключен из рядов ВКП(б). Понимая, что вне партии сделать карьеру невозможно, он устраивается рабочим в типографию, а потом на завод «Мельстрой», где ему удается вновь вступить в ВКП(б). С партийным билетом в кармане Гельфанд, используя старые связи, в сентябре 1925 года устраивается на работу в Народный комиссариат иностранных дел. А уже в марте 1926 года его командировывают в полпредство СССР во Франции на должность стажера. Разумеется, такой поворот в его карьере не был случайным. Просто он в это время становится сотрудником НКВД. Об этом свидетельствует и тот факт, что во Франции Гельфанд очень быстро продвигается с должности секретаря генконсульства в Париже, до второго секретаря полпредства, ведает организацией союзов и печатных органов русской эмиграции (эта должность в советских посольствах всегда резервировалась для сотрудников разведки).

Но в конце января 1930 года Гельфанда срочно отзывают в Москву. Причиной этого стало его участие в начале января 1930 года в похищении главы РОВСа генерала Александра Павловича Кутепова.

Похищение Кутепова, приказ о чем был отдан лично Сталиным, ставило своей целью окончательно деморализовать белую эмиграцию и ее боевые организации. После внезапной смерти от скоротечной чахотки генерала Врангеля 25 апреля 1928 года (вполне возможно, смерти насильственной и организованной ОГПУ) генерал Кутепов оставался единственной крупной и пользующейся авторитетом фигурой в РОВСе.

Для организации похищения Кутепова в Париж припыл ответственный работник ОГПУ, начальник Особой группы при председателе ОГПУ Яков Исаакович Серебрянский. Похищение было осуществлено за несколько минут до 11 часов утра в воскресенье 26 января 1930 года прямо посреди улицы в седьмом квартале Парижа. Непосредственные участники похищения, резидент ОГПУ Николай Кузмин и нелегал Андрей Фихнер, запихнули Кутепова в машину и отвезли в порт Кале, где погрузили на советский пароход. Однако главная цель похищения не была достигнута. Дело в том, что у Кутепова было слабое сердце и оно не выдержало анестезии. По пути в Новороссийск он скончался от сердечного приступа.

В советском посольстве в Париже были приняты меры для заметания всех возможных следов. Уже вечером 26 января выехал из Франции первый советник посольства Аренс, отвечавший за связь с французской коммунистической партией. Д 28 января покинул Францию Гельфанд. В Москве он некоторое время работал референтом, а затем заместителем начальника англо-романского отдела НКВД, одновременно учась сначала на вечернем, а потом на дневном отделении Института красной профессуры.

В 1933 году Гельфанда командируют в Италию под прикрытием должности первого секретаря советского полпредства. В декабре его назначают советником посольства, а в 1938-1939 годах он уже исполнял обязанности поверенного в делах.

Летом 1940 года Гельфанд принимает решение не возвращаться в Москву. Что стало причиной такого решения — точно неизвестно, так как, в отличие от многих других перебежчиков, Гельфанд никогда не афишировал свою бывшую принадлежность к ОГПУ-НКВД. Вскоре он перебрался в США, сменил фамилию и

занялся бизнесом. Известный как мистер Мур, он разбогател и спокойно дожил свой век в Америке.

Надо сказать, что чистки и измены в рядах советских спецслужб не ослабили их деятельности по сбору разведывательной информации за рубежом. Множество людей было направлено за границу в конце тридцатых годов. А известность получили главным образом те, кто провалился в годы Второй мировой войны, например, Л. Треппер, А. Гуревич, Ш. Радо. Справедливости ради надо сказать, что среди нового поколения разведчиков встречались недостаточно подготовленные и морально неустойчивые люди. Одним из таких был некий Фитингоф.

Осенью 1940 года из Прибалтики под видом возвращающихся на историческую родину немцев была направлена разведгруппа Разведупра РККА в составе трех человек: двух братьев по фамилии Фитингоф и жены старшего брата. Старшей группы была женщина, работавшая на советскую разведку с 1932 года, еще до того, как вышла замуж за старшего брата Фитингофа. Перед группой стояла задача натурализоваться в Германии, завести собственное дело и в дальнейшем работать в качестве нелегальной резидентуры связи с Москвой.

По пути в Германию младший брат завязал интрижку с молоденькой прибалтийской немкой, обещая по приезде в Германию жениться на ней. Однако, узнав о случившемся, фрау Фитингоф положила конец этому роману, в результате чего несостоявшаяся невеста на пограничном посту донесла сотруднику гестапо, что трое ее спутников кажутся ей подозрительными. Донос попал к начальнику отдела IVЕ (контрразведка) РСХА Вальтеру Шелленбергу. Тот взял дело в свои руки и, вновь допросив доносчицу, установил, что ее жених говорил ей, что его брат работает на русских. После этого В. Шелленберг

организовал поиск исчезнувшей в Берлине группы, установив наблюдение за зданиями советского посольства и торгпредства. Через некоторое время пропавшие были обнаружены. Они успели сменить документы и устроились на работу в фирму по снабжению гостиниц и ресторанов. Старший брат теперь звался Эгон Альтман, младший — Вильгельм Оберрейтер, а женщина — Мария Шульце. В ходе дальнейшей слежки было установлено, что Мария несколько раз конспиративно встречалась с сотрудниками советского торгпредства, и в соответствии с планом Шелленберга было решено похитить на улице Оберрейтера как наиболее слабое звено в троице и склонить его к сотрудничеству.

План Шелленберга был приведен в исполнение, и на допросе Оберрейтер под угрозой расстрела за шпионаж согласился на сотрудничество с гестапо. Он рассказал, что группе было поручено купить в Берлине отель, куда поступала бы информация и где эта информация проходила бы предварительную обработку. Информация должна была носить в основном военный характер. В дальнейшем в штат отеля планировалось включить несколько офицеров разведки. На Марию возлагалась организация курьерской связи, Альтман должен был выполнять роль управляющего и владельца отеля, а сам Оберрейтер — заниматься технической обработкой поступающих материалов. Деньги на покупку отеля должны были поступить в ближайшее время под видом наследства.

Завербовав предателя Оберрейтера, Шелленберг обязал его поставлять гестапо всю полученную группой информацию. Но в конце ноября 1940 года, после прибытия в Берлин для переговоров с Германией В. Молотова, Гитлер, узнав от Гиммлера о советской разведгруппе, потребовал немедленно арестовать всех ее участников. «Я хочу показать русским, что мне все

известно об их шпионской и подрывной деятельности, — сказал Гитлер. — Арест их агентов сейчас как нельзя лучше соответствует моим планам». На следующий день М. Шульце и Э. Альтман были арестованы. Во время допросов в гестапо Шульце все отрицала и по приговору суда была казнена. Альтман тоже был приговорен к смертной казни, но позднее его помиловали.

После случившегося младший Фитингоф-Оберрейтер некоторое время продолжал работать на гестапо. Один раз на него было совершено покушение, но ему удалось спастись. В дальнейшем с помощью Шелленберга он несколько раз менял место жительства, и в конце концов ему все же удалось затеряться.

Глава 3

1941-1950 годы

Начавшаяся 22 июня 1941 года Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для всего советского народа, которое он вынес с величайшим мужеством и доблестью, справедливо заслужив славу непобедимого. Героизм солдат на фронте и тружеников тыла никогда до конца не может быть описан словами. На этом фоне еще более чудовищными выглядят случаи предательства и измены, не те, придуманные, по которым победителей фашизма отправляли в ГУЛАГ, а те, что действительно опозорили имя русского солдата. И еще более чудовищным является предательство разведчиков, хотя, за долгие годы войны их почти не было.

Первым оперативным сотрудником советской разведки, вставшим на путь предательства в годы Великой Отечественной войны, стал офицер ГРУ Ахмедов.

Исмаил Гусейнович Ахмедов родился 18 мая 1904 года в городе Орске Оренбургской губернии в семье татарского священника-муллы. После Октябрьской революции он, понимая, что новая власть пришла надолго, сразу переметнулся на ее сторону. В 1918 году в возрасте четырнадцати лет Ахмедов вступил в комсомол, указав в анкете, что родился в рабочей семье. В 1919 году, окончив двухгодичные подготовительные курсы, он приехал в Москву и поступил на первый курс Института народов Востока. В 1921 году Ахмедов вступил в члены РКП(б), а в 1925 году записался добровольцем в Красную Армию. В том

же году его направили на учебу в Ленинградскую высшую школу связи. В 1929 году он успешно оканчивает школу и получает назначение на должность командира взвода 2-го отдельного радиобатальона, а затем — командира взвода роты связи армии, дислоцированной в Закавказье.

В январе 1931 года Ахмедова направляют на работу в Разведупр РККА на должность радиоинструктора 4-го (технического) отдела. Он несколько раз выезжал в зарубежные командировки, а в феврале 1934 года был зачислен слушателем на 1-й курс Военной электротехнической академии РККА. После окончания академии Ахмедов некоторое время работал в Чехословакии под «крышей» корреспондента ТАСС Георгия Петровича Николаева, а после возвращения в Москву в августе 1940 года был назначен заместителем начальника 4-го отдела Разведупра.

Тогда же новый начальник Разведупра Ф.И. Голиков, занявший этот пост в июле 1940 года, приступил к чистке зарубежных резидентур Разведупра. На совещании руководящего состава шести оперативных отделов Разведупра он заявил, что чистка проводится по указанию И. Сталина и Г. Маленкова, добавив при этом уже от себя, мол, «слишком многие чересчур долго сидели за границей, и такие люди ставят под угрозу безопасность страны». Одним из руководителей центрального аппарата Разведупра, осуществлявшим на практике чистку зарубежных резидентур, был Ахмедов. Позднее в своих мемуарах он рассказывал следующее:

«Иногда мне везло и я находил неудачников, которые и в самом деле совершили какие-нибудь проступки, что рано или поздно привело бы к их увольнению из системы. Однако в

основном мне приходилось учитывать слишком тесные связи с Западом».

В сентябре 1940 года Ахмедова направили в берлинскую резидентуру Разведупра, где он снова работал под видом представителя ТАСС Г.С. Николаева. Здесь у него не сложились отношения с резидентом ИНО НКВД в Берлине А.З. Кобуловым. Однажды Кобулов даже устроил ему публичный разнос. Причиной разноса, по утверждению Ахмедова, было желание Кобулова «увидеть, сделаю ли я какую-нибудь ошибку, которая может быть использована против меня позднее». Что же касается оперативной деятельности Ахмедова в это время, то о ней можно судить по телеграмме посла СССР в Германии В.Г. Деканозова от 21 июня 1941 года:

«Представитель НКВД И. Ахмедов получил донесение нашего агента о том, что якобы завтра, в воскресенье 22 июня, Германия нападет на СССР. Я сказал ему и его начальнику А. Кобулову, чтобы они не обращали внимания на подобные «утки», и посоветовал нашим работникам выехать завтра на пикник».

После начала Великой Отечественной войны Ахмедов вместе с остальными официальными советскими представителями в Германии был интернирован и возвратился в СССР только в конце июля 1941 года. В Москве он некоторое время работал в центральном аппарате Разведупра, а потом был командирован в Турцию под видом пресс-атташе советского посольства в Анкаре Николаева.

Третьего мая 1942 года Ахмедов неожиданно для всех добровольно явился в турецкую полицию и заявил, что официально просит политического убежища. Объясняя сотрудникам турецкого инспектората

безопасности причины своего решения, он сказал, что возмущен начавшимися в Советском Союзе репрессиями против крымских татар, которые коснулись и его лично, так как недавно был арестован его отец. Но, надо думать, это заявление Ахмедова не имело ничего общего с истинными причинами, толкнувшими его на предательство. Скорее всего, он посчитал, что поражение СССР в войне неизбежно и решил спасти таким образом свою шкуру.

Пытаясь заслужить признательность и доверие турок, Ахмедов рассказал им все, что знал о работе резидентур ГРУ и ИНО НКВД в Анкаре и Стамбуле, выдал двух нелегалов, с которыми работал в Турции. Кроме того, он дал подробные показания о так называемом «деле Папена» — о неудавшемся покушении на немецкого посла в Турции, бывшего рейхсканцлера Германии Франца фон Папена. Оно имело место 24 февраля 1942 года в 10 часов утра на главной улице Анкары — бульваре Ататюрка.

Покушение на фон Папена было организовано советской разведкой по прямому указанию Сталина. Причина — активная деятельность фон Папена по заключению сепаратного мира между Германией с одной стороны, и Англией и США — с другой. Кроме того, союзники видели в фон Папене нового руководителя Германии также и в том случае, если бы заговор немецких военных против Гитлера увенчался успехом. Разумеется, Сталин не мог этого допустить, так как подобное развитие событий исключало СССР в будущем из числа ведущих мировых держав.

Двадцать четвертого февраля 1942 года болгарский боевик турецкого происхождения, некий Абдурахман, попытался совершить на фон Папена покушение. Но мина, замаскированная под приемник «Телефункен», взорвалась раньше времени у него в руках. В результате взрыва сам Абдурахман погиб, а еще

несколько человек было ранено. Однако фон Папен и его жена отделались легким испугом, они всего лишь были сбиты с ног взрывной волной. Турецкая полиция нашла на месте взрыва каблук от башмака Абдурахмана с клеймом гостиницы, где он провел несколько дней накануне этой акции. В результате был арестован руководитель Абдурахмана — некий Исхан, который вскоре признался, что в октябре 1941 года посетил советское посольство. Там он имел встречу со старшим помощником военного атташе майором авиации Новиковым, которому предложил купить документы о подготовке покушения на Сталина. Однако Новиков слушать его не стал и выгнал вон. Но вскоре Исхан изменил показания и стал утверждать, что после отказа Новикова купить документы он вместе с Абдурахманом отправился в Стамбул, где и был завербован сотрудниками советского генерального консульства и торгпредства Корниловым и Павловым.

Турки немедленно предъявили советскому посольству ультиматум о выдаче Павлова и Корнилова для предания их суду. Первоначально советские официальные представители отклонили это требование, однако после четырехдневной осады посольства были вынуждены согласиться. Турецкие власти с необычайной поспешностью провели расследование и уже через пять недель передали дело Павлова и Корнилова в суд, который проходил с 1 по 30 апреля 1942 года. На суде Павлов и Корнилов категорически отрицали свою вину, в то время как двое турецких граждан, оказавшихся вместе с ними на скамье подсудимых, ее подтверждали. В результате суд признал Павлова и Корнилова виновными и осудил каждого на шестнадцать лет тюремного заключения.

Спустя два года, в связи с изменившейся ситуацией на фронтах Второй мировой войны, турецкие власти пересмотрели свое отношение к делу о взрыве на

бульваре Ататюрка. Президент Турции Исмет Иненю своим указом амнистировал Павлова и Корнилова, а также сто захваченных турецкими спецслужбами советских агентов, работавших на ГРУ, НКВД, фронтовые и армейские разведорганы. В августе 1944 года Павлов и Корнилов были освобождены из анкарской тюрьмы и возвратились в Москву.^[13]

Давая показания турецким спецслужбам о «деле Папена», Ахмедов сообщил, что организатором покушения на немецкого посла был знаменитый Н. Эйтингон (действовавший в Турции под фамилией Наумов), и что его ближайшими помощниками были два других сотрудника ИНО НКВД — резидент ИНО в Турции Лев Василевский (Тарасов) и Георгий Мордвинов. А непосредственную работу выполняла группа болгар, работавших на советскую военную разведку, которой руководил И. Вина-ров. Прибыв в Турцию двумя партиями в сентябре — октябре 1941 года, эта группа и совершила неудавшееся покушение на фон Папена. Причиной же того, что покушение не удалось, была, по словам Ахмедова, крайне низкая подготовка Абдурахмана. Он слишком рано снял предохранитель мины, в результате чего взорвался сам. Узнав о предательстве Ахмедова, Москва приказала немедленно отозвать в СССР ряд оперативных работников турецких резидентур ГРУ и ИНО НКВД. А советское посольство в Анкаре потребовало от турецких властей немедленной выдачи предателя. Турецкие власти ответили отказом и переправили Ахмедова на Принцевы острова в Мраморном море. После окончания войны он принял ислам и взял себе новое имя — Исмаилэге. В 1948 году турецкий инспекторат безопасности передал Ахмедова американской разведке. При повторных допросах он не только повторил свои прежние показания, но и сообщил

все, что знал о работе и структуре резидентур и центрального аппарата ГРУ в предвоенное время. Позднее он работал консультантом по России в разведшколе ЦРУ в США, где помогал готовить агентуру для заброски в СССР. О своей работе в ГРУ он написал книгу под любопытным названием «Внутри и вне сталинского ГРУ: побег татарина из разведки Красной Армии».

Говоря о случаях предательства со стороны сотрудников советских спецслужб в годы Великой Отечественной войны, нельзя обойти стороной один из самых трагических провалов в истории зарубежной стратегической разведки — разгром берлинской агентурной сети «Коро», которая больше известна под названием «Красная Капелла».

Эта агентурная сеть возникла в середине тридцатых годов, когда один из ведущих экономистов немецкой организации «Артплан» Арвид Харнак посетил Советский Союз. Учитывая его прокоммунистические настроения, ИНО НКВД начало работу с ним, и в 1935 году начальник ИНО А. Артузов дал указание о вербовке. Первым куратором Харнака в Берлине стал сотрудник ИНО Н.М. Белкин. Расширение этой агентурной сети и ее безопасная работа во многом стали возможны из-за наличия у ИНО агента в гестапо — Вилли Лемана, проходившего под псевдонимом БРАЙТЕНБАХ и завербованного еще в 1929 году.

Но в 1938 году в связи с непрекращающимися чистками разведки связь с группой Харнака, с Леманом и многими другими агентами, была прервана. И только перед самой войной заместитель резидента НКВД в Берлине А. Коротков смог установить контакт с Харнаком и объединившейся с ним антифашистской группой под руководством сотрудника разведки люфтваффе Харро Шульце-Бойзенем.

После начала военных действий оказалось, что радиопередатчики, доставленные группе Коротковым, слабосильны и не могут обеспечить связь с Москвой. Тогда руководство ИНО обратилось за помощью к ГРУ, в результате чего в Берлин для помощи в установлении связи в октябре 1941 года был направлен нелегальный резидент Разведупра в Бельгии Анатолий Маркович Гуревич (КЕНТ). Но и его помощь не улучшила ситуацию.

Тогда было принято решение доставить группам Харнака и Шульце-Бойзена новые, более мощные передатчики при помощи агентов-парашютистов. К лету 1942 года для выполнения этого задания были подготовлены два человека, говорящие по-немецки. Было решено сбросить их над советской территорией, оккупированной немцами, откуда им предстояло направиться на запад под видом немецких рабочих. Старшим в этой паре был Альберт Хесслер, бывший член КПГ, воевавший в Испании и прошедший там подготовку в разведшколе под руководством Орлова. Хесслера, получившего оперативный псевдоним ФРАНЦ, сопровождал еще один агент ИНО НКВД немецкого происхождения — Роберт Барт, действовавший под псевдонимом БЕК. Приземлившись на занятой немцами территории, они должны были раздельно направиться в Берлин, где Хесслеру предстояло вступить в контакт с Куртом Шульце или Шумахерами из сети Шульце-Бойзена, а Барту встретиться с Леманом.

Успешно приземлившись с парашютами 5 августа 1942 года у Брянска, они уже через неделю были в Берлине. Хесслера укрыли в своей квартире Шумахеры, откуда он послал свою единственную радиограмму. Но уже в конце августа «Красная Капелла» была разгромлена гестапо. 31 августа был арестован Шульце-Бойзен, а 3 сентября Харнак. Причиной провала стала ошибка сотрудников центрального аппарата разведки, которые в шифротелеграмме, адресованной

КЕНТУ, где ему предписывалось установить связь с группой «Коро», указали точные домашние адреса Харнака и Шульце-Бойзена. Эта перехваченная радиограмма через 11 месяцев была дешифрована и послужила началом арестов.

В числе прочих арестованных оказался и Барт. В отличие от Хесслера, мужественно державшегося под пытками, он не выдержал, выдал шифры (и свой и Хесслера) и согласился на сотрудничество с гестапо. Уже 8 октября 1942 года он принял первое участие в радиоигре с Москвой, посылая в Центр дезинформацию, подготовленную гестапо. Более того, он выдал и В. Лемана, о котором, кроме него, никто не знал. Позднее Барт работал на немцев на оккупированной территории Западной Европы, что было документально зафиксировано британской разведкой. Весной 1945 года он попал в плен к американцам, а те передали его сотрудникам НКВД. На следствии при помощи трофейных протоколов допросов, проводившихся в гестапо, было доказано, что после своего ареста Барт предал Хесслера и Лемана. По приговору военного трибунала в 1945 году Барт был расстрелян за измену.

Были в период Великой Отечественной войны и случаи предательства, совершенные агентами, завербованными агентурными отделениями разведотделов штабов фронтов и армий. Говорить о всех них излишне, а в качестве примера можно привести следующий случай.

В апреле 1944 года разведотделом 1-го Украинского фронта в тыл к немцам в район польского города Кракова была заброшена с самолета разведгруппа с задачей вести разведку вдоль реки Висла и в окрестностях Кракова. Возглавлял группу ЮЗЕК, поляк, родом из Силезии, хорошо знавший немецкий и русский языки. После того как в Советском Союзе была сформирована польская дивизия имени Тадеуша

Костюшко, ЮЗЕК вступил в ее ряды. Заместителем ЮЗЕКА была АНКА и радистом группы ОЛЬГА (Елизавета Вологодская). По легенде, ЮЗЕК должен был выдавать себя за родственника украинского националиста Богуславского, оставшегося в Луцке после событий 1939 года. Ольга была его женой, а АНКА — свояченицей.

Благополучно приземлившись, группа своевременно прибыла в Краков и вышла на связь с Томашем Сендером, братом Петра Сендера, воевавшего в дивизии имени Костюшко. Тот устроил ОЛЬГУ и АНКУ в селе Могила под Краковом, а сам Юзек остался в городе. Однако вскоре стало известно, что у Юзека в жандармерии служил родной дядя, с которым они ежедневно посещают рестораны. В сложившейся непростой ситуации неожиданно на помощь ОЛЬГЕ и АНКЕ приходит польское подполье. Члены подполья Юзеф Зайонц и его жена Валерия Глембска переводят девушек в селение Рыбна и устанавливают за ЮЗЕКОМ постоянное наблюдение, в результате чего выясняется, что он действительно предатель. Поэтому подпольный комитет выносит ЮЗЕКУ смертный приговор. Приговор привели в исполнение члены подполья Янек Касперкевич и Франек Чекай, застрелившие ЮЗЕКА на улице Вьечистой в Кракове и сами погибшие от рук фашистов.

Дальнейшая судьба АНКИ сложилась трагично. Во время проверки документов она была арестована и отправлена в концлагерь Освенцим, откуда уже не вернулась. А ОЛЬГА (Е. Вологодская) с августа 1944 года находилась в разведгруппе «Голос» 1-го Украинского фронта под командованием капитана Е. Березняка и до самого освобождения Кракова выполняла обязанности радиста.

Еще один предатель из числа сотрудников разведки в годы войны известен под именем Игоря Григорьевича Орлова. Настоящая фамилия его неизвестна, но, по словам его жены, в одной из анкет он записал своих родителей под фамилией Навратилковы.

Игорь Орлов, известный в разное время как Александр Кобацкий и Франц Койшвиц, родился в январе 1922 года в Киеве. По словам жены, он окончил военное училище в Сибири, возможно, в Новосибирске. С августа 1941 года служил в советской военной разведке в звании лейтенанта. В декабре 1943 года его забросили на территорию Германии, но во время спуска на парашюте был ранен в ногу и шею и оказался в плену. Он находился на излечении в госпитале до апреля 1944 года и там был завербован абвером в качестве связника с армией Власова.^[14] После выздоровления и выписки из госпиталя он служил в звании лейтенанта вермахта в «Штабе Вали».^[15] В марте 1945 года Орлов был переведен в разведку РОА, где и служил до мая 1945 года. По окончании войны он попал в плен к американцам и был заключен в концлагерь Дахау. Именно тогда он взял себе польское имя и фамилию Александр Кобацкий, дабы избежать депортации в СССР. В Дахау в 1946 году он был завербован американской разведкой.

У вдовы Орлова сохранилась собственноручно написанная им автобиография, уместившаяся на одном листке. Вот она:

«Игорь Григорьевич Орлов родился 1 января 1922 года в Киеве, Советский Союз. Натурализован 6 сентября 1962 года в Александрии, штат Вирджиния, документ о натурализации № 8 440 855.

Военная или гражданская служба:

Август 1941 — дек. 1943. Лейтенант советской разведки,
дек. 1943 — апрель 1944. Пленный в немецком госпитале,
апр. 1944 — март 1945. Лейтенант немецкой разведки, «Штаб Валли»,
март 1945 — май 1945. Разведка РОА (армии Власова),
1946–1948. Разведка США,
1950–1961. Оперативник ЦРУ».

В 1946–1947 годах Орлов под фамилией Копецкий работал на американскую разведку в Пуллахе, под Мюнхеном, где бывший генерал вермахта Рейнхард Гелен создавал под руководством и контролем американцев новую немецкую разведслужбу, а в 1948–1949 годах — под руководством сотрудника ЦРУ Дэйва Мэфри на мюнхенской оперативной базе ЦРУ, специализируясь на украинском направлении. В июле 1948 года он женился на Элеоноре Штирнер, немке, отсидевшей пять месяцев в том же Дахау как член гитлерюгенда. Они зарегистрировались как Александр и Элеонора Копецкие.

В 1949 году, во время создания берлинского воздушного моста, Орлов был переведен в Западный Берлин. Там Орловы-Копецкие по настоянию ЦРУ сменили имена и фамилию и стали Францем и Элен Койшвиц. В Берлине Орлов занимался вербовкой женщин легкого поведения. У него на связи было одиннадцать проституток и однорукий пианист, которые работали в одном из баров советского сектора. Они сообщали Орлову о всех сплетнях, которые представляли военный или разведывательный интерес, основной же целью была вербовка с помощью девушек советских военнослужащих. В 1954 году у Орловых родился сын Роберт и Элеонора потребовала

прекратить кочевую жизнь по мебелированным комнатам. Поэтому в 1956 году Орловых перевели во Франкфурт и предложили сменить паспорта на американские.

С паспортами, однако, произошла заминка, так как Франца Койшвица арестовали за нарушение правил дорожного движения. Поэтому в ЦРУ снова сменили им фамилии, и они получили паспорта на имя Игоря и Элеоноры Орловых. Во Франкфурте они оба работали на ЦРУ: Э. Орлова — в отделе перлюстрации почты, курсирующей между СССР и Западной Германией, а И. Орлов пытался на основании полученных путем перлюстрации данных вербовать лиц, имеющих контакты с Советским Союзом. В апреле 1957 года в связи с предстоящим рождением второго ребенка Орловы выехали в США, где 9 августа появился на свет их второй сын Джордж. Вскоре они вернулись во Франкфурт и продолжили работу на ЦРУ.

Но в 1959 году возникли разногласия между Орловым и Николаем Козловым, бывшим советским гражданином, также работавшим на ЦРУ. Однажды, вернувшись из командировки в Вену, Орлов обнаружил, что его сейф вскрывали. Козлов знал кодовую комбинацию, и Орлов, уверенный, что именно он открывал сейф, написал рапорт на имя своего начальника Соголова. На его беду, Соголов оказался близким другом Козлова, и это губительным образом сказалось на карьере Орлова в ЦРУ.

В январе 1961 года Орловы прибыли в Нью-Йорк, где им была обещана новая работа. Но в Нью-Йорке Орлову заявили, что работы для него нет, и не продлили с ним контракт. (Все эти годы, с 1946 по 1961 год, Орлов работал на ЦРУ по контракту и не был штатным сотрудником управления.) Надо было как-то жить, и Орлов устроился водителем грузовика в издательство «Вашингтон пост». К 1964 году семья Орловых накопила

достаточно денег и смогла открыть в Александрии магазин картинных рам.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Дело в том, что в декабре 1961 года из Хельсинки бежал в США заместитель резидента КГБ А.М. Голицын. (Подробно о нем см. главу 5.) Он внушил ЦРУ идею тотального проникновения КГБ во все поры западного общества, в том числе и в разведку. Эта идея нашла отклик у шефа контрразведки ЦРУ Джеймса Энглтона, и в ЦРУ началась масштабная охота на «кротов» КГБ, так как по сведениям Голицына у КГБ был «крот» в ЦРУ. «Крот» этот имел псевдоним САША, был русского происхождения, его фамилия начиналась на «К», и он работал в Германии. Орлов походил по всем признакам на искомого «крота», и в 1964 году контрразведка ЦРУ начала его разработку. А в середине 1964 года дело Орлова было передано в ФБР.

В начале марта 1965 года в квартире Орловых был произведен обыск, а сам он подвергся проверке на детекторе лжи. Однако никаких улик, а тем более доказательств, ФБР не обнаружило. Несмотря на это, за домом Орлова было установлено постоянное наблюдение, а его самого регулярно вызывали на допросы в ФБР. В апреле Орлов не выдержал прессинга и тайно обратился в посольство СССР в Вашингтоне с просьбой о политическом убежище, которое было бы ему гарантировано вместе с семьей. Но Элеонора Орлова не пожелала ехать в СССР, и побег не состоялся. ФБР стало известно о посещении Орловым советского посольства, но, так как он объяснил этот визит необходимостью узнать адрес матери, никаких осложнений не последовало.

В марте 1966 года дело Орлова получило неожиданное продолжение. Сотрудник КГБ И.П. Кочнов по личной инициативе пошел на контакт с ЦРУ. Среди всего прочего он заявил, что И. Орлов является

«кротом» КГБ. Правда, все обстоятельства сотрудничества Кочнова с ЦРУ, а самое главное, исчезновение в Вене Н.Ф. Артамонова (об этом эпизоде речь пойдет далее), свидетельствуют о том, что Кочнов был подставой КГБ, а показания против Орлова — попыткой направить ФБР по ложному следу. Во всяком случае, на судьбе Орлова это заявление никак не отразилось. До самой смерти Орлова ЦРУ и ФБР относились к нему подозрительно, но так и не нашли ни малейших доказательств его виновности в чем бы то ни было.

Второго мая 1982 года в возрасте шестидесяти лет И.Г. Орлов скончался. Но и его смерть не принесла покоя семье. В 1985 году в США бежал сотрудник КГБ В.С. Юрченко, и история САШИ обрела продолжение.

Список предателей, бежавших на Запад после победы над фашистской Германией, открывает шифровальщик ГРУ И.С. Гузенко.

Игорь Сергеевич Гузенко родился в 1919 году в деревне Рогачево Дмитровского района Московской области. По окончании средней школы он поступил в Московскую инженерную академию, но окончить ее не успел, так как началась Великая Отечественная война. С началом войны Гузенко был призван в армию и направлен в спецшколу, готовившую шифровальщиков. Затем в течение года он воевал на одном из фронтов и после полугодовой стажировки в главном шифровальном бюро ГРУ был командирован вместе с семьей в Канаду шифровальщиком военного атташе и резидента ГРУ в Оттаве полковника Николая Заботина. Надо сказать, что при направлении Гузенко за рубеж возникали некоторые сомнения. В частности, отмечалась такая черта характера, как корыстолюбие, а также пристрастие к алкоголю.

В Оттаве Гузенко сумел завоевать расположение своего шефа Заботина и поэтому пользовался рядом привилегий. Так, вопреки всем установленным правилам, он проживал вместе с женой и сыном не на территории посольства, а на частной квартире в городе. Факт вопиющий, поскольку шифровальщикам разрешалось покидать территорию посольства только в сопровождении двух человек. Об этом стало известно в Москве, после того как заместитель начальника Первого управления ГРУ полковник Михаил Мильштейн в мае — июле 1944 года совершил инспекционную поездку по легальным резидентурам в США, Мексике и Канаде. В ходе проверки Мильштейн установил, что Гузенко не только проживает за пределами посольства, но и имеет доступ к личному сейфу заместителя резидента по агентурной работе полковника П.С. Мотинова.

Кроме того, у Мильштейна, по его словам, сложилось впечатление, что Гузенко готовится к побегу и находится на пути к предательству. Вот как он вспоминал об этом позднее:

«Перед отъездом я еще раз сказал Заботину о необходимости переселения Гузенко в посольство и решил снова побеседовать с Гузенко. Я внимательно слушал его, задавал часто несущественные вопросы — какое-то необъяснимое и тревожное предчувствие на протяжении всей беседы неотступно мучило меня. Мне все время виделась в нем какая-то неискренность. Внутренний голос подсказывал, что с ним неладно. Что он решил что-то важное для себя, но боится, что его замысел сорвется. И вот тогда, в июне 1944 года, я пришел к выводу, что он готовится бежать. Готовится, но еще не решил окончательно».

Начальник ГРУ генерал-лейтенант И.И. Ильичев и начальник отдела кадров ГРУ полковник С. Егоров не приняли всерьез опасений Мильштейна, но тем не менее в сентябре 1944 года в Оттаву ушла телеграмма об отзыве Гузенко в Москву. Однако резидент Заботин сумел настоять на отмене этого решения, и лишь в августе 1945 года новый начальник ГРУ генерал-лейтенант Ф.Ф. Кузнецов подписал телеграмму с категорическим указанием Заботину немедленно отправить Гузенко и его семью в Советский Союз.

Узнав об этом, Гузенко принимает решение не возвращаться на родину. Вечером 5 сентября 1945 года он обратился в редакцию, газеты «Оттава джорнел», с заявлением о том, что он располагает документами, свидетельствующими о советском шпионаже против Канады. В редакции ему не поверили, тогда он обратился в министерство юстиции с просьбой предоставить ему политическое убежище. В министерстве юстиции к его словам тоже отнеслись недоверчиво и предложили прийти на следующий день. Недоумение по поводу заявления Гузенко было столь велико, что там всерьез обсуждался вопрос о передаче его советским представителям в Оттаве, дабы избежать политических осложнений. Всю ночь Гузенко с семьей скрывались у соседей, и на следующий день он вновь обратился к канадским властям. Только факт взлома дверей квартиры Гузенко сотрудниками безопасности советского посольства и настойчивое вмешательство Уильяма Стефенсона, занимавшего пост главы британской миссии по вопросам координации обеспечения безопасности, спасли жизнь Гузенко. Стефенсон убедил руководство Королевской канадской конной полиции (КККП), занимающейся вопросами разведки и контрразведки, укрыть Гузенко на территории специальной военной школы на северном берегу озера Онтарио.

Советское посольство в Канаде сделало все возможное, чтобы вынудить канадские власти передать Гузенко СССР. Восьмого сентября посол отправил в департамент иностранных дел Канады ноту следующего содержания:

«...сотрудник советского посольства Игорь Сергеевич Гузенко, проживающий по улице Коммерсет Стрит, 511, не явился в установленное время к месту службы.

В связи с этим консул Павлов и два других сотрудника посольства посетили квартиру Гузенко, но дверь им никто не открыл. После этого были использованы дубликаты ключей...

Позднее было установлено, что И. Гузенко похитил из посольства деньги и документы...

Посольство СССР просит департамент иностранных дел принять срочные меры по розыску, аресту и передаче Гузенко для депортации из страны как уголовного преступника, который выкрал деньги, принадлежащие посольству».

Через неделю в департамент иностранных дел Канады была отправлена вторая нота:

Подтверждая наше заявление в ноте № 35 от 8.09.1945 о том, что Гузенко похитил денежные фонды посольства, вторично просим о задержании Гузенко и его жены без организации суда над ними и о передаче их советскому посольству для последующей депортации в Советский Союз».

В ответ канадское правительство направило запрос в советское посольство о похищенных суммах и

некоторых связанных с этим обстоятельствах, но ответа посольства на этот запрос не последовало.

В Москве бегство Гузенко вызвало переполох. По личному приказу Сталина была создана комиссия по ликвидации последствий предательства Гузенко. В ее состав входили Г. Маленков (председатель), Л. Берия, В. Абакумов, Ф. Кузнецов, В. Меркулов, Мамулов (секретарь). Предложение ликвидировать Гузенко силами специальной секции «Х» ГРУ, занимавшейся актами возмездия, было отклонено Сталиным, который сослался при этом на возможный ущерб престижу СССР. Впрочем, до самой смерти Гузенко значился в так называемой розыскной книге, куда заносились все осужденные и объявленные в розыск перебежчики. Вот что говорилось о нем в розыскном деле:

«Гузенко Игорь Сергеевич, 1919 года рождения, урож. дер. Рогачево Дмитровского р-на Московской обл., русский, образование незаконченное высшее, бывш. лейтенант Советской Армии. Среднего роста, шатен, волосы редкие с глубокими залысинами, лицо овальное, на подбородке ямочка, походка резкая, при разговоре сдвигает в сторону нижнюю челюсть, увлекается рисованием. Сестра Сокольникова (Гузенко) Ирина Сергеевна — в г. Златоусте Челябинской обл.; брат Гузенко Всеволод Сергеевич — в г. Златоусте Челябинской обл.; отец Гузенко Сергей Давыдович до войны проживал в г. Киеве.

С августа 1943 г. вместе с женой (Гузенко С.Б.) находился в служебной командировке по линии Министерства Обороны СССР в Канаде. 6 сентября 1945 г. по сговору с женой отказался от возвращения в СССР. Из аппарата военного атташе СССР в Канаде похитил и передал

канадским властям ряд совершенно секретных документов. Военной коллегией Верховного суда СССР 2 марта 1956 г. заочно осужден к ВМН. По имеющимся данным проживает в Канаде. Имеется фотокарточка 1940-1945 гг. и образец почерка».

В результате пострадали лишь Заботин и его семья. Он, его жена и сын были арестованы и осуждены. Заботин находился в заключении до смерти Сталина. Выйдя на свободу, он развелся с женой, женился вторично на простой деревенской женщине, уехал из Москвы в провинцию, где вскоре умер.

Что касается Гузенко, то его скрупулезно допрашивали сотрудники КККП, офицер СИС Петер Двайер и даже сэр Роджер Холлис, начальник отдела английской контрразведки МИ-5, занимавшийся разработкой политических партий и, в частности, компартии Великобритании. Гузенко передал так много информации, что канадское правительство учредило специальную Королевскую комиссию по вопросам шпионажа. Согласно официальному заявлению, комиссия выявила имена четырнадцати агентов ГРУ, и указала псевдонимы еще пяти членов. Из этих девятнадцати девять человек были осуждены.^[16]

Так, с помощью Гузенко была раскрыта агентурная группа БЕК, занимавшаяся вопросами атомного шпионажа. В нее входили Алан Мей (АЛЕК), британский ученый-физик, работавший во время войны над созданием атомной бомбы в научном комплексе на Чак-ривер, Онтарио, Исраэль Гальперин (БЭКОН), Эдвард Мазерал (БАГЛИ) и другие. Раскрытие группы «Бек» вызвало ужесточение мер безопасности в западных центрах ядерных исследований, и в дальнейшем привело к провалу других советских разведгрупп,

занимавшихся атомным шпионажем, в состав которых входили К. Фукс, Г. Голд, Д. Грингласс, супруги Розенберг и многие другие.

Было также установлено, что резидентура Заботина, кроме атомного шпионажа, также занималась сбором научной, военной и политической информации. Данные о радарх, например, КККП и Королевская комиссия сочли «информацией величайшей важности», поскольку «радар был, пожалуй, наиболее важным, если не считать атомной бомбы, результатом совместной работы развитых англоязычных стран в области техники в течение рассматриваемого периода». Среди другой технической информации агентура ГРУ поставляла данные о гидролокаторах, взрывчатых веществах, ракетном топливе и бесконтактных взрывателях. Среди агентов, собиравших политическую информацию, особенно ценными были Сэм Карр (урожденный Коган, украинский еврей); секретарь по организационным вопросам компартии Канады с 1937 года, Фред Розе (урожденный Розенберг, родившийся в Польше в семье евреев из России); партийный активист из Квебека и член парламента Канады, поставлявший информацию о секретных «парламентских слушаниях».

Помимо прочего, Гузенко указал и на существование двух агентов ГРУ под псевдонимом ЭЛЛИ, работавших у англичан. Первым была Кэтрин Уиллшер, заместитель архивариуса в бюро по учету документов посольства Великобритании в Канаде. Гузенко показал, что она работала в «администрации», что и помогло РСМП. Уиллшер была арестована 15 февраля 1946 года и признала себя виновной в передаче секретной информации русским. На основании закона о государственной тайне в марте 1946 года она была осуждена, но поскольку передаваемые ею сведения большой ценности не представляли, наказание было определено в три года тюрьмы.

Относительно второго ЭЛЛИ Гузенко сообщил, что он занимает очень важный пост, и, несмотря на женский псевдоним, он мужчина. По словам Гузенко, о втором ЭЛЛИ он узнал в 1942 году во время ночного дежурства в главном шифровальном бюро ГРУ от своего друга-шифровальщика Любимова.

Поиски второго ЭЛЛИ были весьма затруднены, так как Гузенко, злоупотреблявший алкоголем, часто менял свои показания; То говорил, что агент работает в «пятом МИ», потом «пять МИ» стал просто МИ-5.^[17] Относительно истинного имени второго ЭЛЛИ выдвигались самые разные догадки — от сэра Роджера Холлиса до Кима Филби. Однако Гордиевский категорически утверждает, что ЭЛЛИ — это Лео Лонг, в годы войны работавший в МИ-5. Он говорит, что лично видел досье Лонга, на котором крупными буквами было написано «ЭЛЛИ». По словам Гордиевского, оператором Лонга был Блант, член английской «кембриджской пятерки». Однако ГРУ независимо от Бланта в 1942 году установило с Лонгом контакт. Лонг попросил Бланта запросить Москву, на кого же он работает, и Москва ответила однозначно, что ЭЛЛИ — агент НКГБ. В связи с этим ГРУ было вынуждено согласиться, чтобы в дальнейшем контакты с Лонгом осуществлял Блант.

О размахе работы ГРУ в Канаде, конец которой положило бегство Гузенко, свидетельствует и запись в дневнике премьер-министра Канады Маккензи Кинга:

«Я диктую эти строки и думаю о советском посольстве — всего через несколько домов отсюда, — которое оказалось центром заговора. Во время войны, когда Канада делала все, чтобы помочь русским и укрепить канадско-русскую дружбу, одна из русских спецслужб занималась тем, что шпионила за нами... Просто удивительно, сколько у них было контактов

среди людей, занимавших ключевые позиции в правительстве и промышленных кругах».

После бегства на Запад склонность Гузенко к алкоголю начала резко прогрессировать. Он мог, выйдя из дому, за один раз истратить сотни тысяч долларов. По этому поводу Филби говорил:

«Позднее я с некоторым удовольствием узнал, что из-за Гузенко КККП почти обанкротилась, когда он познал радость от использования капиталистической системы заказов по поч, те. По каталогам он заказывал массу всевозможных товаров длительного пользования, независимо от того, нужны были они ему или нет, и посылал чеки на оплату в канадскую контрразведку. Подвальное помещение его дома было, очевидно, забито коробками с нераспакованными телевизорами и другими товарами».

По некоторым оценкам, Гузенко стоил канадцам примерно 7 миллионов долларов.

В 1948 году Гузенко написал книгу «Железный занавес», в которой поведал о своей судьбе. Умер он своей смертью в 1982 году.

Другим сотрудником советской разведки, попытавшимся после войны бежать на Запад, был полковник внешней разведки НКГБ Волков.

Эта история началась 27 августа 1945 года, когда вице-консул советского посольства в Турции Константин Волков направил вице-консулу Великобритании Чантри Пейджу просьбу о безотлагательной встрече. Было время отпусков, посол Великобритании отсутствовал, а большинство

служащих посольства на лето переехало из Анкары в Стамбул. Поэтому просьба была оставлена без ответа. Тогда 4 сентября Волков лично явился в старое консульское здание в Стамбуле. Его приняли вице-консул Пейдж и первый секретарь посольства Джон Рид, исполнявший обязанности переводчика.

Волков очень нервничал, излагая цель своего визита. Оказалось, что он является полковником, заместителем резидента НКГБ в Турции, и принял решение бежать на Запад. Он заявил, что хотел бы получить паспорта для себя и жены для выезда на Кипр и 27 500 фунтов стерлингов.^[18] В обмен на политическое убежище он предлагал англичанам досье, документы и информацию, собранные им во время работы в британском отделе ИНУ в Центре: список советских агентов в Турции, адреса зданий НКГБ в Москве, данные о системе их охраны, слепки с ключей, графики смен дежурных охранников. Но самым важным была его информация о советских агентах в Англии, причем двое из них, по его словам, работали в министерстве иностранных дел, а семеро — в британской разведывательной службе, один из которых исполнял обязанности руководителя отдела британской контрразведки в Лондоне.^[19]

Рид с Пейджем сошлись во мнениях, что о предложениях Волкова следует поставить в известность посла Великобритании в Турции сэра Мориса Петерсона. Однако тот выразил крайнее неудовольствие по поводу этого известия, так как уже давно пытался пресечь пребывание в штате посольства сотрудников СИС под дипломатическим прикрытием. «Я не допущу, чтобы мое посольство превратилось в шпионское гнездо, — заявил Петерсон. — Если вы хотите заниматься этими делами, выбирайте для этого Лондон». Это решение посла не информировать

резидента СИС в Турции Сирила Макрея о произошедшем и привело к печальным для Волкова последствиям.

Когда Волкову сказали, что о его просьбе придется проинформировать Лондон, он согласился, но выдвинул ряд условий. Первое: отчет о беседе должен быть написан от руки, а не напечатан на машинке, так как в британском посольстве есть русский агент. Второе: сноситься с Лондоном по его вопросу необходимо по дипломатической почте, поскольку все радиосообщения между Лондоном и посольством в Москве уже в течение двух с половиной лет расшифровываются. Третье: ответ он будет ждать не более 21 дня. Обговорив эти условия, Волков покинул британское посольство.

Девятнадцатого сентября 1945 года донесение, написанное в Стамбуле Ридом, было доставлено в СИС, где легло на стол начальника девятого отдела, занимающегося контрразведкой против коммунистических стран и организаций. Имя этого начальника было Ким Филби. Как глубоко внедренный «крот» НКГБ, он сразу оценил масштаб грозящей ему опасности.

«Я сразу же отверг идею советовать проявлять осторожность в деле Волкова под предлогом возможной провокации, — писал он позднее в книге «Моя тайная война». — В тот момент это никакой пользы мне не принесло бы, а с точки зрения длительной перспективы могло бы явиться компрометирующим меня фактором. Единственно правильный путь — действовать смело. Я доложил Мензису (тогдашний начальник СИС), что, по моему мнению, речь идет о деле чрезвычайной важности. Мне потребуется какое-то время, чтобы разобраться в его существе, и, исходя из информации,

которая, возможно, будет получена, выработать соответствующие рекомендации».

В тот же день Филби сообщил о Волкове своему оператору из лондонской резидентуры НКГБ Б. Кротову, который немедленно поставил Центр в известность об этом. Двадцать первого сентября консульство Турции в Москве выдало визы двум сотрудникам НКГБ, действовавшим под видом дипкурьеров. Одним из них был начальник 5-го отдела 1-го управления Андрей Макарович Отрощенко, второго звали — Александром Даниловым. По прибытии в Стамбул выяснилось, что Волков болен и находится в больнице французского консульства. Это осложняло выполнение задачи, так как предатель, заподозрив что-то неладное, мог обратиться за помощью к англичанам или французам. Поэтому пришлось прибегнуть к помощи французского врача, который убедил Волкова в необходимости пройти медицинский осмотр на территории советского консульства. Ничего не подозревавший Волков согласился и, только увидев в посольстве Отрощенко, понял, что его ожидает. Двадцать четвертого сентября Волков и его жена были доставлены в сопровождении охранников на военный самолет и вывезены в Москву. Судьба Волкова была решена.

Что же касается действий СИС, то они, благодаря принятым Филби контрмерам, осуществлялись нарочито медленно. Лишь 22 сентября в Лондоне поручают Филби разобраться с делом Волкова лично. Задержавшись в пути из-за погодных условий, Филби прибыл в Стамбул только 26 сентября, в пятницу. Но британское посольство не работало по выходным, и поэтому попытку связаться с Волковым Пейдж, Рид и Филби предприняли только в понедельник, 29 сентября. Но в советском посольстве им сначала ответили, что Волкова нет на месте, потом что Волков в Москве, а когда на

следующий день Пейдж лично посетил посольство, ему заявили, что понятия не имеют ни о каком Волкове.

В своем отчете о провале Волкова Филби выдвинул несколько версий: пьянство, неосторожность, прослушивание НКГБ его квартиры, неожиданное изменение решения. Так как в СИС Филби пользовался абсолютным доверием, то история с Волковым непосредственно ему не угрожала. Однако после побега в СССР в 1951 году Д. Маклина и Г. Берджесса досье Волкова вытащили из архива и неудачные попытки Филби дискредитировать Волкова обернулись важной частью обвинения против него самого.

Если Филби был и остался убежденным сторонником социализма и СССР, то некоторые другие коммунисты и интернационалисты на Западе со временем изменили свое отношение к Советскому Союзу и его политике. Одним из них была Элизабет Бентли.

Бентли родилась в 1908 году, и после окончания университета Вассар жила в Нью-Йорке. В 1934 году она около года провела в Италии, откуда вернулась убежденной антифашисткой, и в 1935 года вступила в Компартию США. В 1938 году ее убедили прервать открытые отношения с партией, выдать себя за консерватора и работать на НКВД. Ее оператором в Нью-Йорке стал нелегал ИНО НКВД Яков Голос (ТИММИ), чьей любовницей она вскоре стала вопреки всем правилам НКВД.

С 1941 года Бентли, получившая в ИНО псевдоним МИРНА, работала связной между Голосом и группой Натана Сильвермастера («Грета»), Сильвермастер сделал очень много для возрождения агентурной сети в Вашингтоне после предательства Чемберса. Революционный романтик, страдающий бронхиальной астмой, он перед нападением японцев на Пёрл-Харбор сумел создать группу из десятка правительственных

чиновников, работавших в различных подразделениях администрации Рузвельта и одновременно на НКВД. Бентли раз в две недели совершала поездки в Вашингтон, где забирала информацию у Сильвермастера и отвозила в Нью-Йорк. Вначале это было несколько машинописных страничек с изложением секретных материалов и несколько копий наиболее важных документов.

Однако вскоре Москва потребовала больше документальных свидетельств, и тогда члены группы Сильвермастера стали приносить их ему домой, где он вместе с женой по ночам переснимал материал на микро пленку. Поначалу все уместалось на три-четыре катушки микро пленки по 35 кадров в каждой, и супруги Сильвермастер сами их проявляли. Но уже к весне 1943 года Бентли каждые две недели привозила в хозяйственной сумке по сорок не проявленных микрофильмов, которые обрабатывались в резидентуре НКВД. Наиболее важными были сведения из Пентагона. Агенты Сильвермастера поставляли данные о производстве самолетов, схемы приписки самолетов к районам боевых действий и зарубежным странам, сообщали о новом секретном строительстве на множестве аэродромов. Весьма значительным было проникновение и в службу разведки. Позднее Бентли назвала семь сотрудников Управления стратегических служб (УСС), которые работали на НКВД.

Следует отметить, что правила конспирации в группе Сильвермастера соблюдались так же слабо, как и в сети Чемберса. Так, Бентли дарила агентам, с которыми работала связной, тщательно выбранные подарки: от спиртного до белья, причем покупала их на казенные деньги. А, например, Дж. Джозеф, агент в УСС, завербованный в 1942 году, по словам самой Бентли, вообще был не способен усвоить правила подпольной работы. Однажды, когда ему сказали, что

документы следует сжечь или спустить в туалет, он засунул горящую кипу бумаги в унитаз, в результате чего загорелось сиденье. Владелец квартиры, прибывший для осмотра повреждения, был весьма обескуражен произошедшим.

В ноябре 1943 года умер любовник Бентли Я. Голос. Вместо него руководителем группы стал легальный резидент НКВД в Вашингтоне В.М. Зарубин. Но, как вспоминает бывший начальник американского отдела Виталий Григорьевич Павлов, у него с Бентли отношения не сложились, и вместо него руководителем стал Исхак Абдулович Ахмеров (БИЛЛ), один из ведущих нелегалов ИКВД в США. Ахмеров потребовал, чтобы Бентли передала ему руководство группой Сильвермастера, и с легкостью завоевал его доверие при первой же встрече.

Однако, несмотря на некоторые осложнения в отношениях между НКВД и Бентли, ее не отстранили от работы с Сильвермастером, а в марте 1944 года она стала связной группы Виктора Перло, работавшего в отделе статистики управления военной промышленности.^[20] Осенью 1944 года Ахмеров был отозван в Москву, и руководителем агентуры стал Анатолий Горский (АЛ), прославившийся тем, что был оператором знаменитой «кембриджской пятерки» в Англии. Горский, как, впрочем, и Ахмеров, быстро понял, что подчиняющаяся ему агентура пользуется любительскими и отнюдь не безопасными методами работы. Поэтому он настоял на том, чтобы Бентли передала свои обязанности другим, а сама на полгода «легла на дно», пока не станет ясно, что ФБР не следит за ней. Это, скорее всего, была операция отсечения под видом консервации, так как руководство НКВД уже не доверяло Бентли. Кроме того, Горский настаивал, чтобы Бентли приняла предлагаемые ей деньги и написала

соответствующую расписку. Бентли вспоминает, что сказал Горский при этом следующее:

«Давайте покончим с этими глупостями. У меня в кармане 2000 долларов. Это часть вашей зарплаты. Сейчас вы их возьмете! Если нет, я решу, что вы предатель!»

Все это, вместе взятое — смерть Голоса, навязывание денег, недоверие и отстранение от работы, — изменило отношение Бентли к шпионажу в пользу СССР, и в ноябре 1945 года она рассказала ФБР о своей деятельности, став агентом-двойником.

Но резидентура в Вашингтоне была готова к такому повороту событий. «Мы успели предупредить всех агентов, — вспоминает В.Г. Павлов, — как себя вести, откуда грозит опасность, и когда американцы пытались подсылать Бентли к кое-кому как «советскую связную», ей отовсюду давали «от ворот поворот». Никто из агентов не пострадал». В результате на большинство указанных Бентли и Чемберсом агентов не удалось набрать доказательств для передачи дела в суд. Из наиболее важных агентов обвинение было выдвинуто лишь в отношении Э. Хисса. Он ушел из госдепартамента, и в начале 1947 года стал президентом фонда Карнеги, а в 1950 году был приговорен к пяти годам тюрьмы за лжесвидетельство.

Таким образом, работа Бентли со спецслужбами завершилась. Позднее о своей работе на НКВД она написала книгу, озаглавленную «Вне рабства».

Еще больше оснований усомниться в правильности политики Сталина и его окружения было у англичанина Александра Аллана Фута. Он родился в 1905 году в провинциальной семье в Англии. Во время войны в Испании воевал на стороне интернациональных бригад, где, по свидетельству очевидцев, проявил незаурядное мужество. После поражения республиканцев он

вернулся в Англию и вступил в компартию. Этим он обратил на себя внимание и в сентябре 1938 года был завербован ГРУ. В это время в Лондоне находилась Урсула Кучински (СОНЯ), более известная как Рут Вернер, давнишний сотрудник ГРУ, работавшая на Советский Союз вместе с Рихардом Зорге в Китае в начале 1930-х годов. Она направлялась в Швейцарию с заданием развернуть там нелегальную резидентуру для работы против Германии. В Лондоне она обратилась с просьбой к известному ей еще по Германии коммунисту подобрать двух-трех человек для нелегальной работы на континенте. Ей рекомендовали Александра Фута и Леона Чарльза Бартона, которые прибыли вслед за ней в Швейцарию поздней осенью 1938 года.

Из Женевы Фут, получивший псевдоним ДЖИМ, был направлен в Мюнхен, где должен был свести знакомство с нацистами и попытаться проникнуть на авиационный завод «Мессершмитт». Помимо этого, он должен был подыскивать объекты для возможных диверсий. Одна из них (поджог аэростата во Франкфурте-на-Майне) не состоялась только ввиду начала Второй мировой войны.

В августе 1939 года в преддверии начала боевых действий в Европе Фут, находившийся в Германии с английским паспортом, был отозван в Швейцарию, и вместе с Бартоном начал под руководством Кучински обучаться радиodelу. Тем временем из Москвы пришло указание Кучински переехать в Англию, а для того чтобы осуществить это легально, вступить в фиктивный брак с Футом или Бартоном. По возрасту Фут более подходил в этой ситуации и поначалу согласился. Но весной 1940 года он пересмотрел свое решение, сославшись на то, что перед отъездом в Испанию обещал некой девушке жениться на ней. В результате Кучински оформила брак с Бартоном.

В декабре 1939 года по приказу из Центра Кучински установила связь с нелегальным резидентом ГРУ в Швейцарии Шандором Радо. Радо находился в тот момент без связи с Москвой, и Кучински должна была выяснить у него: работает ли еще его бюро, каково положение дел с финансами, можно ли направлять донесения в Москву через Италию или ему нужна радиосвязь, в состоянии ли он установить такую связь самостоятельно? Получив ответы на все эти вопросы, Центр распорядился передавать донесения Радо через передатчик группы Кучински, а когда она в декабре 1940 года отправилась в Англию, Фут и Бартон поступили в распоряжение Радо, войдя в нелегальную резидентуру ГРУ ДОРА в качестве радистов.

О Шандоре Радо и резидентуре ДОРА написано очень много, и здесь нет нужды повторяться. Следует только отметить, что Фут за все время существования резидентуры был одним из радистов и помощников Радо. Во время разгрома резидентуры он был арестован швейцарской контрразведкой в Лозанне в ночь на 20 декабря 1943 года, в тот момент, когда принимал радиogramмы из Центра. До того как его схватили, он успел ударом молотка вывести из строя радиопередатчик и сжечь радиogramмы.

В сентябре 1944 года Фут был выпущен из швейцарской тюрьмы и отправился во Францию, где в освобожденном Париже встретился с Радо, сумевшим избежать ареста. Из Парижа он на советском самолете вместе с Радо и Леопольдом Треппером 5 января 1945 года, имея при себе советский паспорт, отбывает в СССР по маршруту Марсель — Италия — Северная Африка — Каир — Тегеран — Москва. Однако в Каире случилось непредвиденное. Радо, предчувствуя свою судьбу, бежал из отеля и скрылся. Правда, его свобода оказалась недолгой. Он укрылся в одном из английских лагерей, но Москва немедленно потребовала его

выдачи, и англичане уступили. В результате он оказался на Лубянке, куда незадолго до этого доставили другого нелегального резидента ГРУ в Европе во время войны — Л. Треппера. Оба они просидели до самой смерти Сталина и были реабилитированы только в 1954 году.

Фут избежал этой участи, согласившись, в отличие от Треппера, продолжить работу на ГРУ. На конспиративной квартире в Москве он написал для руководства ГРУ подробный отчет о своей работе в Швейцарии, а также предложил возможные варианты своего дальнейшего использования как разведчика. Затем, прожив некоторое время в Москве, он по указанию Центра переехал в советскую зону в Берлине, где выдавал себя за немца-репатрианта с целью дальнейшего выезда в Аргентину и создания там разведывательной сети против США. Но судьба Радо, Треппера, Зорге и других разведчиков не способствовала укреплению его коммунистических взглядов, и в августе 1947 года он бежал в английский сектор Западного Берлина, а потом в Англию, где дал показания о своей работе на ГРУ.

При этом, по словам У. Кучински, он не потерял совести и «у него что-то осталось от своеобразного английского чувства порядочности». Поэтому в августе 1947 года он через австрийского коммуниста, который рекомендовал его ГРУ, предупредил Кучински о возможных допросах в МИ-5, а в своих показаниях в контрразведке сказал, что она и ее муж Бартон прекратили работу на СССР после советско-финской войны в 1940 году. Таким образом, измена Фута не повлекла за собой ареста Кучински, Бартона и других членов английской разведгруппы «Сони».

В 1949 году Фут написал воспоминания о своей работе в Швейцарии, озаглавив их «Руководством для шпионов». По мнению Ш. Радо, эти мемуары весьма

легковесны, порой просто несерьезны и в них довольно много несуразиц. Умер А. Фут в 1958 году.

Впрочем, были среди сотрудников советских спецслужб и такие, кто бежал на Запад исключительно в поисках легкой и красивой жизни. Яркий пример тому — история предательства офицера ГРУ В.И. Шелапутина.

Вадим Иванович Шелапутин родился в 1927 году в Москве в семье театрального актера. В 1944 году по протекции знакомой его матери он был зачислен на 1-й курс Военного института иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА). В институте Шелапутин изучал немецкий и чешский языки, был на хорошем счету, вступил в партию, проявляя, правда, при этом склонность к «богемному» образу жизни. Словно предвидя, как сложится его судьба, сокурсники дали ему прозвище «Вадька Шелапутин — международный проходимец».

В 1948 году Шелапутин закончил институт, и в звании лейтенанта был откомандирован в ГРУ. В том же году он выехал в зарубежную командировку в Австрию, в Центральную группу войск, на должность переводчика в разведуправлении ЦГВ. Основной его обязанностью в Австрии было составление обзоров чешской печати и перевод донесений чешских агентов. Особых претензий у начальства к Шелапутину не было, но жизнь на Западе настолько понравилась ему, что он решил остаться там навсегда.

Обстоятельства бегства Шелапутина объясняли по-разному. Так, генерал-майор ГРУ в отставке В.А. Никольский, служивший в то время в Австрии, в своей книге пишет о Шелапутине следующее:

«Нужно заметить, что американская разведка действовала в Австрии нагло и грубо,

в расчете на массовость. Она не стеснялась в выборе средств вербовки, и некоторые морально неустойчивые работники наших оккупационных учреждений попадали в ее сети. Так, в 1949 году из разведуправления штаба ЦГВ перебежал к американцам переводчик лейтенант Шелапутин, который был за несколько недель до побега завербован ими при задержании американской военной полицией в первом районе Вены, где он вступил в пьяную драку с американским сержантом. Поводом для вербовки явилась угроза американцев возбудить против Шелапутина уголовное преследование за нанесение серьезных побоев. Этот изменник, знавший секреты управления, нанес ему большой ущерб».

На Западе писали, что Шелапутин добровольно перешел к американцам, чтобы бороться против коммунизма. Сам же Шелапутин в интервью, которое он дал российскому журналисту Г. Денисову в 1993 году, рассказал о причинах и обстоятельствах своего бегства следующее:

«Каждое воскресенье я наезжал в Вену, гулял, в кабачках выпивал, приглядывался. И наступил один прекрасный день, когда я спросил себя: «Ну чего ты ждешь? Пора уходить...»

Утром следующего дня я сел в трамвай, идущий в американскую зону оккупации (тогда это было просто) и через некоторое время уже разговаривал с офицером Си-Ай-Си — американской разведки. Первым делом он спросил: «А вы знаете, как мы поступаем с дезертирами?»... И я ответил офицеру Си-Ай-Си:

«Надеюсь, мой шаг вы сочтете не дезертирством, но желанием бороться вместе с вами против коммунизма...»

Девки, вот что увело меня на Запад. Да, западные девки поразили меня своей доступностью. В Москве у меня были знакомые барышни, пожатие рук, редкие поцелуйчики, но о большем — ни-ни. В Австрию я приехал девственником. И дорвался до радостей жизни. У меня появилась австриячка из парикмахерской при нашем штабе. Я покупал ей какую-то бижутерию, и она самозабвенно отрабатывала. И я был уверен, что все они такие — иностранки».

Приняв решение бежать на Запад, Шелапутин 20 марта 1949 года установил контакт с американской разведкой и попросил политического убежища. Получив фальшивые документы на имя Ивана Романова, он под видом чешского беженца был переправлен в ФРГ. Там он подробно рассказал сотрудникам американской разведки обо всем, что успел узнать в штабе ЦГВ, о товарищах по учебе и преподавателях ВИИЯКА и, что особенно интересовало американцев, об агентурном отделе разведуправления ЦГВ, который возглавлял полковник П.С. Мотинов, в свое время работавший в Канаде и отозванный из Оттавы после предательства И. Гузенко.

В Советском Союзе Шелапутин за измену Родине был приговорен к расстрелу. Его объявили в розыск, и в «Алфавитном списке агентов иностранных разведок, изменников родины, участников антисоветских организаций, карателей и других преступников, подлежащих розыску» о Шелапутине было написано следующее:

«ШЕЛАПУТИН Вадим Иванович, он же Романов Иван, 1927 года рождения, уроженец и житель г. Москвы, в 1948 г. окончил Военный институт иностранных языков и направлен в Центральную группу войск, где служил переводчиком, имел звание лейтенанта Советской Армии. Выше среднего роста, сутуловатый, лицо в веснушках, владеет чешским и немецким языками. Мать, Шелапутина Валентина Михайловна, жена дяди Шелапутина, Евдокия Кузьминична, племянница отца, Стройкова Александра Арсентьевна, проживают в г. Москве.

Находясь на службе в войсковой части полевая почта 70 757, 20 марта 1949 г. бежал в американский сектор г. Вены, где установил связь с американским контрразведывательным органом Си-Ай-Си-430, был снабжен фиктивными документами на имя Романова Ивана и под видом чешского беженца переправлен в лагерь для перемещенных лиц в г. Зальцбурге. В ноябре 1949 г. под фамилией Райс находился в распоряжении разведывательного центра европейского командования США в г. Обер-Урзель (Западная Германия). В 1953 г. появлялся в Голландии, где по заданию американской разведки пытался спровоцировать одного советского гражданина, которого знал по совместной учебе в институте. Проживает якобы в Чили. 15 августа 1950 г. Военной коллегией Верховного суда СССР заочно приговорен к ВМН. Имеются фотокарточка 1948 г. и образец почерка.

Розыскное дело в УКГБ при СМ по г. Москве и Московской обл.».

Не все в этой ориентировке соответствует действительности. Например, Шелапутин никогда не был в Чили. Но с американской разведкой он действительно сотрудничал — сначала в ФРГ, а потом в Мюнхене. Кроме того, он принимал участие в так называемом «Гарвардском проекте» и контактировал с эмигрантскими организациями в Германии — «Союзом борьбы за освобождение народов России» и с «Центральной организацией послевоенных эмигрантов».

В конце 1950 года Шелапутину перевели в Дюссельдорф, где он начал работать на английскую разведку СИС. В 1953 году по заданию СИС он пытался завербовать своего бывшего сокурсника по ВИИЯКА Валентина Малахова, работавшего в советском посольстве в Голландии, но безуспешно. В декабре 1952 года Шелапутин получает английское гражданство, документы на имя Виктора Грегори, переезжает в Лондон и начинает работать в Русской службе Би-би-си. В 1972 году он возвращается в Мюнхен, где работает на радиостанции «Свобода». Небезынтересно отметить, что в это время его подчиненным был О. Туманов, на самом деле являвшийся нелегалом ПГУ КГБ. [\[21\]](#)

После возвращения Туманова в 1986 году в СССР Шелапутин неожиданно получил от него письмо, в котором содержались недвусмысленное предложение начать сотрудничать с советской разведкой и обещание полного прощения.

«Тебе после получения этого письма позвонят и объяснят все детали, — говорилось в послании Туманова. — Ты, конечно, вправе бросить трубку. Но ты вправе и согласиться. Могу сказать тебе одно — в настоящий момент наша Родина в тебе нуждается».

Через некоторое время Шелапутину действительно позвонил «Юра» от Олега, но он категорически отказался от встречи.

В начале 1990-х годов Шелапутин-Грегори вышел на пенсию и поселился в Ирландии, в деревушке Баллимакода под городом Корк. Там он и собирается окончить свои дни, не испытывая особых угрызений совести, по крайней мере, на словах. Иначе зачем бы ему было говорить Г. Денисову следующее: «Я на этом свете ни о чем не жалею. На том, очевидно, придется. Продам душу. мамоне, если не дьяволу. Поживем — увидим».

Глава 4

1951-1960 годы

В конце сороковых — начале пятидесятих годов международная напряженность, несмотря на окончание Второй мировой войны не уменьшилась. Прежние союзники по антигитлеровской коалиции стали непримиримыми врагами, и тем самым было положено начало «холодной войне». Для Советского Союза США стали главным противником, и это заставило пересмотреть приоритеты в работе спецслужб. Теперь первоочередной задачей стало проникновение в государственные, военные и экономические структуры США и стран — членов НАТО, созданного в 1949 году. В США и странах, их союзниках, тоже стали уделять большое внимание деятельности своих спецслужб. В 1947 году было образовано ЦРУ, со временем ставшее главной разведслужбой Запада в поединке с СССР. Смерть Сталина в марте 1953 года мало что изменила в противостоянии Восток — Запад.

Новая политика и новые враги породили и новый тип предателей — «борцов против советского тоталитаризма». Чем дальше, тем больше изменников прикрывались этими словами. О том, кем они были на самом деле, следует судить по их делам.

В январе 1953 года пошел на предательство Петр Семенович Попов. Сотрудник ГРУ подполковник Попов был первым агентом ЦРУ в спецслужбах Советского Союза, а также первым «кротом», человеком, не сразу бежавшим на Запад, а продолжавшим после измены работать на прежнем месте.

Попов родился в Калининe, в крестьянской семье, воевал на фронтах Великой Отечественной войны, которую закончил офицером. В конце войны служил порученцем при генерал-полковнике И. Серове и по его протекции был направлен в ГРУ. Низкорослый, нервный, худощавый, без всякого воображения, он держался особняком, был очень скрытен и труден в общении. Однако, как говорили потом его сослуживцы и начальники, по службе к Попову претензий не было. Он был исполнителен, дисциплинирован, имел хорошие характеристики и активно участвовал во всех общественных мероприятиях.

В 1951 году Попов был направлен в Австрию в качестве стажера легальной венской резидентуры ГРУ. В его задачу входили вербовка агентуры и работа против Югославии. Здесь же, в Вене, в 1952 году у Попова завязался роман с молодой австрийкой Эмилией Коханек. Они встречались в ресторанах, снимали на несколько часов номера в гостиницах, стараясь держать свои отношения в тайне от сослуживцев Попова. Безусловно, такой образ жизни требовал от Попова значительных расходов. А если учесть, что в Калининe у него была жена и двое детей, то финансовые проблемы вскоре стали для него весьма актуальными.

Первого января 1953 года Попов обратился к вице-консулу США в Вене с просьбой помочь ему выйти на американское представительство ЦРУ в Австрии. При этом Попов вручил ему записку, в которой предлагал свои услуги и указывал место встречи. ^[22]

Приобретение агента на месте, в стенах ГРУ, было огромной удачей ЦРУ. Для обеспечения поддержки операций с Поповым в рамках советского отдела было создано специальное подразделение, получившее кодовое название СР-9. Руководителем Попова на месте

был назначен Джордж Кайзвальтер, которому помогал (с перерывом с конца 1953 по 1955 год) Ричард Ковач. Оперативным псевдонимом Попова стал ГРЭЛСПАЙС, а Кайзвальтер выступал под фамилией Гроссман.

На первой встрече с сотрудниками ЦРУ Попов сообщил, что нуждается в деньгах, чтобы уладить дела с одной женщиной, и это его сообщение было встречено с пониманием. У Кайзвальтера с Поповым установились довольно непринужденные отношения. Кайзвальтер без труда завоевал расположение и доверие Попова в ходе долгих бесед под выпивку. Ему ничуть не претила крестьянская простота Попова, и об их выпивках после удачных операций было хорошо известно сотрудникам ЦРУ, и многие были уверены, что Попов считал Кайзвальтера своим другом. И кто-то даже пошутил, мол, в одном советском колхозе у правления есть собственная корова, так как на деньги Кайзвальтера Попов купил телку своему брату-колхознику.

Вступив в сделку с ЦРУ, Попов передавал американцам информацию о личном составе ГРУ в Австрии и методах его работы. Он сообщил ЦРУ важные подробности о советской политике в Австрии, а позднее и о политике в Восточной Германии. По некоторым, скорее всего весьма преувеличенным, слухам Попов за первые два года сотрудничества с ЦРУ передал Кайзвальтеру имена и коды около четырехсот советских агентов на Западе. Имея в виду возможный перевод Попова в штаб-квартиру ГРУ, ЦРУ предусмотрительно подготовило для него тайники в Москве. Эта задача была поручена Эдварду Смиту, первому представителю ЦРУ в Москве, направленному туда в 1953 году. Однако Попов, побывав в Москве в отпуске и проверив тайники, подготовленные Смитом, нашел их никуда не годными. Он мотивировал это тем, что тайники недоступны и

использование их было бы равносильно самоубийству.
[\[23\]](#)

В 1954 году Попов был отозван в Москву. Возможно, это было вызвано его знакомством с П.С. Дерябиным, сотрудником КГБ в Вене, в феврале 1954 года бежавшим в США. Но никаких подозрений относительно лояльности Попова ни у ГРУ, ни у КГБ не возникло, и летом 1955 года он был направлен в Шверин, на север ГДР. Перевод в Шверин фактически обрывал связь Попова с его оператором Кайзвальтером, и он по заранее обусловленному каналу направил соответствующее письмо.

Вскоре пришел ответ — письмо было подсунуто под дверь квартиры Попова.

Вот его текст:

«Здравствуй, дорогой Макс!

Привет от Гроссмана. Жду тебя в Берлине. Здесь есть все возможности так же хорошо провести время, как и в Вене. Письмо посылаю со своим человеком, с которым ты должен встретиться завтра в 8 часов вечера возле фотовитрины у Дома культуры им. Горького в Шверине».

На встречу с Поповым в Шверине явилась немка по имени Инга, а в дальнейшем связь осуществлялась агентом ЦРУ Радке. На следствии 75-летний Радке рассказал, что их встречи происходили регулярно через четыре недели. На каждой из них Радке получал от Попова пакет для Кайзвальтера, а Попову передавал письмо и конверт с деньгами.

Пока Попов находился в Шверине, он, несмотря на все старания, не мог лично встречаться с Кайзвальтером. Эта возможность представилась ему в 1957 году, когда он был переведен на работу в

Восточный Берлин. Их встречи происходили в Западном Берлине на конспиративной квартире, причем Кайзвальтер сменил прежнюю конспиративную фамилию Гроссман на Шарнхорст.

«В Берлине, — рассказывал Попов на следствии, — Гроссман взялся за меня основательнее. Он интересовался буквально каждым моим шагом. Например, после возвращения из отпуска, который я проводил в Советском Союзе, Гроссман потребовал наиподробнее́йший отчет о том, как я провел отпуск, где побывал, с кем встречался, все до мельчайших подробностей. На каждую встречу он приходил с заранее подготовленным вопросником и в ходе беседы ставил мне конкретные задания по сбору информации».

Временное прекращение связи с Поповым после его отзыва из Вены встревожило ЦРУ. Чтобы подстраховаться от подобных неожиданностей, были отработаны условия контактов с Поповым на тот случай, если его отзовут из Берлина. Он был снабжен средствами тайнописи, шифровальными и дешифровальными блокнотами, радиопланом, подробной инструкцией пользования шифрами и адресами, по которым он мог известить ЦРУ из СССР о своем положении. Для приема радиосигналов Попову выдали приемник, и на одной из встреч с Кайзвальтером он прослушал магнитофонную запись сигналов, которые он должен был принимать, находясь в СССР. В инструкции, врученной Попову, говорилось:

«План на тот случай, если Вы останетесь в Москве. Пишите тайнописью по адресу: Семья В. Краббе, Шильдов, ул. Франца Шмидта, 28. Отправитель Герхард Шмидт. В этом письме сообщите все данные о вашем положении и дальнейшие планы, а также когда Вы будете готовы принимать наши радиопередачи.

Радиоплан следующий. Передачи будут по первым и третьим субботам каждого месяца. Время передачи и волна указаны в таблице...»

Помимо этого, весной 1958 года Кайзвальтер познакомил Попова с его возможным связником в Москве — атташе посольства США в СССР и сотрудником ЦРУ Расселом Августом Ланжелли, специально вызванным по этому случаю в Берлин и получившим псевдоним ДАНИИЛ. При этом Кайзвальтер заверил Попова, что он в любое время может уехать в США, где будет обеспечен всем необходимым.

В середине 1958 года Попов получает задание забросить в Нью-Йорк нелегала — молодую женщину по фамилии Тайрова. Тайрова выехала в США по американскому паспорту, принадлежавшему парикмахерше из Чикаго, который она «потеряла» во время поездки на родину в Польшу. Попов предупредил о Тайровой ЦРУ, а ЦРУ, в свою очередь, ФБР. Но ФБР допустило ошибку, окружив Тайрову слишком плотной слежкой. Та обнаружила слежку, самостоятельно приняла решение вернуться в Москву. На разборе причин провала Попов обвинил во всем Тайрову, его объяснения были приняты, и он продолжил работу в центральном аппарате ГРУ.

Вечером 23 декабря 1958 года Попов позвонил на квартиру атташе посольства США Р. Ланжелли и условным сигналом пригласил его на личную встречу, которая должна была состояться в воскресенье 27 декабря в мужском туалете Центрального детского театра в конце первого антракта утреннего спектакля. Но Ланжелли, пришедший в театр с женой и детьми, напрасно прождал Попова в условленном месте — тот не явился. В ЦРУ были обеспокоены отсутствием Попова в театре и совершили ошибку, стоившую ему жизни. По словам Кайзвальтера, Джордж Уинтерс,

представлявший госдепартамент в Москве, неправильно истолковал указание по поводу письма Попову и отправил его по почте на домашний адрес в Калинин. Но, как показали в дальнейшем Носенко и Черепанов, сотрудники КГБ регулярно напыляли специальное химическое вещество на обувь западных дипломатов, которое и помогло проследить путь Уинтерса до почтового ящика и изъять письмо, адресованное Попову.

В свете вышесказанного можно с полным основанием утверждать, что М. Хайд в своей книге «Джордж Блейк — супершпион», а вслед за ним и К. Эндрю ошибаются, приписывая разоблачение Попова Дж. Блейку, сотруднику СИС, завербованному КГБ в Корее осенью 1951 года. М. Хайд пишет, что после перевода из Вены Попов написал письмо Кайзвальтеру, объясняя свои затруднения, и вручил его одному из членов британской военной миссии в Восточной Германии. Тот передал послание в СИС (Олимпийский стадион, Западный Берлин), где оно легло на стол Блейка вместе с инструкцией переслать его в Вену для ЦРУ. Блейк так и сделал, но лишь после того, как прочитал письмо и сообщил о его содержании в Москву. По получении этого сообщения КГБ взял Попова под наблюдение и, когда тот прибыл в Москву, арестовал его. Блейк в своей книге «Иного выбора нет» справедливо опровергает это утверждение, говоря, что письмо, врученное Поповым сотруднику британской военной миссии, не могло попасть к нему, так как он не отвечал за связи с этой миссией и ЦРУ. И потом, если бы КГБ знал еще в 1955 году, что Попов — американский агент (а так бы и случилось, если бы Блейк сообщил о письме), то его не держали бы в ГРУ и тем более не поверили бы его объяснениям по поводу провала Тайровой.

Проследив путь Уинтерса и узнав, что тот отправил письмо сотруднику ГРУ, контрразведка КГБ взяла Попова под наблюдение. В ходе наблюдения было установлено, что Попов дважды — 4 и 21 января 1959 года — встречался с атташе посольства США в Москве Ланжелли, причем, как выяснилось впоследствии, во время второй встречи получил от него 15 тысяч рублей. Было принято решение арестовать Попова, и 18 февраля 1959 года его взяли с поличным у пригородных касс Ленинградского вокзала, куда он явился на очередную встречу с Ланжелли.

В ходе обыска на квартире Попова были изъяты средства тайнописи, шифр, инструкции, хранившиеся в тайниках, оборудованных в охотничьем ноже, катушке для спиннинга и помазке для бритья. Кроме того, в ходе обыска было обнаружено тайнописное донесение, подготовленное для передачи Ланжелли:

«Отвечаю на Ваш номер один. Ваши указания принимаю к руководству в работе. На очередную встречу вызову по телефону перед отъездом из Москвы. При невозможности встретиться перед отъездом напишу на Краббе. Копирка и таблетки у меня есть, инструкция по радио нужна. Желательно иметь адрес в Москве, но весьма надежный. После моего отъезда постараюсь два-три раза в год выезжать на встречи в Москву.

...Сердечно благодарен Вам за заботу о моей безопасности, для меня это жизненно важно. За деньги тоже большое спасибо. Сейчас я имею возможность встречаться с многочисленными знакомыми с целью получения нужной информации. Еще раз большое спасибо».

После допроса Попова было принято решение продолжить его контакты с Ланжелли под контролем КГБ. По словам Кайзвальтера, Попову удалось предупредить Ланжелли о том, что он находится под наблюдением КГБ. Он умышленно порезал руку и спрятал под повязкой записку. В туалете ресторана «Арагви» он снял повязку и передал записку, в которой сообщал, что его пытаются и что он находится под слежкой, а также о том, каким образом его схватили. Но это маловероятно. Если бы Ланжелли был предупрежден о провале Попова, он не стал бы с ним больше встречаться. Однако 16 сентября 1959 года он сам вышел на связь с Поповым, их встреча состоялась в автобусе. Попов указал глазами на магнитофон, но было уже поздно. Ланжелли был задержан, однако благодаря дипломатическому иммунитету был отпущен, объявлен персоной нон грата и выслан из Москвы.

В январе 1960 года Попов предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР. Приговор от 7 января 1960 года гласил:

«Попова Петра Семеновича признать виновным в измене Родине и на основании ст. 1 Закона об уголовной ответственности предать смертной казни с конфискацией имущества».

Кстати, на Западе писали, что будто бы в назидание коллегам Попова его, как первого предателя из ГРУ, заживо сожгли в топке крематория.

Следующий, 1954 год стал воистину черным для внешней разведки КГБ. В этом году сразу шесть сотрудников стали на путь измены и бежали на Запад: в январе Ю. Растворов, в феврале П. Дерябин и Н Хохлов, в апреле В. Петров и К. Карцева (Петрова), а летом — нелегал, известный под псевдонимом ГАРТ.

Юрий Растворов во время Отечественной войны служил в 5-м управлении НКГБ, которое занималось дешифровкой иностранных сообщений. В январе 1953 года он был командирован в Японию на должность третьего секретаря советской миссии. А уже весной 53-го года вступил в контакт с резидентом СИС в Токио. 26 января 1954 года на самолете британских ВВС был переправлен в Лондон. В своих показаниях он, в частности, рассказал об успехах, достигнутых КГБ в расшифровке иностранных, в том числе и японских, шифров.

Петр Дерябин, сибиряк по рождению, с 1939 года служил в Красной Армии. С 1939 по 1941 год он работал под началом генерал-лейтенанта Гапановича секретарем комитета комсомола штаба Забайкальского военного округа. С началом Великой Отечественной войны Дерябин воевал на фронте, был награжден несколькими медалями и закончил службу в армии в 1944 году.

После демобилизации Дерябин несколько лет находился на партийной работе, а с 1947 года перешел на службу в МГБ, сначала в управление охраны, а потом был переведен в ПГУ (разведка) МГБ в немецко-австрийский отдел. Там, помимо всего прочего, он был одним из секретарей парторганизации и в этом качестве участвовал в представлении личного состава ПГУ в 1953 году Александра Семеновича Панюшкина как нового начальника управления. В 1953 году Дерябин был направлен в Вену начальником группы контрразведки в звании майора и пребывал в этой должности до самого своего побега на Запад.

В феврале 1954 года Дерябин попросил в посольстве США в Вене политического убежища. Из Вены его переправили в Вашингтон, где он подвергся допросам сотрудниками ЦРУ. В своих показаниях он

раскрыл структуру и характер деятельности ПГУ МВД в Австрии и Германии.^[24]

Так, он поведал о крупномасштабной реорганизации обширной сети МВД в Восточной Германии, проведенной по приказу Л. Берия. В связи с этим по оценкам Дерябина, из ГДР было отозвано примерно восемьсот сотрудников. Нового начальника базы МВД в Карлсхорсте (ГДР) генерала Фадейкина, по словам Дерябина, считали в австро-немецком отделе не соответствующим этой должности. Поведал Дерябин и об интенсивной охоте, развернутой МГБ в 1945 году на территории оккупированной Германии за немецкими учеными, занимавшимися в годы войны разработкой и Созданием ракет «Фау». Касаясь действий советской разведки во Франции, Дерябин сказал, что в 1952 году И.И. Агаянц, тогдашний заместитель начальника отдела дезинформации ПГУ, в лекции для сотрудников пренебрежительно отозвался о французской разведке, сказав: «...Это проститутка, которая у меня в кармане».

Весьма важными для ЦРУ были сообщенные Дерябиным сведения о радиоперехватах. По его словам, тексты перехватов печатали на тонкой прозрачной бумаге и хранили в большой красной книге. Дерябина знакомили с некоторыми фрагментами текстов из красной книги примерно раз в неделю в кабинете начальника его отдела. Записи при этом делать не разрешалось. Дерябин вспоминал, что видел перехваты информации из разных западных стран, причем некоторые из них были получены с помощью прослушивающих устройств, установленных в иностранных посольствах. Довольно часто он видел материалы перехвата французской, западногерманской, итальянской и бельгийской информации, и ни разу американской.

Рассказал Дерябин и о коррупции, которая начинала давать себя знать в МГБ. По его словам, при Абакумове установилась традиция, в соответствии с которой выезжающие за границу офицеры МГБ подтверждали свое уважение шефу дорогими подарками. Сам Дерябин, будучи в командировке в Вене, купил для Абакумова коляску и детскую одежду общей стоимостью около десяти тысяч рублей. По просьбе ЦРУ Дерябин составил список офицеров МВД, которые могли бы быть завербованы американцами. Под вторым номером в списке значился А. Голицын. По мнению Дерябина, Голицын был особенно уязвим: у него гипертрофированное представление о собственной значимости, и коллеги его недолюбливают, а с помощью его взбалмошной жены Ирины можно было бы расшатать его психику.

С 1955 года Дерябин работал по контракту в ЦРУ и попутно занимался литературной деятельностью. Так, по заданию ЦРУ в 1964 году он работал над расшифровкой и переводом показаний Пеньковского, а впоследствии принимал участие в подготовке к изданию так называемых «Записок Пеньковского». В 1982 году Дерябин уволился из ЦРУ и целиком посвятил себя литературной работе. Ему принадлежат книги: «КГБ — хозяин Советского Союза», «Секретный мир», написанная в соавторстве с Френком Джинни, и «Шпион, который спас мир» в соавторстве с Джеролдом Шектером.

Умер Дерябин в августе 1992 года.

...Николай Евгеньевич Хохлов родился 7 июня 1922 года в Нижнем Новгороде. Отец его был из пролетарской семьи, в 1917 году вступил в Коммунистическую партию. Когда Николаю было пять лет, мать развелась с его отцом и вторично вышла

замуж за сына довольно известного художника Михайловского. Отчим Хохлова перевез семью в Москву.

Хохлов с детства тяготел к театру, и после окончания курсов при театральной студии имени М. Хмелева получил диплом режиссера. В декабре 1940 года он как мастер художественного свиста гастролировал по СССР, а с весны 1941 года выступал в Москве, в «Эрмитаже». От военной службы он был освобожден из-за плохого зрения.

С началом Отечественной войны Хохлов вступил добровольцем в истребительный батальон НКВД и был завербован сотрудниками управления, возглавляемого П.А. Судоплатовым. Об этом управлении необходимо сказать поподробнее. Еще в 1936 году наркомом Н.И. Ежовым был создан Отдел специальных операций, подчинявшийся лично ему и занимавшийся ликвидацией неугодных режиму иностранцев и вступивших на путь измены сотрудников НКВД и ГРУ. С приходом в НКВД Л. Берия в ноябре 1938 года отдел был расформирован, но в июле 1941 года был реанимирован, хотя и под другим названием (Особая группа Первого (разведка) управления НКГБ СССР). Ее начальником стал генерал-майор П. А. Судоплатов.^[25] В начале 1942 года Особая группа была переименована в 4-е управление НКГБ-НКВД СССР. Задача управления — диверсионно-террористическая деятельность в тылу врага и за рубежом. В 1946 году управление было расформировано и приказом Абакумова Судоплатову была поручена организация Специальной службы МГБ СССР, в задачу которой входило проведение специальной агентурно-разведывательной работы за рубежом и внутри страны против врагов партии и Советского государства. В 1949 году Абакумов предложил ликвидировать Специальную службу, и в 1950 году она была реорганизована в Бюро № 1. В мае

1953 года Л. Берия вновь принял руководство органами госбезопасности, и по его приказу был создан самостоятельный 9-й отдел МВД СССР для проведения террористической и диверсионной работы. Этот отдел был упразднен в июле 1953 года после ареста Берия, но как феникс из пепла возродился под новым названием — 13-й отдел МГУ МВД-КГБ.

Хохлов был привлечен сотрудниками управления для работы в составе одной из подпольно-диверсионных групп, которые создавались на случай взятия немцами Москвы. Он был направлен в школу радистов, где прошел ускоренный курс обучения. К. Хенкин, также закончивший эту школу, вспоминает:

«После выпуска был период «смотрин». Приехали разные деятели выбирать себе людей. Для большинства выпускников, не знавших ни одного языка, вопрос решался просто. Они шли либо в партизаны, либо в опергруппы в оставляемых при отступлении городах. Все они быстро разъехались. Мой случай был несколько особый. Не всякого без труда можно выдать за француза. Кто возьмет меня? Хозяин школы — Четвертое управление или Первое?»

Хохлов был распределен в 4-е управление и направлен в группу из четырех человек, предназначенную для действий в Москве в случае ее оккупации. В январе 1942 года угроза захвата Москвы миновала, и группа была расформирована. А в феврале 1942 года Хохлов получает новое задание. Он должен был выехать в Тбилиси, познакомиться с жизнью остатков тамошней немецкой колонии, благо немецкий язык он знал хорошо, а затем с документами внешне похожего на него немца перейти турецкую границу, из Турции репатриироваться в Германию, добиться

зачисления в армию, попасть на Восточный фронт и там установить связь с партизанской агентурой. Это, мягко говоря, странное задание Хохлов выполнить не смог. В Тбилиси, сразу по приезде, он заболел тифом и провалялся в больнице до середины мая 1942 года, а когда выздоровел, операция была отменена.

После этого Хохлов прошел серьезную подготовку. Он основательно изучил немецкий язык, выезжая в лагерь для военнопленных под Красноярском, а в апреле 1943 года провел там целый месяц, выдавая себя за лейтенанта немецкой армии. В августе 1943 года он с документами на имя обер-лейтенанта Отто Витгенштейна вместе с агентом НКВД Карлом Кляйнюнгом был заброшен в Белоруссию к партизанам и вскоре принял участие в организации убийства гауляйтера Вильгельма фон Кубе. Восемнадцатого сентября 1943 года Кубе был убит в собственной кровати взрывом магнитной бомбы, помещенной в изголовье Еленой Мазаник, работавшей горничной в его доме и получившей мину от Марии Осиповой, выполнявшей роль связной с непосредственным руководителем операции Н.П. Федоровым. За эту операцию обе женщины были удостоены звания Героя Советского Союза, Н. Федоров — ордена Ленина, а Хохлов и его напарник — ордена Отечественной войны I степени. [\[26\]](#)

После этого Хохлов до октября 1944 года воевал в лесах Белоруссии, а затем был отозван в Москву. Отныне ему предстояло выполнять специальные задания за границей. В мае 1945 года он с документами на имя гражданина Польши Станислава Левандовского был нелегально заброшен в Бухарест для вживания в образ европейца. Вживание затянулось, и Хохлов закрутил роман с румынкой Эмилией, на которой в скором времени женился без санкции начальства.

Свержение румынского короля Михая и установление в Румынии коммунистической диктатуры вызвало в его сознании некоторые подвижки, и 28 сентября 1949 года он пишет Судоплатову рапорт об отставке. Через две недели Хохлова отзывают из Бухареста, где остается его молодая жена. В Москве он объявляет начальству, что желает продолжить образование и поэтому ему придется уйти из разведки. Судоплатов категорически возражал, но в конце концов был достигнут компромисс — Хохлов поступает в МГУ, но становится штатным сотрудником МГБ в звании старшего лейтенанта.

Тогда же, в 1949 году, выяснилось еще одно скандальное обстоятельство: Хохлов выбыл из комсомола из-за неуплаты членских взносов. Сам он объясняет это так:

«Комсомольцем я стал в школе в 1938 году и долгое время был горд своей принадлежностью к нему. В Румынии же незаметно для себя я перестал заботиться о своих комсомольских делах».

Однако Судоплатов обвинил в невнимательности к комсомольским делам Хохлова майора Коваленко. В ЦК комсомола было послано специальное письмо за подписью министра госбезопасности В. Абакумова, и в начале 1950 года Хохлова восстановили в комсомоле.

Весной 1951 года Хохлова направляют в Австрию с подлинным паспортом на имя австрийского гражданина Йозефа Хофбауэра с заданием подготовить «крышу» для нелегальных сотрудников Бюро № 1. По утверждению Хохлова, он специально провалил это задание. Дело в том, что в 1950 году он женился на своей бывшей однокласснице Янине, которая по религиозным соображениям тяготилась службой мужа. Однако, анализируя обстоятельства провала, в Центре

пришли к выводу, что в неудаче виновата австрийская полиция, и Хохлов продолжал служить в органах МГБ.

В марте 1952 года Судоплатов поручает Хохлову ликвидацию некоего «друга» в Париже. Предполагалось, что Хохлов с сотрудницей Бюро № 1 Ивановой, сопровождавшей его под видом тетушки, приедут в Париж. Агент МГБ в Париже должен был сообщить всю необходимую информацию о «друге», которого предстояло убить из авторучки «Паркер», приспособленной для стрельбы. На обратном пути Хохлову предстояло избавиться и от агента, застрелив его из второй авторучки. Имени «друга» Хохлову не назвали, и только позднее он узнал, что это был бывший председатель Временного правительства А.Ф. Керенский. Не желая становиться убийцей, Хохлов отказался от задания, мотивируя свой отказ тем, что ему страшно браться за такое дело.

За отказ от выполнения ответственного задания Хохлов был послан в резидентуру МГБ в Восточном Берлине. Но вскоре после ареста Берия и Судоплатова его вернули в Москву и поручили организацию очередного убийства — на этот раз руководителя Народно-трудового союза (НТС) в Германии Георгия Околовича. Конечно, кажется несколько странным, что эту операцию поручили такому неуправляемому сотруднику, как Хохлов.

Но не стоит забывать о том, что у него была репутация дерзкого партизана и убийцы Кубе.

Убийство Околовича, как и все операции по ликвидации за рубежом, санкционировались Президиумом Политбюро, в данном случае Маленковым и Хрущевым. За подготовкой Хохлова, назначенного старшим группы, следил лично А.С. Панюшкин. Среди инструкторов Хохлова были Михаил Рубак, чемпион СССР по самбо, и подполковник Годлевский, пятикратный чемпион Союза по стрельбе из пистолета.

Орудие убийства — устройство, замаскированное под кожаную сигаретницу. Это устройство выстреливало четыре капсулы, при разрыве которых выделялся газ цианид, способный вызывать паралич сердечной мышцы. Оно было разработано в секретной оружейной лаборатории.

Но Хохлов уже сделал свой выбор. Восемнадцатого февраля 1954 года он зашел на квартиру Околовича во Франкфурте и представился, повергнув хозяина квартиры в полное замешательство. «Георгий Сергеевич, — обратился он к Околовичу, — я прибыл из Москвы. Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза приказал вас ликвидировать. Убийство поручено моей группе». Убийство не состоялось. Сам Хохлов, после того как предупредил Околовича, собирался вернуться в Москву и доложить, что его миссия не увенчалась успехом. Однако Околович проинформировал о случившемся ЦРУ, и то решило принудить Хохлова к измене. С этой целью была созвана без ведома Хохлова пресс-конференция, на которой было объявлено, что Хохлов перешел на Запад. После этого, 20 апреля 1954 года, состоялась сенсационная пресс-конференция, на которой Хохлов рассказал об операции «Рейн» (так назывался план ликвидации Околовича) и продемонстрировал орудие убийства. Позднее он дал под присягой показания об операции «Рейн» комиссии сената США и получил американское гражданство.

Во время одного из допросов в ЦРУ, когда Хохлова спросили, кто из его знакомых мог бы сотрудничать с американцами, он ответил, что его друг Волокитин, работавший в Париже, мог бы пойти на сотрудничество с Западом. ЦРУ совместно с французами начало разрабатывать операцию, которая, однако, закончилась безрезультатно. В день предполагаемого начала контактов с Волокитиным его внезапно отвезли на

посольской машине в аэропорт Орли и отправили в СССР. Причины этого провала вскрылись позже, после бегства в США А. Голицына.

После того как Хохлов остался на Западе, его жену Янину продержали пять месяцев на Лубянке и, взяв подписку о неразглашении, отправили на пять лет в ссылку вместе с двухлетним сыном. Сам Хохлов рассчитывал переправить семью на Запад, опираясь на поддержку НТС. Но возможности Союза в оперативных сводках КГБ были сильно преувеличены. Тогда он обратился за помощью к ЦРУ, но там, пообещав помочь, не смогли или не захотели это сделать.

Самого Хохлова в СССР приговорили к смертной казни и попытались убить. Семнадцатого сентября 1957 года во Франкфурте во время конференции издательства «Посев» ему подмешали в кофе радиоактивный таллий. Этот метод был избран в надежде, что следы таллия не будут обнаружены при вскрытии. Но немецкие, а затем и американские врачи, быстро распознав, что имеют дело с лучевой болезнью, спасли его от смерти.^[27]

После этого Хохлов включился в активную борьбу с советским режимом. Он организовал работу радиостанции НТС на Тайване, обучал антикоммунистических повстанцев в Южном Вьетнаме. Он завершил свое образование в США и стал профессором психологии Калифорнийского университета. В 1958 году он издал книгу под названием «Право на совесть».

После развала СССР в 1991 году Хохлов был амнистирован Указом Президента Российской Федерации за номером 308 от 27 марта 1992 года. В июне 1992 года он впервые за 38 лет прибыл в Москву, где встретился с женой и сыном. Посетил он и мемориальный кабинет Ю.В. Андропова на Лубянке.

По поводу вышедшей в 1994 году в США книги Судоплатова «Специальные задания» (в России она была издана под названием «Разведка и Кремль» в 1997 году) Хохлов в открытом письме в редакцию газеты «Новое русское слово» от 7 мая 1994 года написал:

«Поражает типично советская безалаберность по отношению к истине. Судоплатовы как-то и не подумали, что ведь существуют официальные архивы, допросы и показания доверенных свидетелей, да, наконец, и те прямые очевидцы случившегося, которые еще живы и в России, и на Западе».

А поскольку часть мемуаров не соответствует, по мнению Хохлова, действительности, то он сообщил, что собирается подать на Судоплатова в суд. Правда, дальше слов и угроз дело не пошло.

Здесь уместно заметить, что случай с Хохловым ничему не научил советское руководство, и в 1956 году 13-й отдел ПГУ КГБ нанял для ликвидации президента НТС Владимира Поремского, профессионального убийцу — немца Вольфганга Вильднретта. Но, как и Хохлов, Вильднретт в последний момент передумал и сообщил обо in ем западногерманской полиции.

Евдокия Петровна Карцева (после замужества Пролетарская-Петрова) родилась в 1900 году в деревне Липки Рязанской губернии. Позднее ее семья переехала в Москву. После Октябрьской революции ее отец попал на работу в ВЧК в транспортный отдел. Именно благодаря ему молодую комсомолку в двадцатые годы взяли на работу в ОГПУ в одно из самых секретных подразделений — созданный в 1921 году Спецотдел, который размещался даже не на Лубянке, а в здании Министерства иностранных дел на Кузнецком мосту.^[28]

Секретность отдела была такова, что его сотрудникам было строго запрещено сообщать адрес своего места работы даже родителям. Сама Карцева вспоминает, что, как и большинство других молодых сотрудниц, испытывала страх перед начальником отдела Г.И. Бокием, который, несмотря на свой солидный возраст — ему было за пятьдесят, регулярно устраивал по выходным на даче оргии. Когда она завела разговор об этом с коллегой-мужчиной, он сказал: «Если ты только обмолвишься об этом кому-нибудь, он сделает твою жизнь невыносимой. Ты играешь с огнем». В 1937 году Бокий был арестован и расстрелян. В это же время арестовали и первого мужа Карцевой — чекиста-серб. Но ее не коснулись репрессии, и она продолжила работу в ИНО НКВД.

Там в 1938 году на нее обратил внимание некто Петров, ставший ее вторым мужем. Его настоящая фамилия и имя были Владимир Михайлович Шорохов. Он родился 15 февраля 1907 года в деревне Лариха в Центральной Сибири. Во время службы в Красной Армии шифровальщиком Владимир сменил фамилию на Пролетарский, и после демобилизации в 1937 году попал на работу в ИНО НКВД. Работу за рубежом он начал с командировки в Китай под «крышей» консульства, а в 1938 году вернулся в Москву, где за успешную службу был награжден орденом Красной Звезды. В 1940 году они поженились.

В 1942 году семейную пару было решено направить в Стокгольм. Перед этим по решению руководства фамилия Пролетарский была снова заменена на Петров. В Стокгольме Петровы пробыли четыре года. Сам Петров исполнял обязанности шифровальщика и занимался охраной и обеспечением безопасности советской колонии, вербовал среди ее обитателей осведомителей и собирал компромат на посла Александру Коллонтай, находившуюся в Швеции в

почетной ссылке. Не сложились у Петрова отношения и с резидентом Б.А. Рыбкиным и его женой и заместителем З.И. Рыбкиной-Воскресенской. Используя свое служебное положение шифровальщика, он многократно посылал в Москву доносы на своих непосредственных начальников, что в конце концов послужило основанием для его отзыва в СССР. Петрова сначала работала секретарем в резидентуре, а позднее была допущена к оперативной работе. По возвращении в Москву с. 1945 году Петров был назначен начальником отделения «Комитета по информации» (КИ) по совколониям.

В 1951 году Петровы были командированы в Австралию, в Канберру. Подполковник Петров с 1952 года исполнял обязанности резидента, а капитан Петрова получила должность секретаря посла и бухгалтера посольства. В задачу резидентуры входило проникновение в антисоветские и националистические организации, а так-же создание в стране сети нелегалов.

Но отношения внутри советской колонии у Петровых не сложились. Не последнюю роль в этом сыграла взаимная неприязнь Петровой и жены посла. В Москву посыпались многочисленные доносы, а после ареста Берия Петрова даже обвинили в создании в посольстве пробериевской фракции.

В это же время Петров близко сошелся с неким Майклом Бялогуски, польским музыкантом, который в годы Второй мировой войны сотрудничал с гестапо и бежал в Австралию, опасаясь справедливого возмездия. «Дальние соседи» (сотрудники резидентуры ГРУ в Канберре) неоднократно предупреждали Петрова по поводу Бялогуски, но тот отвечал, что изучает его на предмет вербовки.

Тогда в Москву полетела срочная телеграмма следующего содержания:

«Канберра — Москва, Громову.

Совершенно секретно.

Получены данные (ВЕНТА), что местная спецслужба взяла в активную разработку Петрова. Агентом-вербовщиком выступает Майкл Бялогуски, музыкант польского происхождения. Оба пропадают в ночных барах и ресторанах. Петров допускает злобные реплики в адрес совпосла. Просим отозвать.

17.11.53 Сомов».

Между тем события приближались к развязке. Двадцать седьмого февраля 1954 года Петров первый раз вступил в контакт с сотрудниками австралийской контрразведки. Ему было обещано политическое убежище и крупная сумма денег в 5 тысяч фунтов стерлингов на покупку фермы. Но окончательное решение он принял после того, как в Канберру неожиданно прибыл его сменщик, который потребовал от Петрова сдать ему все дела. Это стало последней каплей, и Петров 2 апреля 1954 года, даже не переговорив с женой, похитил секретные документы и исчез из посольства.

Почти сразу же начались поиски пропавшего дипломата, а Петрову переселили из квартиры в городе в посольство, лишив всякой связи с внешним миром. Тринадцатого апреля 1954 года австралийское радио официально объявило о том, что третий секретарь посольства Владимир Михайлович Петров попросил политического убежища. Евдокия посчитала это заявление буржуазной пропагандой, будучи уверена, что мужа похитили. Через некоторое время она получила от мужа письмо с просьбой о встрече, и написала под диктовку следующий ответ: «Я опасаясь встречи с тобой, это может быть ловушка».

Девятнадцатого апреля Петрову под конвоем доставили в аэропорт и посадили в самолет. Руководивший этой операцией сотрудник МГБ Василий Федорович Санько действовал так неуклюже и топорно, что фотография Петровой, которую волокут к трапу самолета двое дюжих молодчиков, обошла газеты всего мира. [\[29\]](#)

В аэропорту Канберры на борту самолета Петрову интенсивно обрабатывали сотрудники австралийской контрразведки, убеждавшие ее присоединиться к мужу. И только в Дарвине, последнем пункте на австралийской территории, когда она поговорила с мужем по телефону, ее решимость вернуться в Москву иссякла. Положив телефонную трубку, она тут же попросила политического убежища.

Позднее Петровы дали подробные показания. Так, в «Заявлении Петровых, касающемся их прошлой разведывательной деятельности от 15.05.1954 года» Е. Петрова рассказывала о своей работе в японской секции Спецотдела, заявив, что шифрованные материалы из Японии добывались с помощью агентов. Раскрыли Петровы и характер работы советской разведки во Франции, отметив при этом, что резидент МГБ в Париже в 1947–1949 годах И.И. Агаянц считал разведывательную работу во Франции особенно легкой.

[\[30\]](#) Показания В. Петрова о работе в Австралии позволяли сделать вывод о том, что она была крайне незначительной. Более важным было представленное прямое, а не косвенное свидетельство о местонахождении Г. Берджесса и Д. Маклина в Москве и ряд фактов об их деятельности. Так, со ссылкой на Ф.В. Кислицына, шифровальщика лондонской резидентуры с 1945 по 1948 год, Петровы рассказали, что Берджесс приносил полные портфели документов министерства иностранных дел. Содержание наиболее важных

Кислицын передавал в Москву по радио, а остальные отправлял дипломатической почтой.

Отдельно 2 мая 1954 года В. Петров дал показания, касающиеся убийства Л. Троцкого. По его словам, он имел возможность в 1948 году ознакомиться с одним из досье, касавшимся убийства Троцкого. Это была толстая папка, содержащая снимки, сделанные на вилле Троцкого и запечатлевшие охранников, заборы, самого Л. Троцкого с женой и друзьями и многое другое. По мнению Петрова, в окружении Троцкого действовало в разное время разное количество агентов НКВД, причем ни один из них не догадывался о наличии остальных. Первым из агентов, по воспоминаниям Петрова, была женщина-секретарь, завербованная еще во время пребывания Троцкого в Норвегии. Самым же важным агентом был Р. Меркадер, что, впрочем, было известно и ранее. Само убийство в досье было описано с мельчайшими подробностями. Так, например, там говорилось, что смертельный удар был нанесен не заостренным, а широким концом ледоруба. Подобными методами, по словам Петрова, НКВД пользовалось и раньше. Зимой 1938–1939 годов офицер НКВД Боков по приказу Л. Берия убил одного из советских послов на Ближнем Востоке.

Помимо всего прочего, на основании показаний Петровых в ноябре 1954 года был подготовлен 24-страничный отчет, озаглавленный «Комитет информации» (КИ), 1947–1951 год», являвшийся долгое время на Западе основным источником по истории и структуре КИ.^[31]

В 1956 году Петровы опубликовали книгу «Империя страха», а в 1968 году В. Петров написал работу под названием «22 июня 1941 года: советская история и германское вторжение».

В Австралии Петровы проживали под чужой фамилией и с постоянной охраной, информация об их местонахождении считалась государственной тайной. Но, как и следовало ожидать, их жизнь на чужбине не сложилась. В 1974 году В. Петров, состояние здоровья которого резко ухудшилось, был под именем шведа Свена Эллисона пометен в один из мельбурнских приютов для престарелых. За долгие семнадцать лет, проведенные в приюте, жена посетила его всего несколько раз. Умер Петров в сентябре 1991 года, в возрасте восьмидесяти четырех лет.

Нелегал управления «С» ПГУ КГБ ГАРТ в конце сороковых годов был направлен для работы в качестве радиста в нелегальной резидентуре В. Фишера в США (о самом В. Фишере, более известном как Р. Абель, будет рассказано ниже). ГАРТ был рекомендован московским управлением контрразведки. В 1952 году он был переправлен в Канаду с заданием легализоваться и со временем переехать в США. Но к 1954 году руководству в Центре стало ясно, что переезд ГАРТА в США сопряжен с рядом трудностей, и поэтому было решено оставить его в Канаде в качестве радиста другого нелегала КГБ ФИРИНА, который в это время находился в Бразилии с целью легализации.

В 1954 году в Канаде ГАРТ вступил в связь с замужней женщиной. Но вскоре об этом стало известно ее мужу, который решил выяснить отношения с соперником. В доме ГАРТА состоялось бурное объяснение, в ходе которого обманутый муж заметил приемник специального назначения, о чем не замедлил сообщить в контрразведку. Летом 1954 года ГАРТ был задержан и после соответствующей обработки перевербован канадцами. К счастью, предатель не смог нанести большого вреда. Дело в том, что сотрудник канадской контрразведки Джеймс Моррисон, испытывая

денежные трудности, в июле 1954 года вышел на работников КГБ в посольстве СССР в Оттаве и за 5 тысяч долларов предложил им сообщить о советском нелегале, перевербованном канадцами. После непродолжительного раздумья это предложение было принято, и в Москву ушло сообщение о вербовке ГАРТА.

В ходе обсуждения создавшегося положения в Центре были приняты следующие решения: отказаться от переброски ФИРИНА в Канаду и начать с канадцами через ГАРТА игру с целью выманить перебежчика в СССР. ФИРИН был немедленно предупрежден и переориентирован на работу в Латинской Америке. Что же касается ГАРТА, то ему сообщили, что довольны его работой и оговорили сроки приезда к нему жены на следующий год. В начале 1955 года ГАРТ получил указание из Центра об активизации работы, для чего ему следовало прибыть в Москву для ознакомления с новой техникой, в частности, с быстродействующим передатчиком. ГАРТ обо всем поставил в известность канадцев, которые одобрили его поездку в СССР. В августе 1955 года ничего не подозревавший ГАРТ приехал в Москву, где был немедленно арестован. На первом же допросе он признался в измене и был передан следственным органам. Состоявшийся на следующий год суд приговорил ГАРТА к пятнадцати годам лишения свободы.

В середине пятидесятых годов также ушли на Запад И. Джирквелов и К. Туоми.

Илья Джирквелов работал в управлении КИ по Ближнему и Дальнему Востоку, а в дальнейшем в том же управлении ПГУ МГБ. В начале пятидесятых годов, будучи сотрудником Второго главного управления (контрразведка), он принимал участие в операциях по проникновению в посольства Турции, Сирии, Египта и Ирана в Москве. За успешное выполнение заданий был

награжден именными часами с присвоением звания «Почетный чекист». После побега за границу И. Джирквелов написал книгу «Секретный сотрудник», вышедшую в Лондоне в 1987 году.

Карло Туоми был разведчиком-нелегалом, работавшим в пятидесятые годы в США. В 1959 году он перешел на сторону американцев.

В 1957 году произошло событие, облетевшее весь мир. В США был арестован советский разведчик-нелегал Р. Абель (В. Фишер). Состоявшийся в октябре — ноябре 1957 года судебный процесс над ним привлек к себе внимание всей мировой прессы (кроме, конечно, советской). Причиной провала В. Фишера стало предательство в мае 1957 года его помощника Рейно Хейханена.

Р. Хейханен, известный также как Юджин Маки, или ВИК, родился 14 мая 1920 года в деревне Каскисаари под Ленинградом. Карел по национальности, он окончил педагогический техникум, и в девятнадцать лет стал школьным учителем. Но учителем он пробыл всего три месяца. В ноябре 1939 года в связи с началом советско-финской войны его мобилизовали и направили для работы в НКВД. После учебы на десятидневных курсах, где объясняли, как следует допрашивать военнопленных и выявлять антисоветски настроенных лиц или шпионов, он был прикомандирован к оперативной группе, действовавшей на оккупированной в ходе войны финской территории в качестве переводчика.

По окончании войны Хейханен был переведен в Карелию, где продолжал работать в качестве переводчика, а потом и кадрового сотрудника в территориальных органах НКВД-НКГБ-МГБ. В 1942 году во время Великой Отечественной войны он подал заявление о вступлении в партию и по истечении годичного кандидатского стажа в мае 1943 года стал

членом ВКП(б). К 1948 году лейтенант государственной безопасности Хейханен был уже женат и имел сына.

В 1948 году Хейханена вызвали в Москву, где, по его словам, объяснили, что теперь он нужен не в контрразведке, а в разведке. В беседе с ним принимал участие А.М. Коротков, в то время полковник, заместитель начальника ПГУ МГБ. В результате Хейханена направили в Эстонию, где он в течение года проходил профессиональную подготовку, включая обучение английскому языку, фотографированию, вождению и ремонту автомобиля. В 1949 году по завершении подготовки его вызвали в Москву. Ему присвоили звание майора и сообщили, что работать ему предстоит в США под именем Юджина Маки.

Для закрепления легенды Хейханен был направлен в Финляндию. В июле 1949 года он был доставлен к советско-финской границе и переправлен через нее нелегально в багажнике автомобиля сотрудника разведки, работавшего представителем ТАСС в Финляндии. В соответствии с полученным заданием Хейханен должен был обосноваться в Финляндии как Юджин Маки, якобы проживающий здесь с 1943 года. В Лапландии, где он жил и работал у кузнеца, чтобы иметь возможность при случае доказать, что он действительно жил в Финляндии, он нашел двух лжесвидетелей. Одному из них он заплатил 15 тысяч, а другому 20 тысяч финских марок.

В 1950 году Хейханен переехал на юг Финляндии, и под видом Юджина Маки жил в течение двух с половиной лет в городах Тампере и Турку. В Тампере он работал на заводе по изготовлению сейфов и ремонту автомобилей. Третьего июля 1951 года он обратился в посольство США в Хельсинки с ходатайством о выдаче ему паспорта как коренному американцу для поездки в США. В посольстве Хейханен сказал, что его мать Лилиан Луома Маки была американкой (родилась в Нью-

Йорке), а отец, Август, натурализованный американец, родился в Оулу в Финляндии. В отдельном документе, объясняя причины длительного пребывания за границей, Хейханен указал, что в восьмилетнем возрасте он вместе со своим братом Алленом Августом и матерью приехал в Валгу в Южной Эстонии, где и жил до смерти матери в 1941 году. Он также указал, что его отец умер в марте 1933 года.

Двадцать пятого ноября 1951 года Хейханен, упрочив свое положение как Юджина Маки, женился на 27-летней финке Ханне из Силинярви. А получив 28 июля 1952 года американский паспорт, возвращается в Москву. Через границу его снова переправили в багажнике автомобиля, а в Москве поселили на конспиративной квартире. На этой квартире Хейханен провел три недели. Здесь он получил дополнительный инструктаж по работе с кодами, по зашифровке и расшифровке секретных сообщений, по технике изготовления микроточек, по специальной обработке фотопленки, после чего она становилась мягкой и свободно помещалась в контейнеры типа полый монеты или карандаша. Здесь же ему присвоили псевдоним ВИК и сообщили, что он направляется в Нью-Йорк радистом резидентуры связи и помощником нелегального резидента, действующего под псевдонимом МАРК. В письменных инструкциях, врученных Хейханену, говорилось, что по прибытии в США он получит 5 тысяч долларов для работы по организации прикрытия. В инструкции также содержалось описание трех тайников, через которые он должен был отправлять сообщения и получать задания, и двух мест для постановки сигналов. Зарплата Хейханену была определена в 400 долларов в месяц плюс 100 долларов на служебные расходы.

Проинструктированный таким образом Хейханен был доставлен на финскую границу и вновь пересек ее

в багажнике автомобиля. Из Финляндии он вместе с женой Ханной отплыл на пароходе в США, куда и прибыл 20 октября 1952 года, с паспортом на имя гражданина США Юджина Маки. По прибытии в Нью-Йорк Хейханен в конце ноября установленным порядком доложил о своем прибытии на место и готовности приступить к организации своего прикрытия, в связи с чем попросил денег. Ему ответили, что время для обсуждения подобных вопросов не подошло, но позднее он получил 3 тысячи долларов через тайник.

Летом 1953 года, осмотревшись и убедившись, что он не привлек к себе внимания, Хейханен дает знак резиденту МАРКУ, что готов встретиться с ним и приступить к выполнению задания. Первая их встреча состоялась в мужской курительной комнате в театре в Нью-Йорке. В соответствии с инструкцией на Хейханене был голубой галстук в красную полоску и он курил трубку. Следует особо подчеркнуть, что Хейханен не только не знал настоящего имени МАРКА, но и не был поставлен в известность, под каким именем действует Фишер в США. После этого МАРК и ВИК периодически встречались. Во время одной из встреч Фишер передал Хейханену коротковолновый приемник, в следующий раз — зашифрованное сообщение для расшифровки, в третий — 200 долларов и поддельное свидетельство о рождении.

Помимо контактов с Фишером, Хейханен дважды встречался с Михаилом Свириным, сотрудником легальной нью-йоркской резидентуры, действовавшим под видом сотрудника секретариата ООН. Во время этих встреч Свирин передал Хейханену пакет со сфотографированными на пленку письмами от его семьи и поздравления от руководства. Кроме того, сотрудники резидентуры ежемесячно проводили с Хейханеном зрительный контакт. Двадцать первого числа каждого месяца ему предписывалось стоять

около станции метро «Проспект-парк» при выходе на Линкольн-роуд. Чтобы легче было его опознать, Хейханен всегда надевал голубой галстук в красную полосу и курил трубку.

Что же касается работы с Фишером, то Хейханен кроме периодических встреч три раза выезжал вместе с ним в Нью-Гайд-Парк (Лонг-Айленд), Атлантик-сити (Нью-Джерси) и Поукипси (штат Нью-Йорк). Целью этих поездок были поиски подходящего места для передачи радиосообщений в Москву. Однако все осмотренные ими места МАРК забраковал. Так, он отказался покупать помещение в Нью-Джерси по причине дороговизны — за него просили 15 тысяч долларов. Кроме того, МАРК посылал Хейханена в командировки. Первый раз Хейханен отправился в Куинси (штат Массачусетс), чтобы отыскать адрес местожительства некого шведского инженера-судостроителя по имени Олаф Карлсон. Уточнив адрес инженера, Хейханен доложил о нем Марку. Вторая командировка весной 1955 года была связана с определением местонахождения сержанта армии США Роя Роудса по кличке КВЕБЕК. Согласно полученным из Москвы данным Роудс должен был находиться в Ред-Банк (штат Нью-Джерси), но ни МАРК, ни ВИК его там не обнаружили. Тогда, получив из Центра сведения, что у Роудса есть родственники в штате Колорадо, Хейханен был командирован МАРКОМ в город Салиды, откуда он позвонил сестре Роудса и узнал, что КВЕБЕК находится в Таксоне (Аризона). В дальнейшем по указанию Центра дело КВЕБЕКА было передано МАРКОМ другой резидентуре.^[32]

В начале 1955 года МАРК поручает Хейханену открыть магазин фотопринадлежностей. Выполняя поручение, Хейханен снимает помещение в доме № 806 по Берген-стрит в Нью-Йорке и 29 марта 1955 года подписывает договор об аренде сроком на три года. Он

замазывает окна мастикой, покупает кое-какое оборудование, сваливает его в угол, но дальше этого дело не идет. Как пишет бывший начальник Фишера Д.П. Тарасов, «ВИК оказался слабым человеком. Четыре года, проведенные в Америке, оказали на него пагубное влияние. Падение ВИКА началось с малого, с обыкновенной рюмки спиртного, пристрастие к которому постепенно переросло в постоянную потребность. Вследствие этого он стал испытывать нехватку денег, залезать в карман государства, тратя на личные нужды служебные деньги. Весной 1955 года он присвоил 5000 долларов».

Подтверждает это и стенограмма допроса свидетеля Хейханена на суде:

«Вопрос: Когда вы жили на Берген-стрит, вы выпивали?

Ответ: (откровенно) Выпивал.

В: Как много?

О: (хитро) В разное время по-разному и разное количество.

В: Какое наибольшее количество спиртного вы выпивали за один вечер, пока жили по этому адресу?

О: Около пинты.

В: Одни пинту?

О: Да.

Судья Байерс: (Проявляя интерес.) Чего?

О: Пинту водки.

В: Не выбрасывали ли вы в мусорный ящик по крайней мере раз в неделю четыре или пять бутылок из-под виски или из-под других спиртных напитков?

О: Иногда я выбрасывал их раз в неделю. Иногда раз в три недели. У меня было четыре комнаты и большая кладовая, и поэтому было

достаточно места, где я мог держать пустые бутылки.

В: Сколько вы выпили вчера?

О: За весь день?

В: В течение всего дня и вечера.

О: Около четырех стопок, какие подают в баре.

В: Пили ли вы что-нибудь сегодня утром?

О: (простодушно) Я пил сегодня утром кофе и завтракал.

В: И ничего спиртного?

О: Нет.

Томпкинс (представитель обвинения): Я, ваша честь, не понимаю, какое отношение такого рода вопросы имеют к заговору с целью шпионажа?

Судья Байерс: Это может помочь разобраться в том, насколько можно верить свидетелю».

Сумма, о которой идет речь, предназначалась Для передачи Элен Собел, жене Мортон Собеля, осужденного по делу Розенбергов. Получив от Марка деньги, Хейханен присвоил их, сказав Фишеру, что передал указанную сумму Элен и велел тратить их осмотрительно.

Пьянство Хейханена стало привлекать к нему внимание. Крики во время пьяных скандалов в доме тревожили соседей, и они не раз вызывали полицию, которая, правда, не могла проникнуть в дом. Двадцать четвертого мая 1956 года вызванный наряд полиции обнаружил Хейханена с глубокой ножевой раной в бедре. Хейханен заявил, что порезался, упаковывая вещи. В дополнение ко всему Хейханен был задержан полицией за управление автомобилем в нетрезвом виде и его лишили водительских прав.

Видя дальнейшую непригодность Хейханена для работы, Фишер неоднократно ставил вопрос об отзыве ВИКА из Америки. Этот вопрос он поднимал и во время своего пребывания в отпуске в СССР в 1956 году. Центр учел требование МАРКА, и Хейханену было присвоено звание подполковника. Вот как объяснил этот факт анонимный сотрудник ПГУ: «Искали, как его вывести. И присвоили звание перед выводом из США. Бывает и такое». Но похоже, присвоение очередного звания не успокоило Хейханена, и в декабре 1956 года он говорит МАРКУ, что за ним ведется слежка. Правда, уже во время следующей встречи в начале 1957 года Хейханен утверждает, что все обошлось. Гак или иначе, но весной 1957 года проинструктированный Фишером Хейханен отбывает в СССР в отпуск.

Двадцать четвертого апреля 1957 года Хейханен на французском лайнере «Либерте» отправляется в Европу. Он прибывает в Гавр, а оттуда в Париж, где 1 мая, следуя инструкциям, полученным от МАРКА, звонит по телефону Клебер 33-41 и говорит сотруднику советского посольства, снявшему трубку: «Могу ли я отправить через вас две посылки в СССР, не прибегая к услугам компании Мори». Это был сигнал о встрече на следующий день с сотрудником парижской резидентуры, работающим под посольской «крышей». На этой встрече был оговорен дальнейший маршрут и Хейханен попросил у него денег на дорогу, несмотря на то, что получил определенную сумму от МАРКА. Деньги ему дали частично французскими франками, частично американскими долларами. На следующий день Хейханен имел «визуальную» встречу с сотрудником посольства. По предварительной договоренности Хейханен был без шляпы и держал в руках газету. Это означало, что на следующий день он отбывает в Западный Берлин, а оттуда в Москву.

Однако на следующий день Хейханен отправился не в Западный Берлин, а в американское посольство в Париже, где заявил, что он сотрудник КГБ в звании подполковника, и попросил политического убежища. В доказательство своих слов он продемонстрировал полую монету-контейнер для микрофильмов и заявил, что работал помощником нелегального резидента КГБ в Нью-Йорке по имени МАРК. Дело о шпионе МАРКЕ передается в ФБР, сотрудники которого 6 мая сняли первый допрос с Хейханена в Париже, а еще через две недели отправили его самолетом в Нью-Йорк — ловить МАРКА. Собственно говоря, о МАРКЕ ФБР почти ничего не было известно: Хейханен не назвал ни его настоящего имени, ни имени, под которым он жил в Америке. Сообщил только, что МАРК — нелегальный резидент в звании полковника и что у него есть студия на Фултон-стрит 252.

За домом на Фултон-стрит и всеми местами встреч и проведения тайниковых операций ВИКА и МАРКА было установлено круглосуточное наблюдение.

Что же касается МАРКА, то он после отъезда Хейханена уехал во Флориду и вернулся в Нью-Йорк 17 мая.

Приехав, он зарегистрировался в гостинице «Лэнтэм», в которой жил и раньше, под именем Мартина Коллинза. Двадцать восьмого мая агенты ФБР заметили человека, по внешним данным походившего на описанного Хейханеном советского резидента, сидевшего на скамейке как раз напротив входа в дом 252. За ним было установлено наблюдение, но МАРК почувствовал за собой слежку, и ему, хотя и с большим трудом, удалось уйти от хвоста, и его личность не была установлена. Но вечером 20 июня МАРК вторично пришел на Фултон-стрит, и теперь сотрудники ФБР не только сфотографировали его, но и установили, что в настоящее время он проживает в гостинице «Лэнтэм».

На предъявленной фотографии Хейханен опознал МАРКА, и ранним утром 21 июня МАРК, он же Мартин Коллинз, он же Эмиль Голдфус был арестован. После ареста В. Фишер назвался именем своего уже умершего друга, тоже сотрудника КГБ, Рудольфа Ивановича Абея, под этим именем он предстал перед судом 14 октября 1957 года, и 17 ноября был осужден на тридцать лет тюремного заключения.

Что же касается Хейханена, то он в течение четырех дней давал показания в суде в качестве свидетеля обвинения. Вот как он запомнился адвокату Абея Джеймсу Доновану:

«Хейханен был ростом пять футов восемь дюймов, и вес его наверняка превышал двести двадцать пять фунтов. Его бледно-голубые глаза бегали, черные редющие волосы были зачесаны назад. У него были очень белые ровные зубы. Он лысел со лба, волосы его пыли выкрашены густой черной краской. Черные усы и еще более черные брови тоже казались подкрашенными. Он был очень похож на изгнанного короля Египта Фарука».

На суде Донован очень умело выставил Хейханена как профессионального лгуна, патологического алкоголика, двоеженца и вора. Вот отрывок из стенограммы допроса Хейханена на суде:

«Вопрос: Насколько я понимаю, мистер Хейханен, вы дали показания о том, что в феврале 1953 года ваша жена приехала к вам в Соединенные Штаты. Правильно ли это?

Ответ: Правильно.

В: И полагаю, вы дали также показания, что вы женились в 1951 году?

О: Правильно.

В: Не согласитесь ли вы также с тем фактом, что в то время, как вы заявляли, что поженились в 1951 году, у вас уже были жена и ребенок?

О: Согласен.

В: Это правда?

О: Да.

В: Таким образом, как я понимаю из ваших показаний, вы свидетельствуете о том, что вы двоеженец».

Правда, все искусство защитника Донована и бросающиеся в глаза отрицательные качества Хейханена и его моральная нечистоплотность не повлияли ни на приговор, вынесенный Фишеру, ни на судьбу Хейханена, продолжавшего жить под опекой ЦРУ.

Семнадцатого февраля 1964 года в «Нью-Йорк джорнел америкен» и других американских газетах появилось сообщение о том, что Хейханен погиб в таинственной автомобильной катастрофе. Представители ЦРУ утверждали, что он умер естественной смертью. Но в городке Нью-Гемпшир, где он жил, никаких следов его кончины не обнаружено, а в том месте, где, по сообщениям печати, произошла катастрофа, никаких дорожных происшествий в тот день не было зафиксировано.

На этом можно было бы поставить точку, если бы не один странный момент в этом, казалось бы, ясном деле. Д.П. Тарасов утверждает, что радиосвязь с МАРКОМ была прервана из-за неожиданно появившихся в это время помех в эфире. Пусть так. Но почему МАРК, зная, что о существовании студии известно ВИКУ, не затаился в той же гостинице «Лэнтэм»? Почему, с большим трудом избавившись от хвоста 28 мая, Марк 20 июня вновь возвращается на Фултон-стрит из Флориды?

Кому-кому, а ему должно было быть известно, что в Америке не следят просто так за пенсионером-фотографом. В контексте слов Фишера «Я проверял ШВЕДА», ^[33] сказанных им после возвращения в СССР Кириллу Хенкину, можно сделать предположение, что Фишер ареста ожидал, был к нему готов, а вернулся для того чтобы спасти деньги резидентуры. Но ФБР, понимая, что имеет дело с профессионалом высокого класса, сразу же арестовало его. Американцы понимали: МАРК мог скрыться и во второй раз, но тогда в их руках вообще не оказалось бы доказательств, подтверждающих деятельность нелегальной резидентуры КГБ.

С этим предположением можно спорить, можно с ним соглашаться или не соглашаться, но независимо от этого судьба Хейханена и «дело полковника Абея» до сих пор остаются одним из наиболее загадочных случаев в истории советских спецслужб.

В том же 1957 году встал на путь предательства Алексей Шистов. более известный на Западе как Михаил Федоров. Шистов был нелегалом ГРУ, прекрасно владевшим испанским и французским языками, невысокого роста, смуглокожий и черноволосый, что позволяло ему выдавать себя за француза или испанца. В середине пятидесятых годов он был направлен в Швейцарию с мексиканским паспортом. Окончательно он осел во Франции, в Париже, открыв на берегу Сены фотостудию, где посетители могли заказать свой портрет.

В 1957 году он пришел в американское посольство в Париже и предложил свои услуги. В парижской резидентуре ЦРУ к его предложениям отнеслись более чем скептически, но прибывший в Париж Р. Кович, руководивший в то время вместе с Кайзвальтером П.

Поповым, пришел к выводу, что Шистов — настоящий нелегал ГРУ, и завербовал его. Поначалу Шистов хотел сразу перейти на Запад, но Кович, понимая, какую выгоду получит ЦРУ, если Шистов будет продолжать работу на ГРУ, уговорил его оставаться на своем месте. В ЦРУ Шистов получил псевдоним ЭКЬЮТ.

Шистов очень много разъезжал. Ведущий его Кович встречался с ним в Париже, Ницце, Берне, Женеве, Берлине. По мнению Ковича и Кайзвальтера, «улов» был впечатляющим. Так, встречаясь с Ковичем в апреле 1958 года в парижском отеле «Крийон», Шистов сообщил, что в следующем месяце, 15 числа, состоится запуск советского спутника, а в конце августа в космос будут запущены собаки, помещенные в контейнер. Оба этих сообщения подтвердились, причем второе, о запуске собак, при весьма интересных обстоятельствах. Вот как пишет об этом Д. Уайз в книге «Охота на «кротов»: *«29 августа Кович встретился с Федоровым еще раз, теперь уже на. конспиративной квартире в Берлине. В ожидании второго завтрака они слушали московское радио. Неожиданно диктор прервал передачу сообщением о том, что Советы запустили в космос двух собак, которые благополучно приземлились на парашюте. Федоров захохотал. «Что вы думаете по поводу моей информации?» — спросил он. Кович считал ее прекрасной».*

Правда, были и накладки. Так, Шистов сообщил Ковичу, что спрятал в тайнике возле железнодорожной станции под Карлсхорстом некоторые документы и объяснил, как его найти. Один из агентов ЦРУ, немец по национальности, потратил много времени в надежде изъять документы из тайника, но так и не нашел его. Шистов, по его собственным словам, приблизительно помнил, где находится тайник, но у него не было бумажки, на которой было обозначено его точное местонахождение.

А. Даллес, тогдашний директор ЦРУ, считал Шистова настолько ценным агентом, что решил удовлетворить просьбу последнего о личной встрече с одним из руководителей ЦРУ. В сентябре 1958 года в сопровождении Ковича на самолете ВВС «С-54» Шистов из Берлина вылетел в Вашингтон. Его сразу же сопроводили в штаб-квартиру ЦРУ, где он встретился с заместителем директора ЦРУ генералом ВВС Ч. Кейбеллом, облачившимся по этому поводу в военную форму. После встречи с Кейбеллом Шистов провел несколько дней на конспиративной квартире в северной части штата Вирджиния, после чего вернулся в Берлин. Следует особо подчеркнуть, что очень многие перебежчики и агенты высказывали подобную просьбу, но удовлетворяли ее крайне редко.

В октябре 1958 года Шистов сообщил ЦРУ, что его вызывают в Москву. Особого беспокойства это сообщение не вызвало, так как за несколько месяцев до этого, в марте, Шистова тоже вызывали в Москву, но он вернулся. Однако на сей раз от Шистова не поступало никаких известий. Д. Кайзвальтер был убежден, что причиной его провала была ошибка ЦРУ:

«Какой-то тупица в штаб-квартире решил направить Шистову письмо советской почтой. Его отвезли в Москву в вализе, а затем послали по почте в Советском Союзе. Полагали, что внутреннюю почту слишком сложно проконтролировать, но один из способов, которым мог воспользоваться КГБ, — это засечь парня, отправившего письмо. Письмо было перехвачено».

В апреле 1961 года полковник ГРУ О. Пеньковский в беседе с Кайзвальтером в лондонском отеле «Маунт ройал» сказал, что 1 мая 1959 года, выступая перед

слушателями курсов Генерального штаба по ракетной технике, генерал Борисоглебский упомянул о суде над одним из предателей из ГРУ, приговоренным к расстрелу. Борисоглебский не назвал фамилии предателя, обмолвился лишь, что его возили в штаб-квартиру ЦРУ на встречу с одним из высокопоставленных должностных лиц. А поскольку Шистова возили на встречу с генералом Кейбеллом, то Пеньковскому стало ясно, что человек, о котором рассказывал Борисоглебский, был не кем иным, как Шистовым.

Кстати, на Западе говорили, что Шистова, как и другого сотрудника ГРУ — Попова, — не расстреляли, а заживо сожгли в топке крематория.

Глава 5

1961-1970 годы

Шестидесятые годы стали свидетелями наибольшего обострения «холодной войны». В 1961 году во время Берлинского и Карибского кризисов противостояние СССР и США едва не обернулось началом ядерной войны, в 1965 году началась печально известная война США во Вьетнаме, не было видно конца конфликту между Израилем и арабами. Смещение в 1964 году Хрущева и замена его Л.И. Брежневым не принесли видимых изменений во внешнюю политику Советского Союза, но со временем послужили катализатором для тех политических и экономических явлений, которые теперь принято называть одним емким словом — «застой».

В 1961 году, так же как и в 1954-м, пять сотрудников КГБ и ГРУ встали на путь измены. Но если в 1954 году они бежали на Запад, то сейчас большинство из них осталось на своих «рабочих» местах, тем самым нанося родине еще больший ущерб.

Первым в этот период, и, наверное, самым одиозным предателем стал Олег Владимирович Пеньковский. Пеньковский родился 23 апреля 1919 года в городе Орджоникидзе. По окончании школы Олег Пеньковский поступил во Второе киевское артиллерийское училище.

В школе Пеньковский вступил в комсомол, а в 1939 году стал кандидатом в члены ВКП(б). В сентябре того же 1939 года он окончил училище и был направлен в войска Западного фронта, дислоцированные в Польшу, на должность старшего политрука. С началом финской войны дивизию, в которой служил Пеньковский, в

январе 1940 года перебросили на Карельский перешеек.

В марте 1940 года, после окончания войны, Пеньковский был принят в партию, тогда же откомандирован в Московский военный округ, где позже назначается на должность заместителя начальника отдела политуправления по комсомольской работе. В начале Великой Отечественной войны его перевели в штаб Московского военного округа на должность старшего инструктора политуправления опять-таки по работе с комсомолом. Спустя год Пеньковский уже оказывается в отделе специальных поручений Военного совета Московского военного округа. Одним из его начальников в то время был генерал-лейтенант Дмитрий Афанасьевич Гапанович. Тогда же, в 1942 году, Пеньковский познакомился с дочерью Гапановича Верой, ставшей впоследствии его женой.

В Военном совете Московского округа Пеньковский проработал недолго. В ноябре 1943 года он подал рапорт с просьбой отправить его на фронт. Просьба была удовлетворена, и он был откомандирован на 1-й Украинский фронт в штаб начальника артиллерии фронта генерал-полковника Сергея Сергеевича Варенцова. Пеньковский был назначен командиром учебного центра по пополнению противотанковых артиллерийских частей. Через три месяца Пеньковский вновь подает рапорт об отправке его на передовую. В результате он был назначен заместителем командира 323-го артиллерийского противотанкового полка по личному составу. Через два месяца в полку произошло ЧП. Командир полка Герой Советского Союза Тихович изнасиловал беременную женщину и был отстранен от исполнения служебных обязанностей. Командиром полка был назначен Пеньковский.

В июне 1944 года Пеньковский был ранен и отправлен в московский госпиталь. В конце июля Пеньковского выписали, и он, готовясь к отправке на фронт, узнал, что в «генеральском» госпитале в Серебряном переулке находится на излечении генерал Варенцов. Пеньковский явился к своему командиру с гостинцами, и тот оставил его при себе в качестве офицера связи, пообещав по возвращении назначить Пеньковского командиром того же самого полка.

Пеньковский многократно выезжал на фронт, а вернувшись, обстоятельно докладывал Варенцову о положении дел на фронте и, кроме того, оказывал помощь семье самого генерала. Надо отметить, что Варенцов давал Пеньковскому и более деликатные поручения.

По возвращении на фронт Пеньковский получил под свое командование 51-й артиллерийский противотанковый полк резерва Главного командования. С этим полком он и Закончил войну в звании подполковника. В июне 1945 года он обратился к Варенцову с просьбой о командировке в Москву для сдачи вступительных экзаменов в Академию имени Фрунзе. Варенцов одобрил стремление Пеньковского продолжить образование, и тот, успешно сдав вступительные экзамены, был зачислен в академию. Одновременно он женился на Вере Гапанович, обретя в лице тестя покровителя и советчика.

В 1948 году Пеньковский окончил Академию имени Фрунзе, и сразу же по ее окончании ему было предложено продолжить учебу в Военно-дипломатической академии на факультете стратегической разведки. Пеньковский отказался от немедленного поступления в ВДА и получил назначение в Мобилизационное управление штаба Московского военного округа. Через полтора года он с повышением был переведен в штаб сухопутных войск, а в 1949 году

поступил в ВДА, где проучился четыре года, получив в феврале звание полковника.

После ВДА Пеньковского направили в 4-е (восточное) управление ГРУ. Через год руководство управления уже планирует его командировку в Пакистан на должность помощника военного атташе, которая служила прикрытием заместителя резидента ГРУ в Исламабаде, но визу Пеньковскому не дали. В конце 1954 года встал вопрос о его командировке в Турцию. И в июле 1955 года он отбывает в Анкару, официально на должность военного атташе, а неофициально — исполняющим обязанности резидента ГРУ в Турции.

Через семь месяцев в Анкаре появляется новый резидент генерал-майор Николай Петрович Савченко, официально значившийся в Турции под фамилией Рубенко. Между Савченко и Пеньковским, ставшим заместителем резидента, отношения не сложились. Кроме того, не сошелся Пеньковский и с сотрудником резидентуры ГРУ подполковником Николаем Ионченко. [34] Ионченко был недоволен тем, что заместителем резидента назначили Пеньковского, а не его, изучавшего в ВДА турецкий язык.

Командировка Пеньковского в Турцию завершилась в ноябре 1956 года, и 4 ноября он с женой отбыл в Москву. Вскоре вслед за Пеньковским был отозван в Москву и Савченко. Дальнейшая его судьба не сложилась. В конце пятидесятых годов он был уволен из ГРУ.

По возвращении из Турции Пеньковский продолжал служить в ГРУ, но отношение к нему со стороны начальства было настороженным. Чувствуя это, Пеньковский не без участия маршала Варенцова получил в сентябре 1958 года направление в Военную академию имени Дзержинского на курсы Генерального

штаба по изучению ракетной техники. Первого мая 1959 года он с отличием окончил курсы, и генерал-полковник И. Серов, который возглавил ГРУ в декабре 1958 года, предложил ему командировку в Индию на должность военного атташе и резидента ГРУ.

Пятого января 1960 года Пеньковского вызвал заместитель начальника отдела кадров генерал-майор А.А. Шумский и обвинил Пеньковского в умышленном сокрытии им белогвардейского прошлого своего отца. В результате командировка Пеньковского в Индию не состоялась. Его зачислили в резерв ГРУ.^[35] Двадцать девятого февраля 1960 года Пеньковский был назначен старшим офицером в отдел Пакистана, Индии и Цейлона 4-го управления ГРУ.

А в июне 1960 года Пеньковский был назначен членом приемной комиссии в ВДА. В июле Пеньковский ушел в очередной отпуск, а когда в августе вернулся в академию, ему предложили либо остаться в академии инструктором, либо перейти в информационное управление ГРУ. Он отклонил оба эти предложения и был вызван к начальнику отдела кадров ГРУ генерал-лейтенанту Смоликову. Тот, узнав, что через два года в 1962 году исполнится 25 лет службы Пеньковского в армии, направил его к Шуйскому. Шумский объяснил Пеньковскому, что работа за границей и начальником курса ему не светит из-за отца и коль скоро он отвергает предложенные ему назначения, то вновь зачисляется в резерв ГРУ.

С этого момента Пеньковский начинает активно искать связи с сотрудниками ЦРУ. Вечером 12 августа 1960 года он подошел в Москве к двум американским туристам и вручил им запечатанный пакет с просьбой отнести его в посольство США. В тот же вечер пакет был передан сотруднику безопасности посольства Джону Абидиану. Вскрыв пакет, Абидиан обнаружил два

письма в отдельных конвертах. В первом, датированном 19 июля 1960 года, анонимный отправитель предлагал свои услуги американской разведке и прилагал групповую фотографию военных атташе, аккредитованных в Турции в пятидесятые годы. Лицо одного из них было вырезано.

Во втором конверте содержалось описание тайника и план местонахождения телефона-автомата в Москве, на котором надо было поставить знак, когда сообщение будет заложено в тайник.

Ознакомившись с этим необычным посланием, Абидиан немедленно отправил его в Ленгли, где оно легло на стол начальнику отдела ЦРУ по нелегальным операциям в СССР Джону Мори. Тот препроводил это анонимное послание Джозефу Бьюлику, начальнику отдела Советской России в ЦРУ. Бьюлик довольно быстро установил, что письмо написано бывшим помощником военного атташе в Анкаре полковником Пеньковским, известным ЦРУ как сотрудник ГРУ. Факты, изложенные Пеньковским, убедили Бьюлика в необходимости контакта с ним. В Москву был отправлен сотрудник ЦРУ. Он прибыл в СССР 4 октября 1960 года, но ему не удалось выйти на связь с Пеньковским.

Пятнадцатого ноября 1960 года Пеньковский был назначен экспертом отдела международных отношений Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ (ГККНИР). Эта должность служила прикрытием для работы сотрудников ГРУ с иностранными делегациями, посещающими Советский Союз. Сопровождая английскую техническую делегацию, Пеньковский предпринял очередную попытку связаться с ЦРУ. 12 декабря в Ленинграде он пришел в номер гостиницы к члену делегации доктору технических наук Мерримену и попросил его передать принесенный пакет с секретными документами в

американское посольство. Мерримен, опасаясь провокации, отказался исполнить просьбу Пеньковского, и тот ушел ни с чем.

Время шло, и Пеньковский, не получив ответа ни от американцев, ни от англичан, решает обратиться к канадцам. Вечером 9 января 1961 года он встретился с поверенным в делах Канады в СССР Ван Влие. Пеньковский вручил ему запечатанный пакет с просьбой передать его некому американскому другу через военного атташе в посольстве США. Через два дня он вновь посетил Ван Влие и спросил, передал ли тот пакет в посольство, на что последний ответил, что не занимается такими делами, и вернул Пеньковскому нераспечатанный пакет.

На протяжении всего этого времени сотрудник ЦРУ не мог вступить в контакт с Пеньковским, так как посол США категорически запретил и встречаться и изымать содержимое тайника, указанного Пеньковским в письме. Поэтому в ЦРУ приняли решение обратиться за помощью к англичанам.

В начале апреля в Москву прилетел Гревил Винн, английский бизнесмен, налаживавший деловые контакты в Восточной Европе и СССР, с целью обсудить план поездки советской делегации в Великобританию. [36] Представителем ГККНИР по работе с Винном был назначен Пеньковский. Он установил с Винном дружеские отношения, и 6 апреля 1961 года в гостиничном номере передал ему объемистый пакет с полным досье на себя и фотопленкой с секретными документами.

В Лондоне Винн передал пакет и письмо Пеньковского сотруднику СИС Д. Франксу. Винн сообщил, что Пеньковский прилетит в Англию 20 апреля 1961 года вместе с советской делегацией. В ЦРУ и СИС решили не предпринимать каких-либо действий до его

приезда в Лондон, а совместную операцию провести в Лондоне.

Пеньковский во главе делегации прилетел в Лондон 20 апреля 1961 года. Делегация остановилась в отеле «Маунт ройал», причем для Пеньковского был заказан отдельный номер. Первая встреча Пеньковского с англо-американской оперативной группой состоялась вечером того же дня прямо в отеле, в соответствующих этой встрече апартаментах. Всего за время пребывания Пеньковского в Англии с 20 апреля по 6 мая было проведено семнадцать таких встреч.

Во время своей первой поездки в Лондон Пеньковский передал оперативной группе семьдесят восемь листов секретных и совершенно секретных материалов, четыре фотокопии планов строительства пусковых площадок для ракетных установок, раскрыл характеристики ракет среднего радиуса действия, рассказал о ядерной программе СССР, назвал двадцать девять исключительно важных военных объектов в Москве. Рассказал Пеньковский и о методах работы ГРУ, о проводимых операциях ГРУ в Индии, Пакистане, Шри-Ланке и Лондоне об уничтожении самолета-разведчика «У-2» в мае 1960 года.

Пеньковский вернулся в Москву 6 мая 1961 года, условившись о способах связи, оснащенной фотоаппаратом «Минокс». В ГККНИР и ГРУ были довольны результатами его поездки в Англию. Пользуясь удачно сложившимися обстоятельствами, Пеньковский под видом подготовки статьи о ядерной стратегии для военного журнала, зачастил в спецхран библиотеки Министерства обороны, куда у него был пропуск благодаря маршалу Варенцову. Там, пользуясь «Миноксом», он переснимал совершенно секретные документы. В Ленгли секретная информация по советским ракетам, переданная Пеньковским, получила кодовое название «Чикади», а остальная информация

проходила под кодовым названием «Айронбарк». В Англии не делили эту информацию и вся она значилась под кодом «Арника». Поскольку у ЦРУ не было резидентуры в Москве, все контакты с Пеньковским в СССР осуществляла СИС. Связниками Пеньковского стали Винн и Дженет Энн Чизолм, жена резидента СИС в Москве Родерика Роари Чизолма.

Двадцать пятого мая 1961 года Винн вновь прилетел в Москву. Он получил очередную порцию документов от Пеньковского и показал ему фотографию Дженет Чизолм и план места предполагаемой встречи. Документы и фото пленки Винн передал в английское посольство Родерику Чизолму, и 6 июня улетел в Лондон. Первая встреча Пеньковского с Дж. Чизолм состоялась 2 июля 1961 года. В коробке из-под конфет он передал ей семь непроявленных пленок и две страницы печатного текста, содержащего важные заявления маршала Варенцова по Берлинскому кризису и подробности о советских ракетных бригадах в ГДР.

Четвертого июля Пеньковского назначают заместителем начальника иностранного отдела ГККНИР.

Восемнадцатого июля 1961 года Пеньковский вылетел в Лондон. Во время этой командировки Пеньковский встречался с членами оперативной группы ЦРУ и СИС тринадцать раз. Кроме сведений об операциях ГРУ и данных о баллистических ракетах, оперативную группу интересовала политика Хрущева, ЦК КПСС и советского генералитета в отношении Берлинского кризиса. В Москву он вернулся 7 августа 1961 года и окунулся уже в привычную работу одновременно на ГРУ, ГККНИР, СИС и ЦРУ.

В Москве 23 августа у Пеньковского состоялась встреча с Винном, во время которой Пеньковский передал материалы о постройке Берлинской стены. Но Берлинскую стену начали возводить 13 августа 1961

года, поэтому сообщение запоздало. Двадцатого сентября он вылетел в Париж на советскую выставку. При выезде ЦК КПСС потребовал на Пеньковского новую характеристику. КГБ и ГРУ охарактеризовали его как благонадежного и политически зрелого человека.

В Париже Пеньковского ожидали оперативная группа и Винн. На конспиративной квартире близ площади Этуаль состоялось двенадцать встреч. На них, помимо прочего, рассматривалась возможность бегства Пеньковского из СССР в случае провала. Специально для ГРУ Пеньковскому вручили несколько брошюр по производству стали и электронике, аннотацию перевода книги доктора Лэппа «Человек и космос», а также организовали экскурсию на завод по производству дизелей вместе с офицером парижской резидентуры ГРУ. Пятнадцатого октября 1961 года Пеньковский вылетел из аэропорта Орли в Москву.

Последний раз Пеньковского видели 5 сентября 1962 года на приеме, организованном американским посольством в честь делегации США по электроэнергетике.

В посольствах США и Великобритании всерьез обеспокоились в связи с исчезновением Пеньковского, пока по специальному телефону 2 ноября 1962 года не последовали два условных звонка, сопровождаемые молчанием в трубку. Это означало, что на Пушкинской улице заложен тайник. Вторым подтверждением этому была пометка, сделанная мелом на фонарном столбе на Кутузовском проспекте. Для выемки тайника резидент ЦРУ Гарблер послал Ричарда Джекоба, работавшего под прикрытием архивариуса посольства. В момент выемки Джекоб был задержан сотрудниками КГБ. В тот же день в Будапеште был арестован Винн, которого 6 ноября доставили в Москву. Заявивший при задержании о своем дипломатическом иммунитете Джекоб был после составления протокола отпущен. Четвертого ноября он

был объявлен персоной нон грата и 6 ноября покинул СССР.

Сам Пеньковский был арестован 22 октября 1962 года в посольстве США. Через два дня он вновь посетил Ван Влие и спросил, передал ли тот пакет в посольство, на что последний ответил, что не занимается такими делами, и вернул Пеньковскому нераспечатанный пакет, а при выходе из своего кабинета в ГККНИР. Материалы о том, как КГБ вышел на Пеньковского, до сих пор остаются засекреченными, но на основании известных фактов можно выдвинуть версию его провала.

КГБ мог предположить существование агента западных спецслужб в оборонных структурах, основываясь на утечке секретных военных материалов в США и Великобританию. Об этом могло стать известно от агентов, внедренных в западные спецслужбы. Например, от Джека Данлапа, штаб-сержанта в АНБ США, завербованного в 1960 году. При обыске у Данлапа дома в июле 1963 года, после того как он покончил с собой, было обнаружено несколько важных секретных документов Пеньковского, приписываемых «надежному советскому источнику». Другим возможным информатором мог быть сержант армии США Роберт Ли Джонсон, завербованный КГБ в 1953 году. В 1961 году, став охранником в секретном курьерском центре НАТО в аэропорту Орли, он пачками выносил из хранилища секретную корреспонденцию и передавал ее КГБ. Поскольку информацией Пеньковского о советских планах в Германии располагал старший американский командный состав в Европе, вполне возможно, что КГБ, проанализировав документы, полученные от Джонсона, вычислил источник этой информации. В Англии документы, полученные от Пеньковского, могли читать Джон Вассал, клерк в секретариате адмиралтейства,

завербованный КГБ в 1955 году, и Френк Боссард, сотрудник министерства авиации, завербованный ГРУ в 1961 году. Следует иметь в виду и то, что муж Дж. Чизолм, Родерик Чизолм в 1954-1956 годах работал в берлинской резидентуре СИС вместе с Дж. Блейком. Тот, разумеется, не замедлил сообщить в Москву о ведомственной принадлежности Чизолма, и поэтому, когда Чизолм приехал в СССР в июне 1960 года, за ним было установлено постоянное наблюдение.

Интересную деталь раскрыл бывший сотрудник ГРУ Вадим Георгиевич Ильин, командированный в начале 1958 года в парижскую легальную резидентуру ГРУ под прикрытием должности секретаря военного атташе. В марте 1961 года им был завербован чрезвычайно ценный агент из военного министерства, поставлявший важную и достоверную информацию. А в августе 1961 года, по словам Ильина, агент впервые заявил, что в спецслужбах Советского Союза есть предатель. И что уж совсем невероятно, в сентябре 1961 года, во время пребывания Пеньковского в Париже, агент вновь подтвердил, что в ГРУ имеется предатель, и даже назвал его фамилию — Пеньковский. Когда же агент узнал от Ильина, что Пеньковский находится в Париже, то отказался от дальнейшего сотрудничества. Обо всем этом Ильин немедленно доложил резиденту ГРУ в Париже Николаю Ивановичу Чередееву, но тот посчитал информацию недостоверной и запретил упоминать о ней в отчете.

Весной 1962 года Ильин вернулся в Москву и поступил в академию. После ареста Пеньковского он попытался получить разъяснения от руководства ГРУ, но в ответ услышал: «Ваш агент — подстава». Более того, Чередеев, ставший к тому времени начальником управления, откровенно угрожал Ильину неприятностями, если тот не перестанет копаться в этом деле. Закончилось все тем, что Ильин был

вынужден уволиться из ГРУ и перейти в «Воентехиздат» во французскую редакцию.

В самой Москве, по утверждению перебежчика Олега Гордиевского, после ареста в 1959 году Попова два-три раза в год в течение двух недель осуществлялась тотальная слежка за всем западным дипломатическим корпусом. Во время очередной такой операции одна из групп наружного наблюдения 7-го управления КГБ засекла контакт «в одно касание» между Дж. Чизолм и неизвестным русским. Дальнейшая слежка за Чизолм привела к установлению личности Пеньковского, а его встреча с Винном в июле 1962 года и попытка заглушить разговор шумом воды из крана в ванной в номере гостиницы «Украина» убедили КГБ в том, что Пеньковский является агентом СИС. Это подтвердил и высокопоставленный сотрудник КГБ, давший интервью Джеролду Шектеру осенью 1990 года, когда тот в Москве собирал материал для книги о Пеньковском.

КГБ медлил с арестом Пеньковского по одной простой причине: нужно было установить все его контакты в Москве. С этой же целью был предпринят негласный обыск в квартире Пеньковского. Чтобы произвести обыск беспрепятственно, на кресло Пеньковского в служебном кабинете был нанесен ядовитый состав, в результате чего он был госпитализирован и находился на излечении с 7 по 28 сентября 1962 года. Пеньковский был арестован, после того как скрытая камера, вмонтированная в потолок его квартиры, зафиксировала его разглядывающим фальшивый паспорт. Опасаясь побега Пеньковского, Грибанов отдал приказ о его немедленном аресте.

Суд над Пеньковским и Винном под председательством генерал-лейтенанта юстиции В.В. Борисоглебского состоялся в Москве с 3 по 11 мая 1963 года. Пеньковскому было предъявлено обвинение в

измене Родине и шпионаже в пользу США и Великобритании, а Винну — в пособничестве и подстрекательстве. На суде старательно занижались объем и важность переданной Пеньковским информации, а основной упор делался на его моральное перерождение. Суд признал Пеньковского виновным в измене Родине и приговорил его к расстрелу с лишением звания полковника, орденов и медалей и конфискацией имущества. Винна приговорили к восьми годам лишения свободы с отбыванием первых трех лет в тюрьме, а последующих пяти — в исправительно-трудовом лагере строгого режима. После вынесения приговора Пеньковский обратился с просьбой о помиловании, которая была отклонена, и 6 мая 1963 года приговор был приведен в исполнение в подвале Бутырской тюрьмы.

В ноябре 1965 года на Западе появилась книга «Записки Пеньковского», где в предисловии утверждалось, что рукопись Пеньковский передал на Запад осенью 1962 года. Многие сомневались в подлинности «Записок» и считали их автором ЦРУ.

Действительно, разнообразных взаимоисключающих версий «дела Пеньковского» очень много. В немалой степени это объясняется громким судебным процессом в Москве и приукрашивающими действительность мемуарами Винна. Кроме того, шпионская деятельность Пеньковского приходится на период Берлинского и Карибско-го кризисов, когда мир стоял на грани ядерной катастрофы. Так или иначе, Пеньковский и по сей день остается одной из самых одиозных фигур XX века.

В 1961 году на путь измены Родине вступил Юрий Николаевич Логинов. Логинов родился в Курске, в семье партийного работника. Вместе с семьей он некоторое время жил в Тамбове, а после начала Великой

Отечественной войны семья переехала в Москву. Еще в школе у него проявились блестящие способности к языкам. Именно блестящему знанию иностранных языков он обязан последующей службе в ПГУ КГБ, куда он был принят в двадцать два года. Логинов прошел основательную подготовку и стал разведчиком-нелегалом.

Первая командировка Логинова состоялась в мае 1961 года. Он был направлен на стажировку в Финляндию. Находясь в Хельсинки, Логинов обратился в посольство США и добился встречи с резидентом ЦРУ в Финляндии Френком Фрайбергом. О визите Логинова Фрайберг сообщил в Ленгли и Центр прислал в Хельсинки Р. Ковича, оперативника, хорошо зарекомендовавшего себя во время работы с Поповым и Шистовым. Логинов сообщил Ковичу, что является нелегалом КГБ, работающим в Хельсинки под видом американского туриста Рональда Уильяма Дина. При этом он заявил о своем желании перейти на Запад или выехать в США. Кович, следуя правилу ЦРУ, убедил Логинова остаться на месте и передавать ЦРУ информацию о КГБ. Тот согласился с предложением Ковича и перед отъездом в СССР сообщил, что в Финляндии у него были две запланированные встречи с сотрудниками ПГУ. Во время первой Логинов встречался у театра «Астра» с Анатолием Климовым (под этим именем в Финляндии работал А. Голицын) и Николаем Фроловым, своим куратором из Центра. Логинов подробно изложил им трудности, с которыми столкнулся в Финляндии. Во время второй встречи Фролов и Климов сообщили Логинову, что Центр нашел его объяснения убедительными, и вручили ему визу для возвращения в Москву. Кович сообщил в Ленгли о вербовке Логинова, и в ЦРУ тому присвоили псевдоним ГУСТО.

Следующая командировка Логинова состоялась осенью 1962 года уже во Францию, и в Париже он вновь встретился с Ковичем. Весной 1964 года Логинов опять выезжает в командировку на Запад. Сначала в Брюссель, а затем оттуда — в Бейрут в Каир, повсюду выдавая себя за канадца.

Тем временем в ЦРУ набирала темп «охота на «кротов», вызванная заявлением бежавшего на Запад в декабре 1961 года сотрудника хельсинкской резидентуры КГБ А. Голицына (Климова). Голицын заявил, что КГБ внедрил в ЦРУ «крота», и для его прикрытия организует засылку в Ленгли под видом перебежчиков агентов-двойников. Начальник отдела контрразведки ЦРУ Дж. Энглтон отнесся с пониманием к заявлению Голицына, и одной из жертв этой охоты стал Кович, куратор Логинова в ЦРУ. С Ковича подозрения, естественно, перекинулись на Логинова. Проверку Логинова осуществляли два сотрудника, работавшие в отделе СР (Советская Россия): контрразведчики Пит Бегли и Джозеф Эванс. В 1966 году они пришли к выводу, что Логинов — подстава КГБ. Вывод основывался на следующих аргументах.

«Все поездки Логинова представлялись каким-то бесконечным переездом с места на место. Создавалось впечатление, что он никого не вел, — говорил Бегли. — В данном случае мы имели дело с нелегалом, который все время тратит на то, чтобы задокументировать себя. Большинство нелегалов ведет агентов, как, например, Лонсдейл».

Логинову, по его словам, постоянно обещали, что он получит важное задание, но этого так и не произошло. Логинов также ни разу не сообщил ЦРУ информацию, представляющую хоть какую-то ценность для

контрразведки. Он не смог идентифицировать вспомогательных агентов-нелегалов и не смог вообще назвать каких-либо агентов. Фальшивые документы, которые он предъявил оперативникам ЦРУ, также не послужили ключом к выявлению нелегалов или адресов советских агентов, находившихся у нелегалов на связи. К тому же вызывали подозрения и некоторые противоречия и нестыковки в его легенде.

Логинов передал сотрудникам ЦРУ свои коды для связи с Москвой. Но, по мнению ЦРУ, это ни о чем не говорило, так как у Логинова мог быть второй канал связи и второй код. Еще одной причиной для вывода, сделанного сотрудниками контрразведки, было то, что Логинов никогда не объяснял мотивов своей добровольной работы на ЦРУ. Он говорил, что никогда не испытывал неприязни к КГБ или порученным ему заданиям и что ему просто нравится работать на американцев. К тому же Логинов считал искренним и честным бежавшего на Запад в 1964 году Носенко (см. далее), который в то время находился под арестом в ЦРУ. Поэтому, как считал Эванс, истинное задание Логинова состояло в том, чтобы выяснить, насколько хорошо ЦРУ осведомлено о нелегалах КГБ и методах их работы.

Тем временем Логинов продолжал поддерживать контакты с ЦРУ. В январе 1967 года он отправился в четвертую командировку за рубеж. В конце января он прибыл в ЮАР, в мае вылетел оттуда в Кению, где встретился с сотрудником ЦРУ, а в июле вернулся в Йоханнесбург. На сей раз он путешествовал по канадскому паспорту на имя Эдмунда Тринки. (Настоящий Эдмунд Тринка родился 16 января 1931 года в Форт-Уайте, провинция Манитоба. Перед войной вместе с семьей переселился в Литву, где и умер.)

А тем временем руководство ЦРУ приняло из ряда вон выходящее решение. В Ленгли решили: коль скоро

Логинов — подстава КГБ, то его следует сдать контрразведке ЮАР. Это решение принимали начальник советского отдела Д. Мерфи и начальник отдела контрразведки Дж. Энглтон, и оно принадлежит к разряду тех, о которых сотрудники ЦРУ не желают говорить даже спустя много лет. Один высокопоставленный сотрудник ЦРУ в отставке не сомневается, что Энглтон был душой этого решения. «Он являлся кукловодом за сценой, он дергал марионеток за веревочки, независимо от того, была ли эта марионетка молодым Бегли, считавшим себя лучше всех, или кем-то другим. Дело в том, что Джим никогда не действовал открыто.

Но как шеф контрразведки Энглтон держал все мелочи в поле своего зрения. Он видел все. Никакая выдача Логинова не могла иметь место без его разрешения».

В июле 1967 года сотрудники службы безопасности ЮАР ворвались в квартиру Логинова и арестовали его. Он был отправлен в тюрьму, где его подвергали интенсивным допросам. Девятого сентября 1967 года полиция безопасности заявила, что Логинов признался в шпионаже против ЮАР и еще двадцати трех других стран. Шеф полиции безопасности генерал-майор Х.Дж. ван дер Берг огласил длинный список советских дипломатов в других странах, которых Логинов опознал как сотрудников КГБ. Фактически имена офицеров КГБ стали известны полиции безопасности ЮАР от ЦРУ, а вовсе не от Логинова. Выдача имен, по словам одного из сотрудников ЦРУ, была проделана для того, чтобы как можно сильнее скомпрометировать Логинова в глазах КГБ. В тюрьме ЮАР Логинова допросил также и Эванс, выступавший под видом сотрудника южноафриканской полиции безопасности. Однако ему так и не удалось добиться от Логинова признания в том, что он был агентом-двойником. Следует также отметить, что

ложное признание Логинова могло стать пагубным для него в случае возвращения в СССР.

В дальнейшем представители ЮАР предприняли шаги для обмена задержанных в ГДР агентов ФРГ на Логинова с последующей передачей его СССР. По словам Кайзвальтера, ключевой фигурой в обмене был Энглтон. Когда представители ЮАР, прежде чем согласиться на обмен, запросили ЦРУ, не желает ли оно заполучить Логинова, Энглтон ответил отрицательно. Безусловно, такое важное решение не могло быть принято без ведома директора ЦРУ Р. Хелмса. Однако тот утверждает, что ничего не помнит об этом.

Логинова доставили из ЮАР в ФРГ. Когда он понял, что его ожидает, то испугался до смерти и всеми силами воспротивился отправке в СССР. Сопровождавшим Логинова лицам пришлось буквально силой толкать его в руки сотрудников КГБ. ЦРУ стало известно, что Логинов был расстрелян. [\[37\]](#)

В августе 1961 года бежал на Запад Богдан Сташинский. Сташинский родился в 1932 году на Западной Украине. Он хорошо знал немецкий язык, изучив его во время оккупации Украины немцами, был красив, обладал прекрасными внешними данными. В 1951 году во время обучения во Львовском университете он был завербован сотрудниками МГБ. Умелая идеологическая обработка плюс прекрасные физические качества сделали свое дело — он стал отличным боевиком-нелегалом 13-го отдела ПГУ КГБ, занимавшегося террористическими и диверсионными операциями за рубежом.

В 1957 году он был отправлен в Карлсхорст, резидентуру КГБ в Восточном Берлине, с заданием подготовить и осуществить операцию по Ликвидации Льва Ребета, главного идеолога НТС и одного из

лидеров Организации украинских националистов (ОУН). Орудие убийства было изготовлено в оружейной лаборатории КГБ («Хозяйство Железного») и представляло собой устройство, стреляющее струей газа цианида. При попадании на лицо жертвы газ вызывал остановку сердца. В 13-м отделе считали, что ничего не подозревающий патологоанатом, скорее всего, напишет в заключении, что причиной смерти явилась сердечная недостаточность. Сташинский испытал действие пистолета на собаке. Он отвел ее в лес неподалеку от Карлсхорста, привязал к дереву и выстрелил. Собака забилась в конвульсиях и через несколько секунд сдохла.

Убедившись таким образом в надежности своего оружия, Сташинский приступил к выполнению операции. Он четыре раза посетил Мюнхен, где проживал Ребет, изучил маршруты, распорядок дня и место проживания будущей жертвы. Особо тщательно прорабатывались маршруты отхода из Мюнхена в Карлсхорст. Двенадцатого октября 1957 года Сташинский убил Ребета, подкараулив его вечером в подъезде собственного дома. Вскрытие трупа Ребета, проведенное немецкими врачами, констатировало смерть от сердечного приступа, на что и рассчитывали организаторы убийства.

После успешно выполненного первого задания Сташинского поздравили с успехом и вскоре ему поручили провести второй теракт. На этот раз жертвой становится Степан Андреевич Бандера, руководитель ОУН, отряды которой жестоко сражались с Красной Армией на Украине во время войны и не давали ей спокойно вздохнуть вплоть до конца сороковых годов. Бандера жил под Мюнхеном, и у него была отлично налаженная служба безопасности, что затрудняло проведение операции.

В мае 1958 года Сташинский по фальшивым документам вылетел в Роттердам, где должна была состояться поминальная служба по убитому в 1938 году сотрудником НКВД Судоплатовым известному украинскому националисту полковнику Е. Коновальцу. На кладбище Роттердама Сташинский впервые воочию увидел Бандеру.

А в мае 1959 года Сташинский с санкции ЦК КПСС предпринял первую попытку убийства Бандеры. Однако он не сумел проникнуть в дом, где проживал Бандера, — у него сломался ключ, — и он был вынужден срочно ретироваться. Вторая попытка была предпринята в октябре 1959 года и завершилась успешно. Пятнадцатого октября в подъезде дома № 7 по Крейтмайрштрассе был обнаружен труп некого Стефана Поппеля. Поначалу полиция сочла, что он умер от сердечной недостаточности. Но, когда выяснилось, что под именем Поппеля скрывался Бандера, у властей зародились сомнения. Была проведена более тщательная экспертиза, которая выявила в желудке и на лице Бандеры следы синильной кислоты.

Сташинский чувствовал себя героем. В декабре 1959 года его вызвали в Москву, где председатель КГБ Л.Н. Шелепин в торжественной обстановке вручил ему орден Красного Знамени и зачитал приказ о награждении, в котором говорилось, что награда вручается за «успешное выполнение особо важного задания правительства». Сташинскому сообщили также, что он направляется на курсы, где продолжит изучение немецкого языка и выучит английский, после чего будет на три — пять лет командирован на Запад, для выполнения аналогичных заданий. В принципе из него готовили нелегального шефа резидентуры по «мокрым» делам. «Работа вас ждет нелегкая, но почетная», — напутствовал Сташинского на церемонии награждения председатель КГБ Шелепин.

Но тут в жизни Сташинского произошел неожиданный поворот. Еще находясь в Берлине, он влюбился в восточную немку Инге Польш, которая была ярой антикоммунисткой. Несмотря на все старания начальства прекратить их связь, Сташинский и Инге в апреле 1960 года, ускользнув на время от усиленного наблюдения, обвенчались. Оказавшись перед свершившимся фактом, руководство было вынуждено устроить молодоженам медовый месяц в Сочи. Там, под влиянием жены, Сташинский существенно пересмотрел свои взгляды и стал чуть ли не большим антикоммунистом, чем Инге.

Летом 1961 года перед родами Инге выехала в Восточный Берлин. Сташинского же подозрительное начальство, несмотря на все его просьбы, держало в Москве. Но, когда в Москву пришло известие, что новорожденный сын Сташинского внезапно скончался от воспаления легких, его вынуждены были отпустить на похороны. В Берлине подавленный горем Сташинский признался жене, что является боевиком-убийцей. Это, однако, не разрушило брачный союз и не поколебало их намерения бежать на Запад. Вечером 12 августа, за день до того, как пути бегства с Востока перекрыла Берлинская стена, Сташинский и Инге, оторвавшись от наружного наблюдения, бежали в Западный Берлин.

В ФРГ Сташинский сдался властям и признался в убийстве Ребета и Бандеры. В 1962 году его судили в Карлсруэ и приговорили к восьми годам тюремного заключения за соучастие в убийстве. Судья заявил, что главным виновником является Советское правительство, которое узаконило политические убийства. В КГБ тут же «полетели головы». По словам А. Голицына, бежавшего на Запад в декабре 1961 года, как минимум, семнадцать сотрудников КГБ были уволены или разжалованы. Но самое главное состояло в

том, что измена Хохлова в 1954 году, Сташинского в 1961 году и широкая международная огласка суда над последним заставили Политбюро ЦК КПСС и руководство КГБ отказаться от убийства как обычного способа в осуществлении своего политического курса за пределами стран социалистического лагеря.

Надо сказать, что руководство СССР до самого последнего момента отрицало свою причастность к убийству Бандеры. Так, журналист И. Тихомиров в 1990 году в «Правде» с пеной у рта доказывал, что Бандеру убрали с дороги спецслужбы Западной Германии по требованию министра по делам беженцев Теодора Оберлендера, с которым тот сотрудничал в годы войны и слишком много о нем знал.

Что же касается Сташинского, то он просидел в тюрьме недолго, попав под амнистию. Выйдя из тюрьмы, он, вместе с Инге, сменил при помощи спецслужб ФРГ фамилию и документы и надежно укрылся как от КГБ, так и от бандеровцев.

Еще одним предателем, решившимся на измену Родине в 1961 году, стал сотрудник ГРУ Д. Поляков. Более двадцати лет он являлся агентом ЦРУ и нанес стране ущерб, не поддающийся исчислению.

Дмитрий Федорович Поляков родился в 1921 году в семье бухгалтера на Украине. В сентябре 1939 года, после окончания школы, он поступил в Киевское артиллерийское училище. Свой боевой путь во время Великой Отечественной войны начал командиром взвода, потом стал командиром батареи. Воевал на Западном и Карельском фронтах. В 1943 году он был назначен офицером артиллерийской разведки. Его боевые заслуги были отмечены орденами Отечественной войны и Красной Звезды, а также многими медалями. После войны Поляков окончил

разведфакультет Академии имени Фрунзе, курсы Генерального штаба и был направлен на работу в ГРУ.

В начале пятидесятых годов Поляков был командирован в Нью-Йорк под видом сотрудника советской миссии ООН. В его обязанности входило агентурное обеспечение нелегалов ГРУ. Работа Полякова в первой командировке была признана успешной, и в конце пятидесятых годов его вновь направляют в США уже на должность заместителя резидента под видом советского сотрудника военно-штабного комитета ООН.

В ноябре 1961 года Поляков по собственной инициативе вступил в контакт с агентами контрразведки ФБР, которые присвоили ему псевдоним ТОПХЭТ. Американцы считали причиной его предательства разочарование и советском режиме.

Не отрицают полностью эту версию и бывшие сослуживцы Полякова, хотя утверждают, что его «идейное и политическое перерождение» происходило «на фоне болезненного самолюбия».

«В основе моего предательства лежало как мое стремление иметь возможность открыто высказывать свои взгляды и сомнения, так и свойства моего характера — постоянное стремление к работе за гранью риска. И чем больше становилась опасность, тем интереснее становилась моя жизнь... Я привык ходить по острию ножа и не мыслил себе другой жизни».

Впрочем, было бы неверно утверждать, что это решение далось ему легко. Вот что он заявил после своего ареста:

«Практически с самого начала моего сотрудничества с ЦРУ я понимал, что совершил

роковую ошибку, тягчайшее преступление. Бесконечные терзания души, продолжавшиеся весь этот период, так изматывали меня, что я неоднократно сам был готов явиться с повинной. И только мысль о том, что станет с женой, детьми, внуками, да и страх перед позором останавливали меня, и я продолжал преступную связь, или молчание, чтобы хоть как-нибудь отсрочить час расплаты».

Но все его американские операторы отмечали, что он денег получал немного, не более трех тысяч долларов в год, которые ему передавали главным образом в виде электромеханических инструментов фирмы «Блек энд Деккер», пары рабочих комбинезонов, рыболовных снастей и ружей. (Дело в том, что в свободное время Поляков любил столярничать, а также коллекционировал ружья.) К тому же, в отличие от большинства других советских офицеров, завербованных ФБР и ЦРУ, Поляков не курил, почти не пил и не изменял жене. Так что сумму, полученную им от американцев за двадцать четыре года работы, можно назвать маленькой: по приблизительной оценке следствия она составила около девяноста четырех тысяч рублей по курсу 1985 года.

Но так или иначе, с ноября 1961 года Поляков стал передавать американцам информацию о деятельности агентуры ГРУ и в США, и в других западных странах. Причем уже на второй встрече с агентами ФБР перечислил всех офицеров ГРУ, работавших под дипломатическим прикрытием в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке.

Считается, что уже в самом начале своей работы на ФБР Поляков выдал Д. Данлапа, штаб-сержанта в АНБ, и Ф. Боссарда, сотрудника министерства авиации Великобритании. Однако это маловероятно. Данлапа,

завербованного в 1960 году, вел оперативный офицер из вашингтонской резидентуры ГРУ, и его связь с советской разведкой была раскрыта случайно, во время обыска в его гараже уже после того, как он покончил жизнь самоубийством в июле 1963 года. Что же касается Боссарда, то в действительности отдел разведки ФБР ввел в заблуждение МИ-5, приписав полученные сведения ТОПХЭТУ. Это было сделано для того, чтобы обезопасить другой источник из числа сотрудников ГРУ в Нью-Йорке, известный под псевдонимом НИКНЭК. (Под этим псевдонимом в ФБР значился Н. Чернов.)

Но вот нелегала ГРУ в США капитана Марию Доброву выдал именно Поляков. Доброва, прошедшая войну в Испании в качестве переводчика, после возвращения в Москву работала в ГРУ и после соответствующей подготовки была направлена в США. В Америке она действовала под видом хозяйки косметического салона, посещаемого представителями верхушки военных, политических и деловых кругов. После того как Поляков выдал Доброву, сотрудники ФБР попытались перевербовать ее, но она предпочла покончить жизнь самоубийством.

Всего же за время работы на американцев Поляков выдал им девятнадцать советских разведчиков-нелегалов, более ста пятидесяти агентов из числа иностранных граждан, раскрыл принадлежность к ГРУ и КГБ около тысячи пятисот действующих офицеров разведки.

Летом 1962 года Поляков вернулся в Москву, снабженный инструкциями по условиям связи, графиком проведения тайниковых операций (одна в квартал). Места для тайников были подобраны в основном по маршруту его следования на службу и обратно: в районах Большой Ордынки и Большой Полянки, у метро «Добрынинская» и на троллейбусной

остановке «Площадь Восстания». Скорее всего, именно это обстоятельство, а также отсутствие личных контактов с представителями ЦРУ в Москве помогло Полякову избежать провала после того, как в октябре 1962 года был арестован другой агент ЦРУ — полковник О. Пеньковский.

В 1966 году Поляков был командирован в Бирму на должность начальника центра радиоперехвата в Рангуне. По возвращении в СССР его назначили начальником китайского отдела, а в 1970 году он был командирован в Индию военным атташе и резидентом ГРУ. В это время объем передаваемой Поляковым в ЦРУ информации резко увеличился.^[38] Он выдал имена четырех американских военных офицеров, завербованных ГРУ, передал фотопленки документов, свидетельствующих о глубоком расхождении позиций Китая и СССР. Благодаря этим документам аналитики ЦРУ сделали вывод, что советско-китайские разногласия имеют долговременный характер. Эти выводы были использованы госсекретарем США Генри Киссинджером и помогли ему и Никсону наладить отношения с Китаем в 1972 году.

В свете вышесказанного кажется по меньшей мере наивным утверждение Л.В. Шебаршина (в то время заместителя резидента КГБ в Дели) о том, что во время работы Полякова в Индии у КГБ были определенные подозрения на его счет. Странно, что подозрения эти подтвердились лишь спустя двадцать лет, когда Полякова выдал сотрудник ЦРУ Олдридж Эймс.

Поляков всячески старался, чтобы у руководства ГРУ сложилось мнение о нем как о вдумчивом, перспективном работнике. Для этого ЦРУ регулярно предоставляло ему некоторые секретные материалы, а также подставило двух американцев, которые якобы были завербованы им. С той же целью Поляков принял

все меры к тому, чтобы два его сына получили высшее образование и обрели престижную профессию. Своих сотрудников в ГРУ он одаривал безделушками, вроде зажигалок и шариковых ручек, создавая о себе впечатление как о приятном человеке и хорошем товарище. Одним из покровителей Полякова был начальник отдела кадров ГРУ генерал-лейтенант Сергей Изотов, до этого пятнадцать лет проработавший в аппарате ЦК КПСС. В деле Полякова фигурируют дорогие подарки, сделанные им Изотову. А за генеральское звание Поляков презентовал Изотову серебряный сервиз, купленный специально для этой цели ЦРУ.

Звание генерал-майора Поляков получил в 1974 году. Это обеспечило ему доступ к материалам, выходящим за рамки его служебной компетенции. Например, к перечню военных технологий, которые закупались или добывались разведывательным путем на Западе. По признанию Ричарда Перла, помощника министра обороны США во времена президентства Рейгана, у него захватило дух, когда он узнал о существовании пяти тысяч советских программ, использовавших западную технологию для наращивания военного потенциала. Перечень, представленный Поляковым, помог Перлу убедить президента Рейгана в необходимости ужесточить контроль за продажей военных технологий.

Работа Полякова в качестве агента ЦРУ отличалась дерзостью и фантастическим везением. В Москве он выкрал специальную самозасвечивающуюся фотопленку «Микрат 93 Щит», которую использовал для фотографирования секретных документов. Для передачи информации он украл поддельные полые камни, которые оставлял в определенных местах, где их подбирали оперативники ЦРУ. Чтобы дать сигнал о закладке тайника, Поляков, проезжая на общественном

транспорте мимо посольства США в Москве, приводил в действие миниатюрный передатчик, спрятанный в кармане. Во время пребывания за границей Поляков предпочитал передавать информацию из рук в руки. После 1970 года ЦРУ, стремясь наиболее надежно обеспечить безопасность Полякова, снабдило его специально сконструированным портативным импульсным передатчиком, с помощью которого можно было напечатать информацию, затем зашифровать и передать на приемное устройство в американское посольство за 2,6 секунды. Такие передачи Поляков вел из разных мест Москвы: от кафе «Ингури», магазина «Банда», Краснопресненских бань, Центрального дома туриста, с улицы Чайковского и т. д.

К концу семидесятых годов сотрудники ЦРУ, по их словам, уже относились к Полякову скорее как к учителю, нежели как к агенту и информатору. Они оставляли за ним выбор места и времени встреч и закладки тайников. Впрочем, у них не было другого выбора, так как ошибок Поляков им не прощал. Так, в 1972 году американцы без согласия Полякова пригласили его на официальный прием в посольство США в Москве, что фактически поставило его под угрозу провала. Руководство ГРУ дало разрешение, и Полякову пришлось туда идти. Во время приема ему тайно передали записку, которую он уничтожил не читая. Более того, он на длительный срок прекратил все контакты с ЦРУ, пока не убедился, что не попал под подозрение контрразведки КГБ.

В конце семидесятых годов Полякова вновь направляют в Индию в качестве резидента ГРУ. Он находился там до июня 1980 года, когда его отозвали в Москву. Впрочем, это досрочное возвращение не было связано с возможными подозрениями в отношении него. Просто очередная медицинская комиссия запретила работать ему в странах с жарким климатом. Однако

американцы забеспокоились и предложили Полякову выехать в США. Но он отказался. По словам сотрудника ЦРУ в Дели, в ответ на пожелание приехать в Америку в случае опасности, где его ждут с распростертыми объятиями, Поляков ответил: «Не ждите меня. Я никогда не приеду в США. Я делаю это не для вас. Я делаю это для своей страны. Я родился русским и умру русским». А на вопрос, что его ждет в случае разоблачения, он ответил: «Братская могила».

Арестовали его в конце 1986 года. Во время обыска, произведенного на его квартире, на даче и в доме его матери были обнаружены вещественные доказательства его шпионской деятельности. Среди них: листы тайнописной копирки, изготовленные типографским (!) способом, и шифроблокноты, закамouflированные в стенках дорожного несесера, две приставки к миниатюрному фотоаппарату «Тессина» для вертикальной и горизонтальной съемки, несколько катушек фотопленки «Кодак», рассчитанной на специальное проявление, шариковая ручка, головка зажима которой предназначалась для нанесения тайнописного текста, а также негативы с условиями связи с сотрудниками ЦРУ в Москве и инструкции по контактам с ними за рубежом.

Следствие по делу Полякова вел следователь КГБ полковник А.С. Духанин. Жена и взрослые сыновья Полякова проходили в качестве свидетелей, так как они не знали и не догадывались о его шпионской деятельности. После окончания следствия многие генералы и офицеры ГРУ, чьей халатностью и болтливостью часто пользовался Поляков, были привлечены к административной ответственности и уволены в отставку или в запас. В начале 1988 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Полякова Д.Ф. за измену Родине и шпионаж к расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был приведен в

исполнение 15 марта 1988 года. А официально о расстреле Д.Ф. Полякова было сообщено в «Правде» только в 1990 году.

В 1994 году ЦРУ признало факт сотрудничества с ним, Полякова. Было заявлено, что переданная им информация и фотокопии секретных документов составляют 25 ящиков в досье ЦРУ. Многие специалисты, знакомые с делом Полякова, считают, что причиненный им вред нашему государству превосходит вред, причиненный более широко известным предателем из ГРУ полковником О. Пеньковским. По словам директора ЦРУ Джеймса Вулси, из всех советских агентов, завербованных во времена «холодной войны», Поляков «был настоящим бриллиантом».

Действительно, кроме научно-технической информации и информации о советско-китайских отношениях, Поляков поставлял сведения о новом вооружении Советской Армии, в частности о ПТУРСАХ. [39] Эти сведения помогли американцам противостоять этому оружию, когда оно было использовано Ираком во время войны в Персидском заливе в 1991 году. Передал он на Запад и более ста выпусков секретного журнала «Военная мысль», издававшегося Генеральным штабом. Как отмечает Роберт Гейтс, директор ЦРУ при президенте Буше, похищенные Поляковым документы позволили им ознакомиться с потенциальными возможностями Вооруженных Сил СССР и позволили сделать вывод о том, что советские военные руководители не считали возможной победу в ядерной войне и стремились избежать ее. По словам Гейтса, ознакомление с этими документами уберегло руководство США от ошибочных выводов, что, возможно, предотвратило «горячую» войну.

Разумеется, директору ЦРУ виднее, что помогло избежать «горячей» войны и какова в этом заслуга Полякова. Но даже если она так велика, как считают американцы, это нисколько не оправдывает его предательства.

В декабре 1961 года из Хельсинки бежал на Запад Анатолий Михайлович Голицын. Отношение к нему в кругах западных спецслужб и по прошествии тридцати с лишним лет далеко не однозначное. Некоторые считают его одним из самых важных перебежчиков, с помощью которого удалось раскрыть множество советских агентов в ряде западных стран, другие утверждают, что благодаря его параноидальной идее о всеобщей дезинформации Кремля и вездесущих «кротах», работа западных спецслужб была парализована на многие годы.

Голицын родился в 1926 году на Украине, под Полтавой. Через семь лет, в 1933 году, семья Голицыных переехала в Москву. Его отец работал в пожарной охране. По словам Голицына, в детстве он мечтал стать либо моряком, либо летчиком, либо разведчиком. Но когда ему исполнилось пятнадцать лет, началась война, и он поступает в Одесское артиллерийское училище. В училище Голицын активно занимается комсомольской работой, в 1945 году вступает в ВКП(б), чем обращает на себя внимание представителя МГБ, и после окончания войны переводится из артиллерийского училища в школу военной контрразведки в Москве. По окончании школы в 1946-м Голицын работает в центральном аппарате МГБ и учится на вечернем отделении Университета марксизма-ленинизма. В 1948 году его направляют на двухгодичные курсы по разведке, а по их окончании в 1950 году зачисляют в штат американского отдела Второго главного управления МГБ.

В 1953 году Голицына направляют в Вену в качестве сотрудника аппарата Верховного комиссара под дипломатическим прикрытием. Его задачей в Австрии была работа против СИС и сбор сведений об эмигрантах. Сотрудники резидентуры ЦРУ в Вене знали, что Голицын — сотрудник МГБ, и, верные своему правилу, стали осторожно прощупывать его на предмет вербовки. В результате они пришли к выводу, что Голицын — человек бескомпромиссный и шансов склонить его к сотрудничеству нет.

Однако после бегства на Запад сотрудника КГБ в Вене П. Дерябина их мнение изменилось. По словам Дерябина, Голицын был весьма уязвим. Он был чрезвычайно высокого мнения о себе, стремился всех поучать, коллеги ненавидели его. Вдобавок с помощью его взбалмошной жены Ирины вполне можно было расшатать его психику. Таким образом, в списке кандидатов на вербовку, составленном с учетом мнения Дерябина, имя Голицына значилось на втором месте. Но эта информация запоздала. В 1954 году, вскоре после бегства Дерябина, Голицына отозвали в Москву.

В 1958 году Голицын получает уже звание майора и работает в отделе ПГУ, занимающемся НАТО, а в 1960 году его направляют под дипломатическим прикрытием в Финляндию на должность сотрудника линии КР (внешняя контрразведка) хельсинкской резидентуры. По сложившейся практике в документах Голицына значилась уже новая фамилия — Климов, а в его обязанности входила работа против «главного противника» — США. Помимо этого, он занимался и обеспечением безопасности нелегалов, как работающих в самой Финляндии, так и следующих через нее транзитом. Так, в мае 1961 года он провел две встречи с Логиновым, нелегалом КГБ, проходившим стажировку в Финляндии. Но у Голицына вновь не сложились отношения с коллегами, особенно с резидентом В.В.

Зениховым, который, по словам Голицына, не понимал самой сути контрразведки. В результате неясное желание бежать на Запад превратилось в обоснованную необходимость. К середине 1961 года он открылся своей жене и они договорились совершить побег после приезда на каникулы дочери, учившейся в школе в Москве.

Двадцать второго декабря 1961 года Голицын в сопровождении жены и дочери явился на квартиру Френка Фрайберга, резидента ЦРУ в Хельсинки, и попросил политического убежища. Он потребовал немедленно переправить его в США, так как, по его словам, КГБ начало на него охоту. В тот же вечер восьмичасовым рейсом Фрайберг вывез Голицыных в Стокгольм, сообщив в Ленгли о скором прибытии в Вашингтон «перебежчика из КГБ». Однако, узнав, что рейс на США отправляется из международного аэропорта Стокгольма, Голицын категорически отказался ехать туда и вынужден был два дня жить на конспиративной квартире, пока Фрайберг не позаимствовал самолет атташе ВВС США и не переправил на нем Голицына с семьей во Франкфурт. Во Франкфурте Фрайберг с Голицыными поднялись на борт самолета ВВС, который должен был доставить их в США. Но в старом бомбардировщике времен Второй мировой войны дочь Голицына на высоте четыре тысячи метров стала задыхаться, и Фрайберг приказал возвращаться во Франкфурт. Там Голицыным выправили новые документы, и на следующий день они вылетели на самолете компании «Пан-Америкэн», следующем через Лондон в Нью-Йорк. Но сразу после приземления в Лондоне самолет окружили сотрудники службы безопасности, ибо поступило сообщение о якобы заложенной в нем бомбе. Фрайбергу удалось убедить англичан оставить Голицыных на борту самолета, тогда как все другие пассажиры покинули

салон. В конце концов самолет вылетел в Нью-Йорк, но тревожения Фрайберга и Голицына на этом не закончились. Нью-Йорк был окутан плотным туманом, и самолет был вынужден приземлиться на Бермудах, где Голицыны оставались всю ночь. Лишь на следующий день Голицыны с Фрайбергом наконец добрались до Нью-Йорка. Там их встретили сотрудники ЦРУ и доставили Голицына с семьей в конспиративный дом на севере штата Вирджиния.

Вначале с Голицыным, получившим псевдоним ЛЭДЛ, работали сотрудники советского отдела, что было в порядке вещей. Но вскоре начали возникать проблемы, так как Голицын оказался чрезвычайно трудным в общении. Поэтому осенью 1962 года было решено передать Голицына в отдел контрразведки ЦРУ, который возглавлял Джеймс Энглтон. К тому же в свете заявлений Голицына этот шаг выглядел вполне закономерным. А Голицын утверждал, что советские шпионы и агенты не только занимают множество важных постов на Западе, но и внедрились в спецслужбы большинства стран. КГБ якобы проник в самое сердце французской секретной службы, СИС и ЦРУ. Именно поэтому, мол, он, Голицын, крайне привередлив в выборе сотрудников ЦРУ, с которыми готов вступить в контакт.

Далее, Голицын заявил, что, по его мнению, Запад строит свои отношения с коммунистическим миром на совершенно неправильной основе. Причину этого он усматривал в политике дезинформации, успешно осуществляемой коммунистическими партиями и их разведслужбами. Концепция стратегической дезинформации, по утверждению Голицына, зародилась в недрах КГБ в 1957 году, когда председатель КГБ А. Шелепин выступил с секретным докладом на эту тему перед руководством КГБ и ГРУ. Мозговым центром по разработке соответствующих операций стало

управление «Д» ПГУ КГБ, возглавлявшееся с января 1959 года генерал-майором И. Агаянцем и охарактеризованное Голицыным как одна из самых эффективных организаций в мире. Главные усилия службы дезинформации были направлены на создание у Запада выгодных Москве иллюзий, в частности о раздирающих коммунистический блок противоречиях. Согласно теории Голицына разрыв отношений СССР с Югославией в 1948 году был фиктивным, как и разрыв с Албанией. Польский профсоюз «Солидарность» создан для укрепления коммунизма в Польше. То же самое можно сказать и о диссидентском движении в СССР, на самом деле организованном КГБ, превратившим академика А.Д. Сахарова в верного слугу режима. А самое главное: ссора СССР с Китаем — всего-навсего является уловкой, под видом которой обе страны продолжают сообща работать на благо идей коммунизма.

После того как Голицына передали Энглtonу, охота на «кротов» получила невиданный доселе размах. Слова Голицына упали на благодатную почву. Дело в том, что Энглтон был в свое время близким другом небезызвестного К. Филби и считал его в некотором роде своим учителем. Предательство Филби глубоко потрясло его и дало толчок к параноидальной подозрительности. Тем самым охота на «кротов» захлестнула не только американские, но и почти все западные спецслужбы.

Свои разоблачения в Европе Голицын начал с Финляндии, заявив, что президент страны Урхо Калева Кекконен, избранный на свой пост в 1956 году, является давнишним высокопоставленным агентом КГБ. Надо сказать, что в Финляндии оставили без внимания заявление Голицына, и Кекконен двадцать пять лет благополучно оставался президентом. Не нашли финны и второго высокопоставленного агента, известного

Голицыну под псевдонимом ТИМО. Правда, одна из «финских» наводок Голицына привела к успеху, но не в Финляндии, а в Швеции. По информации Голицына, незадолго до его бегства на конспиративной квартире резидентуры КГБ в Хельсинки произошла встреча заместителя начальника ГРУ генерал-лейтенанта П. Мелкишева со шведским агентом. В результате шведская служба безопасности (СЕПО), уже знавшая о существовании агента от Пеньковского, 20 июня 1963 года арестовала советника по вопросам разоружения Швеции полковника Стига Веннерстрема, агента, получившего в ГРУ псевдоним ОРЕЛ.

Не обошел Голицын стороной и Норвегию, заявив, что в пятидесятые годы в Москве у КГБ был некий источник — норвежка. Сотрудники Энглтона, в то время подозревавшие в связях с КГБ оперативника ЦРУ Ковича, решили, что этим агентом является сотрудница военной разведки Норвегии Ингеборг Лигрен. Осенью 1964 года ЦРУ сообщило о своих подозрениях норвежской полиции территориального надзора. В сентябре 1965 года Лигрен арестовали и в течение трех месяцев допрашивали с применением «мер воздействия», пытаясь вырвать у нее признание. Однако допросы не дали никаких результатов, и в декабре дело против Лигрен было прекращено. Ее восстановили на работе, но допросы основательно подорвали ее здоровье, и она вышла на пенсию. Но окончательно подозрения с Лигрен были сняты только в 1977 году, когда 27 января во время встречи с сотрудником КГБ в Осло была арестована с поличным сотрудница МИД Норвегии Гунвор Хаарвик. На допросах она призналась, что была завербована КГБ в 1947 году, когда по линии МИД работала в Москве. Раскрыл же Хаарвик другой перебежчик из КГБ — О. Гордиевский.

Во Франции, по словам Голицына, советские «кроты» прорыли ходы в секретные службы, в

правительство и, возможно, даже в кабинет президента Шарля де Голля. Эти соображения были доведены до сведения президента Франции, и весной 1962 года де Голль послал в США со специальными полномочиями начальника 2-го бюро (разведка) Генерального штаба сил национальной обороны генерала Жан-Луи Румжона. В результате встреч Румжона с Голицыным глава Службы внешней документации и контрразведки генерал Поль Жакье и директор Департамента по охране территории Даниэль Дустен направили в Вашингтон совместную группу следователей из шести человек для допроса Голицына, которому присвоили псевдоним МАРТЕЛЬ.

Голицын заявил, что в недрах службы внешней документации и контрразведки функционирует сеть советских шпионов под кодовым названием «САПФИР», и продемонстрировал, что очень хорошо знаком с французскими спецслужбами. Так, он подробно описал предпринятую несколько лет назад реорганизацию с привязкой по отделам и назвал имена многих руководителей. Но так как сам Голицын с агентурой не работал, а лишь обрабатывал поступавшую информацию, то он смог дать всего лишь около тридцати наводок, с которыми и отправились на «охоту» французские контрразведчики.

В результате были выдвинуты обвинения против двух известных политических деятелей — Жака Фоккара и Луи Жокса, а также против дипломата Жоржа Горса. Но Фоккар отверг все обвинения, подал в суд на несколько газет, выиграл процесс и продолжал оставаться министром при де Голле и Жорже Помпиду. Обвинения против Жокса и Горса также развеялись в прах. Лишь много лет спустя, в начале восьмидесятых годов, один французский политик добровольно признался сотрудникам Управления по охране территории, что работал на КГБ. Человек, близкий к де

Голлю, член кабинета в первые годы его президентства, он был завербован во время войны. Поскольку признание было сделано добровольно, старика не стали привлекать к ответственности, и он спокойно дожил свои дни.

Что же касается сети «САПФИР» в спецслужбах, то тут французы столкнулись с большими сложностями. Сообщение Голицына подтверждало наличие «крота». Так, в 1950 году провалилась операция «Минос», ставившая задачей внедрить в Чехословакию группу боевиков-антикоммунистов для ведения партизанской войны. А в 1954 году сорвалась вербовка Волокитина. Волокитин был другом Николая Хохлова, бежавшего на Запад в 1954 году. Когда его попросили рекомендовать человека, способного пойти на контакт с ЦРУ, он назвал Волокитина. Но вербовка не состоялась — за день до нее Волокитина в сопровождении сотрудников посольства СССР отвезли в аэропорт Орли и отправили самолетом «Аэрофлота» в Москву. Поэтому по делу «САПФИР» в Службе внешней документации и контрразведки при помощи Управления по охране территории было создано специальное подразделение. Им были изучены в мельчайших подробностях сотни биографий, допрошены десятки агентов, а атмосфера была совершенно отравлена навязчивой мыслью о существовании «кротов». В конце концов, опасаясь полного паралича разведки, дело «САПФИР» было скрыто, а в 1970 году под предлогом реорганизации при довольно странных обстоятельствах были отправлены в отставку заместитель начальника Службы внешней документации и контрразведки полковник Леонар Уно и ответственный сотрудник Службы Жорж де Ланнюрбен. Ни тот, ни другой не признались в сотрудничестве со спецслужбами СССР, и при отстранении их от работы у них не потребовали никаких объяснений.

Один из руководителей советской разведки М.А. Трилиссер с семьей

Игнас Рейсс

Резидент НКВД в Испании Александр Орлов (Барселона. 1938 г.)

Генрих Люшков

Андерс Нин

***Наум Эйтингон, как заместитель Орлова в Барселоне, руководил
ликвидацией Андерса Нина***

Георгий Агабеков

***Изабель Стритер — из-за любви к которой, Георгий Агабеков
совершил побег (фото 60-х гг.)***

Вольтер Кривицкий

Шифровальщик канадской резидентуры ГРУ Игорь Гузенко дает интервью американскому корреспонденту (на голове Гузенко бумажный пакет)

Один из видных руководителей советской разведки С.М. Шпшельгласс по приказу Ежова руководил ликвидациями перебежчиков неугодных сталинскому режиму

Доктор Аллан Нан Мэй, жертва предательства Гузенко

Владимир Петров (Австралия. 1954 г.)

*Сотрудники советского посольства сопровождают Евдокию Петрову
к самолету Аэрофлота (Сиднейский аэропорт. 1954 г.)*

Николай Хохлов на прессконференции (слева)

***Анатолий Голицын. С его подачи Джеймс Энглтон вел охоту на
«кротов»***

***Сотрудница Норвежской разведки Ингеборг Лингрэн, выданная
Голицыным***

***Джеймс Энглтон — руководитель внешней контрразведки ЦРУ,
легендарный охотник за «кротами»***

***«Саша» Соколов в Берлине. Он также стал жертвой охоты на
«кротов»***

Игорь Орлов с женой. Длительное время Энглтон считал Орлова советским «кротом». Как сотрудник ЦРУ, Орлов работал «под крышей» военного специалиста одной из американских частей, дислоцировавшихся в Германии

FOR IDENTIFICATION ONLY

	DEPARTMENT OF THE ARMY CIVILIAN IDENTIFICATION	
	INSTALLATION OR COMMAND AND ADDRESS USAREUR	
	NAME Igor Orlov	STATUS Civilian Employee
	EXPIRATION DATE 4 Oct 61	UNIT SECTION BRANCH OR ACTIVITY Not Applicable
SOCIAL SECURITY NUMBER None	SIGNATURE 	

IF FOUND DROP IN NEAREST U. S. MAIL BOX

RETURN POSTAGE GUARANTEED

**Отсидевший в тюрьме несколько лет Юрий Носенко подозревался
Энглтоном в том, что был лжеперебежчиком**

***Нелегал Юрий Логинов переданный в СССР спецслужбами ЮАР по
наводке Энглтона***

Офицер ГРУ Петр Попов раскрыл более 80 офицеров военной разведки

Суд над Олегом Пеньковским

***Герой Советского Союза Алексей Исидорович Кулак, он же
«Федора». На Западе долгие годы «Федору» ошибочно
идентифицировали с Виктором Лесиовским***

***Олег Лялин. После его предательства из Лондона выслали 145
советских дипломатов***

Офицер резидентуры ГРУ в Алжире Анатолий Филатов

***Генерал-лейтенант ГРУ, Дмитрий Поляков с 1961 по 1965 год
работал на американскую разведку***

***Член советской делегации на переговорах по Договору ОСВ-1
Сергей Федоренко***

***Аркадий Шевченко — заместитель Генерального секретаря ООН по
делам Совета Безопасности***

Сотрудник резидентуры КГБ в Сан-Франциско Борис Южин

Старший лейтенант военной разведки Александр Иванов

Сотрудник афинско и резидентуры ГРУ Сергей Бохан

***Исполняющий обязанности резидента КГБ в Лондоне Олег
Гордиевский***

***Офицер женевской резидентуры ГРУ Владимир Богданович Резун
(Под псевдонимом Виктор Суворов написал книги «Аквариум» и
«Ледокол»)***

Эдвард Ли Говард на даче в поселке Жуковка

Офицеры КГБ, работавшие под дипломатическим прикрытием в США — Сергей Моторин и Валерий Мартынов

***После «похищения» Виталий Юрченко отбывает назад в СССР. 1985
год***

***Сотрудник военного атташата в Португалии Геннадий
Александрович Сметанин***

***Сотрудник военного атташата в Венгрии полковник Владимир
Васильев***

Владимир Поташов (слева) в лагере Пермь-35

Сотрудник вашингтонской резидентуры КГБ Юрий Швец

Майор Архивного управления ПГУ Василий Никитич Митрохин

Сотрудник АНБ Роберт Липка. По одной из версий информацию на него в ФБР предоставил Василий Митрохин

Кроме сообщений о внедрении советской агентуры в правительственные структуры Франции, Голицын заявил, что КГБ имеет высокопоставленного агента в НАТО, способного обеспечить Москве постоянный доступ к секретным документам, даже с грифом высшей секретности «Космик». В результате расследования этого заявления Французская контрразведка вышла на Жоржа Пака, агента КГБ в штаб-квартире НАТО, размещавшейся тогда в Париже. На момент ареста 12 августа 1963 года он являлся заместителем начальника отдела прессы. В ходе вопросов Пак признался, что был завербован КГБ в 1943

году в Алжире. Правда, существует мнение, что Пак не мог быть агентом КГБ в НАТО. Дело в том, что Голицын бежал в декабре 1961 года, а Пак начал работать в НАТО в октябре 1962 года. Возможно, ответ на этот вопрос дал нелегал КГБ Л. Земенек, разоблаченный ФБР в 1977 году и согласившийся стать агентом-двойником. Земенек сообщил, что одним из его контактов является гражданин Канады профессор экономики Хью Джордж Хемблтон, работавший в НАТО с 1956 по 1961 год. Канадцы не выдвинули против Хемблтона обвинений, так как он не совершал преступных действий против Канады и на ее территории. Но в 1982 году он неблагоразумно вылетел в Лондон, где его сразу арестовали, привлекли к суду и приговорили к десяти годам тюремного заключения.

Одновременно с Западной Европой «охота на «кротов» распространилась и на Канаду. Голицын располагал лишь туманными сведениями по поводу внедрения советской агентуры в разведслужбы Канады. Но когда ему показали личное дело Лесли Джеймса Беннета, сотрудника контрразведки в Королевской канадской конной полиции, он заявил, что считает Беннета советским агентом. Кроме того, в шестидесятые годы закончились неудачей несколько канадских операций против СССР. Все это, вместе взятое, привело к тому, что за Беннетом на два года было установлено наблюдение, а к 1970 году он стал основным объектом канадской «охоты на «кротов». Ему пытались расставить ловушку, сообщив, что в Монреаль якобы прибывает советский перебежчик. Таким образом, если бы на месте встречи появились сотрудники КГБ, это означало бы, что информация передана Беннетом. Но внезапно разразившаяся снежная буря помешала установить, присутствовал ли кто-нибудь из КГБ на месте встречи. Наконец, в 1972 году КККП подвергла Беннета допросу, но ничего не

добилась. И хотя он прошел испытание на детекторе лжи и подтвердил под присягой, что никогда не был советским агентом, он был после 18-летней службы уволен и переехал в Австралию. В этой связи один бывший сотрудник ЦРУ заявил: «С этим человеком поступили ужасно. Его уволили, и от него ушла жена. Его жизнь практически закончилась на этой точке, а он абсолютно невиновен».

Не миновала «охота на «кротов» и Великобританию. Осенью 1962 года Энглтон пригласил в Вашингтон ответственного сотрудника английской контрразведки МИ-5 Артура Мартина и познакомил его с Голицыным. Голицын произвел на Мартина самое благоприятное впечатление и был приглашен в Англию. В Англии Голицыну был присвоен псевдоним КЕЙГОУ, и с ним стали работать сотрудники МИ-5 Артур Мартин и Питер Райт, а также сотрудник СИС Стивен де Маубрэй. Голицын приехал в Англию в марте 1963 года, но уже в июле вынужден был вернуться в США. Дело в том, что английские газеты опубликовали информацию о пребывании в стране перебежчика из КГБ, изменив его фамилию по требованию властей на Анатолий Дольницын.

Но оказалось, что человек с таким именем действительно в течение трех лет по сентябрь 1961 года работал в советском посольстве в Лондоне и отвечал за протокол. Представители советского посольства немедленно выступили с опровержением информации о бегстве Дольницына и заявили, что в настоящее время он находится в Москве и работает в МИД. В результате разгоревшегося скандала ЦРУ обвинило англичан в преднамеренном распространении ложной информации, а всполошившийся Голицын первым же рейсом вылетел к Вашингтон.

Однако этот неприятный инцидент не помешал МИ-5 начать «охоту на «кротов». Дело в том, что в январе

1963 года находившийся под подозрением в сотрудничестве с КГБ К. Филби внезапно исчез из Бейрута, а в марте 1963 года разразился скандал с военным министром Англии Джоном Профьюмо. В ходе расследования выяснилось, что «девица по вызову» Кристина Киллер делила свою благосклонность между министром и помощником советского военно-морского атташе капитаном 3-го ранга Евгением Михайловичем Ивановым, который на самом деле был офицером ГРУ. К этому следует добавить странную смерть Хью Гейтскелла,^[40] лидера оппозиционной лейбористской партии, скончавшегося 18 января 1963 года от волчанки, тропической болезни, редко встречающейся в странах с умеренным климатом, после того как посетил советское посольство в Лондоне по поводу визы для поездки в СССР. Прибывший в Англию Голицын, узнав о подозрениях МИ-5 по поводу смерти Гейтскелла, сразу вспомнил о ходивших в КГБ до его побега слухах о том, что 13-й отдел планирует убийство некоего западного лидера с целью поставить на его место своего агента. Этим агентом, по твердому убеждению Голицына, являлся избранный на место Гейтскелла Гарольд Вильсон. Это предположение Голицына будоражило Англию на протяжении десяти лет. В значительной степени именно оно заставило Г. Вильсона в марте 1976 года после восемнадцати месяцев вторичного пребывания на посту премьер-министра подать в отставку.

По поводу исчезновения Филби, Голицын сообщил, что слышал в КГБ о существовании «пятерки», группы советских агентов, действовавших в английских спецслужбах. Четверых из «пятерки» идентифицировали относительно легко. В 1951 году в СССР бежали Гай Берджесс и Дональд Маклин, за ними в 1963 году последовал Ким Филби. Бывший офицер

МИ-5 Энтони Блант в 1964 году в обмен на прекращение уголовного преследования признался, что работал в годы войны на КГБ. Осталось найти пятого. Поначалу Мартин и Райт считали, что пятым был заместитель директора МИ-5 Грэм Митчелл. Как подозреваемому, ему было присвоено кодовое имя ПИТЕРС, в его кабинете была установлена скрытая камера и прослушивающая аппаратура. Но пятнадцать месяцев слежки не дали результатов, Митчелл ушел в отставку и на тот момент дело было закрыто.

Тогда было решено, что «кротом» является шеф МИ-5 Роджер Холлис. В течение пяти лет совместная группа следователей МИ-5 и СИС пыталась доказать виновность Митчелла и Холлиса, но это им так и не удалось. В 1965 году Холлис вышел в отставку, однако расследование его деятельности только усилилось. В 1970 году Митчелла и Холлиса вновь допросили и снова признали невиновными. А в 1973 году Холлис скоропостижно скончался, унеся в могилу все свои тайны, если, конечно, они у него были. В 1984 году умер Митчелл и дело прекратилось само собой.

Но наиболее рьяно с подачи Голицына развернулась «охота на «кротов» в ЦРУ. Одним из первых откровений Голицына было заявление о наличии «крота» в ЦРУ. «Крот», заявил он допрашивавшим его лицам, — человек славянского происхождения, его имя, возможно, оканчивается на «ский», он работал в Германии, его псевдоним в КГБ был САША, настоящая фамилия «крота» начинается с буквы «К». В подтверждение своих слов Голицын предъявил украденный в хельсинкской резидентуре КГБ циркуляр с разведзаданиями, в котором говорилось о необходимости проявлять особое внимание к любой информации о совместных англо-американских исследованиях в области прослушивающих устройств.

Циркуляр произвел должный эффект. Дело в том, что в то время ЦРУ и СИС совместно вели разработку такого устройства под кодовым названием «Удобный стул». Вторым подтверждением существования «крота», по мнению Голицына, была поездка в США в 1957 году начальника американского отдела Второго главного управления КГБ Владислава Михайловича Ковшука. Более того, Голицын предупреждал, что КГБ, зная, что ему, Голицыну, известно о вышеупомянутой поездке Ковшука, постарается отвлечь внимание ЦРУ от истинной цели этой поездки — встречи с высокопоставленным «кротом» — и, возможно, попытается заслать под видом перебежчиков агентов-двойников.

Для поиска «крота» Энглтон создал группу специальных расследований, в которую входили, около десяти сотрудников контрразведки. Вначале группой руководил Берг О'Нил, а впоследствии — Скот Майлер. Голицын, мнения которого Энглтон разделял полностью, получил возможность знакомиться с секретными досье ЦРУ, дабы ускорить поиски возможных подозреваемых. Первым подозреваемым стал Серж Питер Карлоу, тогдашний секретарь совета технических рекомендаций ЦРУ. Карлоу, сотрудник ЦРУ с 1947 года, одно время работал в Германии, при рождении его фамилия была Клибанский, а его отец якобы родился в России. За Карлоу было установлено скрытое наблюдение, а в феврале 1963 года его в течение пяти дней допрашивали агенты ФБР, пытаясь добиться признания в шпионаже в пользу Советского Союза. Несмотря на то, что он прошел проверку на полиграфе, его дело оставалось открытым. Тогда Карлоу, понимая, что его карьера в ЦРУ рухнула, 5 июня 1963 года подал в отставку.

Следующим подозреваемым, на которого Голицын указал в июле 1964 года, был Ричард Кович. Его

фамилия начиналась на «К», он был сербского происхождения, служил в Германии. Вдобавок работал с П. Поповым, агентом ЦРУ в ГРУ, арестованным в 1959 году, и А. Шистовым (М. Федоровым), сотрудником ГРУ, пропавшим без вести в 1958 году. В этом случае подозрения Энглтона коснулись не только судьбы Ковича. Под подозрение попали и агенты, которыми он в то время руководил: нелегал КГБ Ю. Логинов и сотрудница военной разведки Норвегии И. Лигрен. Для обоих связь с Ковичем закончилась трагично. Как уже говорилось выше, Лигрен после продолжительных допросов была уволена, а Логинова Энглтон в 1967 году выдал контрразведке ЮАР, посчитав двойником КГБ, а позже обменял на западногерманских агентов, арестованных в ГДР. Возвращенный в СССР Логинов был вскоре после этого расстрелян.

Карьера самого Ковича, попавшего под подозрение, на том завершилась. В 1966 году его направили на «ферму» (школа ЦРУ) делиться опытом с молодыми разведчиками. В 1969 году он вернулся в Ленгли, где читал лекции и проводил занятия, одним словом, дотягивал свой срок до отставки, которая состоялась в начале 1974 года.

Было и много других подозреваемых. Одним из них стал Александр Соголов, оперативник русского происхождения из Киева, который имел несчастье быть известным в ЦРУ под именем САША. На него никакого компромата не нашли, но он так и не достиг того уровня в ЦРУ, до которого надеялся дорасти. Затем подозрение пало на Джорджа Голдберга, латыша, прибывшего из Риги в 1940 году. Он пришел в ЦРУ в 1954 году из военной разведки. Так как Голдберг сотрудничал с ЦРУ по контракту, его зачисление в штат было заблокировано, и к 1975 году он вышел в отставку. Одним из главных подозреваемых стал Игорь Григорьевич Орлов, который уже упоминался.

В 1966 году попал под подозрение первый резидент ЦРУ в Москве Пол Гарблер. Этому способствовало главным образом то обстоятельство, что одно время он работал вместе с Орловым. Не в его пользу свидетельствовала и его родословная: отец — эмигрант из России, а мать — из Польши. К тому же в бытность Гарблера в Корее в должности помощника военноморского атташе, он играл в теннис с Дж. Блейком, впоследствии завербованным КГБ. В 1966 году Гарблера отправили на «ферму», а в 1968 году назначили резидентом в Тринидад.

Откровения Голицына касались и многих перебежчиков из КГБ и ГРУ. Ю. Логинова, как уже было сказано, выдали контрразведке ЮАР. О Пеньковском, с делом которого Голицына ознакомили после провала операции, он написал: «Имеются серьезные неопровержимые доказательства того, что полковник Пеньковский был внедрён в западную разведку усилиями КГБ». Особенно досталось бежавшему в 1964 году в США заместителю начальника американского отдела Второго главного управления КГБ майору Ю. Носенко, которого Голицын безоговорочно назвал агентом-двойником. Чтобы выбить из Носенко признание, его четыре года и восемь месяцев держали в заключении, из них два года в одиночной бетонной камере. И только в 1969 году Носенко выпустили на свободу. Долгое время агентом-двойником в ЦРУ считался и Алексей Кулак, сотрудник КГБ в США, сам предложивший свои услуги ФБР, и бежавший в Англию внештатный сотрудник Второго главного управления КГБ Ю.В. Кротков, которого Энглтон рекомендовал МИ-5 помариновать года два в камере.

Своего апогея «охота» достигла в конце шестидесятых годов, когда ее объектом стал глава советского отдела ЦРУ Дэвид Мерфи. Но эта затея бумерангом ударила по самому Энглтону. Сотрудника

контрразведки Эдварда Петти, по его словам, внезапно осенило: «крот» в ЦРУ — это Энглтон, а Голицын послан для обеспечения его необходимыми материалами. Информация о расследовании, проводимом Петти, достигла нового шефа ЦРУ Уильяма Колби и произвела надлежащий эффект. Колби уже давно с подозрением относился к Энглтону и считал, что поиски предателя зашли настолько далеко, что полностью парализовали работу ЦРУ против СССР. В декабре 1974 года Энглтон был вынужден подать в отставку, и «охота на «кратов» прекратилась сама собой.

Голицын же, помимо поиска «кратов», занимался обоснованием своей теории глобальной дезинформации, проводимой КГБ. В 1968 году он изложил ее ограниченному контингенту сотрудников разведки. Представитель СИС де Маубрей так вспоминает об этом: *«Будучи хорошо знакомым с набором его аргументов, я смог понять содержание и увидеть, что он собрал много дополнительных материалов в обоснование своей теории. Но если бы мне предстояло дать ей трезвую оценку, я бы назвал ее злобным бормотанием, к тому же безграмотным и изобилующим повторами»*. К этому, справедливости ради, следует добавить, что в отделе информации КИ (1947–1951), который возглавлял Андрей Граур, было всего пять штатных сотрудников, а после создания службы «Д» ПГУ КГБ в январе 1959 года, под началом ее первого начальника И.И. Агаянца ее штат насчитывал уже около пятидесяти человек. Такой численности было бы явно недостаточно для проведения столь масштабных операций, о которых говорил Голицын.

К 1968 году Голицын подготовил на основании своих изысканий книгу, но тут произошел ввод советских войск в Чехословакию, чего он никак не ожидал и что полностью противоречило проповедуемой им теории. Он берется за переработку рукописи. На это

ушла у него большая часть семидесятых годов, и лишь к 1978 году работа над рукописью была завершена. Но она оказалась излишне пространной, и группа из четырех человек вызвалась сократить ее и отредактировать. Это были де Маубрей и Мартин из СИС и Майлер и Гмыркин из ЦРУ, причем последний, по иронии судьбы, был одним из подозреваемых во время «охоты на «кротов». После трудного и длительного редактирования книга под названием «Новая ложь на смену старой» увидела свет в 1984 году одновременно в США и Англии. Однако надежды Голицына на то, что публикация книги вызовет живой отклик, не оправдались. В не столь уж многочисленных рецензиях выражалось сомнение в ее правдоподобности, отмечалось большое количество допущений и указывалось на то, что ее основные положения носят слишком общий характер. В заключение делался вывод, что работа представляет интерес лишь для лиц, интересующихся теорией заговоров.

Каковым бы ни было истинное положение вещей, ясно одно, что побег Голицына принес больше пользы КГБ, чем ЦРУ. ЦРУ, зараженное подозрительностью после бегства К. Филби, само культивировало недоверие к своим сотрудникам и, взяв на вооружение теорию о «кротах», упорно занималось саморазрушением.

В 1962 году, находясь в США, добровольно предложил свои услуги ФБР сотрудник нью-йоркской резидентуры КГБ Алексей Исидорович Кулак, споры о котором не утихают до сих пор. Одни считают его агентом-двойником, внедренным КГБ в спецслужбы США, другие убеждены, что он был искренним в своем стремлении работать на ФБР.

А.И. Кулак родился в 1922 году. С началом Великой Отечественной войны он окончил ускоренный курс

артиллерийского училища и в звании младшего лейтенанта был направлен командиром батареи на фронт в разгар знаменитого сражения на Курской дуге. Уже после первого боя он был представлен к ордену Александра Невского, а к концу войны был шесть раз ранен, стал командиром дивизиона и за бои на Одере ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны Кулак поступил в институт пищевой промышленности, а когда в 1947 году в Московском химико-технологическом институте был создан секретный факультет для подготовки кадров для атомной промышленности, его в числе немногих счастливчиков перевели туда. Как бывший фронтовик, он никогда не афишировал свое героическое прошлое и все время посвящал учебе. Поэтому ни для кого не было неожиданностью зачисление его как сталинского стипендиата после окончания института в аспирантуру. В 1957 году он блестяще защитил диссертацию по теме «Радиоактивный анализ редких металлов» и перед ним открывались перспективы солидной научной карьеры. Но в это время руководство «Т» ПГУ КГБ (научно-техническая разведка) предложило ему работу во внешней разведке. После некоторого раздумья Кулак дал согласие и в 1958 году был направлен в 101-ю разведшколу КГБ.

«Это был очень ответственный человек, — вспоминает о Кулаке один из учившихся вместе с ним в разведшколе. — Если на практических занятиях ему не удавалось оторваться от наружки, он тяжело переживал это, как никто другой. Борец за правду, не щадил конъюнктурщиков, какие бы посты они ни занимали, вплоть до партийных вождей. Мог так высказаться в чей-нибудь адрес, что у нас уши

няли. Ну, понесло Леху, говорили мы в таких случаях».

После окончания разведшколы Кулак был направлен в управление «Т», а в ноябре 1961 года был командирован в Нью-Йорк, под видом сотрудника ООН. С ноября 1961 года по январь 1964 года он работал в Секретариате ООН, в отделе заместителя генерального секретаря по специальным политическим вопросам и одновременно был консультантом Научного комитета ООН по изучению последствий атомной радиации, а в январе 1964 года был переведен в советское представительство ООН, где проработал до января 1968 года, после чего вернулся в Москву. Снова в Нью-Йорк: Кулак был командирован в середине 1971 года на должность атташе по науке при советском представительстве в ООН и находился там до февраля 1977 года.

В начале весны 1962 года он явился в представительство ФБР в восточной части Манхэттена и предложил свои услуги. Свое решение он мотивировал тем, что в СССР не ценят его способности и не продвигают по службе в КГБ. В ФБР новый агент получил псевдоним ФЕДОРА, а в ЦРУ — СКОТЧ.^[41] За годы сотрудничества Кулака с ФБР он раскрыл сведения о сотрудниках КГБ в Нью-Йорке, сообщал о ежегодных заданиях резидентурам по сбору информации в области науки и техники, а также перечни вопросов, которые интересовали руководство разведки. Он помог установить объекты интереса КГБ в военной области, прежде всего в сфере производства вооружений. Учитывая ограниченные возможности ФБР для проникновения в советскую колонию в Нью-Йорке, Кулак являлся весьма полезным источником информации. Шеф ФБР Эдгар Гувер безоговорочно доверял ФЕДОРЕ, а за полученные сведения ФБР

выплатило ему, по некоторым данным, 100 тысяч долларов.

Чтобы в резидентуре КГБ в Нью-Йорке и в Москве укрепилось мнение о Кулаке как об инициативном, перспективном работнике, ФБР поставляло ему соответствующую информацию. Это были подлинные материалы, либо имеющие низкий гриф секретности и были предварительно обработаны в ЦРУ, либо научно-технические разработки в области передовых технологий, на внедрение которых в СССР потребовалось бы более двадцати лет. Регулярные встречи Кулака с представителями ФБР записывались на видеопленку. Один из работников ЦРУ позднее рассказывал: *«Я видел записи этих встреч. Коренастый парень, типичный русский. Нью-йоркские сотрудники ФБР беседовали с ним на английском языке. И при этом все пили виски».*

В нью-йоркской же резидентуре, по признанию ее тогдашнего начальника Б. Соломатина, были явно заморожены геройским званием Кулака и прощали ему многое из того, что другим никогда не сошло бы с рук. Так, Кулак мог спокойно сказать начальнику, что любит выпить после обеда, и отправлялся в бар, а вернувшись вечером, не смущаясь, благоухать перегаром. Он частенько засиживался в резидентуре допоздна, по его словам, для изучения открытых источников информации. Позднее это обстоятельство было расценено некоторыми как факт сбора им информации о работе резидентуры путем изучения разговоров сослуживцев. Так или иначе, но к концу своего пребывания в США Кулак был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды и имел звание полковника. Сам факт награждения двумя орденами говорит о ценности добытой им информации, ибо для большинства сотрудников резидентуры и медаль была недостижимой мечтой.

В 1964 году в связи с расследованием на предмет выяснения искренности бежавшего в январе в США бывшего сотрудника КГБ Ю. Носенко доверие к Кулаку со стороны американцев несколько поколебалось. Дело в том, что он подтвердил: да, Носенко истинный перебежчик. Это крайне не понравилось Энглону, решившему, что ФЕДОРА сам является подставой, коль скоро замеряет ФБР в том, что Носенко настоящий перебежчик из КГБ. Вдобавок, заявил Энглтон, по словам ФЕДОРЫ, из Москвы якобы пришла телеграмма о дезертирстве Носенко, однако анализ перехватов, произведенный Агентством национальной безопасности (АНБ), не обнаружил доказательств ее существования. [\[42\]](#)

Заявление Энглтона вызвало возражения со стороны сотрудников ФБР. Если Носенко подстава, говорили они, то ни ФЕДОРА, ни кто-либо другой в резидентуре вряд ли мог знать об этом. Поэтому Кулак передал содержание разговоров, имеющих место в резидентуре и в советском посольстве. Что же касается телеграммы, то АНБ не безгрешно, и оно не всегда может точно определить факт передачи конкретного сообщения.

Т. Вольтон в своей книге «КГБ во Франции» утверждает, что ФЕДОРА был подставой (правда, он отождествляет ФЕДОРУ с Лесиовским) на основании дела о «досье Пентагона», имевшего место в 1971 году. Тогда назревал громкий скандал, связанный с секретными военными документами, просочившимися через журналиста Дэниела Элсберга в «Нью-Йорк таймс». В то время Кулак сообщил сотрудникам ФБР, что комплект документов был передан в советское посольство. *«В этом-то и заключался обман, — пишет Вольтон. — Президенту Никсону доложили об информации, полученной от «крота». Враг оказался в*

курсе событий, и ничто больше не препятствовало публикации секретов Пентагона. Белый дом дал добро, и досье предали гласности. К явной выгоде Северного Вьетнама, ибо положению и моральному духу американских войск был нанесен большой ущерб». Однако, как свидетельствует Дэвид Янг, при принятии этого решения информация ФЕДОРА не принималась во внимание. «Мы знаем человека, который передает нам подобную информацию, — сказал тогдашний директор ЦРУ Р. Хелмс, — и у нас есть свои сомнения в отношении их».

А в 1973 году тучи, сгустившиеся над головой Кулака, нагрянули с неожиданной стороны. В декабре журналист Симур Херш опубликовал в «Нью-Йорк таймс» ряд статей, в которых высказал предположение, что одна из причин, побудивших президента Никсона создать секретное подразделение под видом рабочих по обслуживанию Белого дома, — показное беспокойство по поводу того, что сотрудник-КГБ в советском представительстве при ООН, работавший на ФБР, мог оказаться скомпрометированным в ходе расследования уотергейтского скандала. Из публикаций следовало, что источник ФБР был двойным агентом в течение почти десяти лет. По словам бывшего сотрудника ФБР, руководство ЦРУ, дабы удостовериться в том, что никакая опасность ФЕДОРЕ не грозит, передало одну из статей аналитику, и тот через несколько часов назвал Кулака как вероятного агента ФБР. Сам же Херш в ответ на обеспокоенность ФБР по поводу его, возможно, пагубной для ФЕДОРА публикации заявил, что его информатор находится в высшем эшелоне ФБР. Тем не менее Кулак благополучно отбыл свой срок в Нью-Йорке и в 1977 году вернулся в СССР.

Но в 1978 году уже ушедший в отставку Энглтон, считая ФЕДОРА подставой, раскрыл его писателю

Эдварду Эпштейну, который в своей книге «Легенда: тайный мир Ли Харви Освальда» описал ФЕДОРУ как сотрудника КГБ, работавшего под прикрытием ООН и занимавшееся сбором научно-технической информации. Сотрудники ЦРУ были потрясены совершенно очевидной утечкой этой информации, и пришли к выводу, что теперь Кулаку уже не уцелеть. Но с ним так ничего и не случилось.

Объяснение этому надо искать в Москве. Первоначально в Ясене не поверили в разоблачение Эпштейна и посчитали его тонкой провокацией ЦРУ. Основания а и я этого были. Ведь совсем недавно был подставлен под удар другой сотрудник, работавший в Нью-Йорке, В. Лесновский, который оказался совершенно чистым. Но все же разобраться в этом деле было поручено управлению «К» ПГУ во главе с О. Калугиным. В расследовании приняло участие крайне ограниченное число сотрудников: при от управления «К» и два (начальник и зам) от управления «Т». К концу 1980 года проводившая расследование группа вышла на Кулака, которого поставили под скрытое наблюдение. Но оно ничего не дало. Кулак не имел никаких компрометирующих связей, вел замкнутый образ жизни, не сорил деньгами и совершенно не интересовался секретными документами. Более того, он абсолютно не проявлял служебного рвения и все чаще прикладывался к бутылке в рабочее время.

В результате в 1980 году Кулака перевели в действующий резерв и направили в химико-технологический институт на должность начальника отдела. А через год и вовсе отправили в отставку. У ПГУ не было ни единого факта, доказывающего предательство Кулака, и поэтому, когда он скорпостижно скончался от рака в 1983 году, дело было закрыто, а его портрет и боевые награды выставили в музее ПГУ. И только в 1985 году после

вербовки О. Эймса в деле Кулака была поставлена точка. Правда, в ПГУ решили не выносить сор из избы.

О предательстве Кулака даже в самом ПГУ были проинформированы далеко не все заместители начальника разведки, а его награды тихонько убрали из музея и передали в Президиум Верховного Совета СССР.

В 1962 году список бежавших на Запад предателей пополнил сотрудник Второго главного управления КГБ Юрий Иванович Носенко. Правда, в отличие от других перебежчиков, ему пришлось очень долго доказывать искренность своих намерений.

Носенко родился 30 октября 1927 года на Украине в городе Николаеве. Его отец Иван Исидорович, волевой и целеустремленный человек, был инженером-судостроителем, мать — дочерью архитектора. В 1934 году семья, Носенко переехала в Ленинград, где Носенко-старший стремительно продвигался по служебной линии и вскоре стал директором судостроительного завода. В 1939 году Ивана Носенко назначают министром судостроения СССР, и семья переезжает в Москву. На этом посту он оставался до самой смерти в 1956 году. По словам сына, его свело в могилу решение, принятое Н. Хрущевым в 1954 году, отказаться от строительства крупного военно-морского флота, в том числе двух авианосцев. Носенко-старший был настолько удручен этим, что последние месяцы своей жизни оказался, практически не у дел. После смерти отца Ю. Носенко покровительствовал Д.Ф. Устинов, первый заместитель Хрущева и председатель ВСНХ.

Его сын Юрий, как и положено отпрыску высокопоставленного родителя, мало в чем испытывал затруднения. В 1942 году он поступил в Нахимовское училище, а в 1944 году — в военно-морскую академию. Там, по его словам, с ним произошел несчастный

случай. Разбирая пистолет, он нечаянно прострелил себе левую руку, после чего был комиссован и уволен из военно-морского флота. (По другой версии, он выстрелил себе в ногу, чтобы уйти с военной службы.) Так или иначе, он сразу же поступает в МГИМО и после окончания института направляется на службу в ГРУ, где занимается военно-морской разведкой на Дальнем Востоке. В 1953 году он женился и в том же году перешел на работу в МГБ.

В МГБ Носенко попадает во Второе главное управление в 1-й отдел, занимающийся контрразведывательными операциями против США. По словам Носенко, за образец контрразведывательных действий против проникновения агентуры и диверсионных групп ЦРУ и других западных спецслужб была взята знаменитая операция КРО ОГПУ в 1920-х годах «Трест». Большое значение придавалось также проникновению в иностранные посольства в Москве. Для этого использовались как прослушивающие устройства, так и компрометация сотрудников посольства с помощью «ласточек»,^[43] с целью дальнейшего шантажа и вербовки.

В 1955 году Носенко перевели в 7-й отдел Второго управления, осуществлявший наблюдение за всеми иностранными туристами независимо от их национальной принадлежности.

В 1957 году он выезжает в Лондон в качестве офицера безопасности с группой советских спортсменов, а в самом начале 1960 года в том же качестве в составе спортивной делегации на Кубу. В 1960 году он вновь возвращается в 1-й отдел на должность заместителя начальника отдела. Возможно, это было связано со стремлением А. Шелепина, ставшего в 1958 году председателем КГБ, повысить образовательный уровень сотрудников контрразведки.

Как свидетельствует Носенко, когда он первый раз (с 1953 по 1955 год) работал в 1-м отделе, только у двух из пятидесяти сотрудников отдела было высшее образование, а у некоторых не было даже диплома о среднем образовании. Когда же в январе 1960 года он вернулся в отдел, примерно 80 процентов сотрудников имели высшее образование, а 70 процентов владели английским языком. Но в 1962 году Носенко возвращают в 7-й отдел. В значительной мере это было обусловлено после бегства Голицына решением о том, что любая группа из пяти и более человек, выезжающая за границу, должна иметь в своем составе сотрудника контрразведки.

Отношение сослуживцев к Носенко было отрицательным. Не вдаваясь в истории трех его браков, хочется привести несколько отзывов тех, кто работал вместе с ним до его бегства в США. Так, в 1961 году полковник Л. характеризовал Носенко *«как избалованного условиями жизни человека, ведущего себя в отделении высокомерно и грубо, игнорирующего начальника отделения, и к тому же склонного к употреблению спиртных напитков. Дружбу Носенко всегда стремился водить с людьми, занимающими высокое положение. Вербовку иностранцев проводил на компрометирующих материалах, ибо для осуществления ее на идеологической основе он недостаточно подготовлен»*.

Такого же мнения придерживался и полковник КГБ в отставке Л. Ефремов, работавший в разведке, а с февраля 1962 года в 7-м отделе ВГУ:

«В главке все хорошо знали, что Носенко имел надежную «подпорку». Его отец Носенко Иван Исидорович, министр судостроительной промышленности, был любимцем Сталина, а М.З. Сабуров (в 1955-1957 годах первый зам

Председателя СНК — СМ СССР) поклялся ему покровительствовать его сыну».

В начале июня 1962 года Носенко в составе советской делегации по разоружению отправляется в Женеву. Вскоре после прибытия туда он обратился к американскому дипломату с просьбой о конфиденциальной беседе. Дипломат известил об этом резидента ЦРУ в Берне, и тот немедленно послал в Женеву Пита Бегли, сотрудника, специализировавшегося на операциях против СССР. Бегли встретился с Носенко на конспиративной квартире, но тут возникли непредвиденные сложности. Оказалось, что Носенко слабо владеет английским, а знание Бегли русского языка тоже оставляло желать лучшего. Чтобы исправить ситуацию, из США в Швейцарию срочно вылетел Кайзвальтер, крупный специалист по работе с русской агентурой. В 1953-1959 годах он пел агента в ГРУ П. Попова, а в тот момент был оператором другого агента в ГРУ — О. Пеньковского.

Дальнейшие встречи Бегли и Кайзвальтер проводили с Носенко вдвоем, записывая все разговоры на магнитофон и тщательно конспектируя их на бумаге. Во время первой же встречи Носенко изъявил готовность передать ЦРУ информацию за 900 швейцарских франков, которые ему, мол, необходимо вернуть в кассу КГБ, поскольку они потрачены им на спиртное. (Позднее он признался, что эту историю выдумал.) Еще он попросил достать ему лекарство для дочери Оксаны, которая страдала астмой и в тот момент находилась в больнице. О переходе на Запад Носенко не заикался, напротив — спешил вернуться домой к больной дочери.

Переданная Носенко информация была весьма обширной. Он сообщил, что корреспондент Московского радио Борис Белицкий, завербованный в 1958 году в

Брюсселе Д. Голдбергом на Всемирной ярмарке и известный в ЦРУ под псевдонимом ВАЙРЛЕС, на самом деле являлся двойным агентом и находился под контролем КГБ. В доказательство своих слов Носенко назвал имена двух операторов Белицкого — Голдберга и Гарри Янга. Эта информация особенно поразила Кайзвальтера, которому было известно, что в 1960 году Белицкий блестяще прошел проверку на детекторе лжи в ЦРУ. [\[44\]](#)

Другое сообщение Носенко касалось агента КГБ, работавшего в британском адмиралтействе и завербованного в Москве на почве гомосексуализма. Раньше об этом агенте упоминал Голицын, а с помощью дополнительных данных, сообщенных Носенко, в сентябре 1962 года был арестован и осужден на восемнадцать лет тюремного заключения Уильям Вассел. [\[45\]](#) Кроме того, Носенко сообщил, что у КГБ имеется агент среди сотрудников МИ-5 в Женеве, но ничего более конкретного сообщить не смог. Чтобы не засветить Носенко, ЦРУ не стало сообщать об этой информации в Лондон.

Весьма встревожило Кайзвальтера сообщение Носенко о том, что КГБ известно местонахождение тайника в Москве, который тайно проверял сотрудник безопасности американского посольства Абидиан. Кайзвальтер сразу же понял, что речь идет о тайнике на Пушкинской улице, который предназначался для Пеньковского. [\[46\]](#) Не менее важной явилась информация о том, что посол Канады в СССР Джон Уоткинс является гомосексуалистом и что об этом известно КГБ. Позднее Уоткинса допросили в КККП и он признался, что имел гомосексуальные связи в СССР, но категорически отрицал, что передавал какие-либо секреты КГБ как во время работы послом, так и позднее, будучи уже помощником заместителя министра иностранных дел в

Оттаве. Двенадцатого октября 1964 года он внезапно скончался от сердечного приступа во время допроса.

Информацию еще на одного гомосексуалиста — Джозефа Олсопа, обозревателя газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», которого КГБ мог начать шантажировать, было трудно реализовать даже ЦРУ, поскольку тот являлся близким другом президента Кеннеди. В конце концов Томас Карамессинес, помощник заместителя директора ЦРУ по планированию, приказал Кайзвальтеру вырезать из магнитофонной пленки то место, где говорилось об Олсопе. По всеобщему мнению, Олсоп был ярким антикоммунистом и его шантаж со стороны КГБ вряд ли мог бы увенчаться успехом. Он скончался в августе 1989 года в своем доме в Джорджтауне, так ничего и не узнав о подозрениях в отношении себя.

Носенко подтвердил также информацию Голицына о наличии прослушивающих устройств в здании посольства США в Москве. Но к тому же еще и указал, где они размещены. Как оказалось, за батареями отопления в бамбуковых трубках, и насчитывалось их 42 штуки. Таким же образом, по словам Носенко, прослушивалось и посольство ФРГ, где посол, намереваясь писать мемуары, каждый вечер диктовал секретарю отчет о событиях дня, включая переписку с Бонном, НАТО и послами других стран, не подозревая, что диктует все это в микрофоны КГБ. Касаясь слежки за сотрудниками иностранных посольств в Москве, Носенко рассказал о системе «литра» — использовании КГБ специальных химических веществ, наносимых на одежду или почтовую корреспонденцию с целью зафиксировать их перемещения.

По поручению Энглтона, Кайзвальтер спросил Носенко, известно ли ему о существовании в ЦРУ агента КГБ по имени САША. Носенко ответил, что не располагает никакой информацией о «кроте», а что

касается поездки В. Ковшука в США, то тот был направлен в Вашингтон для контактов с источником КГБ, известным под псевдонимом АНДРЕЙ. По словам Носенко, АНДРЕЙ был источником низкого ранга, сержантом, работавшим в американском посольстве в Москве, который вернулся в США и проживает где-то в районе Вашингтона. Касаясь проникновения КГБ в ЦРУ, Носенко заявил, что имел место шантаж представителя ЦРУ в Москве некого Эдварда Смита. Его заманила в ловушку горничная из КГБ по имени Вера. Однако к тому времени Смит уже был уволен из ЦРУ.

Помимо этого, Носенко подробно рассказал об операциях КГБ в Женеве, весьма важных в разведывательном отношении, поскольку там часто проводились международные встречи. Он сообщил, сколько советских оперативных сотрудников находилось в Женеве, как они действовали в этом городе, какую технику использовали для наблюдения. По словам Носенко, сотрудники женевской резидентуры держали под контролем все радиоканалы полиции. Он сообщил также, что они обычно брали автомобили напрокат, чтобы их собственные автомашины не были засвечены.

В завершение бесед с Носенко в Женеве был выработан план будущих встреч. Носенко согласился на дальнейшие контакты при одном обязательном условии, чтобы осуществлялись они не на территории СССР, где, по его словам, они были чрезвычайно опасны. Было решено, что, оказавшись за рубежом, он войдет в контакт с ЦРУ, отправив предварительно на нью-йоркский адрес письмо или телеграмму. На прощание Носенко подарили отрез ткани на платье для жены, и он благополучно отбыл в Москву.

По возвращении в Вашингтон Бегли доложил о проделанной работе Энглтону и сказал, что сведения, сообщенные Носенко, имеют большую ценность, а сам

он производит впечатление искреннего человека. Но в схеме Энглтона было место только для одного перебежчика — Голицына. Всех остальных он считал подставой. В случае с Носенко мнение Энглтона основывалось на том, что он ничего не знал о «кроте» в ЦРУ по имени САША и явно пытался дезинформировать ЦРУ об истинных причинах поездки Ковшука в Вашингтон. Энглтону удалось убедить Бегли в своей правоте, и, таким образом, в ЦРУ образовалась группа лиц, уверенных в том, что Носенко является подставой. В скором времени Бегли был назначен начальником контрразведки восточного отдела ЦРУ (страны советского блока), а 19 декабря 1963 года Энглтон разослал служебную записку на двенадцати страницах, в которой рекомендовал исходить из того, что Носенко — лицо, находящееся под контролем КГБ.

В следующий раз Носенко прибыл в Женеву 20 января 1964 года с советской делегацией по разоружению. Он отправил по обусловленному адресу в Нью-Йорке телеграмму, и вскоре в Женеву прибыли Кайзвальтер и Бегли. Сразу по приезде они провели первую из шести встреч с Носенко в Женеве. Поскольку убийство 22 ноября 1963 года в Далласе президента Д. Кеннеди было еще свежо в памяти, а комиссия Уоррена только начинала свою работу, первые вопросы сотрудников ЦРУ касались жизни Ли Харви Освальда в СССР. Носенко утверждал, что лично вел дело Освальда, когда тот приехал в Москву и попросил разрешения остаться в СССР в октябре 1959 года. Освальд, по словам Носенко, был признан психически неустойчивым человеком и поэтому не представляющим интереса, так как не мог быть использован в качестве агента. Его даже не хотели принимать как перебежчика, но в конце концов все-таки приняли лишь потому, что он пытался покончить с собой. Жена Освальда, Марина, по словам Носенко, глупа,

необразованна, настроена антисоветски. Поэтому, когда они с Освальдом попросили разрешение на выезд в США, КГБ не возражал. После убийства Кеннеди из Минска по распоряжению генерала Грибанова в Москву было доставлено досье на Освальда. Носенко имел возможность изучить его и пришел к выводу, что КГБ никогда не делал к Освальду подходов с оперативными целями. «Как бы сильно я ни ненавидел его, — сказал Носенко, — я не могу свидетельствовать вопреки собственной совести. Я знаю суть дела и подтверждаю, что Советский Союз никоим образом не причастен к этой истории».

Кроме дела Освальда, на встречах в Женеве Носенко затронул целый ряд других тем. Так, он впервые рассказал, о том, как был пойман О. Пеньковский. По его словам, провал Пеньковского был до некоторой степени случайным. В результате планового мероприятия по слежке за сотрудниками иностранных посольств было установлено, что жена работника СИС Дж. Чизолм несколько раз выходила на контакт с советским гражданином. Выяснив, что им является сотрудник ГРУ О. Пеньковский, КГБ установил за ним постоянное наблюдение. Для этого были даже временно переселены в другое место жильцы из квартиры, помещавшейся над квартирой Пеньковского. Чтобы произвести обыск в квартире Пеньковского, его на несколько недель положили в больницу, спровоцировав желудочное отравление. Арест Пеньковского состоялся после того, как в тайнике его письменного стола были обнаружены секретные материалы, шифровальный блокнот и фотокамера.

Еще одной серьезной информацией Носенко было наличие у КГБ важного источника в Париже, который передавал секреты США и НАТО. Имя источника Носенко не знал, но сказал, что для помощи источнику в Париж был командирован специалист КГБ по

использованию рентгеновской установки для считывания кодов сейфа. С помощью этой наводки в сентябре 1964 года ФБР арестовало сержанта армии США Роберта Ли Джонсона, служившего охранником в Центре фельдъегерской связи НАТО в аэропорту Орли. На допросах он признался, что в 1953 году, проходя службу в Западном Берлине, вступил в контакт с КГБ и был завербован. Вскоре он сам завербовал своего друга сержанта Джеймса Аллана Миткенбау. В 1956 году он временно прервал свои отношения с КГБ, но с 1957-го возобновил их и начал работать в качестве агента. Служа охранником на ракетных базах в Калифорнии, он передавал через Миткенбау куратору из КГБ А.А. Елисееву фотографии, планы, документы, а однажды даже передал образец ракетного топлива, которое он по указанию КГБ откачал из топливного бака. В 1959 году Джонсона перевели на американскую базу во Франции, а в конце 1961 года в центр фельдъегерской связи НАТО в Орли. Там с февраля 1962 года он передавал документы из хранилища центра сотрудникам КГБ В.С. Уржумову и Ф.А. Иванову. Как потом уточнил Носенко, операция проводилась с личной санкции Хрущева. В 1964 году Джонсона переводят в Пентагон, но в этот момент его жена по неизвестной причине грозитя разоблачить его как советского шпиона. Он пытается бежать, но его арестовывают сотрудники ФБР, которым от его жены стало известно о его с Миткенбау работе на КГБ. В 1965 году оба были приговорены к тюремному заключению сроком на 25 лет, а в мае 1972 года Джонсон был убит ударом ножа собственным сыном Робертом во время свидания в тюрьме.

Носенко рассказал также о А. Черепанове, сотруднике КГБ, который в октябре 1963 года передал в посольство США в Москве документы о слежке КГБ за иностранными дипломатами. (О самом Черепанове

будет рассказано ниже.) Носенко подтвердил, что Черепанов действительно являлся сотрудником Второго главного управления КГБ и что документы, которые он передал в посольство США, были подлинными. Таким образом, вернув в КГБ бумаги Черепанова, ЦРУ решило его судьбу — он был расстрелян. Носенко сообщил, что лично участвовал в поимке Черепанова, который пытался скрыться, и в доказательство своих слов предъявил командировочное удостоверение.

Вскоре, уже после нескольких встреч, Носенко стал намекать, что подумывает о переходе на Запад. Он спросил, какие у него есть перспективы на этот счет. Бегли ответил, что по согласованию с директором ЦРУ на имя Носенко будет открыт счет в банке, куда положат 50 тысяч долларов, а затем будут добавлять по 25 тысяч в год па весь период действия контракта. Кроме того, за помощь в деле Вассела к первоначальной сумме будет добавлено еще 10 тысяч долларов.

Четвертого февраля Носенко сообщил, что его неожиданно отзывают в Москву. По его словам, это означает, что он попал под подозрение и больше никогда не сможет покинуть пределы СССР. Поэтому он просит защиты у ЦРУ. (Много позже Носенко признался, что история с телеграммой была выдумкой.) Бегли сообщил о просьбе Носенко в Вашингтон. Из Ленгли мгновенно пришел ответ: «Согласны!» Большую роль в этом решении сыграла информация Носенко об Освальде, которая в конечном счете перевесила опасения о том, что Носенко является подставой КГБ. В тот же день, 4 февраля, Носенко вручили американские документы, в гражданской одежде перевезли на автомобиле через швейцарскую границу в ФРГ и поселили на конспиративной квартире ЦРУ под Франкфуртом. Там с ним встретился начальник советского отдела ЦРУ Дэвид Меффри, который

подтвердил денежные обязательства ЦРУ и предупредил Носенко, что тот должен пройти проверку на детекторе лжи, дабы подтвердить свою искренность. Спустя неделю, 11 февраля Носенко доставили самолетом из Франкфурта на базу ВВС Эндрюс близ Вашингтона.

В СССР по факту бегства Носенко было заведено уголовное дело, получившее кодовое название «Ирод». В результате проведенных следственных действий было подготовлено обвинительное заключение, в котором, в частности, говорилось:

«Обвиняется: Носенко Юрий Иванович, 1927 года рождения, уроженец г. Николаева, украинец, гражданин СССР, женат, бывший член КПСС с 1957 года, с высшим образованием, капитан, сотрудник КГБ при СМ СССР, проживавший в Москве по адресу: Народная улица, дом 13, кв. 54, в том, что, находясь в служебной командировке в г. Женеве (Швейцария), 4 февраля 1964 года изменил Родине, бежал в США и обратился к американскому правительству с просьбой о предоставлении политического убежища.

14 февраля 1964 г. на встрече с представителями советского посольства в Вашингтоне заявил, что решение изменить Родине вынашивал давно и покинул Советский Союз по политическим мотивам, и в тот же день получил от властей США право политического убежища. В настоящее время, находясь в США, выдает американским властям известные ему совершенно секретные сведения, составляющие государственную тайну, в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» статьи 64 УК РСФСР».

Двадцать второго июня 1964 года обвинительное заключение против Носенко было утверждено заместителем Главного военного прокурора и направлено в Военную коллегия Верховного суда СССР. Состоявшееся 23 июля заседание коллегии вынесло Носенко следующий приговор:

«Носенко Юрия Ивановича признать виновным в измене Родине и на основании пункта «а» статьи 64 УК РСФСР подвергнуть смертной казни — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

На основании статьи 36 УК РСФСР лишить Носенко воинского звания «капитан» и внести представление в Президиум Верховного Совета СССР о лишении его правительственных наград.

Внести представление Председателю Комитета Государственной Безопасности при СМ СССР о лишении Носенко медали «За безупречную службу» III степени.

Приговор обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежит».

А в результате проведенного в КГБ служебного расследования многие сотрудники понесли наказание. Трое были уволены из органов с лишением воинских званий, еще троих просто уволили, к десятирым применили суровые дисциплинарные санкции. Начальник Второго главного управления генерал-лейтенант Грибанов был отстранен от должности, а больше сотни сотрудников были отозваны из зарубежных командировок и стали невыездными.

Пребывавший в США Носенко явно нервничал, и не без оснований, опасаясь, что ЦРУ не выполнит своих обещаний, и запил, вскоре дойдя до того, что, как вспоминает Хелмс, не хотел заниматься ничем, кроме

попоек и кутежей. Порой доходил до беспамятства. Так, например, однажды он вдруг начал бить посуду в баре в Балтиморе, и лишь с большим трудом удалось замять скандал. И действительно, новая жизнь в США для Носенко вскоре обернулась кошмаром. Для Энглтона и Бегли история с бегством Носенко служила лишь способом отвлечь внимание от информации Голицына о «кротах» в ЦРУ и довести до Запада информацию о том, что КГБ не имеет никакого отношения к Освальду и убийству Кеннеди. Эти подозрения на первый взгляд казались обоснованными. Было очень странно слышать, что КГБ не проявил внимания к Освальду, бывшему морскому пехотинцу, да еще служившему оператором радара на военной базе самолетов «У-2» в Ацуги в Японии. К тому же если Освальд убил президента Кеннеди по собственной инициативе, то вполне вероятно, что советское руководство могло «подкинуть» ЦРУ перебежчика, дабы убедить США в своей непричастности к убийству.

Был и еще ряд обстоятельств, казалось подтверждавших эту точку зрения. Взять хотя бы вопрос о воинском звании Носенко. По словам Бегли, он был майором с 1962 года, а когда приехал в 1964 году, сказал, что он подполковник. Позже, в США, Носенко признался, что он — капитан. Само по себе это не удивительно, так как перебежчики часто преувеличивали свой ранг, чтобы придать себе большую значимость. Но в данном случае Носенко предъявил командировочное удостоверение, выданное ему, когда он ловил Черепанова, где значилось звание подполковник. Аналогичные ситуации возникали при поиске «крота» под псевдонимом САША, о котором предупреждал Голицын. В 1962 году Носенко о САШЕ ничего не знал. А в 1964 году он вдруг сам заговорил о нем и сообщил, что САША был офицером армии США, дислоцированной в Германии, и что он не имеет к ЦРУ

никакого отношения.^[47] Что же касается поездки в США в 1957 году высокопоставленного сотрудника Второго главного управления КГБ Ковшука, то Носенко продолжал утверждать, что тот был командирован для встречи с источником КГБ по кличке АНДРЕЙ. АНДРЕЙ оказался армейским сержантом, который до этого работал в гараже американского посольства в Москве, после чего вернулся в США и жил в окрестностях Вашингтона. Ковшук встретился с ним, передал на связь резидентуре и уехал. На вопрос, чем был занят Ковшук все остальное время, Носенко отвечал, что искал АНДРЕЯ. Между тем подлинная фамилия АНДРЕЯ значилась в Вашингтонской телефонной книге.

По поводу истинного статуса Носенко в ЦРУ существовало два мнения: Энглтон, Бегли и их сторонники придерживались одного, большая часть сотрудников — другого. Возобладала, однако, точка зрения Энглтона, считавшего Носенко подставой. Четвертого апреля 1964 года сотрудники ЦРУ провели допрос с пристрастием. Носенко был подвергнут проверке на детекторе лжи. Чтобы заставить Носенко говорить правду, было решено независимо от фактических результатов проверки сказать ему, что он не прошел.

«Сотрудники ЦРУ начали кричать, что я вру, и в комнату немедленно ворвались несколько охранников, — вспоминал Носенко. — Они приказали мне встать к стене, раздеться и обыскали меня. После этого повели наверх, в одну из комнат на чердаке.

Там была только металлическая кровать, надежно прикрепленная к полу. Мне не сказали, для чего меня сюда поместили и на какой срок. Через несколько дней сотрудники ЦРУ начали допрос. Я старался сотрудничать добросовестно

и вечерами даже записывал все, что мог вспомнить о КГБ. Допросы длились два месяца. Характер допросов был очень грубым и враждебным. Затем они вообще перестали приходить».

В изоляции Носенко находился до декабря 1968 года. С 4 апреля 1964 года по 13 августа 1965 года — на конспиративной квартире близ Вашингтона, с 14 августа 1965 года по 27 октября 1967 года — в тюремной камере на «ферме», и с 28 октября 1967 по декабрь 1968 года на трех, периодически сменявшихся конспиративных квартирах в пригороде Вашингтона. Особенно тяжелыми были условия заключения на «ферме» — в учебном центре ЦРУ. Носенко доставили туда в наручниках и с завязанными глазами и поместили в бетонную камеру с решетками на дверях. В камере была только узкая железная кровать с матрацем, а постельного белья не было. Днем и ночью за ним осуществлялось наблюдение. Чтобы чем-то занять себя, Носенко тайно смастерил шахматы из ниток, но охранники их конфисковали. Спустя год с лишним ему разрешили тридцатиминутные прогулки на свежем воздухе в огороженном бетонным забором двореке и занятия физическими упражнениями. Носенко был убежден, что во время заключения ему давали какие-то препараты, включая галлюциногены. Позднее ЦРУ отвергло эти утверждения, заявив, что ему назначались только необходимые лекарства: торизин (применяемый при маниакальной депрессии и душевных расстройствах), доннатал (средство, устраняющее спазмы желудка при расстройстве), тетрациклин (антибиотик общего назначения) и тому подобное. Все это время проводились интенсивные допросы, часто с применением детектора лжи. Но все

они, кроме незначительных деталей, ничего не добавляли к тому, что он уже сказал ранее.

В связи с этим назревала необходимость принятия каких-то решений, и в 1967 году новый директор ЦРУ Р. Хелмс поручил сотруднику управления безопасности Брюсу Соли вернуться к рассмотрению вопроса о причинах ухода Носенко на Запад. Предвидя возможность скандала, Бегли направил Энглтону письмо, в котором изложил возможные пути решения проблемы Носенко. Под 5-м пунктом в перечне возможных акций значилась ликвидация, под 6-м — сделать его неспособным связно излагать свои мысли (специальные психохимикаты и т. д.), под 7-м — помещение в дом для душевнобольных, не ввергая его самого в беспамятство.

В октябре 1968 года Брюс Соли представил Хелмсу доклад, в котором оправдывал Носенко. Доклад Соли был немедленно подвергнут острейшей критике со стороны сотрудников Энглтона, но заместитель директора ЦРУ Руфус Тейлор согласился с выводами Соли. *«Я убежден теперь, что нет никаких оснований считать Носенко не тем человеком, за которого он себя выдает; что он преднамеренно скрывает от нас какую-то информацию; что нет противоречий между тем, что сообщил нам Носенко, и тем, что мы узнавали от других перебежчиков или информаторов...»* Немаловажную роль в таком решении сыграл и тот факт, что на допросах, которые проводились уже в доброжелательном тоне, Носенко сообщил сотрудникам ФБР еще о девяти случаях советской разведывательной деятельности.^[48]

Хелмс положил конец спорам, наградив Соли медалью за работу по реабилитации Носенко и предоставив самому Носенко в марте 1969 года

двухнедельный отпуск во Флориде под охраной двух сотрудников ЦРУ.

По возвращении из Флориды Носенко получил документы на новое имя, его зачислили в ЦРУ на должность консультанта и выплатили компенсацию в размере 137 052 долларов. В должности консультанта Носенко проработал до конца восьмидесятых годов, и все это время ему грозила смертельная опасность, но уже со стороны КГБ, занесшего его в список перебежчиков, подлежащих ликвидации. По свидетельству Гордиевского, А.В. Гук, сотрудник КГБ, работавший в конце семидесятых годов по линии внешней контрразведки в нью-йоркской резидентуре, узнав о местонахождении перебежчика Хохлова, предложил Центру план его ликвидации. Но Центр не дал на это согласия, заявив, что их первостепенной задачей является устранение двух более важных перебежчиков — Голицына и Носенко, и вплоть до их ликвидации все прочие «мокрые дела» в США необходимо отложить. Это подтверждает и отставной генерал-майор КГБ О. Калугин, одно время возглавлявший управление внешней контрразведки ПГУ. Он вспоминает, что руководство часто упрекало его за недостаточно энергичные поиски предателей, в частности Носенко.

В 1963 год список изменников пополнился еще четырьмя — Н. Черновым, Д. Кашиным, Ю. Кротковым и А. Черепановым — и тем самым почти достиг «результативности» 1961 года.

«Открыл счет» Николай Дмитриевич Чернов. Чернов, 1917 года рождения, служил в оперативно-техническом управлении ГРУ. В начале шестидесятых годов он был командирован в США на должность опертехника нью-йоркской резидентуры. Образ жизни Чернова был весьма необычным для советского служащего за рубежом. Он часто посещал рестораны, ночные клубы,

кабаре. Это требовало немалых денежных расходов. Поэтому неудивительно, что однажды, в 1963 году, поехав вместе с майором КГБ Д. Кашиным (фамилия изменена) на оптовую базу одной американской фирмы за материалами для ремонта посольства, Чернов уговорил хозяина базы не отражать в чеке скидку за оптовую покупку. Таким образом Чернов и Кашин получили 200 долларов наличными, которые и поделили между собой.

Однако, когда на следующий день Чернов приехал на базу за стройматериалами, в кабинете хозяина его ждали два агента ФБР. Они предъявили Чернову фотокопии платежных документов, свидетельствовавшие о присвоении им двухсот долларов, а также фотографии, на которых он был запечатлен в увеселительных заведениях Нью-Йорка. Заявив, что им известно, что Чернов является сотрудником ГРУ, агенты ФБР предложили ему начать сотрудничество. Шантаж подействовал на Чернова — в те годы за однократное посещение увеселительного заведения запросто могли отправить в Москву и сделать невыездным, а за присвоение казенных денег тем более.^[49]

До своего отъезда в Москву Чернов, которому в ФБР дали псевдоним НИКНЭК, провел ряд встреч с американцами и передал им таблетки для тайнописи, применяемые в ГРУ, а также ряд фотокопий материалов, которые оперативные офицеры ГРУ приносили ему в лабораторию для обработки. При этом американцы требовали от него фотокопии тех материалов с пометками: «НАТО», «военное» и «совершенно секретно». Перед самым отъездом Чернова в СССР в конце 1963 года сотрудники ФБР условились с ним о контактах во время его следующей поездки на Запад и вручили ему 10 тысяч рублей,

фотоаппараты «Минокс» и «Тессина», а также англо-русский словарь с тайнописью. Что касается денег, полученных Черновым от американцев, то на следствии по этому поводу он поведал следующее:

«Я посчитал, в следующий раз приеду за границу лет через пять. На пропой мне требуется каждый день десять рублей. Всего где-то тысяч двадцать. Столько и запросил».

Переданные Черновым материалы были весьма ценными для американской контрразведки. Дело в том, что на переснятых Черновым документах, полученных резидентурой ГРУ от агентуры, значились выходные данные и регистрационные номера документов. По ним ФБР могло установить личность агента. Так, например, занимаясь обработкой секретного «Альбома управляемых ракетных снарядов ВМС США», полученного от агента ГРУ ДРОНА, Чернов передал копии «Альбома» ФБР. В результате в сентябре 1963 года ДРОН был арестован и осужден на пожизненное тюремное заключение. Также по наводке, полученной от Чернова, в 1965 году в Англии был арестован агент ГРУ БАРД. Им оказался Френк Боссард, сотрудник министерства авиации Великобритании, завербованный в 1961 году И.П. Глазковым. Обвиненный в передаче СССР сведений об американских системах наведения ракет, он был осужден на двадцать один год тюремного заключения. О важности для ФБР агента НИКНЭК говорит тот факт, что отдел разведки ФБР намеренно ввел в заблуждение МИ-5, приписав сведения о Боссарде, полученные от Чернова, другому источнику — ТОПХЭТУ (Д. Полякову).

В Москве Чернов до 1968 года работал в оперативно-техническом управлении ГРУ в фотолаборатории 1-го спецотдела, а потом перешел в

Международный отдел ЦК КПСС на должность младшего референта. За время работы в фотолаборатории ГРУ Чернов обрабатывал поступавшие в Центр и направляемые в резидентуры материалы, в которых содержались сведения об агентуре. Эти материалы, общим объемом свыше трех тысяч кадров, он передал сотрудникам ФБР в 1972 году по время зарубежной командировки по линии МИД СССР. Имея на руках дипломатический паспорт, Чернов без особого труда вывез за границу в двух упаковках экспонированные пленки.

На этот раз улов ФБР был еще более значителен. Согласно выдержке из судебного дела Чернова по его вине в 1977 году был осужден на восемнадцать лет тюремного заключения за шпионаж в пользу СССР командующий войсками ПВО Швейцарии бригадный генерал Жан-Луи Жанмер. Он вместе с женой был завербован ГРУ в 1962 году и активно работал до самого ареста. МУР и МЭРИ были выявлены на основании поступивших в швейцарскую контрразведку данных от одной из иностранных разведывательных служб. При этом, как отмечалось в прессе, информация походила от советского источника.

В Великобритании на основе материалов, полученных от Чернова, был арестован в 1972 году младший лейтенант ВВС Дэвид Бингем. Он был завербован офицером ГРУ Л.Т. Кузьминым в начале 1970 года и в течение двух лет передавал ему секретные документы, к которым имел доступ на военно-морской базе в Портсмуте. После ареста он был обвинен в шпионаже и приговорен к двадцати одному году тюремного заключения.

Наибольший урон от предательства Чернова понесла агентурная сеть ГРУ во Франции. В 1973 году ФБР передало сведения, касавшиеся Франции, полученные от Чернова, Управлению по охране

территории. В результате розыска, проведенного французской контрразведкой, была раскрыта значительная часть агентурной сети ГРУ. Пятнадцатого марта 1977 года был арестован 54-летний Серж Фабиев, резидент агентурной группы, завербованный в 1963 году С. Кудрявцевым. Вместе с ним были одержаны 17, 20 и 21 марта Джованни Ферреро, Роже Лаваль и Марк Лефевр. Суд, состоявшийся в январе 1978 года, приговорил Фабиева к двадцати годам тюремного заключения, Лефевра — к пятнадцати годам, Ферреро — к восьми годам. Лаваль, у которого во время следствия обнаружились провалы в памяти, был помещен в психиатрическую лечебницу с диагнозом «слабоумие» и на суде не фигурировал. А в октябре 1977 года Управлением по охране территории был арестован другой агент ГРУ — Жорж Бофис, давний член ФКП, работавший на ГРУ с 1963 года. Учитывая его боевое прошлое и участие в движении Сопротивления, суд приговорил его к восьми годам тюремного заключения.

После 1972 года Чернов, по его словам, прекратил отношения с американцами. Да это и неудивительно, так как в это время он уже «пил по-черному» и был изгнан из ЦК КПСС за пьянку и за утерю секретного справочника, в котором содержались сведения обо всех нелегальных коммунистических лидерах. После этого Чернов пьянствовал уже совсем беспробудно и даже пытался покончить с собой, но остался жив. В 1980 году, разругавшись с женой и детьми, он отправился в Сочи, где ему удалось взять себя в руки. Потом переехал в Подмосковье и, поселившись в деревне, занялся сельским хозяйством.

Однако после ареста в 1986 году генерала Полякова Черновым заинтересовались в Следственном управлении КГБ. Дело в том, что на одном из допросов в 1987 году Поляков заявил:

«Во время встречи в 1980 году в Дели с сотрудником американской разведки мне стало известно, что Чернов передавал американцам тайнописи и другие материалы, к которым имел доступ по роду службы».

Впрочем, вполне возможно, что сведения о предательстве Чернова были получены от Эймса, завербованного весной 1985 года.

Так или иначе, но с этого времени Черновым занялась военная контрразведка, однако никаких доказательств его контактов с ЦРУ не было выявлено. Поэтому никто из руководства КГБ не решился дать санкцию на его арест. И только в 1990 году заместитель начальника отдела Следственного управления КГБ В.С. Васиннко подвигнул Главную военную прокуратуру на задержание Чернова.

На первом же допросе Чернов стал давать показания. Видимо, он решил, что его предали американцы. Когда через несколько месяцев Чернов рассказал все, следователь В.В. Ренев, который вел его дело, попросил его представить вещественное доказательство содеянного. Вот что он сам вспоминает по этому поводу:

«Я сказал: «Представьте вещдок. Это вам зачтется на суде».

Подействовало. Чернов вспомнил, что у него был друг капитан 1-го ранга, переводчик, которому он поварил англо-русский словарь. Тот самый, что в свое время он получил от американцев. В этом словаре в определенном месте имеется лист, который пропитан тайнописным веществом и является тайнописной копиркой. Адрес друга такой-то.

Я тотчас позвонил каперангу. Мы встретились. Я объяснил суть дела и с нетерпением ждал ответа. Недь скажи он, что сжег словарь, — и разговор окончен. Но офицер ответил честно, да, было такое. Нома у меня или нет этот словарь, не помню, надо посмотреть.

В квартире огромный стеллаж с книгами. Он достал один словарь — нет, не подходит под описанный Черновым. Второй — именно он. С надписью «Подарок Чернова. 1977 г.».

На титульном листе словаря — две строчки. Если подсчитать количество букв в них — можно определить, на каком именно листе имеется тайнописная копия. Когда эксперты исследовали ее, удивились: ничего подобного они ранее не встречали. И хотя тридцать лет прошло, копия была абсолютно пригодна к использованию».

По словам же самого Чернова, во время следствия у КГБ не было вещественных доказательств его вины, а произошло на самом деле следующее:

«Мне сказали: «Прошло много лет. Поделитесь своими секретами о деятельности американских спецслужб. Мол, сведения будут использованы для обучения молодых сотрудников. И за это до суда мы вас не доведем». Вот я и выдумывал, фантазировал, рассказывал то, что когда-то в книжках вычитал. Они же обрадовались и взвалили на меня все провалы, которые были в ГРУ за последние тридцать лет... Ничего ценного в переданных мною материалах не было. Документы были отсняты в обычной библиотеке.

И вообще, если бы я захотел, то мог бы развалить ГРУ. Но я этого не сделал».

Восемнадцатого августа 1991 года дело Чернова было передано в суд. В судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР Чернов признал себя виновным и подробно охарактеризовал обстоятельства своей вербовки сотрудниками ФБР, содержание выданных им сведений, способы добывания, хранения и передачи материалов разведывательного характера. О мотивах предательства он сказал так: преступление совершил из корыстных побуждений, вражды к государственному строю не испытывал. 11 сентября 1991 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Чернова Н.Д. к лишению свободы сроком на восемь лет. Но спустя пять месяцев Указом Президента России. Б.Н. Ельцина Чернов, а также еще девять человек, осужденных в разное время по статье 64 УК — «Измена Родине», были помилованы. В результате Чернов фактически избежал наказания и спокойно вернулся домой.

Теперь несколько слов о соучастнике Чернова Дмитрие Кашине (фамилия изменена). Сотрудник ПГУ КГБ Кашин прибыл в Нью-Йорк в начале шестидесятых годов и довольно быстро сошелся с Черновым. Они часто ходили в гости друг к другу, где, по словам Чернова, нередко выпивали. В 1963 году Кашин вместе с Черновым присвоил 200 долларов. После этого его, как и Чернова, путем шантажа завербовали сотрудники ФБР. Дальнейшая его судьба доподлинно не известна. По словам Чернова, они передали встречаться, а позднее, в Москве, виделись только один раз. Впоследствии Чернову стало известно, что Кашин умер еще до того, как сам Чернов был арестован.

Очередным перебежчиком в 1963 году стал Юрий Васильевич Кротков. Он родился в 1918 году в Тбилиси. Его отец был известный художник, а мать — актриса. По счастливой для Кроткова случайности Л.П. Берия, и то время секретарь Компартии Грузии, в 1936 году заказал отцу Кроткова свой портрет. Работа художника понравилась Берия, и до самой смерти Кроткова-старшего он оставался его покровителем.

В 1941 году Ю. Кротков приезжает в Москву, где успешно сдает экзамены в Литературный институт и зачисляется на первый курс. Но вскоре началась Великая Отечественная война, и его вместе с остальными студеными эвакуировали из Москвы. Когда спустя восемнадцать месяцев он вернулся в столицу, то обнаружил, что в его комнате живут чужие люди. После обращения в органы НКВД, к друзьям своих родителей, он вернул себе свое жилье. В дальнейшем Кротков еще не раз прибегал к помощи покровителей из НКВД при устройстве на работу в ТАСС и на Московское радио.

В 1946 году Кротков, подписав соответствующие бумаги, стал внештатным сотрудником Второго главного управления МГБ. Его обязанностью была работа среди иностранцев, находившихся в СССР. Как писатель в круг семьи Б. Пастернака, он был благожелательно принят в среде иностранных дипломатов, работавших в Москве. Этому способствовало хорошее знание английского языка, умение вести беседу на самые разные темы, будь то искусство, история или политика. Кроме того, Кротков занимался вербовкой красивых девушек, которых потом использовал в роли «ласточек». Главным образом это были актрисы, с которыми ему, как режиссеру, приходилось постоянно общаться. В качестве вознаграждения они получали деньги, модную одежду, лучшие роли. Для обольщения нужного объекта

использовались так называемые «ласточины гнезда» — специально оборудованные двух-, реже трехкомнатные квартиры. В одной комнате обычно находилась девушка с иностранцем, а в другой сотрудники МГБ фиксировали все происходящее на фотопленку.^[50]

В июне 1956 года Кротков участвовал в операции по дискредитации посла Франции в СССР Мориса Дежана, прибывшего в Москву в декабре 1955 года. Санкцию на проведение операции дал сам Н. Хрущев, а непосредственное руководство осуществлял начальник Второго главного управления генерал-лейтенант О.М. Грибанов. К проведению самой операции были привлечены полковник Л.П. Кунавин, лейтенант Б. Черкашин, внештатный сотрудник КГБ певец Михаил Орлов и еще несколько человек. Процесс компрометации Дежана занял длительный период. На одной из вечеринок, устроенной на предоставленной для этой цели председателем КГБ И. Серовым собственной даче, Дежан познакомился с Грибановым, которого ему представили как Олега Михайловича Горбунова, ответственного работника Совета Министров СССР. После этого к Дежану стали осторожно подводить «ласточек», сначала Лидию Хованскую, а затем Надежду Чередниченко и Ларису (Лору) Кронберг-Соболевскую.

15 конце концов к маю 1958 года успех был достигнут. Воспользовавшись тем, что госпожа Дежан уехала отдыхать в Европу, Грибанов решил завершить операцию, длившуюся к тому времени уже более двух лет.

Грибанов собрал свою группу в одном из номеров гостиницы «Метрополь». В нее входили Кунавин, Лора, Вера и еще несколько агентов КГБ. План операции был следующим: Лора и Дежан после пикника на природе

отправляются к ней на квартиру. «Неожиданно» возвращается «муж» Лоры, геолог, который как она не раз говорила, страдает маниакальной ревностью и подозрительностью. Затем, естественно, следует сцена ревности с рукоприкладством. На роль «мужа» Лоры был привлечен некто Михаил, часто использовавшийся Грибановым для подобных дел. *«Я хочу, чтобы вы его сломали, — инструктировал Грибанов своих сотрудников. — Сделайте так, чтобы он действительно испытал боль. Повергните его в ужас. Но боже упаси вас оставить хоть малейший след на его лице. Я вас засажу за это и тюрьму».*

На следующее утро Кротков вместе со своей «очень хорошей знакомой» Аллой Горбуновой, а также Дежаном и Лорой отправились за город. Оба автомобиля находились под наблюдением сотрудников КГБ. Тем временем Грибанов, Кунавин и Миша расположились в соседней с Лориной квартире, постоянно получая донесения от наружного наблюдения за Дежаном. Миша, игравший роль мужа, и Кунавин, его «друг», были одеты как настоящие геологи с рюкзаками.

В три часа дня Кротков предложил вернуться в город, чтобы продолжить там отдых. Как только они оказались в квартире Лоры, расположенной в доме № 2 по Ананьевской улице, она сказала, что получила телеграмму от мужа, который завтра возвращается в Москву. Слушая шум, доносившийся из квартиры Лоры, Грибанов и Кунавин с Мишей с нетерпением ждали условного сигнала. Наконец Лора произнесла кодовое слово «Киев». И сразу же Миша с Кунавиным направились в соседнюю квартиру. Они набросились на Дежана и принялись с остервенением его лупить. Заодно досталось и Лоре, которая во время этого спектакля плакала и вопила; «Прекратите! Вы сейчас его убьете! Это же посол Франции!» Миша в свою

очередь кричал, что подаст на обидчика в суд. Дежану в конце концов все-таки удалось в сопровождении своего шофера ретироваться из Лориной квартиры. А там после его бегства началось шумное празднование по случаю успешно проведенной операции: шампанское рекой текло в фужеры и на пол.

Дабы замять дело, Дежан обратился за помощью к своему высокопоставленному другу Горбунову, чего и добивался Грибанов. Установившиеся между ними дружеские отношения активно использовались Грибановым для получения конфиденциальной информации, в частности о поездке Дежана в мае 1960 года в Париж на встречу представителей США, СССР, Франции и Великобритании для поиска путей урегулирования кризиса, возникшего в результате уничтожения над территорией СССР самолета-шпиона «У-2», пилотируемого Пауэрсом. К тому же, чем ближе станут отношения между Дежа-ном и Грибановым, тем легче будет последнему при случае нанести сокрушающий удар.

За участие в деле Дежана Кротков был награжден золотыми часами. Но осада французского посольства продолжалась. Предпринимались все новые и новые акции. Так, Кроткову было поручено соблазнить одну из секретарш посольства, но он потерпел фиаско — секретарша отказалась с ним встречаться. Однако летом 1961 года был все-таки достигнут очередной успех. При помощи «ласточки» был скомпрометирован военно-воздушный атташе Франции в СССР полковник Луи Гибо. Его сфотографировали в момент сексуальной близости, после чего подвергли шантажу. Но шантаж на этот раз не сработал. Гибо предпочел пустить себе пулю в лоб в служебном кабинете в посольстве.

По словам Кроткова, смерть Гибо послужила толчком к решению о бегстве на Запад. Возможность бежать представилась ему в 1963 году. В сентябре он в

составе туристической группы приехал в Лондон. Второго сентября Кротков покинул гостиницу, где разместилась вся группа, и попросил защиты у сотрудников МИ-5. Его допрос дал англичанам массу интересной информации, а приглашенные ими представители французской контрразведки тщательно допросили Кроткова по поводу Дежана. В результате анализа данных, полученных от Кроткова, они пришли к выводу, что его информация была подлинной. О случившемся было доложено лично президенту Франции де Голлю. 11 февраля 1964 года Дежан был отозван из Москвы и отправлен в отставку.^[51]

После побега Носенко Кротков подтвердил, что тот является сотрудником Второго главного управления КГБ. Этим он вызвал Ярость Энглтона, и тот рекомендовал англичанам либо вернуть Кроткова обратно в СССР, либо заключить в крепость в Шотландии. Дик Уайт, шеф СИС, сказал на это: «Вы что, с ума сошли? Мы в таком случае не получим больше ни одного советского перебежчика». Это решило участь Кроткова, и ему было разрешено остаться в Англии.

В 1967 году Кротков опубликовал книгу «Я из Москвы», в которой ни одним словом не упомянул о своем сотрудничестве с КГБ. В 1969 году подкомитет сената США по вопросам безопасности пригласил его в Вашингтон для дачи показаний по делу Дежана и ряду других дел. С этого момента он обосновался в Калифорнии и занялся писательской деятельностью. В начале семидесятых годов он дал интервью Джону Баррону, который использовал полученные от него сведения в своей нашумевшей книге «КГБ: секретный мир советских агентов», вышедшей в свет в 1974 году.

Менее счастливо сложилась судьба Александра Николаевича Черепанова. В октябре 1963 года чета

американцев из штата Индиана пришла в консульский отдел посольства США в Москве и передала американскому сотруднику толстую пачку бумаг: Эти бумаги, сказали они, попросил передать в посольство гид, который водил их по московским библиотекам. Фамилия гида была Черепанов.

На самом деле Черепанов был сотрудником Второго главного управления КГБ и служил в 1-м (американском) отделе, где занимался работой против американских граждан и сотрудников посольства. Однако в отделе он был не в чести и считал, что его держат за козла отпущения. Однажды вместе с другим сотрудником он расписался на акте об уничтожении отчетов о результатах слежки за некоторыми работниками посольства США, но предназначенные для сжигания материалы сохранил. Именно их он и просил супругов из Индианы отнести в посольство США. Сотрудник консульского отдела, в свою очередь, передал их М. Туну, советнику посла США по политическим вопросам. Несмотря на то, что по установленному правилу в посольстве полагалось извещать резидента ЦРУ о визите добровольных информаторов в течение нескольких часов, Пол Гарблер, тогдашний резидент в Москве, был поставлен в известность об этом лишь на следующий день. М. Тун и У. Стоссел, заместитель главы представительства, исполнявший обязанности посла, доложили Гарблеру о бумагах, добавив, что все происходящее похоже на провокацию. При этом они сослались на случай, имевший место неделю назад в Варшаве. Там кто-то якобы передал американскому военному атташе схему расположения ракетных площадок, после чего атташе был обвинен в шпионаже и отправлен в Америку. Дипломаты приняли решение о возврате документов в МИД СССР. Гарблер настоял на том, чтобы ему была

предоставлена возможность ознакомиться с бумагами и переснять их.

«Они дали их мне с неохотой, — вспоминает Гармблер, — заявив, что уже договорились о времени возврата. Я отнес бумаги в свой маленький закуток на десятом этаже и переснял их. В моем распоряжении была пара часов, так как встреча в Министерстве иностранных дел должна была состояться в полдень.

В документах живописалось о том, как пьют и вступают в интимные связи некоторые сотрудники посольства США. КГБ детально излагал эти факты, и все это складывалось в весьма неприглядную, грязную картину. И вывод, например, такой: «помощник военного атташе пьет, и мы собираемся поймать его па этом». Документы служили основанием для шантажа. Если бы я был сотрудником КГБ, то не стал бы использовать подобную информацию для организации провокации, а воспользовался бы информацией о ракетах. Я полагал, что материалы были подлинные».

Возвращая бумаги Стосселу, Гарблер настаивал на том, чтобы оставить их в посольстве, но безрезультатно, и в обусловленное время американский консул Том Фэйн отбыл с ними в МИД СССР.

Бумаги вернулись в КГБ, но благодаря Гарблеру у ЦРУ сохранились копии. Однако судьба Черепанова была решена. На некоторое время ему удалось скрыться из Москвы, и для его поиска было создано несколько оперативных групп. В одну из них, отправленную на север, входил Носенко. Черепанова поймали на юге, на иранской границе, и впоследствии расстреляли.

А в 1966 году имел место случай, оценить однозначно который не представляется возможным до сих пор. В марте 1966 года в США приехал в качестве дипломата Игорь Петрович Кочанов. Примерно через неделю, найдя в телефонной книге номер телефона, позвонил домой заместителю директора ЦРУ Ричарду Хелмсу и сказал, что у него имеется информация, представляющая интерес для ЦРУ. Когда сотрудники ЦРУ встретились с Кочановым после его телефонного звонка, он сообщил им, что является сотрудником КГБ и прибыл в США с заданием установить местонахождение Николая Федоровича Артамонова, бежавшего в США в 1959 году. Суть предложения Кочнова сводилась к следующему: ЦРУ помогает ему найти Артамонова и установить с ним контакт. Что будет способствовать взлету его карьеры и пойдет на пользу ЦРУ, поскольку он, Кочнов, станет внедренным агентом КГБ в ЦРУ.

Предложение Кочнова подверглось серьезному обсуждению в ЦРУ. Николай Артамонов был самым молодым командиром Балтийского флота в составе эскадры, базировавшейся в Гданьске. Перспективного 32-летнего офицера ожидала блестящая карьера, поговаривали о его переводе в Главный морской штаб, где ему было бы обеспечено адмиральское звание. Но Артамонов влюбился в полячку Еву Гору и, бросив все, в том числе жену и маленького сына, бежал с Евой в 1959 году на военном катере в Швецию, где попросил политического убежища. В Швеции он обратился за помощью к ЦРУ, и помощник резидента в Стокгольме Пол Гарблер помог ему решить вопрос о получении политического убежища в США. В Америке Артамонову изготовили новые документы на имя Николая Шадрина и он стал консультантом в РУМО (Разведывательное управление министерства обороны США). В свете вышесказанного предложение Кочнова выглядело не

только дерзким, но и вызывающим. В конце концов, после консультаций с ФБР было принято решение свести Кочнова с Артамоновым. *«Мы включили его в игру, — вспоминал сотрудник ФБР. Джонс, назначенный куратором Кочнова от ФБР. — Мы чувствовали, что это необходимо сделать, и терять нам было нечего».*

Кочнов получил псевдоним КИТТИ ХОК, и его встреча с Шадриним-Артамоновым состоялась. Правда, впоследствии Хелмс утверждал, что не одобрял ни одной детали этой операции. *«С моей стороны никогда не было ни малейшего намерения разрешить Шадрину встречи с кем бы то ни было из русских, — говорил он. — Не помню, кто руководил этой операцией, но только не я. Кто-то обращался ко мне с просьбой принять такое решение. И напрасно. Я никогда не одобрил бы иной затеи».*

Со своей стороны Кочнов сообщил ЦРУ ряд сведений о работе КГБ в США. Его информация помогла усыновить личность САШИ, майора армии США, завербованного КГБ в Германии и передававшего СССР секретные материалы во время Кубинского кризиса. Второе важное сообщение Кочнова касалось И.Г. Орлова, в котором ЦРУ заподозрило агента-двойника. Кочнов подтвердил, что Орлов в 1965 году посещал посольство СССР в Вашингтоне, добавив, что во время визитов в посольство Орлов рассказывал о допросах, проводимых агентами ФБР, и просил таблетки с ядом на случай непредвиденных обстоятельств.^[52]

Под контролем ФБР Н. Артамонов встретился с Кочновым и сделал вид, что раскаивается в предательстве, дав согласие работать на КГБ. Он передал информацию, касающуюся его работы в РУМО, предварительно обработанную ФБР. Через несколько месяцев Кочнов объявил, что его отзывают в СССР, и передал Артамонова другому оперативному сотруднику

вашингтонской резидентуры. Артамонов в течение нескольких лет продолжал встречаться с представителями КГБ и передавать им информацию, подготовленную ЦРУ и ФБР. В декабре 1975 года он в сопровождении сотрудников приехал в Вену на встречу с новым оперативником из КГБ. Вечером 20 декабря он пошел на встречу с сотрудником КГБ, назначенную недалеко от американского посольства. Больше его никто не видел.

Исчезновение Артамонова ввергло сотрудников ЦРУ и ФБР в состояние шока. Сразу же возник вопрос: кто Кочнов на самом деле? Сотрудники ФБР и ЦРУ, которые вели дело КИТТИ ХОК, так и не сошлись во мнении относительно того, был ли Кочнов внедренным или подлинным агентом. Джеймс Нолан был убежден, что Кочнов был подставой. Его убеждение было основано на том, что Кочнов больше ни разу не появился как источник ЦРУ. В США он не вернулся, хотя, казалось бы, оперативника, достигшего быстрого и внушительного успеха, следовало и впредь использовать в Америке. Более того, Кочнова случалось видеть в Москве и в других местах, но поговорить с ним было невозможно. С другой стороны, Вася Гмиркин, в конце семидесятых годов проводивший для контрразведывательного отдела ЦРУ расследование дела Артамонова, пришел к заключению, что КИТТИ ХОК был подлинным агентом ЦРУ. Новые данные по делу Кочнова сообщил бежавший в США и впоследствии вернувшийся в СССР сотрудник КГБ В.С. Юрченко. По его мнению, Артамонова похитили в Вене сотрудники КГБ, поскольку он оказывал сопротивление, на заднем сиденье автомобиля, увозившего его из Австрии, ему дали слишком большую дозу хлороформа, и он умер. А в 1990 году ЦРУ получило информацию, что Кочнов умер в Москве естественной смертью.

Относительную ясность в дело Артамонова и Кочнова внес в 1994 году отставной генерал-майор КГБ О.Д. Калугин, в семидесятые годы возглавлявший управление «К» ПГУ КГБ. По его словам, Кочнов был командирован в США после того, как удалось приблизительно установить местонахождение Артамонова, с целью его вербовки. Вербовка Артамонова прошла успешно, он получил псевдоним ЛАРК и поначалу давал информацию конфиденциального характера. Его семье, оставшейся в СССР, была оказана помощь, в частности сына устроили в высшее военно-морское училище, сообщив, что отец выполняет ответственную миссию за рубежом. Но в 1970 году возникли первые подозрения по поводу правдивости его информации. К 1975 году был проведен ряд проверок, убедивших руководство КГБ в том, что Артамонов ведет двойную игру. Поэтому было решено привести в исполнение смертный приговор, вынесенный ему еще в 1960 году. Калугин вспоминает об этом так:

«Артамонову предложили встречу в Австрии для обучения его приемам радиосвязи с целью последующей передачи на контакт офицеру нелегальной разведки КГБ в США. ЛАРКУ для пущей убедительности было обещано личное знакомство с нелегалом в Вене до их рабочей встречи в Америке.

Приманка сработала. В декабре 1975 года ЛАРК прибыл в Австрию с женой якобы в отпуск для катания на горных лыжах. В течение двух дней его знакомили с основными приемами работы на радиопередатчике, на третий — обещали встречу с нелегалом. Когда он пришел на условленное место, в машине, ему набросили на лицо маску с хлороформом, сделали для

большей гарантии усыпляющий укол и повезли в сторону чехословацкой границы. Там его перетащили на свою территорию, но обнаружили, что он, не выдержав стресса, скончался от острой сердечной недостаточности. Смерть констатировал словацкий врач, которого мы пригласили через пограничников, а позже, в Москве, куда труп был доставлен на спецсамолете КГБ, начальник 4-го Главного управления Минздрава СССР Е. Чазов подтвердил первоначальный диагноз. При вскрытии оказалось, что у ЛАРКА развивался рак почки и жить ему оставалось недолго».

Смерть Артамонова расстроила планы КГБ. Ведь его собирались после соответствующей обработки заставить выступить на международной пресс-конференции «с покаянием и рассказом о чудовищных провокациях, организуемых ЦРУ». Замысел не удался, и Артамонов был похоронен под латышской фамилией на одном из московских городских кладбищ. А Калугин и остальные, принимавшие участие в похищении ЛАРКА, были отмечены правительственными наградами.

В свете вышесказанного наиболее близкой к истине представляется версия, согласно которой Кочнов был подставой, доверие же к нему привело ЦРУ к потере действительного перебежчика.

Глава 6

1971-1980 годы

Семидесятые годы стали первым десятилетием кризиса советской командно-административной системы. Внешне страна выглядела великой державой, но проницательный взгляд вполне мог заметить симптомы этого кризиса: перманентный и все более возрастающий импорт зерна, точно такой же экспорт нефти и газа, растущая инфляция, все усиливающееся стремление советских граждан к эмиграции. Подписание в августе 1975 года Хельсинкского соглашения, которое выдавалось за хрупкую победу советской дипломатии, обернулось тем, что Запад смог акцентировать внимание на проблеме соблюдения прав человека в СССР и, активно поддерживая диссидентов, начал расшатывать идеологическую основу страны. Непокойно было и в ближнем зарубежье: в Польше возникло движение Солидарности, а в декабре 1979 года страна ввязалась в афганскую авантюру.

Надвигающийся кризис порождал цинизм не только по отношению к «идеалам социализма», но и в отношениях к государству и своему народу. Так, в апреле 1978 года остался в США А. Шевченко, глава советского представительства при ООН в Нью-Йорке. Бежали, становясь предателями, и сотрудники советских спецслужб.

В 1971 году попросил политического убежища в Англии сотрудник КГБ Олег Адольфович Лялин. Лялин пришел в КГБ в 1955 году, и после окончания 101-й разведшколы был направлен в 13-й отдел ПГУ. После бегства на Запад Н. Хохлова в феврале 1954 года и Б.

Сташинского в августе 1961 года, серьезно скомпрометировавших 13-й отдел, он был расформирован, и в 1969 году вместо него был создан отдел «В» ПГУ КГБ. Отдел «В», в который перешел Лялин, в отличие от 13-го отдела, имел более широкую специализацию. В его функции, кроме проведения собственно террористических актов, входила разработка чрезвычайных планов, которые включали диверсии в различных коммунальных службах, на транспорте, на объектах связи и управления в зарубежных странах в случае начала войны или возникновения кризиса, способного привести к войне. Капитан КГБ Лялин, специалист по рукопашному бою, прекрасный снайпер и парашютист, в конце 1969 года был командирован в лондонскую резидентуру КГБ представителем отдела «В».

Весной 1971 года Лялин был завербован английской контрразведкой МИ-5 и начал передавать англичанам материалы, касающиеся своей собственной деятельности в Лондоне, а в сентябре 1971 года бежал из резидентуры, попросив у англичан политического убежища. После побега Лялин сообщил сотрудникам МИ-5 о разработанном КГБ плане диверсий в Лондоне, Вашингтоне, Париже, Риме, Бонне и других столицах западных государств. Он сообщил далее, что сотрудникам отдела «В» было приказано в каждой из столиц определить круг наиболее важных политических деятелей и следить за их перемещениями, чтобы в случае возникновения критической ситуации ликвидировать их. Кроме того, сотрудникам отдела «В» в зарубежных резидентурах предписывалась вербовка агентов из числа местных жителей, которые могли бы войти в состав разведывательных сетей, которыми руководили нелегалы отдела «В». Этих нелегалов предполагалось использовать исключительно в случае возникновения военной угрозы со стороны Запада.

Касаясь диверсий, которые предполагалось осуществить в Лондоне, Лялин назвал затопление лондонского метро, взрыв станции раннего оповещения о ядерном нападении в Файлингдейле, диверсии на военных объектах, в частности уничтожение на земле стратегических бомбардировщиков. По словам Лялина, его задача заключалась в выявлении наиболее важных объектов, которые необходимо немедленно нейтрализовать в случае начала войны. Одним из безумных планов отдела «В», сравнимым разве что с планом ЦРУ по устранению Ф. Кастро, был план, в соответствии с которым агенты под видом посыльных и курьеров должны разбрасывать по коридорам правительственных учреждений бесцветные ампулы с ядом, которые убьют насмерть каждого, кто на такую ампулу наступит. В результате откровений Лялина в Англии была полностью раскрыта агентурная сеть отдела «В», а в других странах Запада начались активные поиски нелегалов. В отдельных случаях они увенчались успехом. Так, во Франции Управление по охране территории по наводке Лялина сумело обнаружить два склада с оружием в Бретани, которое предназначалось для «законсервированных» агентов на случай волнений или вооруженного конфликта.

Несмотря на огромный политический резонанс, вызванный бегством Лялина, британское правительство не выступило с пространными заявлениями по этому поводу. Генеральный прокурор лишь проинформировал палату общин о том, что Лялину были предъявлены обвинения в «организации диверсий на территории Великобритании», и «подготовке ликвидации лиц, которые считались врагами СССР». Но вскоре правительство Великобритании объявило о высылке из страны 90 сотрудников КГБ и ГРУ. Еще 15 человек, находившиеся в СССР в отпуске, были поставлены в известность, что обратный въезд в Великобританию им

запрещен. Этот рекорд до сих пор так и остался непревзойденным.

После предательства Лялина и высылки из Англии 105 советских разведчиков и дипломатов в ПГУ возникла сложная ситуация. По распоряжению Политбюро ЦК КПСС отдел «В» был расформирован, а его сотрудники отозваны из зарубежных резидентур. Почти все руководители Лялина были уволены из разведки, а некоторые и из КГБ. В той или иной степени пострадали десятки людей, знавших Лялина, а две-три сотни сотрудников КГБ стали невыездными. Позднее функции отдела «В» были возложены на 8-й отдел управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ. В деятельности же КГБ в Великобритании массовая высылка его сотрудников ознаменовала, по словам Гордиевского, поворотный момент, после которого золотой век советских разведывательных операций в Англии подошел к концу. По его утверждению, в течение последующих четырнадцати лет КГБ было гораздо труднее добывать информацию высокого уровня в Лондоне, чем в любой другой западной стране.

Приговоренный в СССР к расстрелу, Лялин с женой двадцать три года прожил в Англии на нелегальном положении и умер в конце февраля 1995 года. Его сын Виктор Удачин, родившийся в 1969 году и находившийся во время бегства отца в Москве, в 1984 году решил бежать в Англию, к отцу, и совершил попытку угона самолета. Попытка не удалась, он был осужден по ст. 64 и 70 (антисоветская деятельность) УК РСФСР на десять лет лишения свободы. Срок отбывал в знаменитом лагере «Пермь-35».

В том же 1971 году бежал в США сотрудник ГРУ А.К. Чеботарев, попавший в активную разработку бельгийской контрразведки. Майор ГРУ Анатолий Чеботарев в это время находился в командировке в

Бельгии, в брюссельской резидентуре ГРУ, под видом инженера торгпредства СССР. Однажды в конце сентября 1971 года он выехал из торгпредства на встречу с агентом. По пути он был остановлен нарядом дорожной полиции за нарушение правил дорожного движения и, так как у него не оказалось при себе водительских прав, был доставлен в полицейский участок. Там, по его словам, ему неожиданно учинили допрос, в ходе которого он признался в том, что является сотрудником ГРУ. Появившиеся в ходе допроса сотрудники бельгийской службы безопасности Сюртэ, по заданию которых и была осуществлена эта провокация, завершили допрос Чеботарева его вербовкой и дали ему задание по сбору интересующей их информации, касающейся ГРУ.

Морально сломленный Чеботарев частично выполнил задание бельгийских контрразведчиков и в дальнейшем намеревался продолжить сотрудничество. Но страх перед разоблачением оказался сильнее, и, не найдя другого выхода, он 2 октября 1971 года попросил политического убежища в американском посольстве в Брюсселе. Американцы вывезли Чеботарева в США, где в течение продолжительного времени допрашивали на конспиративной квартире ЦРУ, после чего, снабдив новыми документами, предоставили ему вид на жительство. Однако, не сумев адаптироваться к новой непривычной обстановке и тоскуя по родным, Чеботарев решил вернуться домой, в СССР.

Через несколько месяцев пребывания в США Чеботарев обратился в советское посольство в Вашингтоне с просьбой помочь ему вернуться на родину. Начальник линии КР вашингтонской резидентуры КГБ Соболев срочно запросил Москву на предмет дальнейших действий. Из Москвы последовал приказ задержать Чеботарева, опросить совместно с резидентом ГРУ и под личную ответственность

Соболева обеспечить его надежную доставку в Москву. В ожидании прибытия Соболева с Чеботаревым в СССР между руководством ГРУ и КГБ возник конфликт. Заместитель председателя КГБ Цинев, курировавший военную контрразведку, требовал немедленного ареста и допроса Чеботарева в Лефортовской тюрьме. Начальник же ГРУ Ивашутин настаивал на предварительной его беседе с Чеботаревым с глазу на глаз у себя в штаб-квартире. Цинев же стоял на своем и категорически возражал против передачи Чеботарева в руки ГРУ. Окончательное решение принял председатель КГБ Ю.В. Андропов, приказавший сотрудникам управления «К» ПГУ КГБ организовать встречу Чеботарева и его допрос на вилле КГБ под Москвой. Персональная ответственность за выполнение этого приказа была возложена на начальника управления «К» О. Калугина.

В московском аэропорту в момент встречи Чеботарева возник конфликт между Калугиным и группой офицеров ГРУ, пытавшихся увезти Чеботарева к Ивашутину. Конфликт был улажен после звонка Калугина зампреду КГБ Циневу, который дал согласие на беседу Ивашутина с Чеботаревым в присутствии Калугина в штаб-квартире ГРУ на Хорошевском шоссе. Во время этой беседы Ивашутин пытался в завуалированной форме добиться от Чеботарева подтверждения того, что все случившееся — провокация спецслужб НАТО, из которой тот более или менее достойно выпутался. Но Чеботарев не оправдал надежд Ивашутина, подробно рассказав обо всем, случившемся с ним в Бельгии и США. Он категорически отрицал применение какого-либо насилия со стороны Сюртэ и ЦРУ, но высказал предположение, что в выпитом им во время допроса в полиции стакане воды могло содержаться какое-нибудь наркотическое

вещество, так как он ощущал себя совершенно безвольным.

Допрос Чеботарева на вилле КГБ сотрудниками управления «К» во главе с Калугиным продолжался неделю. Чеботарев ничего не скрывал и проявил полную готовность к сотрудничеству. По окончании следствия Калугин, учитывая факт добровольного возвращения Чеботарева в СССР, подал докладную на имя Андропова, в которой рекомендовалось:

«— отдать Чеботарева под суд, как того требовал закон;

— по вынесении приговора ходатайствовать перед Президиумом Верховного Совета СССР о помиловании Чеботарева;

— в случае освобождения из-под стражи устроить его на работу по гражданской специальности за пределами Москвы, разрешив вернуться в столицу по истечении двухлетнего срока;

— довести до сведения сотрудников разведки КГБ и ГРУ, что всякий, совершивший ошибку и даже преступление при исполнении служебных обязанностей, не обязательно будет подвергнут наказанию, если он честно признается в содеянном и если нанесенный ущерб будет носить ограниченный характер».

Предложения Калугина были приняты, и через полгода Чеботарев был освобожден из тюрьмы. При содействии КГБ он получил место преподавателя французского языка в одной из школ рязанской области.

В начале семидесятых годов сотрудниками ГРУ было совершено еще несколько предательств. Среди них был

Владимир Константинов, ставший агентом-двойником. Он был довольно быстро изобличен, срочно отозван в «отпуск» в Москву, где сразу же угодил под следствие.

Другим фигурантом в этой роли явился Георгий Федосов. Федосов в начале семидесятых годов был военным атташе и резидентом ГРУ в Стокгольме. Тогда-то у него и созрел замысел бежать на Запад, о чем проводили сотрудники шведской полиции безопасности (СЕПО).

«Мы получили достоверную информацию о том, что Федосов хочет остаться на Западе в Швеции, и провели тщательные приготовления, — рассказал уже в середине 90-х годов тогдашний начальник СЕПО Карл Перссон. — Это была крупнейшая в истории Швеции добыча. Федосов был военный атташе и наверняка имел доступ к очень важной информации».

Но планы Федосова и шведов нарушил Стиг Берглинг, агент советской разведки, работавший в СЕПО и исполнявший обязанности офицера связи между контрразведкой и штабом сил самообороны Швеции.^[53] Узнав о намерениях Федосова, Берглинг, по его словам, забеспокоился, что советский военный атташе мог быть в курсе того, что он работает на СССР, и в случае бегства сможет раскрыть его. Поэтому Берглинг немедленно сообщил своему куратору о планах Федосова, после чего тот был немедленно отозван в Москву. Но следствие не нашло никаких доказательств измены Федосова, а руководство ГРУ сделало все возможное, чтобы дело было спущено на тормозах. В результате Федосов не был осужден и продолжал жить в Москве, хотя более никогда не выезжал за рубеж.

А в 1974 году пошел на сотрудничество с ЦРУ Анатолий Николаевич Филатов, о котором небезызвестный Д. Баррон говорит, что он пытался как можно эффективнее навредить «родной и любимой» партии.

Филатов родился в 1940 году в Саратовской области. Его родители — выходцы из крестьян, отец отличился в Великой Отечественной войне. После окончания школы Филатов поступил в сельскохозяйственный техникум, а затем непродолжительное время работал в совхозе зоотехником. Будучи призванным в армию, он начал быстро продвигаться по службе, окончил Военно-дипломатическую академию и был направлен для прохождения службы в ГРУ. Хорошо зарекомендовавшего себя в первой командировке в Лаосе, Филатова, теперь уже в чине майора, направляют в июне 1973 года в Алжир. В Алжире он работал под «крышей» переводчика посольства, в обязанности которого входили организация протокольных мероприятий, перевод официальной переписки, обработка местной прессы, закупка книг для посольства. Такое прикрытие позволяло ему активно перемещаться по стране, не вызывая каких-либо подозрений.

В феврале 1974 года Филатов вошел в контакт с сотрудниками ЦРУ. Позднее, на следствии, Филатов покажет, что попал в «медовую ловушку». В связи с поломкой автомобиля он вынужден был в течение некоторого времени передвигаться пешком. Вот как об этом рассказывал на суде сам Филатов:

«Однажды в конце января — начале февраля 1974 года, находясь в городе Алжире, я ходил по книжным магазинам в поисках

литературы по этнографии, быту и обычаям алжирцев. Когда я возвращался из магазина, на одной из улиц города возле меня остановилась машина. Приоткрылась дверца, и незнакомая молодая женщина предложила подвезти меня. Я согласился. Мы разговорились, и она пригласила меня к себе домой, сказав, что у нее есть интересующая меня литература. Подъехали к ее дому, зашли в квартиру. Я выбрал интересующие меня две книги. Выпили по чашке кофе, и я ушел.

Через три дня я пошел в магазин за продуктами и вновь встретил ту же молодую женщину за рулем в машине. Мы поприветствовали друг друга, и она предложила заехать к ней еще за одной книгой. Женщину звали Нади. Ей 22-23 года. Она бойко говорила по-французски, на с небольшим акцентом.

Зайдя в квартиру, Нади поставила на стол кофе и бутылку коньяка. Включила музыку. Мы стали выпивать и беседовать. Беседа закончилась в постели».

Филатов был сфотографирован с Нади, и эти фотографии предъявил ему спустя несколько дней сотрудник ЦРУ, назвавшийся Эдвардом Кейном, первым секретарем специальной американской миссии службы защиты интересов США при посольстве Швейцарии в Алжире.^[54] По словам Филатова, он, опасаясь отзыва из командировки, поддался шантажу и согласился встречаться с Кейном. То, что американцы решили шантажировать Филатова с помощью женщины, неудивительно, так как он еще в Лаосе не отличался разборчивостью в связях. Поэтому совершенно неправдоподобной и абсолютно бездоказательной

выглядит версия установления контактов Филатова с ЦРУ, выдвинутая Джоном Барроном. Он пишет, что Филатов сам предложил ЦРУ свои услуги, прекрасно сознавая, на какой риск он идет, но не видя, как по-другому можно навредить КПСС.

В Алжире Филатов, получивший псевдоним ЭТЬЕН, провел с Кейном более двадцати встреч. Он передал ему информацию о работе посольства, о проводимых ГРУ операциях на территории Алжира и Франции, данные о военной технике и участии СССР в обучении представителей ряда стран «третьего мира» методам ведения партизанской войны и диверсионной деятельности. В апреле 1976 года, когда стало известно о скором возвращении Филатова в Москву, его оператором стал другой сотрудник ЦРУ, с которым он отработал безопасные способы связи на территории СССР. Для Филатова два раза в неделю транслировались зашифрованные радиопередачи из Франкфурта на немецком языке. По установленным правилам информативные передачи начинались с нечетной, а отвлекающие — с четной цифры. В целях маскировки радиопередачи начались заранее, до возвращения Филатова в Москву. Для обратной связи предполагалось использование писем-прикрытий, якобы написанных иностранцами. На крайний случай была предусмотрена личная встреча с оперативником ЦРУ в Москве в районе стадиона «Динамо».

В июле 1976 года перед отъездом в Москву Филатову передали шесть писем-прикрытий, копирку для тайнописи, блокнот с инструкциями, шифроблокнот, прибор для настройки приемника и запасные элементы питания для него, шариковый карандаш для тайнописи, фотоаппарат «Минокс» и несколько запасных кассет для него, вставленных в прокладку стереофонических наушников. Кроме того, Филатову вручили 10 тысяч алжирских динаров за

работу в Алжире, 40 тысяч рублей и 24 золотые монеты царской чеканки достоинством 5 рублей каждая. Помимо этого, заранее оговоренная сумма в долларах ежемесячно перечислялась на счет Филатова в американском банке.

Вернувшись в августе 1976 года в Москву, Филатов приступил к работе в центральном аппарате ГРУ и продолжил активную передачу ЦРУ разведывательных материалов через тайники и с помощью писем. Сам он после возвращения в Москву принял восемнадцать радиосообщений из Франкфурта. Вот некоторые из них:

«Не ограничивайтесь сбором информации, которой располагаете по службе. Завоевывайте доверие близких знакомых и друзей. Посещайте их по месту работы. Приглашайте в гости домой и в рестораны, где путем целенаправленных вопросов выводите секретные сведения, к которым сами доступа не имеете...»

«Дорогой «Э»! Мы очень довольны вашей информацией и приносим вам за нее глубокую благодарность. Очень жаль, что вы пока не имеете доступа к секретным документам. Однако нас интересует не только то, на чем имеется гриф «Секретно». Сообщите подробности об учреждении, в котором теперь работаете. Кем, когда, с какой целью оно создано? Отделы, секции? Характер подчинения вверх, вниз?

Очень жаль, что вам не удалось воспользоваться зажигалкой: срок ее годности вышел. Избавьтесь от нее. Лучше всего забросьте ее поглубже в реку, когда никого не будет поблизости. Новую получите через тайник».

Не забывал Филатов и о себе, приобрел новую автомашину «Волга» и кутил в ресторанах. Однако, как и в случае с Поповым и Пеньковским, в ЦРУ недооценивали возможности КГБ по слежке за иностранными и собственными гражданами. Тем временем в начале 1977 года контрразведка КГБ, ведя наблюдение за сотрудниками посольства США, установила, что сотрудники резидентуры ЦРУ с недавних пор стали осуществлять тайниковые операции с агентом, находящимся в Москве.

В конце марта 1977 года Филатов получил радиограмму, в которой сообщалось, что вместо тайника «Дружба» для связи с ним будет использоваться другой, расположенный на Костомаровской набережной и называющийся «Река». Двадцать четвертого июня 1977 года Филатов должен был получить через этот тайник контейнер, но его там не оказалось. Не было контейнера в тайнике и 26 июня. Тогда 28 июня Филатов с помощью письма-прикрытия известил об этом сотрудников ЦРУ. На этот тревожный сигнал вскоре Филатов получил следующий ответ:

«...Если вы использовали часть кассет для оперативной фотографии, их все еще можно проявить. Сберегите их для передачи нам у места «Клад». Также в вашем пакете для «Клад» просим сообщить нам, какое маскировочное устройство, не включая зажигалки, вы предпочитаете для мини-аппарата и кассет, которые, возможно, мы захотим передать вам в будущем. Так как было с зажигалкой, мы опять хотим, чтобы у вас было маскировочное устройство, которое скрывает ваш аппарат и в то же время действует правильно...

Новое расписание: по пятницам 24.00 на 7320 (41 м) и 4990 (60 м) и по воскресеньям в 22.00 на 7320 (41 м) и 5224 (57 м). Чтобы улучшить слышимость наших радиопередач, очень советуем использовать находящиеся в этом пакете 300 рублей на покупку радио «Рига-103-2», которое мы тщательно проверяли и считаем, что оно хорошее.

...В этот пакет мы также включили маленькую пластмассовую таблицу преобразования, при помощи которой вы сможете расшифровывать наши радиопередачи и зашифровывать вашу тайнопись. Просим осторожно обращаться с ней и хранить...

Сердечный привет. Дж.».[\[55\]](#)

Между тем сотрудники наружного наблюдения КГБ в результате слежки за работником московской резидентуры ЦРУ В. Крокетом, числившимся секретарем-архивистом, установили, что он использует тайники для связи с Филатовым. В результате было принято решение задержать его в момент закладки контейнера в тайник. Поздно вечером 2 сентября 1977 года во время проведения тайниковой операции на Костомаровской набережной были задержаны с поличным Крокет и его жена Бекки. Спустя несколько дней они были объявлены персонами нон грата и высланы из страны. Арест самого Филатова произошел несколько раньше.

Суд над Филатовым начался 10 июля 1978 года. Ему было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. 64 и ст. 78 УК РСФСР (измена Родине и контрабанда). Четырнадцатого июля Военная коллегия Верховного суда СССР под

председательством полковника юстиции М.А. Марова приговорила Филатова к расстрелу.

Однако приговор не был приведен в исполнение.

После подачи Филатовым прошения о помиловании смертная казнь была заменена на пятнадцать лет лишения свободы. Свой срок Филатов отбывал в исправительно-трудовом учреждении 389/35, более известном как лагерь «Пермь-35». В интервью французским журналистам, посетившим лагерь в июле 1989 года, он сказал: «Я сделал в жизни крупные ставки и проиграл. А теперь расплачиваюсь. Это вполне естественно».

Выйдя на свободу, Филатов обратился в посольство США в России с просьбой компенсировать ему материальный ущерб и выплатить ту сумму в валюте, которая якобы должна находиться на его счете в американском банке. Однако американцы сначала долго уклонялись от ответа, а потом сообщили Филатову, что право на компенсацию имеют только граждане США.

Следующий перебежчик, о котором речь пойдет далее, сейчас известен каждому, кто когда-нибудь интересовался историей КГБ. Это Олег Антонович Гордиевский, ставший агентом СИС в 1974 году. Своей непомерной известности он обязан удачному побегу из СССР, а главное, книге о КГБ, которую написал в соавторстве с профессором Кембриджского университета Кристофером Эндрю.

Гордиевский родился в 1937 году в семье сотрудника НКВД. Его отец к 1953 году дослужился до чина полковника и работал в Управлении учебных заведений. Брат Гордиевского Василий также служил в КГБ, в управлении «С» (нелегальная разведка) ПГУ. Сам Гордиевский по окончании школы поступил в МГИМО.

После окончания института в 1962 году Гордиевского приглашают на работу в ПГУ КГБ. В 1962–1963 годах он проходит обучение в разведшколе, а затем приступает к работе в управлении «С» ПГУ в 5-м отделе, занимавшемся нелегальной разведработой в странах Западной Европы. Правда, по ряду причин на роль нелегала молодой лейтенант Гордиевский не подошел, и был оставлен в аппарате управления, где, помимо служебных обязанностей, активно занимался общественной работой. В 1963–1964 годах он был культторгом управления и имел возможность общаться с такими известными нелегалами, как И. Ахмеров, К. Молодой, и другими.^[56]

В 1966 году Гордиевский был командирован в Данию, где в копенгагенской резидентуре работал по линии «Н» (поддержка нелегалов). В то время, как, впрочем, и в дальнейшем, коллеги по работе характеризовали Гордиевского положительно. Вот как вспоминает о нем Б. Григорьев, работавший с Гордиевским в управлении «С»:

«Следует признать, что Гордиевский был довольно-таки незаурядной личностью с большими задатками. Неплохое общее образование, полученное им в МГИМО и в школе КГБ, его несколько академический, по довольно подвижный ум, чрезвычайная усидчивость и трудоспособность, интерес к истории и философии, серьезная начитанность выделяли его даже среди весьма образованной массы разведчиков и дипломатов. Немногословный, скрытный по характеру, сдержанный в выражении эмоций, со слегка старомодными манерами, он не «приклеивался» к какой-либо группе или кружку, а входил в них на правах свободного члена. Он не был завсегдатаем

компаний, иг курил, почти не пил, испытывая явную скованность в общении со слабым полом, но букой не был. Страшно стеснялся своей застарелой болезни — гайморита. Держался всегда в тени, хотя был непомерно честолюбив, не стремился на партийные и другие выборные должности, никогда не злословил и не сплетничал, предпочитая отмалчиваться, если при нем заходил о ком-то разговор».

Подобное мнение высказывает о нем и М. Любимов, резидент КГБ в Дании с 1976 по 1980 год, являвшийся в 1976–1978 годах прямым начальником Гордиевского.

«Гордиевский импонировал мне своими обширными познаниями в области политики, истории и религии, датских нравов и обычаев, мне нравились его интеллигентность и покладистый характер. Мешало нам сблизиться его равнодушие к «богемной жизни»: я, грешным делом, люблю застолья и компании, он же мало с кем общался, предпочитая уединение и музыку. В советской колонии к Гордиевскому относились по-разному: одни ценили его вежливость и предупредительность, готовность помочь и чувство юмора, по кое-кто считал его двуличным, себе на уме».

События в Чехословакии в 1968 году стали, по его словам Гордиевского, поворотным пунктом в его отношении к советскому строю. Находясь в Дании, он имел возможность более или менее объективно судить о «Пражской весне» и роли КГБ в подавлении демократического движения. В частности, уже находясь в семидесятые годы в Москве, он узнал, что управление «С» направила в Чехословакию под видом западных

туристов около тридцати нелегалов с целью сбора информации. Среди них был и брат Гордиевского, прибывший в Чехословакию с западногерманским паспортом. В середине 1970 года Гордиевский возвратился в Москву и продолжил работу в Центре.

В 1972 году Гордиевского переводят из управления «С» в 3-й отдел ПГУ, занимающийся Великобританией и странами Скандинавии, а в 1973 году направляют заместителем резидента по линии ПР(политическая разведка) в Данию под прикрытием должности первого секретаря посольства. К тому времени, как пишет сам Гордиевский, он уже понял, что «лучший способ борьбы за демократию против коммунистического режима для офицера КГБ является работа на Запад». По приезду в Копенгаген Гордиевский, по его собственным словам, принялся искать контакты с западными спецслужбами и после длительного взаимного прощупывания в конце 1974 года начал активно работать на СИС.

Несколько иной точки зрения придерживается М. Любимов. Он считает, что Гордиевского долго, целенаправленно и искусно втягивали в сотрудничество на идейной основе. И в этом нет ничего удивительного. Ведь работали же на коммунистов бесплатно, по идейным соображениям, многие агенты.

Однако существует другая версия — о вербовке Гордиевского не в 1974 году, а гораздо раньше, во время его первой командировки в Данию. Тогда он посетил квартал «красных фонарей», нарушив тем самым правила поведения советских граждан за границей. Будучи задержанным полицией, он не нашел в себе силы противостоять шантажу и согласился на сотрудничество с ПЭТ (датская контрразведка). Длительное время датчане не устанавливали с ним контакт, так как посчитали, что он признался КГБ о своей вербовке, и теперь его используют в качестве приманки для оперативных игр. И только в 1973–1974 г.,

убедившись, что он утаил факт своей вербовки, сотрудники контрразведки установили с ним связь, а позднее передали англичанам. Впрочем, подлинные обстоятельства произошедшего станут известны только после того, как будут рассекречены архивы СИС.

Гордиевский пробыл в Дании до середины 1978 года, и все это время регулярно встречался с сотрудниками СИС. В этот период по его наводкам был раскрыт ряд центров и нелегалов КГБ в западноевропейских странах. Так, в середине 1976 года он узнал о наличии у КГБ высокопоставленного агента в МИД Норвегии и сообщил об этом СИС. Англичане передали эти сведения службе безопасности Норвегии, и та 27 января 1977 года арестовала секретаршу министра иностранных дел Норвегии Гунвор Галтунг Хаарвик, завербованную в 1950 году МГБ на почве любви к русскому военнопленному Владимиру Козлову. Хаарвик была арестована во время встречи со своим оператором А.К. Принципаловым, работавшим под дипломатическим прикрытием. На следящий Хаарвик призналась, что работала на КГБ, а через полгода, 5 августа 1977 года, умерла в тюрьме от сердечного приступа, так и не представ перед судом. По свидетельству Гордиевского, арест Хаарвик привел к опасным для него последствиям. В 1978 году вычищенное дело Хаарвик, в котором отсутствовало даже ее имя и национальность, было дано К. Филби с просьбой проанализировать причины ее провала. Филби пришел к выводу, что единственно возможным объяснением ареста агента был «крот», проникший в КГБ. К счастью для Гордиевского, руководство КГБ не очень доверяло Филби и не придавало должного значения его выводам.

Другим агентом КГБ в скандинавских странах, выданным Гордиевским, стал Стиг Берглинг, сотрудник службы безопасности Швеции (СЕПО), отвечавший за ее

связь с министерством обороны. Гордиевский узнал о его существовании в 1977 году и сообщил об этом англичанам. Те, в свою очередь, поставили в известность СЕПО, и в марте 1979 года в аэропорту Тель-Авива Берглинг был арестован израильской полицией и доставлен в Швецию. В декабре 1979 года стокгольмский суд первой инстанции приговорил его к пожизненному заключению за шпионаж в пользу СССР.

Еще одним агентом КГБ, о котором Гордиевскому стало известно в 1978 году, был Арне Трехольт, являвшийся на момент ареста членом постоянной норвежской делегации при ООН в Нью-Йорке. В 1978 году по наводке Гордиевского за ним было установлено наблюдение, зафиксировавшее его регулярные встречи с оператором из КГБ Г.Ф. Титовым. Двадцатого января 1984 года Трехольт был арестован в аэропорту Осло и вскоре предстал перед судом по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Суд приговорил его к двадцати годам тюремного заключения. [\[57\]](#)

Что же касается нелегалов, выданных Гордиевским, среди них следует упомянуть Л. Земенека, работавшего в США под именем Р. Германа, и нелегалов Мартыновых.

Помимо раскрытия агентуры, Гордиевский регулярно снабжал СИС информацией политического и военного характера. В частности, он передал англичанам собранные копенгагенской резидентурой КГБ разведданные по Северной Корее, касавшиеся планов Ким Ир Сена, нацеленных на дестабилизацию ситуации в Южной Корее любыми способами и средствами, включая покушения на ее политических лидеров. Ценность этих сведений объяснялась чрезвычайной затрудненностью их сбора на территории Северной Кореи из-за высокой активности контрразведки. О западных спецслужбах и говорить не приходится. Копенгагенская же резидентура КГБ была

самой удачливой в сборе сведений о Пхеньяне: за 1976 год резидентура направила в Москву семнадцать докладов, из которых три были рассмотрены в Политбюро ЦК КПСС. Не меньшее значение имели переданные Гордиевским в 1977 году материалы о предпринятой управлением «А» ПГУ (активные мероприятия) акции по обвинению США в нарушении прав человека. Копенгагенская резидентура, согласно указаниям Центра, убедила ряд датских либеральных политиков направить жене президента США Розалин Картер письма, с выражением протеста по поводу нарушения прав человека.

В 1978 году Гордиевский был отозван в Москву, а вскоре переключен на английское направление 3-го отдела. В 1980 году он участвовал в написании внутренней истории ПГУ (раздел об операциях в Великобритании, Ирландии, скандинавских странах и в австралийско-азиатском регионе). Он получил уникальную возможность пользоваться архивами ПГУ и беседовать со многими сотрудниками, работавшими ранее в этих районах мира. Кроме того, Гордиевскому покровительствовал Виктор Федорович Грушко, заместитель начальника ПГУ, курировавший европейское направление. В результате, по словам самого Гордиевского, он выявил агента КГБ, скрывавшегося под псевдонимом ЭЛЛИ, о котором в 1945 году говорил Гузенко. Им оказался Леонард Генри Лонг по кличке ЛЕО, завербованный членом кембриджской «пятерки» Э. Блантом в мае 1937 года. Что же касается так называемого «пятого» члена кембриджской «пятерки», то Гордиевский не сомневался, что им является Джон Кернкросс, также завербованный Блантом в 1935 году, и в годы Второй мировой войны служивший в МИД.

К тому же времени относится и развод Гордиевского с первой женой, также работавшей в КГБ, и женитьба

на дочери сотрудника КГБ Лейле Алиевой, с которой он познакомился в Копенгагене, где она работала машинисткой в датском филиале Всемирной организации здравоохранения. Развод в силу сложившейся в СССР практики не мог не сказаться на его дальнейшей карьере, и некоторое время судьба Гордиевского как агента СИС висела на волоске: после развода его вполне могли перевести в учебное заведение или в областное управление. Но он удержался в ПГУ, а его дальнейшему служебному росту помогли англичане, которые не давали визы сотрудникам 3 отдела, выезжавшим в Лондон. Гордиевский же, на удивление всех в отделе, визу получил, что объясняли тем, что, работая в Дании, он не был «засвечен» англичанами.

В июне 1982 года Гордиевский отправляется в Лондон заместителем резидента под дипломатическим прикрытием советника посольства. Перед отъездом он был основательно проинструктирован по поводу основных направлений новой долгосрочной операции ПГУ КГБ, проводимой совместно с ГРУ, под названием РЯН (ракетно-ядерное нападение). Главной задачей операции было обнаружение проводимой странами НАТО подготовки к внезапному ракетно-ядерному нападению на СССР. Лучшим способом сбора разведданных по этому вопросу по-прежнему оставалась агентурная работа. Но, помимо этого, немаловажную роль играл сбор сопутствующей информации: наращивание запасов донорской крови и продовольствия, вопросы, обсуждаемые в правительственных комитетах, передвижения важных чиновников, количество светящихся за полночь окон в правительственных зданиях и т. п. Однако, по словам Гордиевского, оперативные сотрудники в резидентурах отнеслись к операции РЯН с изрядной долей скепсиса. Достигнув пика в 1983 году, операция РЯН постепенно

пошла на нет после избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачева.

Не менее важной, по воспоминаниям Гордиевского, считалась и работа против угрозы сионизма. В июле 1982 года лондонская резидентура получила «План работы против сионизма на период 1982–1988 гг.» Согласно плану линии ПР (политическая разведка) и КР (внешняя контрразведка) резидентуры должны были ежедневно отчитываться об операциях против сионизма и предоставлять планы на следующий год. Регулярно проводились линией ПР и активные мероприятия, подготовленные управлением «А» ПГУ. Они касались, в частности, попыток повлиять на итоги всеобщих выборов в Великобритании в 1983 году, когда победили консерваторы во главе с М. Тэтчер, и в распространении слухов о том, что сбитый 1 сентября 1983 года южнокорейский самолет «Боинг» рейс КАЛ-007 выполнял разведывательный полет над территорией СССР. Здесь следует отметить, что после высылки из Великобритании 105 сотрудников КГБ и ГРУ позиции лондонской резидентуры КГБ были основательно подорваны, и у нее не было серьезных агентов в Соединенном королевстве. Этим объясняется тот факт, что Гордиевский за все время сотрудничества с СИС не смог назвать ни одного английского агента. Правда, весной 1983 года сотрудник МИ-5 Майкл Беттани подбросил толстый пакет в почтовый ящик резидента КГБ в Лондоне А.В. Гука, в котором находились досье МИ-5 и записка с предложением о сотрудничестве. Однако Гук решил, что письмо Беттани — провокация МИ-5 и оставил его без ответа. В июне и июле 1983 года Беттани еще дважды посылал Гуку секретные материалы, но каждый раз безрезультатно. Тогда он решил попытать счастья в Вене, но англичане, предупрежденные Гордиевским, 16 сентября 1983 года арестовали его. Весной 1984 года Беттани был

приговорен к двадцати трем годам тюремного заключения, а Гук объявлен персоной нон грата. После него и.о. резидента был назначен начальник линии КР резидентуры Л.Е. Никитенко.^[58]

Карьера Гордиевского в КГБ складывалась вполне благоприятно. В бытность его заместителем резидента по линии ПР, посылаемые им в Центр регулярные сообщения и аналитические записки неизменно получали высокую оценку. В декабре 1984 года во время визита М. Горбачева в Великобританию Гордиевский ежедневно представлял ему 2-3 разведсводки и отвечал на интересующие Генсека вопросы. Говорить о том, какие преимущества имела во время этих переговоров М. Тэтчер, наверное, нет нужды. Работа Гордиевского во время пребывания Горбачева в Лондоне не осталась незамеченной, и в январе 1985 года его назначили резидентом КГБ в Лондоне. К исполнению обязанностей резидента он должен был приступить в мае, когда у Никитенко заканчивался срок командировки, и он возвращался в Москву.

Однако весной 1985 года карьере агента-двойника Гордиевского пришел конец. В марте 1985 года был завербован начальник контрразведывательного подразделения советского отдела ЦРУ Олдрич Эймс. А в апреле он представил КГБ список сотрудников советских спецслужб, завербованных ЦРУ, ФБР и СИС. В этом списке значился и полковник Гордиевский, агент СИС по кличке ТИКЛ.

Семнадцатого мая 1985 года Гордиевскому поступил приказ прибыть в Москву для официального утверждения в должности резидента. Девятнадцатого мая он вылетел в Москву, где, как он пишет, обнаружил, что в его московской квартире производился негласный обыск. Он просидел ничего не делая в своем кабинете в

Ясенева всю следующую неделю до 27 мая, когда заместитель начальника ПГУ генерал Грушко пригласил его на совещание по вопросу новой стратегии проникновения в британские структуры. «Совещание» проходило на даче, принадлежавшей ПГУ, и на нем, кроме Грушко, присутствовали генерал Голубев и полковник Буданов из управления «К», отвечавшие за безопасность самого ПГУ. Вместо совещания состоялся допрос Гордиевского, во время которого, по его словам, к нему применялись психотропные средства.

Гордиевского расспрашивали о перебежчиках из КГБ, в частности об агенте ФАЭРВЕЛЛ (Прощание), работавшем в управлении «Т» (научно-технический шпионаж).

Затем Гордиевского прямо обвинили в работе на англичан. Голубев назвал имя английского дипломата и спросил: «Это он завербовал вас?» Что было потом, Гордиевский не помнит. Утром он очнулся в одной из спален дачи.

Тридцатого мая Грушко объявил Гордиевскому, что его работа в Лондоне закончена, а сам он в скором времени будет переведен из ПГУ. В середине июня Гордиевский был отправлен в отпуск, который провел в санатории КГБ в Семеновском, где за ним было установлено постоянное наблюдение в надежде выявить его контакты с сотрудниками СИС в Советском Союзе. Но, по утверждению Гордиевского, во время пребывания в санатории он дважды выезжал в Москву, и оба раза наружное наблюдение не могло засечь его контакты с англичанами. Так или иначе, 10 июля Гордиевский вернулся из санатория в Москву, а 19 июля в 4 часа вышел из дому, словно на прогулку, и исчез. Его поиски в Москве не дали никаких результатов.

Вот что вспоминает о тех событиях М. Любимов:

«Как невольный участник событий, могу констатировать, что, когда через пять дней после побега Гордиевского я приехал с дачи в Москву, ко мне нагрянула команда, ведущая его поиск. Судя по их вопросам, никто и не подозревал, что он уже пьет виски в Лондоне, прорабатывались версии, что он забился куда-то в угол с бабой, уехал к приятелям и т. п. Я склонялся к мысли, что Гордиевский, будучи в тяжелой нервной депрессии, наложил на себя руки».

Как утверждает сам Гордиевский, уйдя от наружки, он сел в общий вагон поезда Москва — Ленинград, отправлявшегося в 17.30, билет на который был куплен заранее. Прибыв в Ленинград, Гордиевский на автобусе добрался до Выборга, где в двадцати километрах от города его встретили англичане и в багажнике машины с дипломатическим номером доставили в Финляндию, а затем в Лондон. [\[59\]](#)

Побег Гордиевского явился для всех полной неожиданностью. Несмотря на принятые меры по локализации последствий его бегства в Англию, избежать значительных потерь не удалось. Из разных европейских стран были выдворены многочисленные сотрудники разведки, работавшие под дипломатическим прикрытием, а также «чистые» дипломаты и журналисты. Часть сотрудников ПГУ, так или иначе связанных с Гордиевским по службе, стали невыездными, а некоторых нелегалов пришлось срочно отозвать в Москву. Правда, из высокого начальства ПГУ никто не пострадал, как это случилось в прошлые годы, когда после предательства сотрудника разведки его руководители немедленно лишались своих высоких кресел. Вскоре после побега Гордиевского заочно

судили и приговорили к расстрелу за шпионаж и измену Родине.

Тем временем в Англии Гордиевского поселили в пригородной местности под вымышленной фамилией. Кроме того, ему была назначена пенсия в размере 30 тысяч долларов в год — по английским стандартам сумма более чем скромная. Первое время он старательно избегал каких-либо контактов, опасаясь за свою жизнь.

Да и позднее, встречаясь с журналистами, соблюдал строжайшие меры предосторожности. Так, в декабре 1990 года на встречу с корреспондентом британского еженедельника «Европиен» он прибыл под именем Джека Уортинга, надев при этом очки, парик и даже наклеил фальшивую бороду. Личная жизнь Гордиевского, по его собственному признанию, не сложилась. В момент бегства его вторая жена Лейла и дочери Мария и Анна находились в Москве. Через некоторое время он стал требовать воссоединения с семьей, но Советское правительство категорически воспрепятствовало этому и они смогли приехать к нему в Лондон только после распада СССР по личному разрешению нового председателя КГБ В.Бакатина. Но после непродолжительного периода совместной жизни жена с дочерьми ушла от него.

После побега за рубеж Гордиевский, по сложившейся у перебежчиков традиции, занялся активной литературной деятельностью. Но тут ему, в отличие от других, повезло — он написал в соавторстве с известным английским историком, профессором Кембриджского университета Кристофером Эндрю книгу «КГБ. Внутренняя история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева», которая увидела свет в Лондоне в 1990 году. Эта книга, которую сам Гордиевский охарактеризовал как солидную академическую монографию, вызвала широкие, хотя и

противоречивые, отклики. Отставной генерал КГБ О. Калугин во вступительном слове к русскому изданию, вышедшему в Москве в 1992 году, написал, что «более основательного и достоверного исследования о советской разведке никем и нигде пока не опубликовано». В то же время со стороны бывших руководителей ПГУ КГБ реакция была диаметрально противоположной. Появление этой книги породило живой интерес, в частности, к обстоятельствам, сопутствовавшим его побегу, которые до сих пор остаются во многом неясными. В бывшем ПГУ одно время даже бытовала версия, согласно которой Гордиевскому просто дали возможность скрыться, чтобы из-за его предательства не пострадал весь английский отдел, к которому благоволил В. Крючков, тогдашний начальник ПГУ. Согласно этой версии полковник предупредил его о существующих подозрениях и сделал все возможное, чтобы контроль за ним был ослаблен. В этой связи любопытно отметить, что после побега Гордиевского этот полковник был значительно повышен в должности и быстро получил звание генерала.

О другом интересном факте поведал Л.М. Замятин, бывший в восьмидесятые годы послом в Великобритании. По его словам, весной 1989 года из Москвы пришла весьма необычная телеграмма за подписью Крюčkова, в соответствии с которой ему предстояло лично встретиться с Гордиевским и предложить ему без каких-либо предварительных условий вернуться в СССР. Если в ходе беседы Гордиевский проявит заинтересованность; то от имени Президиума Верховного Совета СССР ему может быть гарантирована жизнь, предоставление работы и будут сняты все претензии и обвинения.

Выполняя поручение Москвы, Замятин с офицером безопасности советского посольства Смагиным

встретился с Гордиевским в здании британского МИД, где изложил ему условия возвращения в Советский Союз. Однако Гордиевский, решительно отказавшись возвращаться, потребовал выпустить его семью в Англию. Естественно, встреча закончилась ничем. И только по возвращении в Москву Замятин узнал, что столь необычное поручение было возложено на него только потому, что Крючков получил из никому не известных источников сообщение о том, что Гордиевский, будто бы подумывает о возвращении на родину.

В настоящее время Гордиевский продолжает жить в Англии, за свою жизнь уже не опасается и с удовольствием встречается с журналистами, которые после публикации совместно с Эндрю книги стали считать его экспертом по КГБ.

В том же 1974 году, богатом на предателей, начал работать на ЦРУ еще один сотрудник ПГУ КГБ — Леонид Георгиевич Полещук. Выехав в свою первую зарубежную командировку в Непал, он работал под дипломатическим прикрытием в советском посольстве в Катманду. Но прелести зарубежной жизни (да еще на Востоке!) покружили ему голову. Он стал играть в рулетку, пить и, наконец, присвоил 5 тысяч рупий (около трехсот долларов) казенных денег.

Оказавшись в весьма сложной ситуации, Полещук не нашел ничего лучшего, как предложить свои услуги ЦРУ. И хотя он не обладал никакими существенными тайнами, резидент ЦРУ в Непале Джон Веллихэм посчитал вербовку молодого советского разведчика большой удачей. Он не только дал ему деньги, необходимые для покрытия недостачи, но в обмен на незначительную, но полезную информацию регулярно выплачивал еще и небольшие суммы на карманные расходы. Перед возвращением Полещука в Москву по

окончании срока командировки Веллихэм вручил ему полный комплект шпионского снаряжения. Полещук обещал американцам по прибытии в Советский Союз установить с ними связь, но, вернувшись в Москву, немедленно избавился от шпионской техники и встречаться с ними не стал.

Связь ЦРУ с Полещуком прервалась на долгие десять лет, пока он в конце 1984 года не выехал вновь в зарубежную командировку, на этот раз в столицу Нигерии Лагос. За это время он успел значительно продвинуться по служебной лестнице, стал подполковником и работал в управлении внешней контрразведки ПГУ помощником начальника отдела. В Лагосе он занимал должность заместителя резидента по линии КР, благодаря чему стал весьма важным источником для ЦРУ. Контакт с американцами Полещук установил в феврале 1985 года, явившись в американское посольство и назвав пароль: «Я — ЛЕО из страны Высоких гор. Передайте привет Веллихэму». Однако на этот раз командировка Полещука продолжалась недолго, и в мае 1985 года он сообщил своим кураторам, что его отзывают в Москву. И хотя ему не терпелось получить от американцев «заработанные» деньги, он боялся вывозить их из Лагоса контрабандой. Тогда было решено, что он получит их уже в Москве — через тайник.

Заложить для Полещука в тайник контейнер с двадцатью тысячами рублей и инструкциями по организации связи было поручено сотруднику московской резидентуры ЦРУ Полу Залаки. Восемнадцатого июля 1985 года он после многочасовой проверки на предмет выявления наружного наблюдения заложил контейнер в условленном месте: под четвертой опорой линии электропередачи на углу улицы летчика Бабушкина и проезда Серебрякова. Однако Залаки не заметил за собой слежку. Поэтому сотрудники 7-го

управления КГБ (наружное наблюдение) не только обнаружили контейнер, но и взяли место его закладки под усиленное наблюдение. В результате 2 августа в 12 часов 48 минут во время выемки контейнера Полещук был арестован.

Американцы считают, что причиной провала Полещука стало предательство О. Эймса. В то же время сотрудники КГБ, имевшие отношение к его делу, говорят, что Полещук был арестован в результате ошибочных действий работников ЦРУ в Москве. Надо думать, что правы и те и другие. Эймс сообщил своим операторам о Полещуке и о том, что для него будет заложен тайник. В Москве же не могли арестовать Полещука, пока не были получены доказательства его шпионской деятельности. Поэтому было решено дожидаться, когда Полещук придет за контейнером, и взять его с поличным.

После ареста Полещук долго отрицал свою связь с ЦРУ, но под давлением неопровержимых доказательств в конце концов раскололся. Но и после этого продолжал изворачиваться, и даже оклеветал сотрудника резидентуры И. Кожанова, назвав его агентом ЦРУ. В результате Кожанова в августе 1985 года незамедлительно отозвали в Москву, где ему в течение трех месяцев пришлось доказывать свою невиновность. Что же касается самого Полещука, то летом 1986 года он предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в шпионаже и измене Родине. Двенадцатого июня 1986 года ему был вынесен приговор: смертная казнь с конфискацией имущества.

Еще одним предателем, предложившим свои услуги ЦРУ в 1974 году, стал сотрудник КГБ Армянской ССР Норайр Григорян. Он поступил на службу в органы госбезопасности в 1973 году, а через год его отец был арестован за хищение государственного имущества.

Озлобившись, Григорян вышел на работников ЦРУ с предложением о сотрудничестве. За переданную им при этом информацию он получил 4900 рублей, которые намеревался употребить в качестве взятки за освобождение отца. Но уже в 1975 году он был разоблачен сотрудниками Второго главного управления КГБ СССР и осужден на двенадцать лет лишения свободы. Свой срок Григорян отбывал сначала во Владимирской тюрьме, а потом в уральских лагерях.

В 1987 году он был освобожден, вернулся в Армению, ленился. А оказавшись в 1993 году в США, обратился в ЦРУ и потребовал объяснений по поводу своего ареста, так как причиной ареста он считал непрофессионализм американской разведки. Однако встреча с представителями ЦРУ не состоялась — буквально накануне ее Григорян был арестован в Голливуде за вымогательство денег у местных армян. Отсидев теперь уже в США год и восемь месяцев, Григорян вернулся в Армению, где весной 1997 года выступил в прессе с заявлением о твердом намерении возбудить судебное дело против ЦРУ. Объясняя свое решение, он утверждал, что начал работать на американцев из-за идеологических убеждений и не получал от них никаких денег. По факту своего ареста в США он заявил, что это было местью ЦРУ за его отказ работать против независимой Армении. Свой иск он оценил в сумму от трех до пяти миллионов долларов и посетовал на то, что в Америке слишком трусливые адвокаты, которые, по его убеждению, не осмелятся выступить против ЦРУ. Однако спустя несколько дней в солидной ереванской газете выступил полковник КГБ в отставке Айрапетян, изрядно охладив пыл Григоряна. В статье Айрапетян утверждал, что «правдолюбец» все же получал от американцев деньги, о чем свидетельствуют протоколы его допросов в КГБ.

В следующем, 1975 году бежал на Запад сотрудник 3-го управления КГБ (военная контрразведка) капитан Алексей Мягков. Помимо всего прочего, в своих публикациях на Западе Мягков коснулся вопроса выхода Франции из НАТО в марте 1966 года. «Выход Франции из НАТО, — утверждал он, — является результатом эффективной подрывной деятельности КГБ в Западной Европе. Вербуя агентов среди журналистов и членов Общества франко-советской дружбы, КГБ активно внедрял в сознание политической элиты мысль о том, что политическая независимость Франции страдает от ее членства в НАТО. Выход Франции из НАТО использовался в качестве «наглядного примера» при обучении в школах КГБ. В 1968 году начальник школы КГБ № 311 в прочитанной будущим офицерам лекции о деятельности КГБ за границей прямо заявил, что выход Франции из НАТО Кремль считает результатом успешной деятельности Советского правительства и КГБ».

Это заявление Мягкова многими на Западе было воспринято как подтверждение правдивости слов А. Голицына о наличии во французских спецслужбах сети агентов КГБ «САПФИР». Еще дальше в своих предположениях пошел бывший внештатный сотрудник СИС Брайан Крозье, имевший в 1965–1970-х годах контакты с французскими спецслужбами. Отталкиваясь от показаний Мягкова, он пришел к выводу, что в ближайшем окружении президента Франции де Голля действовал агент КГБ.

В том же 1975 году в США попал в оперативную разработку американских спецслужб и стал агентом-двойником сотрудник ПГУ КГБ Борис Николаевич Южин. 1947 года рождения. Он стал разведчиком в конце шестидесятых годов, когда его пригласили на работу в КГБ. После окончания разведшколы Южина зачисляют в 1-й (американский) отдел ПГУ. А в 1975 году

командируют в США: под видом историка он вместе с группой советских научных работников приехал на стажировку в университет Беркли. Однако агенты ФБР заподозрили, что Южин является сотрудником КГБ, и сделали попытку завербовать его на идейной основе. Южин с негодованием отверг все попытки американцев, после чего его решили скомпрометировать на «медовой ловушке».

В конце 1975 года к Южину подвели молодую, очаровательную американку Джуди Стивенсон, у которой было два хобби: «латиноамериканские революционеры» и бутылки и банки из-под кофе. Однажды Джуди удалось затащить Южина на одно из собраний латиноамериканцев, после чего он с удивлением узнал из газет, что некая Стивенсон подозревается в связях с латиноамериканской террористической организацией, что у нее на квартире произведен обыск, где в числе прочего обнаружены бутылки из-под русской водки и банки из-под советского кофе. Встревоженный Южин немедленно потребовал от Джуди объяснений, и она, заливаясь слезами, поведала ему, что была вынуждена назвать полиции его имя. Однако, добавила она, у нее есть независимый знакомый адвокат, некий Лэрри Уотсон, который им поможет.

И действительно, адвокат Уотсон, на самом деле являвшийся кадровым сотрудником ФБР, свел Южина с «представителем местной власти» неким Джоном, который вошел в положение, уладил возникшие неприятности и даже нашел благовидный повод для вручения незадачливому советскому стажеру пятисот долларов. Южин помялся, но деньги взял.

Все остальное было делом техники. Окончательная вербовка Южина состоялась в апреле 1976 года в одной из гостиниц Сан-Франциско, где ему предъявили весь собранный на него компромат и посулили золотые горы.

Во время следствия в Москве он рассказал о том, как это происходило:

«Неожиданный переход сотрудника ФБР на русский язык, знание моей точной принадлежности к разведке сломили мою способность к сопротивлению...

Было еще не поздно доложить руководству резидентуры о состоявшемся вербовочном подходе, я колебался, имея два варианта для возможного выбора. Первый — доложить о вербовке и сохранить свое доброе имя, остаться полноправным гражданином своей страны, отказаться от совершения тяжкого преступления, но при этом поставить крест на своей карьере в органах госбезопасности и материальных благах, связанных с выездами в загранкомандировки, а также оказаться под угрозой распада семьи. Второй вариант — в целях достижения своих низменных побуждений — изменить Родине. Проявив малодушие и трусость, я сделал выбор».

Правда, позднее тот же Южин в интервью газете «Нью-Йорк таймс» утверждал, что раскусил агентов ФБР, но так как, читая Солженицына и другую запрещенную в СССР литературу, изменил свои взгляды на советский строй, то согласился сотрудничать на идеологической основе. Представитель ФБР Билл Смитс тоже утверждал, что в то время Южину денег, не платили.

Так или иначе, Южин стал передавать американской контрразведке материалы о деятельности резидентуры КГБ в Сан-Франциско, в частности, о радиоперехвате сообщений ФБР. В 1976 году он вернулся в Москву, а в 1978 году его вновь направили в Сан-Франциско, на

этот раз в качестве корреспондента ТАСС. В Сан-Франциско он возобновил свои контакты с ФБР, но вскоре допустил ошибку, которая могла стоить ему головы: он оставил на столе в приемной советского консульства врученную ему ФБР фотокамеру, замаскированную под зажигалку. Зажигалку нашел уборщик и, поняв ее назначение, передал в службу безопасности посольства. В результате был предпринят активный поиск возможного предателя, но Южин каким-то образом избежал подозрений и продолжал сотрудничать с агентами ФБР.

Однако вскоре он опять допустил ошибку, ставшую, возможно, роковой. Переснимая документы, он не заметил, что фотографирует и свое собственное лицо, отражающееся в зеркальной поверхности стола. Таким образом его личность могла стать известной широкому кругу сотрудников ФБР и ЦРУ, к которым попадали фотокопии документов. Правда, скорого провала не случилось, и Южин продолжал работать в США одновременно на два ведомства: КГБ и ФБР. По утверждению официальных лиц ФБР, информация, передававшаяся Южиным, была весьма ценной. Так, он помог установить агента КГБ в Норвегии А. Трехольта, о котором в свое время предупреждал Гордиевский. Кроме того, Южин регулярно передавал ФБР отчеты, направляемые резидентурой в Москву, и предупреждал о готовящихся операциях КГБ.

В 1982 году по окончании срока командировки Южин вернулся в СССР. Вскоре он был с повышением переведен в управление «К» (внешняя контрразведка) ПГУ. Согласно предварительной договоренности он не вступал в Москве в контакт с сотрудниками ЦРУ, благоразумно решив, что это будет слишком опасно. Но и эта предосторожность не спасла его от провала. В апреле 1985 года О. Эймс сообщил, что Южин является агентом-двойником. КГБ в Москве установил за

Южиным тщательное наблюдение: слежка велась при помощи скрытых видеокамер, даже когда он находился дома в собственной спальне. В случае с Южиным контрразведка КГБ могла не спешить, так как в скором времени он не должен был выезжать в зарубежные командировки. Но и длительная слежка не дала прямых улик измены Южина, основные доказательства были представлены Эймсом.

Арестовали Южина в 1986 году. На следствии он сумел убедить следователей, что сотрудничал с ФБР против собственной воли и глубоко раскаивается в содеянном. В результате ему удалось избежать смертной казни. Он был осужден на пятнадцать лет лишения свободы и пять лет провел в лагере строгого режима «Пермь-35». В феврале 1992 года указом Президента России Б.Н. Ельцина Южин и еще девять человек, осужденные ранее по ст. 64 УК РСФСР, были амнистированы. Он вернулся в Москву, а в 1994 году вместе с женой и дочерью выехал по частному приглашению в США в Калифорнию. В настоящее время он пишет мемуары и занимается архивными исследованиями, касающимися судьбы западных военнопленных времен Второй мировой войны, исчезнувших в ГУЛАГе.

В 1976 году бежал из советского посольства в Республике Нигер сотрудник КГБ Анатолий Дмитриевич Семенов, чья судьба сложилась довольно необычно для перебежчика. Он родился 19 февраля 1941 года в Подольске. После школы окончил радио-механический техникум, а затем был призван в армию, где прослужил три года. После службы в армии он продолжил образование, окончив в 1966 году Омское авиатехническое училище. В том же году Семенов женился и стал работать в Москве, в аэропорту Внуково.

В 1968 году Семенов переходит в КГБ. Его направляют на восьмимесячные курсы радистов-шифровальщиков. По окончании курсов Семенов получает назначение в отдел радиосвязи, ПГУ и в течение двух лет работает в центре связи ПГУ на подмосковной станции Львовская. В 1971 году его командируют под прикрытием в Дар-эс-Салам (Танзания). Во время командировки проявился неуживчивый характер Семенова, у него не раз возникали конфликты с резидентом КГБ и даже с послом. Но африканские страны «третьего мира» не пользовались привлекательностью у сотрудников КГБ и МИД, и в связи с нехваткой кадров в начале 1975 года после непродолжительного пребывания в Москве Семенова снова направляют в командировку, на сей раз в Республику Нигер. В столице Нигера, в городе Ниамей, в то время не было ни резидентуры КГБ, ни резидентуры ГРУ, и поэтому старший лейтенант КГБ Семенов работал на МИД «чистым» радистом. Вскоре к нему присоединилась жена, а двое сыновей — Андрей и Дмитрий — были определены в интернат КГБ в Москве. В октябре 1976 года Семенов неожиданно для всех исчез из посольства. Организованный сотрудниками посольства поиск не дал результатов. А тем временем Семенов, связавшийся с сотрудниками ЦРУ в Нигере, был перевезен в США и помещен на конспиративной квартире под Вашингтоном. Там его допрашивали в течение четырех месяцев, после чего предоставили политическое убежище, выдали новые документы на имя Эндрю Димика, грин-карту и карточку социального страхования, а затем направили на 8-месячные курсы английского языка. Закончив курсы, новоиспеченный Димик прошел профессиональную переподготовку как радист в городе Седар-Рапидс и в 1978 году устроился в Майами на работу в фирму «Рокуэл интернэшнл».

Надо сказать, что в Америке Семенов-Димик жил вполне безбедно. По его словам, он объездил тридцать пять из пятидесяти штатов, за пять лет сменил шесть машин. Узнав из разговора по телефону с женой, что та в Москве вышла замуж за другого человека, сам женился на пуэрториканке. Но ничего путного из этого брака не вышло. «Жили вместе всего два месяца, разводились — четыре», — вспоминал он позже об этом. А после очередного разговора с бывшей женой, когда она попросила его больше ей не звонить, он затосковал по родине. Летом 1981 года Семенов перевелся в нью-йоркское отделение фирмы и начал всерьез подумывать о возможном возвращении в СССР. И в декабре 1981 года, несмотря на свой новый роман (с американкой Филлис) обратился в советское посольство в Вашингтоне с просьбой помочь ему возвратиться в Москву. Отклонив настойчивые советы сотрудников госдепартамента США остаться, Семенов получил советский служебный паспорт на прежнюю фамилию и 17 декабря 1981 года вылетел в СССР.

По прибытии в аэропорт Шереметьево Семенов был арестован сотрудниками КГБ и доставлен в следственный изолятор Лефортово, где ему было предъявлено обвинение по ст. 64 УК РСФСР — измена Родине. В мае 1982 года следствие передало дело Семенова в Военный трибунал Московского военного округа. Трибунал, учитывая добровольную явку с повинной, приговорил его к десяти годам лишения свободы: первые три года в тюрьме, остальные семь — в лагере строгого режима. Находясь в тюрьме, а затем — в известном лагере «Пермь-35», Семенов написал около десятка заявлений в адрес Президиума Верховного Совета СССР с просьбой изменить ему меру наказания, но все заявления остались без ответа. И лишь в 1987 году, когда он написал лично М. Горбачеву, Семенов был помилован указом Верховного Совета СССР от 3

апреля 1987 года со снятием судимости и 14 апреля вышел на свободу.

После августа 1991 года Семенов вместе с Филлис, которая приезжала в СССР дважды (в мае 1990 года и сентябре 1991 года), пришел в ОВИР за загранпаспортом, а затем и в американское посольство за визой для въезда в США, которую он получил в ноябре 1991 года.

В Вашингтоне Семенов попытался восстановить прежние документы, обратившись в ЦРУ. Но там ему сказали, что ничем не могут помочь, так как стерли информацию в компьютере, опасаясь использования документов нелегалами КГБ. Но, как заявил Семенов в интервью корреспонденту «Комсомольской правды», он не унывает и возлагает большие надежды на издание своей книги о службе в КГБ.

Гораздо большими бедами обернулось для страны предательство Владимира Пигузова. сотрудника КГБ, с 1974 года работавшего в резидентуре КГБ в Индонезии. Завербованный там в 1976 году сотрудниками ЦРУ при помощи «медовой ловушки», именно он, по утверждению Калугина, выдал американцам Дэвида Генри Барнетта, предложившего свои услуги КГБ.

Дэвид Барнетт, 1933 года рождения, с 1958 по 1963 год работал внештатным сотрудником ЦРУ на Дальнем Востоке. После того как его зачислили в штат, он два года провел в Корее в качестве тайного агента, а потом еще два года работал в штаб-квартире ЦРУ в Ленгли. В 1967 году он был направлен в Индонезию в Сурабаю. Карьерного взлета не просматривалось, и в 1970 году он подал в отставку, желая основать собственное дело в Индонезии. Однако все его усилия на этом поприще принесли одни только убытки, и в октябре 1976 года он пришел в советское посольство в Джакарте и предложил свои услуги КГБ в обмен на 80 тысяч

долларов. Его условия были приняты, и в феврале 1977 года в Вене состоялась его встреча с сотрудниками внешней контрразведки КГБ, которую возглавлял тогда О. Калугин. В ходе встречи Барнетт передал материалы, касающиеся известной ему деятельности ЦРУ, и получил оговоренную сумму денег. Была также достигнута договоренность, что он попытается вновь устроиться на работу в ЦРУ.

После ряда поездок в Вашингтон Барнетт ликвидировал свои дела в Индонезии и вернулся в апреле 1978 года в США. Там в январе 1979 года он поступает в ЦРУ на временную работу по контракту. В обязанности входило обучение агентов поведению на допросах. Арестован Барнетт был 18 марта 1980 года и по приговору суда осужден на восемнадцать лет тюремного заключения за шпионаж в пользу СССР. В ходе судебного разбирательства было установлено, что Барнетт получил от КГБ за все время сотрудничества 92 600 долларов. Удивляться тому, что он был арестован так поздно, не следует, так как ФБР были необходимы доказательства встреч Барнетта с сотрудниками КГБ на территории США.

Пигузов же после окончания командировки в Индонезии вернулся в Москву, где в начале восьмидесятых годов стал секретарем парткома краснознаменного Института имени Ю.В. Андропова, готовившего разведчиков. Парторг полковник Пигузов не только председательствовал на партсобраниях, сидя в президиуме и произнося с трибуны патриотические речи, но и занимался учебно-методической работой. Так, им было написано учебное пособие «Иностранный язык в разведке». Для ЦРУ внедрение Пигузова в институт разведки на такую должность было огромной удачей. Как парторг, он имел доступ к установочным данным и фотографиям всех слушателей, что позволяло ему знать подлинные фамилию, имя, отчество, место и

год рождения самого слушателя, а также его жены и детей, не говоря уже о характеристиках, составлявшихся ежегодно, при переходе с курса на курс.

По иронии судьбы Пигузов так же, как и Барнетт, пострадал в результате предательства. Его выдал сотрудник ЦРУ Эймс. Учитывая опасность, таившуюся в высоком положении Пигузова, было принято решение о его немедленном аресте. В ходе следствия его вина была полностью доказана, и в 1986 году по приговору Военной коллегии Верховного суда он был расстрелян.

В том же 1976 году начал сотрудничать с ЦРУ сотрудник ГРУ Сергей Иванович Бохан. Завербовали его в Греции, где он работал под дипломатическим прикрытием в афинской резидентуре военной разведки. Бохан усиленно трудился на американцев, передавая им секретную информацию, которой располагало его родное ведомство. Более того, ему удалось раскрыть агента КГБ в ЦРУ Уильяма Кампайлса.

Кампайлс, окончивший университет в Индиане, в 1977 году поступил на службу в ЦРУ, мечтая об оперативной работе за рубежом. Но его направили в штаб-квартиру ЦРУ в Ленгли, где он занимался регистрацией поступающих туда сообщений. Поскольку в дальнейшем Кампайлс ничем себя не проявил, начальство оценивало его служебные качества довольно сдержанно, и поэтому все его попытки перевестись в Отдел специальных операций заканчивались безрезультатно. Окончательно разочаровавшись в своей работе, уже через год он уволился из ЦРУ.

Оказавшись не у дел, Кампайлс решил предпринять операцию в духе Джеймса Бонда и продать советской разведке секретные материалы, которым он имел доступ во время работы в ЦРУ и которые теперь

хранились у него дома. В феврале 1978 года он прилетел в Афины, явился в советское посольство и за определенную сумму предложил купить у него секретные документы ЦРУ. Его предложение было принято, и за смешную сумму в 3 тысячи долларов Кампайлс передал сотрудникам КГБ материалы, касающиеся нового разведывательного спутника ЦРУ «КГ-11». Кроме того, как и в случае с Барнеттом, ему посоветовали вновь устроиться на работу в ЦРУ. Вернувшись в США, Кампайлс положил деньги на счет своей матери, а сам вступил в контакт с сотрудником ЦРУ Д. Джоанидесом.

Но факт предательства Кампайлса стал известен ЦРУ еще до того, как он вернулся домой. Дело в том, что в тот день, когда он продал секретные материалы сотрудникам КГБ в Афинах, Бохан был дежурным по резидентуре ГРУ и встретил Кампайлса при входе в посольство. Разумеется, он не замедлил сообщить о визите некоего американца, желавшего встретиться с работниками разведки. В результате в том же 1978 году Кампайлс был арестован ФБР, а факт передачи им материалов по «КГ-11» полностью доказан, после чего его приговорили к сорока годам тюремного заключения.

Что же касается Бохана, то он продолжал работать на американцев до 1985 года, когда О. Эймс сообщил в Москву, что на самом деле полковник ГРУ Бохан является давним агентом ЦРУ и проходит в управлении под псевдонимом БЛИЗЗАРД. Находившегося в очередной зарубежной командировке в Афинах Бохана попытались отозвать в Москву. Но звериное чутье подсказало ему, что там его ждет ловушка, и в мае 1985 года при содействии сотрудников ЦРУ он бежал в США, где и проживает до сих пор.

Судьба человека, о котором пойдет речь ниже, довольно необычна для сотрудника КГБ послевоенной

поры. Она тем более интересна, что он был разведчиком-нелегалом, долго и успешно работавшим в Западной Европе и Америке.

Людек Земенек, а именно так звали этого человека, родился 22 декабря 1929 года в Чехословакии в моравской деревне Здоунки в семье сельского фотографа. Глава семьи Иозеф Земенек тяжело переживал оккупацию Чехословакии гитлеровскими войсками и поэтому с симпатией относился к СССР. После освобождения Чехословакии И. Земенек объявил себя коммунистом и с удовлетворением воспринял установление в стране в 1948 году коммунистического режима. Его сын Людек полностью разделял убеждения отца. В гимназии он организовал марксистский кружок, а в 1946 году вступил в Коммунистическую партию Чехословакии. В 1949 году Земенек был принят в Карлов университет на факультет международных отношений, который с отличием окончил летом 1953 года. По распределению он был направлен вольнонаемным сотрудником в бригаду погранвойск, дислоцированную на границе с ФРГ. Как убежденный коммунист, Земенек вел в своей части активную пропагандистскую работу, и это не осталось незамеченным.

В марте 1955 года Земенек был вызван в Прагу в МВД ЧССР на собеседование, касавшееся в основном его политических убеждений. Во время второй беседы в мае 1955 года ему было предложено работать в органах разведки, на что он ответил согласием. Его зачислили в штат управления нелегальной разведки ПГУ КГБ СССР и теперь ему предстояло пройти специальную подготовку. Земенек был доставлен в восточногерманский город Галле, где он жил под видом служащего советского торгпредства, посещал занятия в тамошнем университете, изучая немецкий язык, и периодически получал инструкции в Карлсхорсте. В том

же 1955 году он побывал в Москве, где был окончательно признан годным для дальнейшей работы, ему был присвоен псевдоним ДУГЛАС. В 1956 году Земенек привлечен к работе на КГБ Ингу Юрген, которая в 1957 году стала его женой и напарницей. В конце 1956 года обучение Земенека закончилось, и для него была составлена легенда, согласно которой ему предстояло жить в дальнейшем. Людек Земенек стал Рудольфом Германом, солдатом вспомогательного батальона вермахта, пропавшим без вести в 1943 году, а Инга Юрген — Ингалоре Мерке, погибшей в Штеттине в 1944 году во время бомбежки.

В январе 1957 года Земенек устроился в частный магазин во Франкфурте-на-Одере в ГДР, а в ноябре переехал в ФРГ, где после продолжительных поисков работы сумел получить должность управляющего на ткацкой фабрике в Ихенгаузене. В Центре были довольны его расторопностью и присвоили ему звание старшего лейтенанта. Вскоре к нему присоединилась Инга с сыном Петером, родившимся в октябре 1957 года. В начале 1958 года Земенек открыл собственную торговую фирму, получив, таким образом, возможность свободно курсировать по стране. Москва не ставила перед ним каких-либо конкретных задач, кроме разве что анализа политической ситуации в стране, поскольку в дальнейшем Земенеку предстояло осесть в Северной Америке. Тем временем сам Земенек, закрыв свою фирму, открыл магазин фото-принадлежностей в Хейльбронне, став представителем японской фирмы, производящей оптику. Центр был доволен активностью Земенека и в декабре 1960 года поздравил его с присвоением звания капитана.

В феврале 1961 года Центр нашел целесообразным перевод Земенека в Канаду. В апреле — июне он отправился туда в качестве туриста и, возвратившись в Хейльбронн, сообщил в Москву о согласии работать там.

В августе жена Земенека Инга выехала в Москву за дополнительными инструкциями. Переезд в Канаду состоялся в феврале 1962 года. Земенек купил дом в окрестностях Торонто и вскоре открыл небольшой магазинчик с кафетерием, который благодаря его предпринимательской смекалке приобрел популярность, особенно среди служащих расположенной неподалеку Канадской радиовещательной корпорации. В ноябре 1963 года у Земенека родился второй сын, Майкл, и так как Инга отошла от дел, магазин пришлось продать.

В апреле 1964 года Земенека вызвали в Москву. Он прибыл туда через Вену. В Москве он отчитался о проделанной работе, прошел интенсивный курс по новой технике, получил новое расписание радиопередач, а также инструкции по дальнейшей деятельности. Так как его основной задачей было создание агентурной сети КГБ на случай войны или разрыва дипломатических отношений, то прежде всего он должен был озаботиться укреплением собственного экономического положения. Было решено, что он займется фотографией и одновременно организует фирму по производству рекламных роликов для кино и телевидения, что позволит ему более рационально использовать время и свободно разъезжать по стране. Кроме того, такая деятельность будет способствовать установлению полезных связей. Планом оперативных мероприятий на ближайшее время предусматривались поиски просоветски настроенных лиц преимущественно в среде политиков и журналистов. О каждом удачном случае он должен был немедленно докладывать в Москву, сообщая при этом фамилию, возраст, занимаемое положение, общественную значимость и предполагаемую эффективность, свойства характера и специфические особенности личности, интересы и пристрастия.

Возвратившись в Торонто, Земенек приступил к реализации поставленных перед ним задач. Он устроился на полставки оператором в Канадскую радиовещательную корпорацию, что дало ему возможность попрактиковаться в производстве фильмов. Вскоре одно из рекламных агентств предложило ему участвовать в съемках фильма, предназначенного для рекламной кампании либеральной партии. Все это подняло его профессиональный престиж и расширило круг знакомств. Одновременно он усердно составлял десятки досье на знакомых канадцев, которые, по его мнению, могли заинтересовать ПГУ. Ему удалось получить доступ к бывшему премьер-министру Джону Дифенбейкеру, действовавшему премьеру Лестеру Пирсону, а также к видным политическим деятелям Джозефу Смолвуду, Рене Левеку, Вальтеру Гордону. Летом 1966 года Инга была вызвана в Москву. Она отвезла отчет Земенека о проделанной работе и привезла новое расписание радиосвязи, новые шифры и деньги. Таким образом, обустройство Земенека в Канаде прошло успешно, и создавались условия для активной работы там.

Однако весной 1967 года, к своему великому удивлению и огорчению, он получил приказ из Москвы проделать все необходимые формальности для получения визы в США и подготовиться к последующему переезду туда. Осенью 1967 года Земенек получил задание установить связь с профессором Лавалевского университета в Квебеке Хью Хемблтоном и передать ему оперативные задания. Их встреча состоялась в Квебеке и прошла успешно.^[60]

В начале 1968 года Земенек с семьей переехал в США и поселился в пригороде Нью-Йорка. В мае московское начальство поздравило его с присвоением

звания майора и приказало прибыть в Париж для получения инструкций, касающихся его деятельности в США. В Париже Земенек встретился с сотрудником управления «С» П.П. Лукьяновым, который передал ему директиву руководства быть готовым возглавить агентурную сеть в США в экстремальных обстоятельствах. В качестве первоочередных задач Земенек должен был завоевать прочные позиции в обществе, продолжать собирать данные на «прогрессивных» общественных деятелей, а также попытаться проникнуть в Гудзоновский институт.

Вернувшись в США, Земенек первым делом занялся формальностями, связанными с бизнесом. Он зарегистрировал фирму «Документик филмс» и вскоре получил заказ от корпорации Ай-би-эм на производство рекламных и учебных фильмов. Одно время он вел переговоры о съемке рекламной ленты о жизни сенатора Эдмунда Маски, выдвинувшего свою кандидатуру на пост вице-президента США, но контракт не был подписан. Кроме того, он регулярно выполнял поручения Центра. Так, в марте 1969 года он получил задание отправить из города Атланта в НАСА анонимное письмо, извещавшее о том, что в космическом центре на мысе Канаверал готовится диверсия, имеющая целью сорвать намечавшийся в ближайшее время запуск космического корабля. Земенек отправил письмо, но оно не достигло цели, старт корабля состоялся в намеченный срок. Летом 1969 года он по заданию Центра съездил в Квебек на встречу с Хемблтоном, чтобы узнать, почему последний не вышел на запланированную встречу со связником из Москвы. Осенью 1969 года Земенеку было поручено выследить бывшего советского гражданина, проживавшего в Арлингтоне, штат Вирджиния. Он трижды предпринимал попытки его обнаружить, но это

ему так и не удалось.^[61] В январе 1970 года Земенек выезжал в Калифорнию, чтобы уточнить адрес некой женщины, внешне напоминавшей итальянку, матери двоих детей. Кроме того, он постоянно подыскивал места для тайников вблизи научно-исследовательских центров и военных баз. В конце 1970 года Земенеку присвоили звание подполковника, давая тем самым понять, что Москва вполне довольна его работой.

В апреле 1972 года Земенек был вызван в Киото. Его контактом здесь стал Юрий Иванович Дроздов.^[62] Встреча носила контрольный характер, а опытный сотрудник управления «С» Ю. Дроздов умело укрепил Земенека в его мнении о собственной значимости. Весной 1974 года после свержения правительства С. Альенде в Чили Земенек был командирован туда с целью оценить на месте сложившуюся там политическую обстановку. В эту поездку, которую он совершал под видом кинопродюссера, желавшего заручиться согласием чилийского правительства на производство ряда документальных фильмов, Земенек взял с собой старшего сына Петера, хорошо говорившего по-испански и часто служившего ему переводчиком. По возвращении из Чили в Нью-Йорк Земенек решил осуществить свой давнишний замысел — привлечь к работе на КГБ своего старшего сына. Петер довольно спокойно воспринял откровения отца по поводу того, что по национальности он чех и вместе с матерью они являются разведчиками-нелегалами на службе КГБ. Петер изъявил согласие пойти по стопам отца. Москва отнеслась к идее Земенека положительно и предложила всей семьей прибыть в СССР.

В июне 1974 года разными маршрутами Людек, Инга и Петер прибыли в Москву, причем отец и сын встретились в Копенгагене и сели там на советский теплоход, следовавший в Ленинград. Несмотря на

расхождения во мнениях по поводу возможности внедрения в Гудзоновский институт, несогласия руководства управления «С» с докладом Земенек по поводу «разрядки» и ситуации в Чили, он мог вполне быть доволен результатами поездки. Петер подтвердил свое согласие работать на КГБ, и ему было предложено для начала поступить на юридический факультет одного из американских университетов. Летом 1975 года он должен будет приехать в Москву для прохождения спецкурса. С тем семья Земенек и возвратилась в США.

Согласно достигнутой в Москве договоренности Земенек стал привлекать сына к оперативной работе, в частности к поиску мест для тайников и закладке в тайники контейнеров. Летом 1975 года Петер прошел обучение в Москве, постигнув основы будущей профессии, а летом 1976 года в Вене он получил первое самостоятельное задание, касающееся Джорджтаунского университета, куда он только что поступил. Суть задания состояла в выявлении студентов, родители которых имеют отношения к правительственным сферам, а также студентов, придерживающихся левых и коммунистических взглядов. Кроме того, ему вменялось в обязанность выявить преподавателей, одновременно работающих в Центре стратегических исследований в Джорджтауне.

Сам Земенек в октябре 1974 года вновь встретился с Хемблтоном на Гаити, а также продолжал активную работу по закладке тайников и поиск для них подходящих мест. В январе 1977 года он через Вену прибыл в Москву, где руководство высказало явное неудовольствие по поводу тайников, заложенных в Чикаго (одну закладку не удалось обнаружить, а вторая оказалась поврежденной), а также по вопросу внедрения в Гудзоновский институт, которое Земенек считал невозможным из-за изъянов в легенде. Беседа

закончились тем, что Земенек отказался возвращаться в США, и руководству пришлось срочно вызывать в Москву его первого оператора, который сумел уговорить Земенека продолжить работу.

В расстроенных чувствах Земенек вернулся в Нью-Йорк, а 2 мая 1977 года он был задержан агентами ФБР по обвинению в шпионаже в пользу СССР. В результате он был поставлен перед выбором: либо он, его жена Инга и сын Петер подвергаются аресту и предстают перед федеральным прокурором, что со всей неизбежностью влечет за собой длительное тюремное заключение всех троих, либо он начинает активно сотрудничать с ФБР, становясь, таким образом, агентом-двойником. По здравом размышлении Земенек выбрал второй вариант и рассказал ФБР все, что знал. Так же поступили и Инга с Петером, причем Петер сделал это с явным облегчением, так как стал сотрудничать с КГБ не по убеждению, а из уважения к отцу. Таким образом, все нелегальные операции КГБ, к которым имел отношение Земенек, отныне оказались целиком под контролем ФБР.

В мае 1977 года Инга под контролем ФБР встретила в Мехико с оператором КГБ и получила от него новое расписание радиосвязи и новые шифры. Несколько позднее из Центра поступила директива, предписывавшая Петеру летом отправиться в Саудовскую Аравию, и запрос: не собирается ли Инга, по обыкновению, и в этом году посетить Европу. Ответ Земенека, согласованный с ФБР, гласил, что Петер не может выехать за границу, так как усиленно занимается, а у Инги возникли осложнения с венами на ногах, что, наверное, не позволит ей, как обычно, посетить Европу. Москва вполне удовлетворилась ответом и продолжала поддерживать связь с Земенеком в соответствии с расписанием. В январе 1978 года из Центра пришло сообщение, в котором

говорилося, что ему присвоено очередное звание — полковника.

В марте 1978 года Земенек по требованию Центра приехал в Мехико, где оператор передал ему 15 тысяч долларов и уточнил отдельные детали дальнейшей учебы Петера. Встреча прошла совершенно естественно, и по возвращении в Нью-Йорк Земенек поручили подыскать шесть тайников для лица, проживавшего в Далгрене, штат Вирджиния. Это задание крайне обеспокоило ФБР, так как в этом районе располагался совершенно секретный научно-исследовательский институт ВМФ, занимавшийся разработкой принципиально новых видов вооружения. В ФБР была создана специальная группа, которая вела круглосуточное наблюдение за всеми шестью тайниками. Эта операция продолжалась с октября 1978 по март 1979 года, а потом была неожиданно свернута. К концу лета 1979 года Земенек и ФБР исчерпали все возможные объяснения Центру, почему Инга и Петер уклоняются от встречи с представителями КГБ за пределами США. Поэтому было решено прекратить операцию и выполнить данное Земенеку обещание. Двадцать третьего сентября 1979 года семья Земенек, заручившаяся новыми документами исчезла из Нью-Йорка в неизвестном направлении. Москва же забила тревогу лишь в декабре, послав Земенеку телеграмму: «Возможно, за вами установлено наблюдение. Примите необходимые меры предосторожности. Ждем вас в Вене, где вы получите новое назначение». Ответа на телеграмму Центр не получил. И только в марте 1980 года ФБР сообщило о переходе на Запад полковника Рудольфа Германа, агента-нелегала КГБ с 17-летним стажем.

В интервью Д. Баррону, автору книги «КГБ сегодня», Земенек сообщил, что ФБР вышло на него в конце 1974 — начале 1975 года, причем, по утверждению

допрашивавших его агентов, он сам не допустил ни малейшей ошибки, которая могла бы послужить причиной провала. Следовательно, провал произошел в результате ошибки куратора или предательства сотрудника КГБ. Последнее представляется более вероятным. Известно четверо сотрудников КГБ, работавших в 1974-1975 годах на западные спецслужбы и имевших отношение к проводимым на территории США операциям: А. Кулак с 1962 года, И. Кочнов с 1966 года, О. Гордиевский с 1974 года и Б. Южин с 1975 года. Однако Кочнов, по всей видимости, был подставой КГБ, А. Кулак, хоть и находился с 1971 по 1977 год в Нью-Йорке, специализировался на легальной научно-технической разведке, Б. Южин находился в Калифорнии и вряд ли мог что-либо знать о нелегалах КГБ. В то же время О. Гордиевский в 1966-1970 годах работал в управлении «С» в Дании, а в 1973-1978 годах там же по линии ПР. В данном контексте заслуживает внимания сообщение Земенека о том, что, возвращаясь из СССР в США летом 1974 года, они с Петером в Копенгагене пересаживались с теплохода на самолет. И когда они спускались по трапу теплохода, их начали усиленно фотографировать туристы-англичане. Конечно, Гордиевский не мог знать, кто такой Земенек и куда он следует. Но как заместитель резидента он вполне мог участвовать в операции обеспечения транзита нелегалов и сообщить об этом в СИС. Косвенное подтверждение этой версии содержится в книге Ю. Дроздова. Что же касается задержания Земенека в мае 1977 года, то это вполне естественно, так как он возвращался из Москвы крайне возбужденным и расстроенным, и в ФБР правильно рассчитали, что у них есть шанс на его вербовку.

Вообще, судьба Земенека любопытна с точки зрения возможности использовать семейные пары с детьми в качестве нелегалов. Такое положение значительно

облегчает обустройство нелегала и обеспечивает ему определенный душевный комфорт. Но с другой стороны, в случае провала семья тяжелым грузом повисает у него на ногах и открывает контрразведке благоприятную возможность для вербовки. Так, действующие в одиночку В. Фишер (Абель) и К. Молодой (Лонсдейл), после ареста рискующие только собой, отказались от сотрудничества с контрразведкой, а Земенек, ответственный за судьбу жены и двоих сыновей, пошел на предательство.

С сотрудником советских спецслужб капитаном Виктором Ореховым, о котором далее пойдет речь, в 1977 году произошла необычная метаморфоза, которая толкнула его на странный для офицера КГБ поступок. Не случайно «авторитетный эксперт и изобличитель дьявольской сущности» Евгения Альбац назвала его единственным диссидентом за всю историю послевоенного КГБ.

Орехов пришел в органы КГБ после срочной службы в пограничных войсках. Затем поступил в Высшую школу КГБ имени Дзержинского в Москве, на 2-й факультет (разведка и контрразведка), и по окончании учебы был направлен в Москворецкий райотдел КГБ Москвы на должность младшего оперуполномоченного в звании лейтенанта. В служебные обязанности Орехова входило оперативное обслуживание Московского института текстильной промышленности, в частности — поиск шпионов среди обучавшихся там иностранных студентов. Основным методом оперативной работы была вербовка осведомителей среди студентов и сотрудников института.

Вскоре Орехова перевели в Московское областное управление на 5-ю линию.^[63] Он получил назначение в подразделение, занимавшееся диссидентами. По его

собственным словам, он считал, что с диссидентами надо бороться, поскольку они распространяют клеветнические слухи, порочащие СССР. Поэтому он со спокойной совестью вербовал в их среде осведомителей, вызывал на профилактические беседы, заказывал, когда было надо, прослушку, выезжал на гласные и негласные обыски. Жилось ему тоже неплохо. «Я был элитой: зарплата 330 рублей — по тем временам неплохие деньги, в любой магазин с заднего хода (КГБ!) — очередей не знал, к любому министру дверь ногой открывал (КГБ!) — все же боялись. Звонил любому начальнику: «Я Орехов из КГБ...» — «Когда вам удобно?..» Выезжал Орехов и за границу. С балетной труппой Большого театра он был в Японии в качестве офицера безопасности. Карьера его шла ровно, и он даже был рекомендован для перевода в руководящий состав.

Как утверждает сам Орехов, перелом в его отношении к советской действительности наступил в середине семидесятых годов, после прочтения книг Солженицына, Авторханова, Зиновьева. Под влиянием этих авторов и реалий советской действительности он начал пересматривать свои взгляды на диссидентское движение и в начале 1977 года стал общаться с ними втайне от начальства. Так, встречаясь на улице с Марком Морозовым, он брал у него для прочтения правозащитную литературу. Однажды, в январе 1977 года, Орехов предупредил Морозова о предстоящем аресте Орлова, в результате чего Орлов на неделю, исчез из поля зрения КГБ, хотя его квартира была под наблюдением. В феврале 1977 года Орехов сообщил кое-кому, что в отношении Н. Щаранского готовятся специальные оперативно-технические мероприятия, а у Лавута предстоит обыск. Позднее Орехов предупреждал о готовящихся оперативно-технических

мероприятиях в отношении Морозова, Гривниной и Сквирского.

Любопытно свидетельство известного правозащитника и на протяжении многих лет главного редактора выходившей в подполье газеты «Экспресс-хроника» Александра Подробиника:

«Судьба весьма причудливым способом свела меня с Ореховым. 10 октября 1977 года он, в составе бригады работников УКГБ под руководством следователя Каталикова, проводил обыск у меня на квартире в Москве, а через месяц он же (под псевдонимом) сообщил мне о подготовленных против меня материалах для возбуждения уголовного дела. 19 мая 1978 года работники его отдела арестовали меня, но о дне ареста я знал от Орехова еще за три дня до этого. Когда в декабре 1977 года КГБ принуждал меня покинуть СССР под угрозой возбуждения против меня и моего брата Кирилла уголовных дел, Орехов сообщил информацию, позволявшую судить о серьезности намерений КГБ. Количество обысков, о которых нас заранее предупреждал Орехов, исчисляется по меньшей мере двузначной цифрой».

Безусловно, подобная утечка информации не могла продолжаться долго, и в августе 1978 года Орехов был арестован. Военный трибунал Московского военного округа приговорил Орехова к восьми годам лишения свободы по ст. 260, пункт «а» УК РСФСР (злоупотребление властью, превышение или бездействие власти). Интересная подробность. На суде Марк Морозов подробно рассказал о взаимоотношениях

Орехова с диссидентами, но потом, отбывая срок в Чистопольской тюрьме, повесился.

Свой срок Орехов отбывал в спецзоне для бывших работников правоохранительных органов в Марийских лагерях. Он был твердо убежден, что после вынесения ему приговора наверху начнут разбираться и узнают, что «он помогал не грабителям, а людям, которые желают стране добра». Он писал письма председателю КГБ 10. Андропову, члену Политбюро М. Суслову, Генеральному секретарю Л. Брежневу, пытаясь убедить их, что «действовал в интересах государственной безопасности, ибо диссиденты — люди, пекущиеся о своем Отечестве, а борьба с ними — компрометация государства и разбазаривание народных средств». Ответа на свои письма Орехов не получил.

В лагере Орехов пытался бороться за справедливое отношение к заключенным, объявлял голодовку, несколько раз писал в «Литературную газету». На лагерные письма Орехова газета не отреагировала, но когда в 1986 году, отсидев свой срок, он вышел на свободу, первым взял у него интервью журналист «Литературной газеты» Игорь Гамаюнов. В восьмидесятые годы был создан комитет по защите Виктора Орехова, но ни его самого, ни его семьи правозащитникам найти не удалось.

После освобождения Орехов вернулся в Москву. Первое время он работал грузчиком, потом консультантом в коммерческой фирме. Потом создал кооператив по пошиву верхней одежды, а потом возглавил АОЗТ «Викор» — среднедоходное предприятие по пошиву спецодежды. От реабилитации Орехов отказался.

Его история получила неожиданное продолжение в апреле 1995 года, когда машина, которую он вел, была остановлена патрулем ГАИ. При досмотре салона был обнаружен пистолет, у которого, согласно показаниям

Орехова, был поврежден боек. По факту незаконного хранения оружия против Орехова было возбуждено уголовное дело. Состоявшийся 21 июля 1995 года суд приговорил Орехова к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в лагере строгого режима. Он был арестован в зале суда и отправлен в Краснопресненскую пересыльную тюрьму.

В то же время адвокат Орехова утверждает, что пистолет, прежде чем попасть на экспертизу, неоднократно извлекался из опечатанного пакета, и в результате был заменен на боевой. В связи с этим адвокат был намерен добиваться пересмотра дела Орехова.

Встал на защиту Орехова и Демократический союз России. Выступивший по поводу ареста Орехова Центральный координационный совет Союза связал произошедшее с тем, что бывший следователь КГБ Трофимов, который в 1978 году вел дело Орехова, сменил на посту начальника столичного ФСБ Савостьянова и возобновил традицию «повторников», которых сталинский режим в 1947-1948 годах отправлял в лагеря только за то, что они отбывали срок в конце тридцатых годов.

Двадцать третьего октября 1995 года кассационный суд рассмотрел дело Орехова и оставил приговор в силе. Но, учитывая «заслуги подсудимого» перед Родиной, снизил срок заключения с трех лет до одного года.

Через восемь месяцев он был помилован и выпущен на свободу. Но за эти восемь месяцев его фирма развалилась, жить стало не на что и негде. Не удалось ему получить и реабилитацию по делу 1979 года. В своем прошении о пересмотре дела Орехов отмечал, что, будучи рядовым оперативным работником, он не попадает под действие ст. 206 УК. Но ему не выдали даже копию приговора. Сославшись на то, что он по-

прежнему секретен, Орехову прислали из Военной коллегии Верховного суда лишь выписку, из которой следует, что он осужден за злоупотребление служебным положением и разглашение сведений, составляющих государственную тайну. Председательствующий судебного состава Военной коллегии Верховного суда РФ Л. Захаров в своем письме Орехову от 24 февраля 1997 года написал следующее:

«Вы являлись военным служащим, имели воинское звание «капитан» и за те систематические злоупотребления служебным положением... Вы обоснованно осуждены по уголовной статье закона... Доверенные Вам по службе сведения, по выводам экспертов, являются совершенно секретными и составляют государственную тайну».

Отчаявшись снять две судимости и получить приличную работу, Орехов весной 1997 года решил уехать в США и осуществил свое решение летом того же года..

В следующем, 1978 году бежал в Англию Владимир Богданович Резун, капитан ГРУ, позднее — автор нашумевших книг «Аквариум», «Ледокол», «День-М», «Последняя республика», «Очищение» и других, которые опубликовал под псевдонимом Виктор Суворов.

Резун родился в 1947 году в армейском гарнизоне близ Владивостока в семье военнослужащего, ветерана-фронтовика, прошедшего всю Великую Отечественную войну. В 1958 году поступил в Воронежское суворовское училище. В 1963 году, в связи с расформированием училища, две роты воспитанников перевели в Калининское суворовское училище. В их числе оказался и Резун. В 1965 году он поступил в Киевское высшее

общевоинское командное училище, а по его окончании летом 1968 года получил назначение на должность командира танкового взвода в войска Прикарпатского военного округа. Часть, в которой он служил, вместе с другими войсками округа была введена в Чехословакию в августе 1968 года.^[64] Вслед за этим Резун получил назначение на должность командира танковой роты.

В 1970 году старший лейтенант Резун проходил стажировку во 2-м (разведывательном) отделе штаба Приволжского военного округа. В 1971 году как перспективный молодой офицер он был рекомендован для поступления в Военно-дипломатическую академию. Он сдал вступительные экзамены и был зачислен на первый курс. Однако уже в начале обучения в академии Резун получил следующую характеристику:

«Недостаточно развиты волевые качества, небольшой жизненный опыт и опыт работы с людьми. Обратить внимание на выработку необходимых офицеру разведки качеств, в том числе силы воли, настойчивости, готовности пойти на разумный риск».

После окончания академии Резун был направлен в центральный аппарат ГРУ в Москве, где работал в 9-м (информационном) управлении. А в 1974 году капитан Резун отправился в первую зарубежную командировку в Женеву под прикрытием должности атташе представительства СССР при ООН в Женеве. Вместе с ним в Швейцарии находились жена Татьяна и дочь Наталья, родившаяся в 1972 году. В женевской резидентуре ГРУ работа Резуна в первое время вовсе не была столь успешной, как об этом можно судить по его книге «Аквариум». Вот какую характеристику дал ему резидент после первого года пребывания за границей:

«Весьма медленно осваивает методы разведывательной работы. Работает разбросанно и нецелеустремленно. Жизненный опыт и кругозор малы. Потребуется значительное время для преодоления этих недостатков».

Однако в дальнейшем, по свидетельству бывшего заместителя резидента ГРУ в Женеве капитана 1-го ранга В. Калинина, его дела пошли успешно. В результате он был повышен в дипломатическом ранге с атташе до третьего секретаря с соответствующим повышением оклада, и в порядке исключения срок его командировки был продлен еще на один год. Что же касается самого Резуна, то Калинин отзывался о нем так:

«В общении с товарищами, и в общественной жизни [он] производил впечатление архипатриота своей Родины и вооруженных сил, готового грудью лечь на амбразуру, как это сделал в годы войны Александр Матросов. В партийной организации среди товарищей выделялся своей чрезмерной активностью в поддержке любых инициативных решений, за что получил прозвище Павлика Морозова, чем очень гордился. Служебные отношения складывались вполне благополучно... По окончании командировки Резун знал, что планировалось его использовать в центральном аппарате ГРУ».

Таково было положение вещей до 10 июня 1978 года, когда Резун вместе с женой, дочерью и сыном Александром, родившимся в 1976 году, при неизвестных обстоятельствах исчез из Женевы.

Сотрудники резидентуры, посетившие его квартиру, обнаружили там полный хаос, а соседи рассказали, что слышали ночью приглушенные крики и детский плач. При этом из квартиры не исчезли ценные вещи, включая большую коллекцию монет, собиранием которых увлекался Резун. Швейцарские власти были немедленно поставлены в известность об исчезновении советского дипломата и его семьи с одновременной просьбой принять все необходимые меры по поиску пропавших. Однако только через 17 дней, 27 июня, швейцарские власти сообщили советским представителям, что Резун вместе с семьей находится в Англии, где попросил политического убежища.

Причины, заставившие Резуна совершить предательство, трактуются по-разному. Сам он в многочисленных интервью утверждал, что его побег был вынужденным. Вот что, например, он сказал журналисту Илье Кечину в 1998 году:

«Ситуация с уходом сложилась следующая. Тогда у Брежнева было три советника: товарищи Александров, Цуканов и Блатов... Брат одного из них — Александров Борис Михайлович — работал в нашей системе, получил звание генерал-майора, не выйдя ни разу при этом за рубеж... Для успешного продолжения карьеры ему было достаточно побыть резидентом всего шесть месяцев, и в личном деле у него появилась бы запись: «Был женевским резидентом ГРУ». Он бы вернулся в Москву, и на него посыпались бы новые звезды.

Все знали, что будет провал. Но кто мог возразить?

Наш резидент был мужик!.. Перед своим отъездом в Москву он... сказал: «Ребята! Я ухожу. Я... сочувствую тому, кто будет работать

на подхвате у нового резидента: ему принимать агентуру, бюджет. Не знаю, чем это закончится. Сочувствую, но помочь ничем не могу».

...Прошло три недели после приезда нового товарища — и ужасающий провал... Козлом отпущения оказался я... со временем наверху разобрались бы. Но в тот момент у меня выбора не было. Выход один — самоубийство. Но... потом сказали бы: «Ну и дурак! Не его ж вина!» И я ушел».

В другом интервью Резун особо подчеркнул, что его бегство не связано с политическими причинами:

«Я никогда не говорил, что бегу по политическим мотивам. И политическим борцом себя не считаю. У меня была возможность рассмотреть в Женеве коммунистическую систему и ее лидеров с минимальной дистанции. Эту систему возненавидел быстро и глубоко. Но намерения уходить не было. В «Аквариуме» так и пишу: наступили на хвост, поэтому и ухожу».

Правда, все вышесказанное мало согласуется с прозвищем Павлик Морозов и перспективами будущего служебного роста. Есть версия о том, что Резун бежал на Запад, потому что его двоюродный брат воровал в одном из украинских музеев старинные монеты, представляющие историческую ценность, а он сбывал их в Женеве, и компетентные органы об этом проводили. Другую версию выдвинул В. Калинин, лично занимавшийся делом Резуна. Он утверждает, что «никаких сигналов по линии 3-го управления КГБ СССР (военная контрразведка) и управления «К» КГБ СССР (контрразведка ПГУ) не поступало»:

«...Полагаю, что в его исчезновении замешаны английские спецслужбы... В пользу этого утверждения говорит один факт. Резун был знаком с английским журналистом, редактором военно-технического журнала в Женеве. К этому человеку с нашей стороны был проявлен оперативный интерес. Думаю, что встречную разработку вели английские спецслужбы. Анализ этих встреч незадолго до исчезновения Резуна показал, что в этом поединке силы были неравными. Резун уступал по всем параметрам. Поэтому было принято решение запретить Резуну встречи с английским журналистом. События показали, что это решение было принято слишком поздно, и дальнейшее развитие событий вышло из-под нашего контроля».

Двадцать восьмого июня 1978 года английские газеты сообщили, что Резун вместе с семьей находится в Англии. Тотчас советское посольство в Лондоне получило указание потребовать от МИД Великобритании встречи с ним. Одновременно в английский МИД были переданы письма Резуну и его жене, написанные их родителями по просьбе сотрудников КГБ. Но ответа на них, как и встречи советских представителей с беглецами, не последовало. Неудачей закончилась и попытка отца Резуна, Богдана Васильевича, в августе приехавшего в Лондон, встретиться с сыном. После этого все попытки добиться встречи с Резуном и его женой были прекращены.

После бегства Резуна в женевской резидентуре были приняты экстренные меры по локализации провала. В результате этих вынужденных мер более десяти человек были отозваны в Москву, а все

оперативные связи резидентуры законсервированы. Ущерб, нанесенный ГРУ Резуном, был значительный, хотя его нельзя сравнить с тем, который причинил советской военной разведке, например, генерал-майор ГРУ Поляков. Поэтому в СССР Резуна заочно судила Военная коллегия Верховного суда и приговорила к смертной казни за измену Родине.

В отличие от многих других перебежчиков Резун неоднократно писал отцу, но его письма до адресата не доходили. Первое письмо, которое получил Резун-старший, пришло к нему в 1990 году. Точнее, это было не письмо, а скорее записка: «Мама, папа, если живы, отзовитесь», и лондонский адрес. А первая встреча сына с родителями произошла в 1993 году, когда Резун обратился к властям уже независимой Украины с просьбой позволить родителям навестить его в Лондоне. По словам отца, его внуки — Наташа и Саша — уже студенты, а сам Володя, как всегда, работает по 16–17 часов в сутки. Ему помогает жена Таня, которая ведет его картотеку и переписку.

Оказавшись в Англии, Резун занялся литературной деятельностью, выступая под псевдонимом Виктор Суворов. Первыми книгами, вышедшими из-под его пера, были «Советская военная разведка», «Спецназ», «Рассказы освободителя». Но главным произведением, по его словам, стал «Ледокол», книга, в которой он «доказывает, что Вторую мировую войну развязал Советский Союз». По словам Резуна, впервые мысль об этом пришла ему осенью 1968 года, перед началом ввода советских войск в Чехословакию. С тех пор он методично собирал всевозможные материалы о начальном периоде войны. Его библиотека по военной тематике к 1974 году насчитывала несколько тысяч экземпляров. Оказавшись в Англии, он вновь начал собирать книги и архивные материалы, в результате чего весной 1989 года появился «Ледокол. Кто начал

Вторую мировую войну?» Вышедшая сначала в ФРГ, а потом в Англии, Франции, Канаде, Италии и Японии, она моментально стала бестселлером и вызвала крайне противоречивые отзывы специалистов-историков. Впрочем, освещение дискуссии по поводу того, прав или не прав писатель Суворов, не входит в задачу этой книги.

Не стал исключением в плане побега сотрудников советских спецслужб на Запад и следующий, 1979 год. В октябре из токийской резидентуры КГБ бежал в США Станислав Александрович Левченко, имя которого сейчас хорошо известно благодаря книге Д. Баррона «КГБ сегодня».

Левченко родился 28 июля 1941 года в семье военного. Его отец, химик по образованию, в 1946–1947 годах был офицером связи в Белграде, а потом занимал должность начальника химической лаборатории в военном научно-исследовательском институте. В 1944 году мать Левченко умерла в больнице во время родов, и вскоре Левченко-старший женился вторично. В 1954 году врачи обнаружили у него рак. Он был госпитализирован и только перед самой смертью узнал, что ему присвоено звание генерал-майора.

После смерти отца у Левченко не сложились отношения с мачехой и он рано начал жить самостоятельно. После окончания школы в 1958 году он поступил в Московский государственный университет, на восточный факультет, и вскоре женился. Однако брак оказался непродолжительным, и через два года молодые супруги расстались. В 1962 году Левченко женился вторично на студентке Архитектурного института Наталье, дочери сотрудника президиума АН СССР. В это же время его, как неплохо знающего японский язык, по указанию Международного отдела ЦК КПСС стали привлекать в качестве переводчика для

сопровождения прибывающих в Советский Союз японских туристов. А перед окончанием университета практику он проходил в необычном месте: в качестве переводчика на пограничных кораблях в Японском море.

В 1964 году Левченко окончил университет и был распределен в Институт морского и рыбного хозяйства. Но проработал он там недолго, и в 1965 году по предложению Международного отдела ЦК КПСС перешел на работу в Комитет защиты мира, а затем в Комитет солидарности с народами стран Азии и Африки. Весной 1966 года Левченко вызвали в военкомат и предложили пройти обучение в качестве разведчика-диверсанта в спецшколе ГРУ. Он принял предложение, и в течение нескольких месяцев постигал премудрости военной разведки. На случай войны его готовили к высадке с подводной лодки в Великобритании в районе Ливерпуля для сбора сведений о перемещении военных кораблей и воинских частей. Для поддержания формы и знакомства с новейшей научно-технической информацией в этой сфере Левченко должен был периодически проходить переподготовку на краткосрочных курсах.

Однако в начале 1968 года Левченко был передан из ГРУ в распоряжение Второго главного управления КГБ. Как внештатный сотрудник, он привлекался для оперативной разработки иностранцев, с которыми сталкивался по работе в Комитете солидарности народов стран Азии и Африки. Сопровождая иностранных гостей, он объехал большую часть СССР и несколько раз выезжал в Японию. Следует отметить, что он не был разборчив в личных связях, но это не считалось большим грехом, и в январе 1971 года ПГУ КГБ предложило Левченко стать штатным сотрудником и пройти обучение в разведшколе. Левченко принял предложение и с июня 1971 по июль 1972 года учился в

101-й школе ПГУ, после чего ему присвоили звание старшего лейтенанта и откомандировали в 7-й отдел ПГУ. [\[65\]](#)

С конца 1973 года Левченко начал готовиться к своей первой зарубежной командировке в Японию. Было решено направить его в Токио под прикрытием корреспондента журнала «Новое время». С января 1974 года Левченко проходит стажировку в редакции журнала в Москве, поначалу на поприще редактора, а затем — корреспондента, освещающего положение в Японии. Своей толковой и продуктивной работой он заслужил уважение сотрудников редакции и самого главного редактора П. Наумова, что значительно облегчило ему на первых порах работу в Японии.

В феврале 1975 года Левченко вместе с женой прилетел в Токио. После знакомства с резидентом генерал-майором Д.А. Ерохиным и начальником линии ПР подполковником В.А. Пронниковым, своим непосредственным начальником, Левченко занялся упрочением своего статуса корреспондента «Нового времени». Активно общаясь со своими иностранными коллегами и публикуя в своем журнале благожелательные по тону статьи о Японии, Левченко первым среди советских журналистов получил доступ в престижный японский Национальный пресс-клуб. Стараясь еще больше поднять свой престиж в глазах японских коллег, он потребовал от редакции «Нового времени» взять на себя расходы на содержание четырехкомнатной квартиры в аристократическом районе Токио Удагава и нового автомобиля. Благодаря покровительству Наумова требования Левченко были выполнены. Все это помогло ему быстро включиться в жизнь японской столицы.

Что же касается оперативной работы Левченко как сотрудника токийской резидентуры КГБ, то она

проходила довольно успешно. В апреле 1975 года он познакомился с видным деятелем социалистической партии Японии и начал активно развивать контакты с ним. Японец, получивший в ходе разработки псевдоним КИНГ, в прошлом придерживался политических взглядов, близких к коммунистическим, и отличался чрезмерным честолюбием. Левченко, узнав, что тот хочет издавать информационный политический бюллетень, но испытывает финансовые трудности, сумел убедить КИНГА принять от него миллион йен, написав соответствующую расписку. В результате КИНГ осознал случившееся и начал сотрудничать с Левченко. В декабре 1975 года приказом из Москвы КИНГ был официально включен в действующую агентурную сеть в качестве доверенного лица, а Левченко было присвоено очередное воинское звание «капитан».

В начале 1976 года неожиданно для всех сотрудников токийской резидентуры был отозван в Москву токийский резидент генерал-майор Дмитрий Александрович Ерохин.^[66] Причиной отзыва явился конфликт между ним и сотрудником резидентуры подполковником Евстафьевым, который усердно раздувал начальник линии ПР Пронников, назначенный после отзыва Ерохина и.о. резидента. Левченко не сошелся с Пронниковым, и до самого отъезда последнего в Москву отношения между ними оставляли желать лучшего. Новому резиденту, назначенному Москвой в Токио, полковнику О.А. Гурьянову, который до этого побывал резидентом в Нидерландах и на Кубе, удалось прекратить склоки и наладить продуктивную работу.

В январе 1976 года Левченко по поручению резидента приступил к разработке ведущего корреспондента японской газеты «Иомиури», получившего псевдоним ТОМАС. Как удачливый автор

нескольких популярных книг и политический комментатор, он пользовался доверием в правительственных кругах и лично знал нескольких бывших премьеров. Эти обстоятельства делали его вербовку как агента влияния чрезвычайно заманчивой. Обхаживая ТОМАСА, Левченко постепенно втянул его в нелегальную работу, платя крупные гонорары за политические статьи, якобы опубликованные в несуществующем правительственном бюллетене журнала «Новое время». С помощью ТОМАСА Левченко летом 1976 года организовал ряд публикаций в японских газетах, во многом способствовавших освобождению арестованного японцами сотрудника токийской резидентуры ГРУ Александра Мачехина,^[67] работавшего под прикрытием корреспондента АП «Новости» и не обладавшего дипломатическим иммунитетом.

Вторым «активным мероприятием» Левченко, проведенным в сентябре 1976 года, была публикация в японских и американских газетах составленного КГБ и якобы написанного женой советского военного летчика Беленко, совершившего 6 сентября 1976 года на истребителе «МиГ-25» посадку в Японии и попросившего политического убежища в США.^[68] И хотя публикация письма не достигла своей цели — ни Беленко, ни новейший истребитель-перехватчик не были возвращены СССР, — она весьма затруднила исследования представителями ВВС США конструкции самолета.

С октября 1976 года Левченко, помимо прочего, был назначен оператором сотрудника информационного агентства «Киодо», работавшего под псевдонимом АРЕС. АРЕСА завербовал в 1960-х годах Пронников на денежной основе. Имея знакомых в японской контрразведке, АРЕС одно время сообщал много

секретной информации, но постепенно ее количество сошло на нет. Одной из задач Левченко было попытаться восстановить прежнюю «продуктивность» АРЕСА. Он довольно успешно справился с этой задачей, и даже более того, смог косвенно, через АРЕСА, контролировать сотрудника японской контрразведки, получившего в ходе разработки псевдоним ШВЕЙК. Однако ввиду глубокого конфликта между Левченко и Пронниковым, ставшим к тому времени заместителем начальника японского направления в Центре, дальнейшую работу и формальную вербовку ШВЕЙКА Москва поручила сотрудникам линии КР токийской резидентуры.

Личная жизнь Левченко носила далеко не безоблачный характер, несмотря на то, что во время поездки в отпуск в Москву в августе 1978 года он купил автомобиль «Волга». У него начались постоянные ссоры с женой. По собственному признанию, он доводил ее своим псевдонимом АРТУР, который ему дали в КГБ. «Романтично, правда?» — говорил он, и предрекал, что, когда он умрет, ей придется написать на его обелиске все имена, которыми он пользовался при жизни, так что высота обелиска должна быть не меньше трех метров. Взаимное отчуждение росло, и вскоре они уже не находили даже тем для разговора.

В начале 1979 года Левченко по поручению резидента начал разрабатывать новый контакт в среде японских журналистов. Им был Акира Ямада (псевдоним ВАСИН), бывший коммунист, работавший редактором иностранного отдела популярной газеты, издававшейся на средства частных лиц. Контакты с ним развивались весьма успешно, а весной 1979 года Левченко было присвоено звание майор. Осенью того же года он был назначен начальником группы «активных мероприятий», в должности которого должен был оставаться до конца октября, когда истекал срок его

командировки в Японию. Это назначение открыло Левченко доступ к секретной информации обо всех так называемых агентах влияния КГБ в Японии.

В связи с окончанием срока командировки в сентябре — октябре Левченко передал находившихся у него на связи агентов другим сотрудникам резидентуры. А 25 октября 1979 года неожиданно для всех связался с представителями ЦРУ в Токио и попросил предоставить ему политическое убежище в США. В тот же день Вашингтон ответил согласием, и 26 октября, несмотря на попытки японцев задержать его, он рейсовым самолетом в сопровождении сотрудников ЦРУ отбыл в США. Касаясь произошедшего, Левченко в октябре 1991 года заявил корреспонденту «Правды» В. Гану:

«Позвольте мне еще раз опять со всей категоричностью заявить, что я не был никем завербован. Не был никем похищен. Я пошел на этот шаг по собственной воле. Просто меня возмущала вся наша система. Я устал от нее. У меня просто не было другого выхода. Меня, кстати, повышали по службе, и я должен был возвращаться в Москву с повышением».

Так или иначе, но на допросах в ЦРУ Левченко раскрыл все, что было ему известно об операциях КГБ в Японии, и назвал всех известных ему агентов. Побег Левченко полностью парализовал деятельность ПГУ в Японии, и вновь она стала налаживаться только после 1983 года, когда резидентом в Токио стал А.А. Шапошников. После побега Левченко были введены новые правила для работников ПГУ, отъезжающих в заграничные командировки. Прежде требовалось получить лишь три личные рекомендации от своих коллег, теперь же рекомендаций требовалось пять. По словам самого

Левченко, полную информацию ЦРУ он представил позже, в начале 1980 года, когда из телефонного разговора с женой узнал, что ее нигде не берут на работу, а сына выгнали из школы, в которой он учился, и, таким образом, они находились на грани нищеты. Левченко также утверждал, что в отношении его сына, которому так и не удалось определиться в жизни, применялись методы, близкие к человеконенавистничеству. Так, в школе его заставляли на примере собственного отца писать сочинения на тему: «Какого презрения заслуживает предатель Родины».

В августе 1981 года Военная коллегия Верховного суда СССР заочно приговорила Левченко к расстрелу.

Сам Левченко после побега активно включился в жизнь США. Он выступал с лекциями и сообщениями, касающимися жизни в СССР и методов работы КГБ. Выпустил четыре книги, две в США, две в Японии, после чего был принят на работу в американскую газету «Новое русское слово», где до сих пор ведет рубрику «Силовые структуры». Первая его встреча с российским корреспондентом состоялась в октябре 1991 года. А в 1992 году он встретился в Вашингтоне с находившимися в то время в США бывшим председателем КГБ Бакатиным и отставным генералом ПГУ КГБ Калугиным. В своем интервью, данном в ноябре 1995 года корреспонденту газеты «Вечерняя Москва» в США Давиду Гаю, он так описывает эту встречу:

«Меня представили Бакатину. Он крепко пожал мне руку. Мы говорили о разных вещах, тон разговора был вполне дружеским. Каким-то внутренним чутьем я осознал: он — порядочный человек. Такие же лестные отзывы о нем я слышал от некоторых американцев, встречавшихся с ним... Думаю, он очень хотел

переделать КГБ в духе демократических преобразований, но ему не позволили это сделать».

Оставим это утверждение Левченко без комментариев. Результаты «реформаторской» деятельности Бакатина госбезопасность пережить не смогла...

В 1980 году из СССР в США был тайно вывезен вместе с семьей сотрудник 8-го главного управления КГБ майор Виктор Иванович Шеймов. Ранг, занимаемая должность и способ побега Шеймова заслуживают особого внимания.

Шеймов родился в 1946 году в Москве. Его родители были ветеранами Великой Отечественной войны. Отец, инженер-полковник, работал на секретных объектах и принимал участие в создании баллистических ракет, мать работала врачом в престижной поликлинике. После школы Шеймов поступил в Высшее техническое училище имени Баумана, которое успешно окончил в 1969 году. По распределению он попал на работу в закрытый НИИ Министерства обороны, где занимался разработкой систем наводки ракет с космических спутников.

В 1971 году Шеймову предложили работу в КГБ в одном из самых секретных подразделений — 8-м главном управлении, занимавшемся обеспечением безопасности и функционированием всей шифросвязи Советского Союза, а также созданием шифров и дешифровкой сообщений иностранных государств. Отбор кандидатов для работы в этом управлении был чрезвычайно жестким, учитывалось буквально все, вплоть до родственников в седьмом колене и количества выпиваемого спиртного. Но работающим в управлении, несмотря на ограничения, создавались

идеальные условия для творческой работы, и поэтому здесь трудилось много талантливых математиков, программистов и инженеров. Шеймов благополучно прошел все проверки и был принят.

В управлении Шеймов работал в отделе, занимавшемся защитой шифровальной связи. В его функции входило обслуживание советских посольств и резидентур за границей. Обладая незаурядными способностями и будучи по натуре личностью целеустремленной, Шеймов довольно быстро занял должность начальника отдела, курирующего шифросвязь посольств и даже стал заместителем секретаря парторганизации. Более того, несмотря на строгие ограничения в личных контактах и зарубежных поездках, он выезжал за границу в служебные командировки. В 1973 году он женился на студентке Московского университета ленинградке Ольге, а в 1975 году у них родилась дочь Лена.

Но, как пишет Шеймов в своих мемуарах, его переполняла ненависть к советскому режиму и желание порвать с ним. Разумеется, об этом не знал никто, кроме жены Ольги, которую он посвятил в свои планы побега на Запад. Первый раз установить контакты с ЦРУ Шеймов попытался в Москве, но из этой затеи ничего не получилось. Удачной оказалась вторая попытка, предпринятая им в 1979 году во время служебной командировки в Варшаву. Тридцать первого октября, обманув бдительного охранника, Шеймов сумел тайно покинуть советское посольство и встретиться с сотрудниками ЦРУ. Окрыленные невероятной удачей американцы моментально согласились на контакт в Москве, так как бежать в США немедленно без семьи Шеймов категорически отказался.

В Москве Шеймов несколько раз встречался с сотрудниками ЦРУ и передавал им некоторую информацию о своей работе. Но самые главные секреты

выдавать в Москве отказался, опасаясь, что в этом случае американцы не станут вывозить его из СССР. В конце концов в Вашингтоне дали согласие на нелегальный вывоз Шеймова с семьей в Америку. Чтобы скрыть свой побег, Шеймов решил инсценировать собственное убийство вместе с членами семьи по дороге на дачу. Несмотря на то что американцы считали его идею полной утопией, в ней было рациональное зерно: в случае установления факта предательства Шеймова в КГБ полетели бы головы, и поэтому там охотно поверят в его гибель.

Побег состоялся в первой половине мая 1980 года, в пятницу. Шеймов, предупредив всех, что едет с семьей на дачу, и оставив в квартире все в обычном порядке, выехал из Москвы на поезде в сторону Львова, предварительно долго петляя и переодеваясь в метро с целью сбросить возможный хвост. Прибыв во Львов, они сели на электричку, следующую до Ужгорода, где их уже ждал агент ЦРУ польского происхождения на автомашине «Волга». На этой машине, оборудованной тайником под задним сиденьем, куда спрятался Шеймов с дочерью, они пересекли границу СССР и благополучно прибыли в Чехословакию. Там их уже ждали другие сотрудники ЦРУ с новыми документами и без каких-либо осложнений доставили в Вену. Из Вены Шеймов с семьей прибыл в Нью-Йорк, а оттуда в Вашингтон.

Такова версия побега самого Шеймова. Но более реальной выглядит другая, выдвинутая сотрудниками контрразведки, занимавшимися поисками Шеймова. По этой версии Шеймов с женой и дочерью был вывезен американцами в нарушение всех дипломатических правил на самолете посла США, получившего в начале мая 1980 года официальное разрешение на посадку в Москве и улетевшего в тот же день. Шеймов зашел в самолет под видом второго пилота, а его жена и дочь

были переправлены в не подлежащих досмотру дипломатических контейнерах.

В понедельник, когда обнаружилось отсутствие Шеймова, были организованы его поиски. Летом во всех отделениях милиции появились фотографии Шеймова, его жены и дочери. По факту исчезновения Шеймова следственным управлением КГБ было возбуждено уголовное дело. Удивительным образом поиски Шеймова пересеклись с делом об убийстве сотрудниками 5-го отделения милиции по охране метрополитена ГУВД Москвы заместителя начальника секретариата КГБ СССР майора Афанасьева. Один из задержанных по этому делу старший сержант милиции Лобанов в ходе допросов вспомнил об убийстве семьи. В связи с этим для поисков тел был выделен полк солдат, буривший скважины глубиной до полутора метров на расстоянии двух-трех метров одна от другой.

Трудно сказать, сколько времени руководство КГБ не знало о побеге Шеймова, но вряд ли это могло продолжаться до 1990 года, как утверждают некоторые. Но и заявление бывшего руководителя Особой следственной группы при Генеральном прокуроре СССР В. Калининченко о том, что Шеймова заподозрили в предательстве примерно за полгода до бегства, и поэтому отменили все его заграникомандировки, чем подтолкнули к побегу, не выдерживает никакой критики.

Вот что пишет о деле Шеймова бывший зампред КГБ Ф.Д. Бобков в книге «КГБ и власть»:

«К великому нашему стыду, вскоре было установлено: ни в Москве, ни в стране Шеймова и его семьи нет. Выехали. Сами они, конечно, этого сделать не смогли бы. Всех троих вывезли, очевидно, с их согласия...

Провели тщательное расследование. И снова нас ждал удар...

Итак, Шеймова с женой и дочерью вывезли. Каким образом? Контрразведка на этот вопрос ответить не могла, да, по-видимому, не очень и стремилась. Трудно признавать свои провалы!»

По утверждению В.А. Крюкова, после назначения в мае 1982 года председателем КГБ В. Федорчука было проведено повторное расследование дела об исчезновении Шеймова. Представители контрразведки настаивали на версии об убийстве Шеймова и его семьи и продолжали отрицать версию о вывозе Шеймова из СССР американцами. И только после вербовки О. Эймса в 1985 году было точно установлено, что Шеймов был завербован ЦРУ и в мае 1980 года вывезен вместе с семьей в США. Правда, о факте предательства Шеймова до самого последнего времени говорилось весьма сдержанно, по возможности преуменьшая объем знаний, которыми он владел. Так, начальник 8-го главного управления генерал-лейтенант Н. Андреев в интервью корреспонденту «Правды» Г. Овчаренко в 1990 году сказал:

«Шеймов был рядовым сотрудником, допущенным к весьма ограниченному кругу служебных секретов. Некоторое время он занимался обслуживанием шифровальной техники, а затем был переведен в подразделение, ведущее строительно-монтажные работы в совзагранучреждениях. Кстати, сразу после его исчезновения мы позаботились о безопасности тех точек, где побывал Шеймов».

После побега Шеймов с семьей жил в Вашингтоне, изменив внешность и фамилию. За свои «заслуги» Шеймов был награжден медалью ЦРУ. В конце восьмидесятых годов он выступил с рядом заявлений, в которых утверждал о причастности КГБ к покушению на Папу Римского Иоанна-Павла II в 1981 году и президента Пакистана Зия уль-Хака в 1988 году.^[69] А в 1993 году в издательстве «Невел инстительют пресс» вышла книга Шеймова под названием «Башня секретов: документальный шпионский детектив», в которой он от третьего лица подробно рассказывает о своей работе в КГБ и побеге в США.

Глава 7

1981-1990 годы

В восьмидесятые годы кризис, охвативший СССР, достиг своего апогея. В 1982 году умер Брежнев. Его преемник, бывший председатель КГБ Ю.В. Андропов понимал, что страну необходимо было выводить из кризиса. Но тяжелая болезнь, которой страдал Андропов, отпустила ему слишком мало времени для спасения тонущего дредноута с гордым именем СССР. Все усилия Андропова брежневская номенклатура свела к охоте за простыми служащими, вышедшими в рабочее время в магазин, чтобы купить кусок колбасы. Что же касается коррумпированной партийной верхушки, то так называемое «узбекское дело» только вспугнуло ее, а сменивший Андропова Черненко сделал все, чтобы развалить его.

В 1985 году пришедший к власти М.С. Горбачев объявил курс на перестройку. Что это такое — не было ясно даже ему самому и его ближайшему окружению. Понимая, что жить как прежде более нельзя, но не представляя, что надо делать, новое руководство страны за пять лет окончательно развалило экономику, социальную сферу, лишилось внешнеполитических союзников и начало ходить по миру с протянутой рукой. Всем стало ясно, что «холодная война» проиграна СССР бесповоротно, но Горбачев и его команда не смогли даже достойно провести капитуляцию.

Настроение, царившее в это время в советских спецслужбах, нашло наглядное отражение в мемуарах их руководителей — Л.В. Шебаршина, Н.С. Леонова и многих других. Настроение их подчиненных отличалось мало, но они не были защищены генеральскими

званиями и генеральской пенсией в перспективе. Поэтому многие ушли в коммерцию. А некоторые стали торговать Родиной.

В 1981 году бежал на Запад человек, известный под именем Владимир Ростов. По его словам, он служил в пограничных войсках в звании лейтенанта. Сначала во Владивостоке, а затем на границе с Турцией. В середине семидесятых годов он уволился со службы, решив заняться адвокатской деятельностью. Но вскоре у него начались трения с властями, особенно после того как он взялся защищать диссидентов. Тогда-то он и принял решение бежать на Запад, воспользовавшись своим доскональным знанием советско-турецкой границы. Побег, состоявшийся весной 1981 года, оказался удачным, и Ростов попросил политического убежища в США. Поведав свою историю на допросах в ЦРУ, он получил вид на жительство и начал обустриваться в Америке. Вскоре он стал работать в некоем издательстве. Через некоторое время он выдвинул инициативу — основать в Париже журнал по проблемам права. Издательство одобрило инициативу Ростова и осенью 1982 года направило его с этой целью во Францию, снабдив соответствующими средствами.

Однако в Париже он занялся не журналом, а мелким мошенничеством, совершая покупки на крупную сумму и расплачиваясь необеспеченной кредитной карточкой.

Этот факт был немедленно обнаружен, и французская полиция, арестовав Ростова за мошенничество, отправила его в парижскую тюрьму «Фрэн». Находясь в тюрьме, Ростов неожиданно заявил, что готов дать важную информацию о советской разведке. Для расследования этого заявления были приглашены сотрудники Управления по охране территории, которым Ростов сообщил, что, находясь в Москве, состоял в дружеских отношениях с офицерами

ПГУ КГБ, служившими в 5-м отделе.^[70] Эти офицеры, по утверждению Ростова, находились в неладах с советским режимом и могли бы пойти на сотрудничество с французской разведкой.

После непродолжительного раздумья представители французской контрразведки согласились, и Ростов становится «почтальоном», сидя в своей камере. С помощью французов он сложными каналами вступает в контакт с указанными сотрудниками КГБ, и в ноябре 1982 года Ростову во Францию доставляют микрофильм» замурованный в полую шахматную фигуру. Материалы, находившиеся на микроплёнке, французской контрразведке показались настолько важными, что там была создана специальная группа. По утверждению информаторов Ростова, один из высокопоставленных членов правительства социалистов во Франции являлся агентом КГБ, что подтверждалось документами, зафиксированными на микроплёнке. Проведенное расследование показало, что в официальной биографии этого политического деятеля были странные пробелы, публичные выступления его носили двусмысленный характер и вдобавок он посещал подозрительные места неподалеку от посольства СССР в Париже. Но прямых доказательств его сотрудничества с КГБ обнаружено не было.

Между тем по каналам Ростова во Францию продолжали поступать все новые и новые материалы, в которых содержались компрометирующие материалы на других высокопоставленных французских чиновников. Среди четверых названных Ростовым агентов КГБ один оказался ближайшим советником президента Франции Ф. Миттерана. Так как все это начинало напоминать откровения времен Голицына, было решено проинформировать высшее руководство

Франции и лично президента. Ф. Миттеран настороженно отнесся к этому известию. К счастью для него, основной «подозреваемый» вскоре был вынужден оставить свой пост по профессиональной некомпетентности, а в отношении остальных троих расследование не подтвердило информацию Ростова.

Чтобы окончательно прояснить ситуацию, Управление по охране территории обратилось за помощью к МИ-5. В ходе новых допросов Ростова стали выявляться не замеченные ранее противоречия. Но все окончательно прояснилось, когда обнаружилось, что документы, якобы присланные из Москвы, были напечатаны на пишущей машинке, которая имеется в советском посольстве в Париже, но отсутствует в Советском Союзе. Таким образом дело, начатое с показаний Ростова в ноябре 1982 года, было закрыто в марте 1985 года.

Что же касается самого Ростова, то он твердо стоял на своем и не признавался в том, что работал на КГБ. Доказательств обратного у контрразведки не было, и Ростов отсидев в тюрьме восемь месяцев за мошенничество, покинул Францию и отбыл в неизвестном направлении. Касаясь его действий во Франции, можно предположить, что он участвовал в хорошо спланированной акции по дискредитации только что пришедшего к власти Миттерана и правительства социалистов. Но вполне также возможно, что, не желая сидеть в тюрьме за мошенничество, Ростов выдал себя за человека со связями, как это часто случается с перебежчиками, а в КГБ решили воспользоваться представившейся возможностью в своих собственных целях.

В том же 1981 году французам действительно улыбнулась удача. На контакт с ними по собственной инициативе пошел Владимир Ветров,

высокопоставленный сотрудник управления «Т» (научно-техническая разведка) ПГУ КГБ.

Ветров окончил МВТУ имени Баумана в Москве и был приглашен на работу в разведку. В 1965 году Ветров под прикрытием должности инженера в советском торгпредстве в Париже занимался сбором научно-технической информации. Во время пребывания во Франции он обзавелся множеством знакомых среди французских граждан, в числе которых оказался и Жак Прево, сотрудник фирмы «Томпсон», изготавливавшей электронное оборудование, в том числе и для французской армии. Одновременно Ж. Прево являлся агентом Управления по охране территории, поэтому неудивительно, что французская контрразведка пыталась нащупать подходы к возможной вербовке Ветрова. Впрочем, безрезультатно. В 1975 году Ветров был отозван в Москву и больше во Францию не возвращался. Более того, в связи с тем, что он занял высокий пост в управлении «Т», его больше не выпускали ни в какие зарубежные командировки. Это объяснялось тем, что он имел доступ ко всем делам научной и промышленной разведки, которыми занималось управление «Т».

В начале 1981 года Ветров встретился в Москве со своим французским другом Прево, незнакомым, правда, с настоящим местом его работы, и попросил того передать в штаб-квартиру Управления по охране территории в Париже запечатанный пакет. После долгих раздумий и колебаний француз согласился выполнить просьбу Ветрова, и весной 1981 года, вернувшись в Париж, отнес пакет в УОТ, заметив при этом, что о содержании пакета представления не имеет, а человек, передавший пакет, является высокопоставленным московским чиновником. В письме Ветров коротко рассказывал о себе и предлагал французам свои услуги. При этом он не ставил каких-

либо условий, хотел только, чтобы во Франции ему была обеспечена нормальная жизнь в случае, если он однажды сможет покинуть СССР.

Несмотря на то, что письмо было подписано полным именем, сотрудники УОТ поначалу испытывали вполне естественные сомнения по поводу искренности Ветрова. Поэтому на первую встречу с Ветровым в Москве УОТ попросил отправиться его французского друга. И лишь когда тот вернулся с первой пачкой документов, сотрудники УОТ впервые осознали всю важность и ценность своего добровольного агента. Связник-непрофессионал больше не использовался, но за оказанные Франции услуги был награжден орденом Почетного легиона. Теперь для связи с Ветровым, получившим псевдоним ФАЭРВЕЛЛ, использовался кадровый сотрудник французской контрразведки, работавший в Москве под прикрытием военного атташе Франции. (Кстати, как выяснилось потом на следствии, французы работали крайне непрофессионально. За одиннадцать месяцев они провели с Ветровым двенадцать личных встреч в одно и то же время в районе некоего московского рынка. При этом не была отработана система проверок и вызовов, а передача материалов происходила из рук в руки.)

За время работы на французов Ветров передал УОТ свыше четырех тысяч документов с грифом «совершенно секретно». На многих из них имелась резолюция председателя КГБ Ю.В. Андропова, а на некоторых были пометки Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Эти секретные материалы касались следующих вопросов:

— полный перечень всех государственных организаций СССР, занимающихся сбором и анализом научно-технической информации; [\[71\]](#)

— планы реализации информации, а также средства, сэкономленные в результате полученной нелегальным путем западной техники для всех областей промышленности;

— список основных агентов, завербованных офицерами линии «Х» в западных странах.

В одном из документов, переданных Ветровым, отмечалось, что в период с 1979 по 1981 год сотрудники научно-технической разведки КГБ и ГРУ приняли участие в тридцати пяти международных форумах с целью сбора необходимой для военной промышленности информации в области космической промышленности, производства радаров, микроэлектроники, солнечной энергетики. Всего же за 1980 год Военно-промышленная комиссия 3617 раздавала поручения по сбору конкретных научно-технических данных. К концу года 1085 указаний было выполнено, и эти данные использовались в 3396 советских проектах и опытных конструкторских разработках.

Материалы, переданные Ветровым французам и получившие кодовое название «досье ФАЭРВЕЛЛА», очень кстати пришлись президенту Франции Ф. Миттерану, избранному на этот пост в 1981 году. Руководители стран «большой семерки» подозрительно взирали на президента от социалистической партии и крайне отрицательно относились к включению во французское правительство четырех министров-коммунистов. Но Миттеран, передав американцам часть материалов из «досье ФАЭРВЕЛЛА», добился улучшения франко-американских отношений и поднял свой авторитет в глазах президента США Р. Рейгана.

Предательство Ветрова привело также и к аресту ряда агентов в странах Запада. После того как директор УОТ Марсель Шале передал ФБР обещанные Миттераном материалы, в США летом 1981 года были

арестованы Джеймс Харпер и Уильям Белл. Дж. Харпер, инженер-электронщик, завербованный польской разведкой в 1971 году, передавал полякам сверхсекретные документы, касающиеся межконтинентальных баллистических ракет. У. Белл, сотрудник корпорации «Хьюз эйркрафт компани», также завербованный поляками в 1978 году, имел доступ к современным разработкам в области радарных систем, ракет класса «воздух — воздух» и «земля — земля». Арестованный ФБР, Белл в декабре 1981 года был осужден на восемь лет тюремного заключения.

Уже после того как французам стало ясно, что Ветров арестован, они задержали еще несколько человек, проходивших по «досье ФАЭРВЕЛЛА». Первого декабря 1983 года был арестован Пьер Бурдьоль, сотрудник Национальной компании авиационной и космической промышленности, разрабатывавшей новейшие космические программы, в частности по созданию европейской космической ракеты «Ариан». После ареста в 1983 году он признался, что с 1970 года регулярно встречался с сотрудником советской разведки и передавал ему секретные материалы. А в октябре 1984 года контрразведка ФРГ с подачи УОТ арестовала Манфреда Реча, главного инженера управления планирования компании «Мессершмитт-Бёлков-Блом». Работая на КГБ с 1967 года, Реч передал своим операторам секретные материалы по тактико-техническим характеристикам самолета «Торнадо», чертежи противотанковой ракеты «Хок», подробную информацию о ракете класса «земля — воздух» «Корморан» и т. д.

Вполне возможно также, что сведения, переданные Ветровым, помогли выйти на высокопоставленного агента ГРУ в ЮАР commodora Дитера Герхардта, завербованного в 1964 году и в то время служившего на базе ВМФ ЮАР в Саймонстауне. Следует добавить, что в

том же 1983 году 148 советских дипломатов и сотрудников КГБ и ГРУ под дипломатическим прикрытием были выдворены из многих стран мира, причем 88 человек из Европы и США, в том числе 48 только из Франции. Всего же на основании сведений, переданных Ветровым французам, было разоблачено около семидесяти агентов советской разведки в пятнадцати зарубежных странах и идентифицировано 450 сотрудников ПГУ КГБ, работавших по линии научно-технической разведки.

Провал самого Ветрова произошел 22 февраля 1982 года и не был напрямую связан с его предательской деятельностью. Однажды вечером он со своей любовницей из числа сослуживцев заехали на машине в какой-то московский двор в районе Рублевского шоссе и стали распивать шампанское. За выпивкой возникла ссора в связи с очередным отказом Ветрова развестись с женой и жениться на своей пассии, он ударил даму бутылкой по голове и та, заливаясь кровью, выскочила из машины и стала звать на помощь. На ее зов поспешил случайный прохожий, которого Ветров убил, ударив ножом в сердце, после чего попытался скрыться, но был задержан милицией через два часа.

Суд приговорил Ветрова к пятнадцати годам лишения свободы за убийство, и на этом все успокоились. О дальнейшем развитии событий существует несколько версий. О. Калугин пишет, что через несколько месяцев Ветров сам неожиданно признался в шпионаже, но первое время ему не верили, считая, что этот его шаг продиктован тщеславием. Н. Леонов, в ту пору заместитель начальника ПГУ, говорит, что после суда при обыске на квартире у Ветрова был обнаружен фотоаппарат «Минокс» и заметки служебного характера. Насторожило также и поведение Ветрова в тюрьме, откуда он посылал какие-то сигналы на свободу. Версии Н. Леонова

придерживается и тогдашний начальник ПГУ А. Крючков, заявивший, что подозрения в отношении Ветрова возникли уже в ходе следствия по убийству прохожего, так как он слишком легко признал свою вину. В результате началось доследование дела, в ходе которого была вскрыта связь Ветрова с французскими спецслужбами.

Существует и совершенно иная версия разоблачения Ветрова, согласно которой ошибку допустили французы. Дело в том, что в 1983 году в посольстве Франции в Москве были обнаружены специальные устройства, позволявшие получать копии всех отправляемых из посольства сообщений до их шифровки. В качестве ответной меры французское правительство выслало из страны сорок восемь сотрудников КГБ и ГРУ. А в ответ на протесты посла СССР в Париже Н. Афанасьевского ему продемонстрировали копию секретного документа, полученного от Ветрова, из которого следовало, что все высланные являлись сотрудниками советских спецслужб. После этого вычислить предателя не представляло для КГБ никакого труда.

Так или иначе, но Военной коллегией Верховного суда СССР В. Ветров был приговорен к расстрелу за шпионаж и измену Родине. Двадцать третьего января 1985 года приговор был приведен в исполнение. По свидетельству О. Гордиевского, о расстреле Ветрова очень долго ничего не говорили, и лишь в январе 1985 года поползли первые слухи о том, что приговор в отношении его приведен в исполнение. Сей факт свидетельствует о том, что к «мемуарам» перебежчиков надо относиться с большой долей скепсиса.

Летом 1982 года в Англию бежал еще один «борец за демократию в России», «интеллектуал», всей душой ненавидящий советский строй, сравнимый, по словам Д.

Баррона, с С. Левченко — Владимир Андреевич Кузичкин.

Кузичкин родился в 1947 году в Москве. После окончания средней школы он был призван в армию на действительную срочную службу. Во время службы в частях, дислоцированных на территории ГДР, он вступил в КПСС и после увольнения в запас по истечении трех лет службы поступил в Институт стран Азии и Африки при МГУ. Во время учебы он активно участвовал в общественной и политической жизни института и в течение нескольких лет избирался членом институтского партбюро. В 1975 году он окончил институт и получил предложение работать в разведке КГБ.

Кузичкин предложение принимает и в течение года проходит обучение в разведшколе ПГУ. В 1976 году он получает назначение в управление «С» ПГУ и приступает к работе во 2-м отделе управления.^[72] После года работы в Центре Кузичкина, как специалиста по Среднему Востоку, направляют в Иран. Летом 1977 года он прибывает в Тегеран вместе с женой Галиной Колосовой, где работает по линии «Н» (поддержка нелегалов) под прикрытием должности вице-консула.

Поначалу спокойная обстановка в Иране в декабре 1978 года резко изменилась. В стране начала активно действовать оппозиция шахскому режиму, во главе которой стоял еще мало известный тогда аятолла^[73] Хомейни, находившийся в эмиграции в Ираке. Накал борьбы стремительно нарастал, в январе 1979 года шах бежал из страны и к власти пришел Хомейни, крайне нетерпимо относившийся как к Западу, так и к СССР. Это не замедлило сказаться на оперативной работе резидентуры КГБ. Так, в апреле 1979 года в результате непродуманных действий и.о. резидента Г. Казанкина

была разгромлена агентура в Организации моджахедов иранского народа (ОМИН) и выслан из страны сотрудник резидентуры Фисенко.

Исламская революция в Иране с благословения Хомейни стала набирать обороты, и в ноябре 1979 года приверженцы Хомейни напали на здание американского посольства в Тегеране и захватили заложников. Не заставило себя ждать и нападение на посольство СССР. Оно произошло 1 января 1980 года и было неожиданным. Не зная после случая с американцами как следует расценивать эту акцию, посол и резиденты КГБ и ГРУ на всякий случай решили уничтожить секретную документацию. К счастью, нападение ограничилось разгромом комендатуры посольства и было остановлено стражами революции. Однако сама ситуация высветила недостатки как в организации защиты зданий посольства, так и в порядке уничтожения секретной документации. По распоряжению резидента КГБ Л.В. Шебаршина все документы резидентуры в дальнейшем были всегда готовы на всякий случай к уничтожению. Кузичкин, отвечавший за связь с нелегалами, по согласованию с Шебаршиным спрятал свою документацию о нелегалах и способах связи с ними в тайнике, известном только ему и резиденту.^[74]

Вообще, работа Кузичкина в Иране всеми признавалась успешной. Ему удалось обзавестись агентом на некоем важном объекте, в оперативной работе провалов у него не было. За 6 лет пребывания в Иране он дважды повышался в звании и в 1982 году был уже майором. Во время последнего отпуска в Москве после встречи с начальником управления «С» ПГУ Ю. Дроздовым он был официально назначен начальником линии «Н» тегеранской резидентуры. Весной 1982 года советско-иранские отношения начали постепенно

улучшаться. Из Москвы пришло сообщение о предстоящем приезде в Тегеран комиссии ПГУ, в задачу которой, помимо всего прочего, входила проверка состояния секретного делопроизводства. В этой обстановке Кузичкин решил изъять из тайника секретные документы, но, к своему ужасу, на месте их не обнаружил.

Перед ним встал естественный вопрос: что делать? По советским законам за утрату совершенно «секретных» документов его ожидал трибунал и тюремное заключение сроком до семи лет. Кузичкин не нашел в себе сил доложить о пропаже документов резиденту Шебаршину и принял решение бежать на Запад. Шебаршин в своей книге «Рука Москвы» пишет, что Кузичкин пошел на контакт с англичанами задолго до своего бегства, как минимум, в 1981 году. Сам Кузичкин опровергает это утверждение и связывает свое бегство с пропажей документов. Этой же точки зрения придерживается и О. Калугин.

Так или иначе, но, приняв решение о предательстве, Кузичкин связался с представителями СИС в Иране, которые снабдили его английским паспортом на имя Майкла Рода и поддельными документами на право выезда из Тегерана. С этими документами вечером 2 июня 1982 года он бежал из советского посольства в Тегеране и утром 3 июня пересек ирано-турецкую границу через КПП в Базаргане.

Его исчезновение вызвало панику как в тегеранской резидентуре, так и в Центре. Резидент Л. Шебаршин 5 июня был срочно отозван из отпуска, была опрошена жена Кузичкина Галина, с весны 1982 года находившаяся в Москве. Во время состоявшейся 5 июня беседы в ПГУ она сказала, что именно 2 числа говорила с мужем по телефону на житейские темы, в частности о скорой покупке дачи под Москвой. Шебаршин в срочном порядке вылетел в Тегеран, где вместе с руководством

управления «С» выдвинул версию о похищении Кузичкина и его вероятной гибели. Конкретно о судьбе Кузичкина ничего не было известно до ноября 1982 года, когда англичане официально объявили о предоставлении ему политического убежища, а в Иране начался разгром партии Туде, лидеры которой активно сотрудничали с КГБ.

Надо сказать, что предательство Кузичкина не повлекло за собой обычных для ПГУ в таких случаях отставок. Так, резидент Шебаршин был отозван из Ирана в феврале 1983 года и назначен заместителем начальника отдела управления «Р» (оперативное планирование и анализ). Но уже в ноябре 1983 года он становится заместителем начальника информационно-аналитического управления ПГУ, в 1987 году — заместителем начальника ПГУ, а в 1989 году — начальником ПГУ КГБ. Сам же Кузичкин был заочно приговорен к расстрелу за измену Родине. По его словам, в 1986 году по указанию Москвы болгары поручили члену британской компартии найти и убить его за вознаграждение в 100 тысяч долларов. Сказать, так ли это на самом деле, не представляется возможным, однако в октябре 1986 года жена Кузичкина получила свидетельство о смерти мужа.

А между тем в апреле 1988 года Кузичкин позвонил в Москву жене и среди прочего попросил ее написать Генеральному секретарю ЦК КПСС М. Горбачеву письмо с просьбой пересмотреть его дело. Вторую попытку добиться пересмотра дела он предпринял в октябре 1990 года, написав народным депутатам РСФСР письмо следующего содержания:

«В феврале 1979 года в Иране произошла исламская революция. Уже в марте 1979 года в Иран начали возвращаться члены иранской коммунистической партии Туде,

отсиживавшиеся многие годы в СССР и ГДР. Тогдашнее советское партийное руководство направило их в Иран в качестве троянского коня, чтобы при удобном случае иметь базу для захвата власти просоветскими силами в этой стране. Однако уже с лета 1979 года резидентуре КГБ в Тегеране стало ясно, что партия Туде не имеет никаких шансов на успех. У нас не было сомнения в том, что партия Туде обречена в скором будущем на физическое уничтожение. Резидентура информировала об этом Центр, однако наши предупреждения были оставлены без внимания. Все объясняется тем, что действиями партии Туде руководил не КГБ, а Международный отдел ЦК КПСС.

Невообразимое, ничем не прикрытое воровство советских и партийных лидеров в советской колонии в Иране, вовлеченность в грязные дела с партией Туде, гибель ни в чем не повинных советских ребят в Афганистане, причастность, хотя бы и косвенная, к разжиганию военной истерии давили мне на душу тяжелым камнем.

Тогда, во времена брежневщины, у человека в моем положении особого выбора в методах борьбы не было. Открытое выступление против властей было бессмысленным, так как я бы оказался еще одной безымянной жертвой советского режима. И вот здесь мне пришлось избрать единственно возможный в то время путь, путь на Запад.

В 1986 году по указке из Москвы болгары дали задание члену коммунистической партии Великобритании найти и убить меня за вознаграждение в сто тысяч американских долларов. Опять все та же коммунистическая

мафия в действии. И проводилась эта операция уже во времена перестройки.

Перед Россией же и русским народом я чист и невиновен и как был, так и остаюсь русским патриотом».

В августе 1991 года после ареста членов ГКЧП Кузичкин пишет президенту Б.Н. Ельцину:

«Теперь благодаря в том числе и Вашему личному героизму власть КПСС повержена навсегда, и в России наступают новые светлые времена. В этой связи, многоуважаемый Борис Николаевич, убедительно прошу Вас пересмотреть мое дело и позволить мне быть полезным гражданином новой свободной демократической России».

Как и все предыдущие обращения, это тоже осталось без ответа. В конце 1990 года в Англии вышла книга Кузичкина «Внутри КГБ», вышедшая с предисловием известного писателя Фредерика Форсайта. Книга не вызвала на Западе большого интереса, так как в ней шла речь в основном об уже известных событиях.

Вообще, 1982 год на удивление богат случаями предательства. Так, в том году бежал в США агент ГРУ ПОЛЬ, знакомый с разведдеятельностью глубоко законспирированного агента ГРУ коммодора ВМФ ЮАР Дитера Герхарда. В результате его предательства и данных, полученных от В. Ветрова, в конце января 1983 года Герхард и его жена Рут, также работавшая на ГРУ, были арестованы и впоследствии осуждены.

Тогда же, в 1982 году, бежал в США Анатолий Богатый. работавший в Марокко заместителем

резидента КГБ. Бежал он вместе с женой, по отзывам В.А. Кирпиченко, женщиной алчной и корыстолюбивой. Со временем от него в советские учреждения в США стали поступать письма, в которых он изъявлял готовность сотрудничать с советской разведкой и снабжать ее информацией по США, с тем чтобы в дальнейшем вернуться в СССР. Однако руководство ПГУ, за некоторым исключением, посчитало, что Богатый работает под контролем ЦРУ, и его предложения остались без ответа. Вскоре перестали поступать предложения и от предателя. Видимо, в ЦРУ поняли бесперспективность такой оперативной игры. Жизнь за границей оказалась для Богатого далеко не раем, а в 1996 году в возрасте пятидесяти двух лет он умер от рака желудка.

В том же 1982 году решился на предательство и предпринял попытку передать западногерманским спецслужбам секретные документы Виктор Макаров, лейтенант 8-го главного управления КГБ СССР.

Макаров родился в 1955 году в Москве. После окончания школы в 1973 году он был призван на действительную срочную службу в армию, где, по его словам, «познакомился с сотрудником спецслужб», а говоря проще, был завербован как осведомитель представителем особого отдела своей части. «Сотруднику спецслужб» Макаров понравился, и в 1975 году после окончания службы тот рекомендовал его для поступления в Высшую школу КГБ имени Дзержинского в Москве. Успешно сдав вступительные экзамены, Макаров стал слушателем технического факультета, готовившего специалистов по радиосвязи, шифровальщиков и дешифровальщиков. После пяти лет обучения он получил диплом юриста, изучил английский и греческий языки, и в 1980 году по распределению попал в Восьмое главное управление КГБ.

В Восьмом главном управлении Макаров занимался дешифровкой сообщений иностранных посольств европейских стран. Но, по всей видимости, работа его не удовлетворяла, и в 1982 году он через друга, занимавшегося спекуляцией валюты на черном рынке, попытался установить связь с сотрудниками спецслужб Запада. Вскоре друг сообщил Макарову, что нашел нужный ему контакт с западными немцами, и Макаров передал ему секретные документы КГБ, к которым имел отношение по службе. Но друг Макарова был задержан милицией. Имени Макарова он не назвал, и это отсрочило арест Макарова на пять лет.

Вторую попытку связаться с западными разведками Макаров предпринял в 1985 году. Через свою невесту, работавшую переводчицей, он познакомился с английским бизнесменом, находившимся в командировке в Москве, и попросил его передать по назначению письмо, адресованное СИС. Но бизнесмен благоразумно отказался. И только с третьего раза Макарову с помощью некоего австралийца удалось выйти на связь с англичанами. На встрече с сотрудником СИС Макаров поставил главным условием для сотрудничества «вызволение» его из Советского Союза. Но пока англичане раздумывали, Макарова арестовали.

Арест Макарова произошел 8 июля 1987 года в результате показаний незадачливого курьера-валютчика, к которому он обратился за помощью в 1982 году. В ходе следствия было установлено, что тот еще не успел передать иностранным спецслужбам секретные материалы. В связи с этим Макаров был осужден на десять лет лишения свободы по ст. 64 УК РСФСР и направлен отбывать наказание в известный лагерь «Пермь-35».

В феврале 1992 года В. Макаров в числе других девяти человек, осужденных ранее за измену Родине,

был амнистирован указом президента России Б. Ельцина. Оказавшись на свободе, он некоторое время жил в Москве, где им заинтересовались иностранные журналисты, и в интервью, данном корреспонденту итальянской газеты «Мессаджери» весной 1992 года, Макаров заявил, что хочет эмигрировать в Англию.

Англичане не забыли своего несостоявшегося агента-неудачника и помогли ему эмигрировать в Англию. Там он получил 20 тысяч фунтов подъемных и начал «новую» жизнь. Но к 1995 году деньги закончились. Тогда ему выдали еще 8 тысяч фунтов, помогли наладить быт, устроили на компьютерные курсы, но пенсии, которой добивался Макаров, не дали. Страшно обиженный на своих покровителей из СИС, Макаров через парламентский комитет по делам разведки и безопасности попытался отстоять свое «законное», по его мнению, право на регулярную пенсию, но все инстанции, куда он обращался, посчитали его претензии безосновательными. Не помог ему и нанятый им адвокат, требовавший для своего клиента пенсию в 26 тысяч фунтов в год. До самого последнего времени Макаров работал садовником в Борнмуте, проживая в однокомнатной квартире и получая пособие в 40 фунтов в неделю. На почве материальных трудностей и одиночества у него начался депрессивный психоз, в связи с чем он несколько раз проходил курс лечения в психиатрической клинике. Летом 1998 года он неожиданно для всех начал голодовку у стен британского парламента, требуя так и не полученной им пенсии, на и эта его акция не принесла ему желаемого результата.

В 1983 году в США был завербован сотрудник КГБ Сергей Михайлович Моторин. Моторин был сыном крупного провинциального партийного деятеля. Перебравшись в Москву, он поступил в Высшую школу КГБ на факультет разведки и контрразведки и по

окончании школы был направлен в ПГУ в 1-й (американский) отдел. В 1980 году Моторина командировали в США в вашингтонскую резидентуру под дипломатическим прикрытием. Оперативными достижениями он не блистал, а у сотрудников ФБР заслужил репутацию бонвивана.

В начале 1983 года он был взят ФБР в оперативную разработку, причиной чего стала его жадность. Желая приобрести дорогостоящую видеоаппаратуру, он убедил хозяина магазина сделать ему значительную скидку в обмен на два ящика водки. Водка была куплена в посольском магазине, а значит, дешево. Хозяин магазина, следуя указаниям ФБР, изъявил согласие, и сделка была соответствующим образом оформлена. Для закрепления своих позиций при вербовке ФБР также засняло и интимные встречи Моторина с женой одного из сотрудников советского посольства в номерах нескольких гостиниц. Такой компромат, не говоря уже о чувстве самосохранения, позволил агентам ФБР без труда завербовать Моторина, который стал снабжать их информацией об операциях резидентуры по поиску среди американцев возможных контактов.

С целью укрепления позиций Моторина в резидентуре ФБР вывело ему на связь подставу, снабжавшую его информацией научно-технического характера. Генерал-лейтенант Н.С. Леонов, тогдашний заместитель начальника ПГУ, утверждает, что ему и начальнику 1-го отдела Д. Якушкину этот контакт Моторина сразу же показался подозрительным и потому, что объект чрезвычайно быстро пошел на вербовку, и потому, что был равнодушен к денежному вознаграждению, и потому, что он был из мира науки и техники, тогда как для Моторина, работавшего под дипломатическим прикрытием, более естественными были бы связи в общественно-политических кругах.

Побывавший в отпуске в Москве Моторин ре-развеял подозрений начальства по поводу того, что его контакт — подстава ФБР. А после передачи в Москву магнитофонной записи разговора Моторина с агентом, в которой агент говорил, что не хочет работать ни с кем, кроме Моторина, подозрения превратились в уверенность.

В результате было принято решение отозвать Моторина в Москву. Для этого была разработана легенда, согласно которой Моторина ждет назначение на более высокий пост в Центре, который обеспечивает ему возможность периодически, два-три раза в год выезжать в США и заодно встречаться с агентом. Отзыв выглядел вполне естественным еще и потому, что срок командировки Моторина подходил к завершению.

В конце 1984 года Моторин вернулся в Москву и был переведен в управление «А» (активные мероприятия) ПГУ. Установленное за ним наблюдение не дало результатов, так как еще в Вашингтоне он условился, что в Москве на связь выйдет только в экстренном случае. Однако весной 1985 года О. Эймс сообщил, что Моторин работает на ФБР. Для того чтобы взять его с поличным, была разработана операция, в ходе которой Моторину поручили подготовить важное активное мероприятие против США на основании документов, полученных в Вашингтоне агентурным путем. Моторин попытался выйти на связь с сотрудником резидентуры ЦРУ в Москве и за несколько минут до встречи с ним на проспекте Мира был арестован. В момент задержания при нем был обнаружен контейнер с секретными материалами, которые он собирался передать американцам.

В ходе следствия факт сотрудничества Моторина со спецслужбами США был доказан. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила майора Моторина С.М. за измену Родине к расстрелу.

Другим сотрудником вашингтонской резидентуры КГБ, завербованным в 1983 году, оказался Валерий Мартынов. Мартынов родился в 1946 году. После окончания физико-технического института по специальности кибернетика и радиотехника он был приглашен на работу в КГБ и направлен в разведшколу. Затем по распределению попал в управление «Т» ПГУ, занимающееся научно-технической разведкой.

В начале восьмидесятых годов подполковник Мартынов был командирован в вашингтонскую резидентуру КГБ под дипломатическим прикрытием сначала третьего, а потом второго секретаря посольства. В резидентуре он работал по линии «Х». Вместе с ним в США находились его жена, сын и дочь.

В 1983 году Мартынов был завербован сотрудниками ФБР и стал поставлять им информацию о новейших разработках СССР в области науки и об известных ему операциях резидентуры в этом направлении. О предательстве Мартынова в Москве узнали от О. Эймса весной 1985 года. Чтобы отозвать его в Москву, не вызвав подозрений, использовали появление в посольстве СССР в Вашингтоне В. Юрченко, заместителя начальника 1-го отдела ПГУ, исчезнувшего в августе 1985 года в Риме. (О самом Юрченко речь пойдет ниже.) Мартынову поручили сопровождать В. Юрченко в Москву, что в ФБР сочли большой удачей. По прилете в Москву 7 ноября 1985 года Мартынов был арестован в аэропорту Шереметьево и доставлен в следственный изолятор в Лефортово. Через некоторое время в Москву были отправлены его жена и дети под предлогом внезапной болезни мужа.

Следствие по делу о предательстве Мартынова продолжалось до конца 1986 года. По окончании следствия Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Мартынова за измену Родине к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 28 мая 1987 года.

В том же 1983 году ЦРУ удалось завербовать сотрудника резидентуры ГРУ в Лиссабоне полковника Геннадия Сметанина и его жену Светлану.

Геннадий Александрович Сметанин родился в городе Чистополе в рабочей семье, где был восьмым ребенком. После восьмого класса он поступил в Казанское суворовское училище, а потом в Киевское высшее общевойсковое командное училище. Спустя некоторое время он был направлен в Военно-дипломатическую академию, где изучил французский и португальский языки, после чего получил назначение в ГРУ. В августе 1982 года его командировали в Португалию, в лиссабонскую резидентуру ГРУ под прикрытием должности сотрудника аппарата военного атташе.

Сослуживцы Сметанина отмечали его эгоизм, карьеризм и страсть к наживе. Все это, вместе взятое, и толкнуло его на путь предательства. В конце 1983 года он сам пришел в резидентуру ЦРУ и предложил свои услуги, потребовав за это миллион долларов. Изумленные заявленной Сметаниным суммой американцы решительно отказались платить ему такие деньги, и тогда он умерил свой аппетит до 360 тысяч долларов, заявив, что именно такую сумму казенных денег растратил. Впрочем, и это утверждение Сметанина вызвало подозрение у сотрудников ЦРУ.^[75] Однако деньги ему заплатили, не забыв получить расписку следующего содержания:

«Я, Сметанин Геннадий Александрович, получил от американского правительства 360 тысяч долларов, в чем и расписываюсь, и обещаю ему помогать».

При вербовке Сметанина проверили на детекторе лжи. Он эту проверку «достойно» выдержал, и был включен в агентурную сеть ЦРУ под псевдонимом

МИЛЛИОН. Всего с января 1984 по август 1985 года состоялось тридцать встреч Сметанина с сотрудниками ЦРУ. Он передавал американцам разведывательную информацию и ксерокопии секретных документов, к которым имел доступ. Более того, с помощью Сметанина американцы 4 марта 1984 года завербовали его жену Светлану, которая, устроившись по заданию ЦРУ секретарем-машинисткой в посольство, получила доступ к секретным документам.

О предательстве Сметанина в Москве стало известно летом 1985 года от О. Эймса. Однако и до этого по поводу Сметанина возникали некоторые подозрения. Дело в том, что на одном из приемов в советском посольстве его жена появилась в наряде и драгоценностях, явно не соответствующих официальным доходам мужа. Но в Москве решили не торопить события, тем более что в августе Сметанин должен был приехать в Москву в отпуск.

Шестого августа 1985 года Сметанин встретился в Лиссабоне со своим оператором из ЦРУ и сообщил, что уезжает в отпуск, но вернется в Португалию задолго до очередной встречи, назначенной на 4 октября. Приехав в Москву, он вместе с женой и дочерью отправился в Казань, где жила его мать. Вслед за ним отправилась и оперативная группа КГБ, образованная из сотрудников 3-го (военная контрразведка) и 7-го (наружное наблюдение) управлений, а также бойцы группы «А», которые и должны были осуществить задержание предателя.

Приехав в Казань и погостив у матери, Сметанин вместе с семьей неожиданно исчез. Вот что говорит по этому поводу командир одного из подразделений группы «А», входивший в состав той группы:

«Можно себе представить, какое, интеллигентно говоря, оцепенение охватило

всех, кто был «завязан» на этого человека.

Несколько дней мы, что называется, рыли землю, «перепахивая» Казань во всех мыслимых и немыслимых направлениях, изматываясь сами и до седьмого пота загоняя местных сотрудников. Я до сих пор могу водить по Казани тематические экскурсии. Например, такую: «Казанские проходные дворы и подъезды». И еще несколько в том же роде».

Одновременно отслеживались и все подозрительные лица, заказавшие на 20-28 августа авиа- или железнодорожные билеты. В результате было установлено, что некто приобрел три билета на 25 августа на поезд № 27 Казань — Москва от станции Юдино. Так как в Юдино проживали родственники Сметанина, возникла догадка, что билеты были приобретены для него. И действительно, пассажирами оказались Сметанин, его жена и дочь-школьница. Больше рисковать никто не захотел, и был отдан приказ об аресте Сметанина и его жены.

Сметанину и его жене предъявили постановление об аресте, после чего был произведен досмотр их личных вещей и багажа. В портфеле Сметанина был обнаружен футляр с очками, в котором оказалась инструкция по связи с ЦРУ и шифроблокнот. Кроме того, в дужке очков была спрятана ампула с ядом мгновенного действия. А при обыске жены Сметанина в прокладке кожаного ремня было обнаружено 44 бриллианта.

В ходе следствия вина Сметанина и его жены была полностью доказана, и дело было передано в суд. На суде Сметанин заявил, что к советскому общественному и государственному строю вражды не питал, а на измену Родине пошел из-за недооценки его как разведчика. Первого июля 1986 года Военная коллегия

Верховного суда СССР признала Сметаниных виновными в измене Родине в форме шпионажа. Геннадий Сметанин был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества, а Светлана Сметанина — к пяти годам лишения свободы.

Другим сотрудником ГРУ, вставшим на путь предательства в 1983 году, оказался старший лейтенант Александр Иванов. С начала восьмидесятых годов он работал в резидентуре ГРУ в Болгарии и в 1983 году попытался установить контакты с представителями ЦРУ в Софии. Эта попытка оказалась неудачной. Иванов был немедленно арестован и доставлен в Москву. По приговору Военной коллегии он был осужден на 8 лет лишения свободы и отбывал свой срок в лагере «Пермь-35».

Через год, в марте 1985 года, предложил свои услуги ЦРУ очередной сотрудник ПГУ КГБ Геннадий Вареник. Сын полковника КГБ, он в январе 1982 года был направлен в командировку в Бонн под прикрытием должности корреспондента ТАСС. Человек, по отзыву бывшего заведующего отделением ТАСС в ФРГ А. Григорьева, работающий и доброжелательный, он по приезде в Бонн сразу же активно включился в работу резидентуры. Вспоминая об этом времени, жена Вареника говорит:

«Сколько радости было, когда в январе 1982 года в КГБ ему сказали, что его посылают в Германию. Его отец занимал высокий пост в КГБ, и мой муж делал все, чтобы тот мог им гордиться. В Бонне он просто выкладывался на работе, хотя остальные в его спец-группе бездельничали и смеялись над ним».

Но в марте 1985 года, согласно официальной версии, растратив 7 тысяч казенных долларов, Вареник вступил в контакт с сотрудниками ЦРУ в ФРГ. Впрочем, существует и другая версия. Тот же А. Григорьев утверждает:

«От одного человека, знавшего эту историю изнутри, я слышал: «Заездили парня. И подставили». «Приехал он в Бонн без достаточного знания языка и страны. Не было ли неоправданным риском выводить его, малоопытного, в качестве приманки на работу с зубрами из ЦРУ?» — задавался вопросом его отец, полковник КГБ в отставке. И почему Геннадия срочно не отозвали в Союз, если к лету 1985 года немцы его «расшифровали»?.

Об этом он говорил в июне того же года отцу, будучи в отпуске в Москве, а три месяца спустя — мне в Бонне».

Так или иначе, но с апреля 1985 года Вареник стал передавать своему оператору из ЦРУ Чарльзу Левену информацию об операциях КГБ в Германии. Так, он сообщил, что три высокопоставленных члена западногерманского правительства являются агентами КГБ. Более того, он поведал американцам о планируемой ПГУ КГБ операции, которая могла привести к гибели американских солдат, расквартированных в Германии. Вот что рассказывает по этому поводу его куратор Ч. Левен:

«По поручению КГБ Вареник должен был найти рестораны, расположенные рядом с военными базами США, где можно было заложить мини-бомбы. КГБ планировал взорвать их, когда в ресторанах будет много народу, а затем свалить вину на немецких террористов».

Однако в сентябре 1985 года Москва узнала от О. Эймса о предательстве Вареника. Поэтому было решено отозвать его под благовидным предлогом в Восточный Берлин и там арестовать. Четвертого ноября 1985 года Вареник встретился с Ч. Левеном и сообщил ему, что его посылают в Восточный Берлин за инструкциями относительно плана с мини-бомбами. После этого он выехал в ГДР, где был немедленно арестован. В тот же день жена Вареника была отправлена в Москву. Следствие по делу Вареника длилось около года. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Вареника за измену Родине в форме шпионажа к расстрелу, и 25 февраля 1987 года приговор был приведен в исполнение.

Следует особо подчеркнуть, что установить связь с американцами пытались и сотрудники разведки, работавшие и в соцстранах. Так, в 1985 году подполковник ГРУ Владимир Васильев, находясь в служебной командировке в Будапеште, связался с сотрудниками ЦРУ и стал активно с ними сотрудничать. Но уже на следующий год он был арестован и впоследствии расстрелян.

В том же 1985 году произошли события, связанные с именем Виталия Сергеевича Юрченко. Их можно смело считать одними из самых загадочных в историях с перебежчиками.

Юрченко начинал службу кадровым офицером-подводником. Потом он был приглашен в военную контрразведку и после соответствующего обучения занимался обеспечением безопасности средиземноморской эскадры ВМФ СССР, бывал в зарубежных командировках, в частности в Египте. В 1973 году при помощи секретаря парткома КГБ вице-адмирала Михаила Усатова он переходит на службу в

ПГУ в управление «К», которым в то время руководил О. Калугин. По воспоминаниям Калугина, он противился переводу Юрченко в свое управление, но был вынужден уступить начальству. Юрченко был направлен на курсы, которые готовили офицеров безопасности при советских посольствах за рубежом. По окончании курсов в 1975 году его командировали в Вашингтон, где по линии КР он занимался обеспечением безопасности советской колонии. По воспоминаниям жены представителя ВААП (Всесоюзное агентство по авторским правам) в Вашингтоне Елены Митрохиной, оставшейся в США в 1978 году и известной там как Александра Коста, вид Юрченко всегда вызывал у нее дикий ужас, а ее муж постоянно предупреждал ее, что с ним надо быть предельно осторожной.

По свидетельству сотрудников ФБР, знавших Юрченко в то время, он довольно часто посещал гриль-бар «Данкерз», где по вечерам собирались чиновники министерства юстиции, налогового управления, контрразведки, секретной службы и таможни.

Служба Юрченко в Вашингтоне в 1979 году омрачилась крупным проколом. Однажды некий доброжелатель уведомил резидентуру, что готов передать секретную документацию, имеющую отношение к операциям ЦРУ. Резидент КГБ Дмитрий Иванович Якушкин доложил о предложении в Москву. Однако председатель КГБ Андропов после недавнего ареста в 1978 году сотрудников нью-йоркской резидентуры Черняева и Валдека Энгера, посчитал это предложение провокацией и отказался санкционировать встречу с контактом. Но тот, не дождавшись ответа, перебросил пакет с секретными документами через забор на территорию советского посольства. Юрченко, не разобравшись с содержимым пакета, связался с полицией и, высказав предположение о наличии в нем взрывчатки,

потребовал забрать его с территории посольства. Прибывшая тотчас полиция забрала пакет в участок и, вскрыв его, обнаружила множество совершенно секретных документов ЦРУ, Пентагона и других правительственных ведомств. Дело было передано в ФБР, которое быстро установило подбросившего пакет бывшего сотрудника ЦРУ некоего Эдвина Гиббонса Мура. Он был арестован и осужден на семнадцать лет тюремного заключения.

Правда, сам Юрченко считает, что Мур был подставой американских спецслужб. И Действительно, в этой истории много неясного. Дело в том, что спустя полгода после суда американские журналисты выследили Мура, спокойно разгуливавшего по улицам Вашингтона. Разразился грандиозный скандал, в ходе которого американская администрация объясняла досрочное освобождение Мура резко ухудшившимся состоянием его здоровья.

Весной 1980 года Юрченко вернулся в Москву с повышением. Он был назначен заместителем Сергея Михайловича Голубева, начальника 5-го отдела управления «К», отвечавшего за внутреннюю безопасность ПГУ, а вскоре и возглавил этот отдел.^[76] В этом качестве он проработал до 1985 года, когда был назначен заместителем начальника 1-го (американского) отдела ПГУ. На эту должность его рекомендовал Д.И. Якушкин, ставший начальником 1-го отдела в 1982 году. Якушкина в этом вопросе поддержал Н. Леонов, в сентябре 1983 года занявший должность заместителя начальника ПГУ по американскому направлению. Назначение Юрченко на этот пост было обусловлено усилением вербовочной работы ЦРУ против советских граждан. Но все же остается неясным, почему столь высокоинформированный сотрудник внешней

контрразведки, по своему положению знавший о многих грязных делах ПГУ, занял выездную должность.

В июле 1985 года Юрченко командируют в Рим с заданием провести встречу с человеком, которого подозревали в том, что он является подставой ЦРУ, и по возвращении в Москву провести анализ всего дела. Для прикрытия в этой командировке Юрченко использовал должность советника МИД, якобы выехавшего в Италию в связи с кражей картин из советского посольства. Однако 1 августа 1985 года Юрченко исчез из Рима, после того как провел запланированные встречи и доложил в Центр, что готов к вылету в Москву. Советским дипломатам, встретившимся ему возле посольства, он в одном случае сказал, что направляется в Ватиканский музей, в другом — что идет купить подарки для домочадцев. Итальянская полиция после трех дней интенсивных поисков сообщила, что каких-либо криминальных действий в отношении Юрченко на территории Италии совершено не было. И Центр пришел к выводу, что Юрченко бежал на Запад.

И действительно, Юрченко вышел на сотрудников ЦРУ в Риме и был переправлен ими в США. На допросах он ошарашил американцев огромным количеством ценнейшей информации. Так, он рассказал о ходе расследования предательства полковника КГБ О. Гордиевского, назначенного было резидентом в Лондон. Сообщил об использовании, «шпионской пыли», которую сотрудники 7-го управления КГБ (наружное наблюдение) наносили на одежду и обувь иностранных дипломатов в Москве для отслеживания их контактов. Кроме того, он рассказал о так называемой лаборатории № 12, в которой изготавливались яды для проведения диверсий за рубежом, в частности для политических убийств. Поведал Юрченко и о подробностях похищения в Вене в декабре 1975 года Н. Артамонова, бывшего офицера ВМФ СССР, бежавшего в США в 1959 году и по

заданию ЦРУ вступившего в контакт с КГБ весной 1966 года.

Но самое главное, Юрченко раскрыл американцам имена агентов КГБ, работавших со спецслужбами США. Он назвал Эдварда Ли Говарда, бывшего кадрового сотрудника ЦРУ. В мае 1983 года Говард получил назначение в московскую резидентуру ЦРУ. Это назначение могло послужить трамплином к блестящей карьере, однако при обязательном испытании на детекторе лжи выяснилось, что Говард скрыл свое пристрастие к наркотикам, алкоголю и склонность к мошенничеству. В результате проверки ЦРУ приняло решение отказаться от его услуг. Обиженный Говард, оставшийся к тому же без работы, решил отомстить своему ведомству и вступил в контакт с КГБ, сообщив много ценного об операциях ЦРУ в Москве. Так, считается, что именно он выдал Адольфа Георгиевича Толкачева, ведущего конструктора Московского НИИ радиостроения, с сентября 1978 года передававшего ЦРУ совершенно секретные материалы о советских ВВС. [77] Узнав о предательстве Говарда, ФБР установило за ним наблюдение, а 19 сентября допросило его в Санта-Фе. Однако Говард отказался давать показания, а юридических оснований для его задержания ФБР не имело. Двадцать первого сентября Говард бежал из США в Хельсинки, откуда перебрался в Москву. [78]

Назвал Юрченко и некоего бывшего сотрудника Агентства национальной безопасности США (АНБ), в 1980 году вступившего в контакт с советской разведкой. Этот человек, по словам Юрченко, в самом начале года явился в советское посольство, причем покидал его уже тайно, без бороды и в другой одежде. В дальнейшем этот неизвестный получил псевдоним Лонг. Сотрудники ФБР, проведя кропотливую работу, установили таинственного посетителя, побывавшего в

советском посольстве 15 января 1980 года. Им оказался Рональд Уильям Пелтон, бывший сотрудник АНБ, работавший там с 1964 по 1979 год. Пелтон был взят под плотный контроль, и 24 октября 1985 года специальный агент ФБР Дейв Фолкнер допросил его в номере отеля «Аннополис-Хилтон», продемонстрировав в ходе допроса фотографию Анатолия Славнова — сотрудника КГБ, с которым Пелтон встречался в Вене. Под тяжестью улик Пелтон признался в том, что в январе 1980 года сам предложил свои услуги КГБ в Вашингтоне и до самого своего ареста давал подробную информацию о деятельности и элементах безопасности АНБ в семидесятые годы. Он передал КГБ 60-страничный документ, озаглавленный им «Папка параметров связи», в которой рассматривались средства связи, считавшиеся в АНБ наиболее эффективными, методика их анализа и результаты. Пелтон выдал также пять систем сбора данных электронной разведки и среди них операцию «Айви Беллз», в ходе которой производился съём информации с советского подводного кабеля, пролежавшего по дну Охотского моря. Под тяжестью улик Пелтон вынужден был признаться в предательстве, был арестован и вскоре предстал перед судом. Пятого июня 1986 года он был приговорен к пожизненному заключению.

Воскресил Юрченко и старые страхи ЦРУ и ФБР, сообщив, что умерший 2 мая 1982 года Игорь Григорьевич Орлов, работавший на ЦРУ с 1946 по 1961 год, действительно был агентом КГБ. Но самое главное, в одном из своих заявлений Юрченко сообщил, что Орлов привлек одного из своих сыновей к шпионской деятельности в пользу СССР. Таким образом, дело САШИ, возникшее с подачи Голицына, получило неожиданное продолжение. В январе 1988 года вдова Орлова Элеонора и два его сына — Джордж и Роберт — вновь подверглись многочисленным допросам. Им были

продемонстрированы пятистраничные показания Юрченко и магнитофонная запись его допроса. В доме Элеоноры Орловой и в картинной галерее, которой она владела, были проведены обыски, не давшие никаких результатов. В марте Элеонору заставили пройти проверку на детекторе лжи, после чего дело было закрыто, на этот раз окончательно.

По мнению сотрудников ЦРУ, знакомых с делом Юрченко, он выдал в общей сложности двенадцать агентов, а весь комплекс информации был поистине бесценным. Подтверждает эту точку зрения и факт ужина Юрченко в кабинете директора ЦРУ Уильяма Кейси, что само по себе является признанием его заслуг. Нельзя сбрасывать со счетов и странную туристическую поездку Юрченко в Канаду.

Но неожиданно для всех 2 ноября 1985 года Юрченко сбежал от американцев. По его словам, он вылез из окна туалета в вашингтонском ресторане «Пьер де Крюшон» в студенческо-туристическом районе Джорджтаун. Молодой агент ЦРУ Том Хеннен, сопровождавший Юрченко, вероятно, увлекся трапезой и не заметил побега. (Кстати, у входа в ресторан с тех пор висит «мемориальная доска» в память об этом событии, а над столом, где в тот день он сидел, — табличка с надписью: «В. Юрченко. Последний ужин в США. Суббота, 2 ноября 1985 года».)

Появившись в посольстве СССР, Юрченко поведал о том, что якобы в Риме на территории Ватиканского музея его похитили с применением наркоза сотрудники ЦРУ, тайно вывезли в США и в течение трех месяцев содержали на вилле Фредериксберг под Вашингтоном, вытягивая из него информацию с помощью психотропных средств. Но при первой же возможности он бежал и вот теперь, мол, явился в посольство СССР.

В резидентуре и в Москве были крайне удивлены появлением Юрченко. Из Центра последовала команда:

немедленно взять у него кровь и мочу на анализ, провести первичный медосмотр, сохранить изъятые у него таблетки и немедленно переправить самого Юрченко в Москву. Седьмого ноября 1985 года в сопровождении сотрудников резидентуры (в том числе и Мартынова, арестованного по прилете в Шереметьево) Юрченко был доставлен в Москву, где в точности повторил свою версию. Его возвращение широко освещалось иностранными журналистами как в Вашингтоне, так и в Москве. На завершающей пресс-конференции в Москве Юрченко с пафосом заявил: «Я понимал, что у меня за спиной великий народ, наши советские люди... Я хотел бы еще раз выразить глубокую благодарность нашей партии, правительству за все сделанное для моего спасения».

По словам Н.С. Леонова, после возвращения Юрченко руководство КГБ не было особенно заинтересовано в доскональном расследовании причин произошедшего. Советское руководство решило полностью использовать политические преимущества, которые давало бегство Юрченко из плена ЦРУ. Это подтверждает и О. Калугин, считающий, что возвращение Юрченко было спасением для Крюкова. Так или иначе, но Юрченко был награжден за проявленное мужество знаком «Почетный чекист» и даже оставлен на работе в ПГУ, правда на третьестепенной должности в одном из институтов. А в 1991 году он был отправлен в отставку и поселился в дачном поселке КГБ под Москвой.

Американцы были в шоке от побега Юрченко и его твердого решения вернуться в СССР. Ими была развернута широкая кампания в прессе с целью полностью скомпрометировать Юрченко в глазах Москвы. В газетных публикациях смаковались его визиты к шефу ЦРУ У. Кейси, подробно живописались все выданные им секреты. В самом ЦРУ был полностью

реорганизован отдел контрразведки, а на его месте был создан центр контрразведки, начальник которого был понижен в ранге до уровня помощника по вопросам контрразведки.

Но в 1994 году история с Юрченко получила неожиданное продолжение. Двадцать первого февраля около своего дома в Арлингтоне (штат Вирджиния) был арестован Олдрич Эймс, возглавлявший контрразведывательный отдел в управлении СССР и стран восточного блока в ЦРУ. Он был арестован по обвинению в шпионаже в пользу СССР, а потом России. Чуть позже по тому же обвинению была арестована его жена Мария Росарио Эймс. В ходе расследования было установлено, что Эймс пошел на контакт с КГБ в апреле 1985 года. За это время он по официальной версии ЦРУ выдал двенадцать сотрудников КГБ и ГРУ, завербованных американцами, более двух десятков иностранных агентов ЦРУ в Москве и сообщил более чем о пятидесяти операциях ЦРУ против СССР, получив в качестве вознаграждения от КГБ более двух с половиной миллионов долларов.^[79] Все это заставляет пересмотреть дело Юрченко и взглянуть на него с другой стороны.

Весьма вероятно, что вербовка Эймса и полученная от него первая информация о предателях заставила руководство ПГУ серьезно задуматься о безопасности столь ценного источника. Как там резонно считали, отвод от секретной информации и аресты агентов привели бы к лихорадочному поиску источника утечки информации в ЦРУ, что могло поставить под угрозу Эймса. С целью предотвращения его провала была разработана операция прикрытия, в которой главная роль отводилась Юрченко. Бежав в США, Юрченко выдал ЦРУ ряд ценной информации, выдвинув при этом условие, чтобы его переход на Запад сохранялся в

тайне. ЦРУ не могло не поверить ему. А тем временем КГБ вывез Говарда в СССР, а вслед за ним бежал и Юрченко. Таким образом, все провалы в Москве ЦРУ списал на Говарда, а Эймс спокойно продолжал работать на КГБ в течение девяти лет. В свете вышесказанного становится ясно, почему Юрченко не только не был наказан, но даже был награжден знаком «Почетный чекист», а его бывший начальник С.М. Голубев получил орден Ленина, звание генерал-майора и вскоре стал заместителем начальника управления «К» ПГУ. Если это предположение верно, то дело Юрченко оборачивается уникальнейшей по сложности и блестяще проведенной операцией ПГУ по дезинформации американской разведки в период «холодной войны».

Следует заметить, что в восьмидесятые годы случаи предательства наблюдались не только в разведке, но и в контрразведке. Так, в 1985 году в Москве был арестован с поличным заместитель начальника отделения Московского управления КГБ майор Сергей Воронцов. На следствии Воронцов заявил, что установил связь с сотрудниками ЦРУ в 1984 году, а пошел на сотрудничество с ними не по идейным соображениям, а из желания заработать, так как перед этим он был уличен в мелкой растрате казенных денег и понижен в должности. Желая поправить свое материальное положение, он подбросил в машину американского дипломата записку с предложением о сотрудничестве. Контакт был установлен только с третьей попытки. Воронцов передал американцам свежие данные о методе «шпионской пыли», применяемой контрразведкой КГБ для слежки за иностранцами в Москве, несколько номеров «Информационного бюллетеня» контрразведки, посвященных практическим приемам, способам и тактике борьбы против агентуры

западных спецслужб, выдал своих коллег и агентуру контрразведки в Москве. Всего за свою работу на ЦРУ Воронцов получил около 30 тысяч долларов.

Выдал Воронцова Эймс, после чего он, как уже говорилось, был немедленно арестован во время проведения тайниковой операции. В ходе следствия он полностью признал свою вину и согласился участвовать в оперативной игре с американцами. В результате успешно проведенной операции 10 марта 1986 года был задержан с поличным сотрудник московской резидентуры ЦРУ Майкл Селлерс, позднее объявленный персоной нон грата.

После окончания следствия дело Воронцова было передано в Военную коллегия Верховного суда СССР, которая приговорила его к расстрелу. В 1986 году приговор был приведен в исполнение.

А в 1990 году Эймс выдал другого высокопоставленного сотрудника контрразведки КГБ Полякова. Сейчас стало известно, что Поляков был «подставой». [\[80\]](#)

В 1986 году бежал на Запад полковник ПГУ КГБ В.П. Гундарев. Виктор Гундарев в 1964 году окончил Высшую школу КГБ имени Дзержинского и был направлен на работу в ПГУ. Его карьера складывалась довольно успешно, и в начале восьмидесятых годов он в очередной раз был командирован в Грецию в афинскую резидентуру КГБ. Там у него завязались интимные отношения с учительницей русской школы при посольстве. Это обстоятельство и послужило толчком к бегству Гундарева в США в 1986 году. Вместе с ним бежала и учительница, а также младший сын Максим, которого он взял с собой. ЦРУ после соответствующей проверки и подготовки использовало Гундарева, как и А. Богатого, в оперативных играх с КГБ. Он несколько раз давал знать в советское посольство, что готов

сотрудничать при условии безопасного возвращения в СССР. Однако реакции со стороны КГБ так и не последовало.

Следует отметить, что жена Гундарева в течение длительного времени пыталась вернуть себе младшего сына, предпринимая различные шаги, вплоть до обращения через американское посольство в Москве с письмом на имя президента США. Но успеха она не достигла — власти США посчитали, что у отца больше прав на сына.

В 1989 году пошел на измену Родине полковник ГРУ Вячеслав Максимович Баранов.

Баранов родился в 1949 году в Белоруссии. После окончания восьмого класса средней школы он поступил в суворовское училище, а затем — в Черниговское высшее военное летное училище. Получив офицерское звание, он несколько лет прослужил в войсках. В это время он, стремясь сделать карьеру, много читал, выучил английский язык и даже стал секретарем партийной организации эскадрильи. Поэтому когда в авиационный полк, где служил Баранов, пришла разнарядка на кандидата для поступления в Военно-дипломатическую академию, командование остановило выбор именно на нем.

Во время учебы в академии Баранов успешно прошел все курсы, но в 1979 году, перед самым выпуском, совершил серьезный проступок — грубо нарушил режим секретности. В результате, хотя он и был направлен для дальнейшего прохождения службы в ГРУ, но целых пять лет являлся невыездным. И только в июне 1985 года, когда началась так называемая перестройка и было провозглашено «новое мышление», Баранов выехал в первую зарубежную командировку. Его направили в Бангладеш, в Дакку, под «крышей» руководителя группы технических специалистов.

Осенью 1989 года, в конце четырехгодичной командировки к Баранову стал подбирать ключи оперативник ЦРУ в Дакке Брэд Ли Брэдфорд. Однажды после волейбольного матча между «околопосольскими» сборными СССР и США он пригласил Баранова на обед к себе на виллу. Баранов приглашение отклонил, но и начальство не поставил об этом в известность. Через несколько дней Брэдфорд повторил свое приглашение, и на этот раз Баранов обещал подумать.

Двадцать четвертого октября 1989 года Баранов позвонил Брэдфорду из ресторана «Лин Чин» и договорился о встрече на следующий день. Во время беседы Брэдфорд поинтересовался материальным положением советских зарубежных служащих в эпоху перестройки, на что Баранов ответил, что оно сносное, но, мол, никто не против получать побольше. При этом он пожаловался на тесноту своей московской квартиры и болезнь дочери. Разумеется, Брэдфорд намекнул Баранову, что все это вполне поправимо, и предложил встретиться еще раз.

Вторая встреча Баранова и Брэдфорда состоялась через три дня, 27 октября. Идя на нее, Баранов полностью отдавал себе отчет в том, что его пытаются завербовать. Но в СССР полным ходом шла перестройка, и он решил подстраховаться на будущее, некоторое время поработав на двух хозяев. Поэтому разговор между Брэдфордом и Барановым шел совершенно конкретный. Баранов согласился работать на ЦРУ, поставив условием свой вывоз вместе с семьей из СССР в США. Вот какие показания о второй встрече дал Баранов на следствии:

«На второй встрече с Брэдфордом в Дакке я поинтересовался, что ждет меня на Западе. Брэдфорд ответил, что после достаточно

длительной и кропотливой работы со мной (имея в виду, разумеется, опрос) мне со всей семьей будет предоставлен вид на жительство, оказана помощь в устройстве на работу, подыскании жилья в выбранном мною районе США и в изменении внешности, если это потребуется.

Я спросил: «Что будет, если я откажусь от опроса?» Брэдфорд, до этого беседовавший со мной в мягкой и доброжелательной манере, довольно резко и сухо произнес: «Никто принуждать вас не будет. Но в этом случае наша помощь ограничится предоставлением вам и вашей семье статуса беженцев в США или в одной из стран Европы. В остальном вы будете предоставлены сами себе».

Окончательно вербовка Баранова состоялась во время третьей встречи, 3 ноября 1989 года. На ней присутствовал резидент ЦРУ в Дакке В. Крокет, бывший в свое время куратором другого предателя из ГРУ — А. Филатова — и в 1977 году высланный из Москвы за действия, несовместимые со статусом дипломата. Во время встречи были оговорены условия, на которых Баранов согласился работать на американцев — 25 тысяч долларов за согласие сотрудничать выплачиваются немедленно, по 2 тысячи долларов ежемесячно при активной деятельности и по тысяче долларов — при вынужденном простое. Кроме того, американцы обязывались вывезти его вместе с семьей из СССР в случае необходимости. Правда, на руки Баранов получил только 2 тысячи долларов.

С этого момента новый агент ЦРУ, получивший псевдоним ТОНИ, начал отрабатывать полученные деньги и первым делом рассказал Крокету и Брэдфорду о структуре, составе и руководстве ГРУ, зоне

ответственности оперативных управлений и направлений, составе и задачах резидентур ГРУ и ПГУ КГБ в Дакке, об используемых советскими разведчиками должностях прикрытия. Кроме того, он поведал о планировке и месторасположении помещений резидентур ГРУ и КГБ в здании советского посольства в Дакке, о порядке обеспечения их безопасности и о последствиях вербовочного подхода американцев к одному из сотрудников резидентуры ПГУ КГБ в Бангладеш. На этой же встрече были оговорены условия связи Баранова с сотрудниками ЦРУ в Москве.

Через несколько дней после вербовки Баранов отправился в Москву. Отгуляв положенный ему отпуск, он приступил к работе на новом месте — под «крышей» одного из подразделений Министерства внешней торговли. А 15 июня 1990 года он сигнализировал американцам о готовности начать активную работу: в телефонной будке около станции метро «Кировская» он нацарапал на телефоне заранее оговоренный несуществующий номер — 345-51-15. После этого он трижды выходил в условленное Крокетом место встречи со своим московским оператором, но безрезультатно. И только 11 июля 1990 года состоялась встреча Баранова с заместителем резидента ЦРУ в Москве Майклом Саликом, произошедшая на железнодорожной платформе Маленковская. Во время этой встречи Баранову были вручены два пакета, в которых содержались инструкции по поддержанию связи, оперативное задание, касающееся сбора данных о находящихся в распоряжении ГРУ бактериологических препаратах, вирусах и микробах, и 2 тысячи рублей для покупки радиоприемника.

Баранов старательно выполнял все задания, но иногда его преследовало форменное невезение. Так, один раз после закладки им в тайник контейнера с разведданными строительные рабочие

заасфальтировали место закладки и его работа пошла прахом. Более того, американцы по-прежнему не выходили с ним на связь, но целых 26 раз передали по радио сообщение. В нем говорилось, что сигнал «Павлин», означающий готовность Баранова к личной встрече, ими зафиксирован, но провести ее они не в состоянии из-за случившегося 28 марта 1991 года пожара в здании посольства США в Москве.

Последняя встреча Баранова с сотрудником ЦРУ состоялась в апреле 1991 года. На ней ему рекомендовали по возможности больше не пользоваться тайниками, принимать инструкции по радио и выплатили 1250 рублей на ремонт личного автомобиля «Жигули», который пострадал в аварии. После этой встречи Баранов понял, что его надежды на бегство из СССР при помощи ЦРУ несбыточны. Вот что он говорил об этом во время следствия:

«Ни условия, ни способы и сроки возможного вывоза меня и семьи из СССР с американцами не обсуждались и до меня ими не доводились. На мой вопрос о возможной схеме вывоза в обоих случаях и в Дакке, и в Москве следовали заверения общего характера. Скажем, что мероприятие такого рода очень сложно и требует определенного времени и усилий для подготовки. Мол, такая схема будет доведена до моего сведения позже... Довольно скоро у меня возникли серьезные сомнения в том, что такая схема вообще когда-нибудь будет мне сообщена, а теперь... мои сомнения превратились в уверенность».

К концу лета 1992 года у Баранова не выдержали нервы. Посчитав, что на счете в австрийском банке у него должно находиться около шестидесяти тысяч

долларов, Баранов решает нелегально покинуть страну. Взяв на работе 10 августа три дня отгула, он купил билет на авиарейс Москва — Вена, предварительно оформив через знакомого за 150 долларов фальшивый заграничный паспорт. Но 11 августа 1992 года при прохождении пограничного контроля в Шереметьево-2 Баранов был арестован, и на первом же допросе в военной контрразведке полностью признал свою вину.

Существует несколько версий того, как контрразведка вышла на Баранова. Первая была выдвинута контрразведкой и сводилась к тому, что Баранова вычислили в результате слежки за сотрудниками ЦРУ в Москве. Согласно этой версии, сотрудники наружного наблюдения в июне 1990 года обратили внимание на интерес оперативников ЦРУ в Москве к телефонной будке у станции метро «Кировская» и на всякий случай взяли ее под контроль. Через некоторое время в будке был зафиксирован Баранов, совершавший действия, весьма похожие на постановку условного сигнала. Спустя некоторое время Баранов вновь появился у той же будки, после чего его взяли в оперативную разработку и в момент попытки незаконного выезда из страны задержали. По второй версии Баранов попал в поле зрения контрразведки после того, как продал свои «Жигули» за 2500 немецких марок, что в 1991 году попадало под ст. 88 УК РСФСР. Еще одна версия сводится к тому, что пограничники задержали Баранова, потому что заподозрили что-то неладное с паспортом, а тот на допросе в контрразведке утратил контроль над собой и раскололся. Но наибольшего внимания заслуживает четвертая, самая простая версия: Баранова сдал все тот же О. Эймс.

После ареста Баранова началось долгое и скрупулезное следствие, в ходе которого он всячески старался приуменьшить нанесенный им ущерб. Так, он

усиленно убеждал следователей, что все сведения, переданные им ЦРУ, являются «секретами Полишинеля», поскольку давно известны американцам от других перебежчиков, в том числе от Д. Полякова, В. Резуна, Г. Сметанина и других. Однако следователи с ним не согласились. По словам начальника пресс-службы ФСБ А. Михайлова, в ходе следствия было установлено, что «Баранов раскрыл разведывательную сеть родного ГРУ на территории других стран», «выдал довольно много людей, в основном связанных с ГРУ, а также агентов», «серьезно подорвал работу своего ведомства». Из-за предательства Баранова были «законсервированы» многие агенты и свернута работа с доверенными лицами, находившимися в разработке, с которыми он поддерживал контакты. Кроме того, была ограничена оперативная работа известных ему офицеров ГРУ, «расшифрованных» с его помощью американцами.

В декабре 1993 года Баранов предстал перед Военной коллегией суда Российской Федерации. Как было установлено судом, часть сведений, переданных Барановым ЦРУ, ранее уже была ему (ЦРУ) известна, а главное, что было особо подчеркнуто в приговоре, действия Баранова не повлекли за собой провала известных ему лиц. Учитывая эти обстоятельства, суд под председательством генерал-майора юстиции В. Яськина 19 декабря 1993 года вынес Баранову крайне мягкий приговор, назначив наказание ниже допустимого предела: шесть лет колонии строгого режима с конфискацией изъятой у него валюты и половины принадлежащего ему имущества. Кроме того, полковник Баранов не был лишен своего воинского звания. Определенный ему судом срок Баранов отбывал в лагере «Пермь-35».

Несмотря на провозглашенную в стране перестройку, случаи предательства со стороны

сотрудников советских спецслужб продолжали иметь место. Так, в начале 1990 года вошел в контакт с ЦРУ сотрудник ПГУ КГБ Игорь Черпинский.

Черпинский был командирован в Бельгию в 1989 году в брюссельскую резидентуру КГБ под прикрытием третьего секретаря посольства. Он приехал в Бельгию вместе с женой и тяжело больным сыном, родившимся в «чернобыльском», 1986 году. Больной сын был постоянно кровоточащей раной для Черпинского, а побывав в начале 1990 года в СССР в отпуске, он воочию столкнулся с новыми реалиями советской действительности.

Используя его подавленное состояние, сотрудники ЦРУ сделали ему вербовочное предложение, обещав вылечить сына в Америке, и он не устоял. Для закрепления позиций Черпинского в резидентуре ему было подведено несколько контактов, но он отказался быть «кротом» и потребовал вывезти его вместе с семьей в США.

Седьмого марта 1990 года в пятницу, Черпинский вместе с женой, сославшись на болезнь сына, отсутствовали на праздничном концерте в посольстве, посвященном празднику 8 Марта, а после выходных не вышли на работу. На следующий день занимаемая Черпинскими квартира была вскрыта, но никаких следов присутствия хозяев обнаружено не было. Вскоре на окраине Брюсселя была найдена брошенная Черпинским машина, и теперь уже ни у кого не оставалось сомнений в том, что он бежал в США.

В обмен на предоставление политического убежища Черпинский раскрыл агентурную сеть КГБ в Бельгии. Составленный им список включал представителей самых различных профессий: политических деятелей, дипломатов, юристов, журналистов, бизнесменов, а также одного священника и одного отставного авиационного генерала. Правда, никаких доказательств

их работы на советскую разведку он не представил. Вскоре после его побега бельгийская полиция арестовала одного из госчиновников, обвинив его в связях с КГБ. Но уже через десять дней он оказался на свободе в связи с недоказанностью обвинений. Кроме того, бельгийская контрразведка (СДРА), которая по показаниям Черпинского начала расследование, столкнулась с одним весьма интересным моментом. Как выяснилось, кое-кто из выданных Черпинским агентов работал не только на КГБ, но и на ЦРУ.

Не пощадил Черпинский и своих бывших сослуживцев по резидентуре. Ее состав был раскрыт им полностью, в результате чего троим разведчикам пришлось покинуть Бельгию. В настоящее время Черпинский вместе с семьей под вымышленной фамилией проживает в США.

В том же 1990 году встал на путь предательства сотрудник КГБ Сергей Илларионов.

Илларионов родился в 1956 году. После окончания МГИМО его пригласили на работу в ПГУ КГБ. Пройдя годовой курс обучения в институте разведки, Илларионов в 1980 году получает назначение в управление «Т» ПГУ (научно-техническая разведка).

В 1981 году Илларионова направляют в первую командировку в Италию. С 1981 по 1988 год он работал в миланском консульстве под дипломатическим прикрытием. Следует отметить, что промышленный север Италии, особенно треугольник Турин — Милан — Генуя, — это регион, где сосредоточены основные военные предприятия, центр передовой научной технологии, своего рода итальянская «Силиконовая долина».^[81] Поэтому в Милане Илларионов специализировался на науч-но-технической разведке и, если верить сведениям, появившимся впоследствии в

итальянской печати, создал сеть информаторов из числа сотрудников военно-промышленного комплекса Италии.

В 1988 году Илларионов возвратился в Москву, но уже в июне 1990 года его вновь командируют в Италию, на этот раз в Геную, под прикрытием должности вице-консула. В своем офисе в Нерви на юго-востоке от Генуи он вновь начинает активную работу по добыванию научно-технической и военной информации. При этом он живет на широкую ногу, чему весьма способствовала его привлекательная жена Валентина, тоже сотрудница консульства. По свидетельству итальянского журнала «Панорама», Илларионов был *«изящным молодым человеком, любимцем печати и местных телекомпаний. Его жена Валентина всегда присутствовала на самых изысканных городских раутах. Дом супругов Илларионовых на виа Контубернио Д'Альбертис, в районе Сан-Фруттуотис был всегда открыт для итальянских деловых людей, промышленников, политиков, профсоюзных деятелей. Они были заметными людьми в Генуе»*.

Основной оперативной задачей Илларионова в Генуе был сбор информации о производстве, рыночной стратегии и научных исследованиях на предприятиях ВПК, расположенных в Лигурии: «Ото Мелара», «Элсаг», «Итал-кантьери», «Маркони» и других. Со своими задачами Илларионов справлялся успешно, о чем свидетельствует тот факт, что он получил полные данные о проекте и строительстве быстроходного транспортного корабля «Дестриеро».

Однако в декабре 1990 года Илларионов встал на путь предательства и начал сотрудничать с представителями ЦРУ в Италии. Об этом факте стало известно КГБ, вполне возможно получившему эту информацию от О. Эймса, работавшего в это время в контрразведывательном центре ЦРУ в Ленгли. Было

принято решение отозвать Илларионова из Италии, но это только насторожило его. В январе 1991 года в одном из ресторанов в Сан-Ремо Илларионов и его жена встретились с двумя сотрудниками ЦРУ и вместе разработали план бегства в США.

Двенадцатого февраля 1991 года в последний день карнавала после дружеской вечеринки Илларионов с женой покинули Геную на собственной автомашине. За городом они бросили свой новый белый «Гольф» и пересели в машину, которая доставила их в аэропорт Мальпенса, откуда на частном самолете с американскими паспортами на руках они покинули Италию. В консульстве Илларионовых хватились только на четвертый день. К поискам была подключена итальянская полиция, а потом и контрразведка (СИСМИ). Однако расследование они вели весьма неторопливо и обыск в доме Илларионовых был произведен только спустя две недели.

Тем временем Илларионов вместе с женой прибыл в США на военную базу в Пенсакеле во Флориде, где начал давать подробные показания сначала сотрудникам ЦРУ и ФБР, а потом и представителям СИСМИ.

Первым от предательства Илларионова пострадал Раффаэле Натале, молодой итальянский карабинер, служивший с 1984 по 1988 год в итальянском посольстве в ГДР. В обмен на выездную визу для своей невесты, полученную при содействии Илларионова, он передал интересующие того документы. В ноябре 1991 года Натале был арестован, во всем сознался и был приговорен к шести годам девяти месяцам тюремного заключения за шпионаж.

Всего Илларионов назвал 28 человек, причастных, по его словам, к шпионской деятельности в пользу КГБ. Среди них, помимо представителей бизнеса и государственных служащих, было два генерала,

состоявшие на службе в итальянской армии и имевшие связи с командованием НАТО. По некоторым данным, Илларионов впервые установил с ними контакты во время ежегодных военно-морских смотров, проводимых в Генуе. В конце января 1992 года итальянцы совместно с ЦРУ провели задержание ряда лиц, названных Илларионовым, и в отношении них началось судебное разбирательство. Сам же Илларионов, получив политическое убежище, остался в США.

Глава 8

1990-е годы

В 1991 году — прекратил свое существование СССР, государство, возникшее в 1917 году. Подписанное в Беловежской пуще партизанским образом соглашение тремя бывшими коммунистическими аппаратчиками окончательно довершило распад страны, к которому на протяжении семи лет вел дело М. Горбачев.

Новый начальник ПГУ КГБ, а потом и Службы внешней разведки (СВР) России академик Евгений Максимович Примаков и новый начальник ГРУ генерал-полковник Евгений Леонидович Тимохин сумели сохранить вверенные им службы от полного разгрома, но без потерь не обошлось. Пришлось сократить штаты, многие сотрудники ушли сами, а иные бежали на Запад.

Так, в 1991 году из Австрии бежал сотрудник венской резидентуры ГРУ полковник Александр Крапива, работавший под прикрытием должности первого секретаря советской миссии при ООН. Вена, куда Крапива прибыл в декабре 1990 года, стала вторым местопребыванием полковника. Первым было в 1980-х годах в США, также под дипломатическим прикрытием.

Причины, толкнувшие 41-летнего Крапиву на путь предательства, неизвестны. Например, американская газета «Санди телеграф» считает, что Крапива был завербован еще во время своей первой командировки. Но так или иначе, 24 февраля 1991 года вместе с женой и двумя детьми Крапива на машине выехал из Вены в ФРГ, а оттуда в США, где и попросил политического убежища.

Об этом МИД Австрии сообщило советскому послу в Вене лишь через неделю.

После того как его местонахождение стало известно, сотрудники советского МИД встретились с ним, но он категорически отказался возвращаться в СССР. В мае 1991 года начальник ГРУ генерал армии В. Михайлов в интервью корреспонденту «Известий» С. Мостовщикову охарактеризовал перебежчика «негодяем». У Михайлова были все основания для столь резкой оценки. Дело в том, что весной 1991 года бежал в США и попросил там политического убежища еще один полковник ГРУ — Сергей Двырник.

Бежали на Запад не только офицеры ГРУ, но и сотрудники КГБ. В мае 1991 года из Норвегии в Англию перебежал майор ПГУ КГБ Михаил Бутков.

Бутков родился в 1958 году в семье кадрового офицера ГРУ. После школы он поступил в Военный институт иностранных языков, который окончил с красным дипломом, получив назначение в политотдел Черноморского флота. Там он, стремясь быть везде первым, стал отличником боевой и политической подготовки и получил настолько блестящую характеристику, что руководство особого отдела рекомендовало молодого офицера для дальнейшего прохождения службы в органы госбезопасности.

Институт разведки имени Андропова парторг группы Бутков также окончил с красным дипломом и был распределен в 3-й отдел ПГУ. В 1989 году он выезжает в первую зарубежную командировку в Норвегию под «крышей» собственного корреспондента газеты «Рабочая трибуна». В резидентуре в Осло старший оперуполномоченный майор Бутков работал по линии ПР и отвечал за координацию «активных мероприятий». Это предполагало, помимо всего

прочего, его высокую активность среди представителей журналистского корпуса и в прессе.

Одним из его контактов, с которым он особенно часто встречался, была американская журналистка, корреспондент английской газеты «Файнаншенал таймс». В отличие от многих разведчиков, использовавших прикрытие журналиста, он регулярно печатался в родном издании, хотя и не слишком часто. Так, в 1991 году он опубликовал всего четыре статьи, но при этом весьма активно сотрудничал с зарубежными изданиями. Здесь уместно отметить, что, в отличие от других, «чистых» журналистов, Бутков явно не мог жаловаться на свои бытовые условия. Как сотрудник разведки, он занимал престижную квартиру, аренда которой составляла тысячи долларов в месяц.

В Осло Бутков приехал вместе с женой Мариной, чей отец также был сотрудником ГРУ, и двумя дочерьми. Однако супруги уже давно охладели друг к другу. При этом разводиться они не спешили. Бутков — потому, что развод означал для него отзыв в Москву и конец карьеры, а Марина — из желания сохранить дочерям отца. Поэтому неудивительно, что в Осло Бутков вскоре близко сошелся с Марией Н., женой одного из советских дипломатов. Дочь полковника КГБ, она служила в представительстве «Интуриста» в Осло, а ее муж был атташе посольства СССР в Норвегии. В советской колонии, как и в руководстве резидентуры, многие знали о любовной связи Буткова, но никто не хотел ломать чужие судьбы, к тому же срок командировки дипломата подходил к концу. В 1990 году Мария с мужем вернулась в Москву, но продолжала постоянно писать Буткову и звонить ему по телефону, рассказывая, какое неважное житье теперь на социалистической родине. Постепенно у них созрел план, который был приведен в исполнение в мае 1991 года.

Мария, которая к тому времени развелась с мужем, вместе с шестилетней дочерью выехала в Стокгольм, а Бутков 22 мая 1991 года, сообщив резиденту, что едет в командировку в соседнюю Данию, исчез из посольства. Больше в посольстве его не видели. Но неожиданно через три дня он позвонил жене и сказал: «Бери детей и приезжай. Я не желаю возвращаться в Москву!» Марина Буткова категорически отказалась следовать за мужем и немедленно сообщила о его звонке в посольство. Там же не нашли ничего лучшего, как обратиться в Интерпол с просьбой провести расследование в связи с пропажей корреспондента советской газеты. Но представители Интерпола отказались проводить расследование, сославшись на информацию одной из западных радиостанций о том, что Бутков находится в Англии и его допрашивает английская контрразведка МИ-5.^[82] При этом Центр общественных связей КГБ СССР опубликовал в советской прессе опровержение сообщений о том, что Бутков был офицером КГБ и бежал в Англию, хотя действительное положение вещей им было хорошо известно.

Сам же Бутков, как стало известно позднее, обратился к резиденту СИС в Стокгольме с просьбой о политическом убежище. В качестве благодарности за это Бутков выдал известные ему намечавшиеся операции КГБ в Скандинавии и назвал всех сотрудников резидентур КГБ и ГРУ в Осло. В СССР продолжали скрывать факт предательства сотрудника ПГУ до тех пор, пока в зарубежной печати не появилось открытое письмо самого Буткова в ПГУ КГБ, поставившее все на свои места. В этом письме Бутков так объяснил мотивы своего побега:

«Пользуясь удобным случаем, представившимся в связи с приездом в Лондон моего отца, хотел бы поставить Вас в

известность о мотивах моего ходатайства о политическом убежище в Великобритании.

Мое обращение к британским властям с просьбой о предоставлении политического убежища в мае 1991 года было продиктовано политическими мотивами. Это был совершенно сознательный и самостоятельный шаг, никакому давлению я не подвергался. Я считал своим долгом противостоять попыткам реакционных сил в СССР, и прежде всего КПСС и ее инструмента КГБ, заморозить и задушить процесс демократических преобразований. Я считал, что задания, которые получают загранаппараты КГБ, попросту преступны и направлены на сохранение власти элиты в ущерб народу и государству. Твердое убеждение в том, что подлинного врага следует искать внутри страны, а не снаружи и что интересы Запада совпадают с подлинными интересами народа (а отнюдь не верхушки, разумеется), и привело меня к решению: помочь политическим лидерам Запада верно оценить процессы, происходящие в СССР, вопреки активно распространявшейся КГБ дезинформации о демократическом движении и его лидерах. Считаю, что я выполнил свой долг.

Хочу также отметить, что оперативный ущерб, нанесенный мною, ограничивается моими личными контактами с теми сотрудниками, которые, по моему мнению, уже были известны.

Будучи русским человеком и патриотом, я не могу отказаться от своей Родины и вернуться в Россию, как только буду полностью уверен, что законодательство этой страны полностью защитит меня от любого произвола и обеспечит

необходимые, принятые в свободном мире свободы.

С уважением, Михаил Бутков.

2.09.1991».

Вслед за публикацией этого письма последовала высылка из Норвегии восьми советских дипломатов за деятельность, не совместимую с их официальным статусом. Среди них был и резидент ПГУ КГБ в Осло Л. Кошляков.

А в ноябре 1991 года Бутков шлет на родину очередное письмо:

«После того как я попросил политического убежища в Великобритании, свои мотивы я изложил в письме и направил его в Первое главное управление (внешняя разведка) КГБ СССР 2 сентября 1991 года. Так почему же я ушел? Потому, что многочисленные интриги советского руководства, связанные с ними факты и события, о которых не было известно общественности на Западе, но которые не были секретом для сотрудников КГБ, привели меня к убеждению: перестройка в СССР — не что иное, как ширма, попытка сохранить власть КПСС и номенклатуры путем частичной, фасадной модернизации страны. И власть эту правящие структуры не отдадут ни за что, пусть даже страна окажется на грани катастрофы. Поэтому перед визитом Горбачева в Осло в июне 1991 года я понял: писать (как журналист) восторженные статьи о его Нобелевской лекции и освещать его визит (как разведчик) я просто не смогу. Последней каплей был, пожалуй,

визит в Норвегию тогдашнего министра внутренних дел СССР Б. Пуго. Видя, как наши дипломаты и резидентура обхаживают этого монстра, виновного в пролитии крови в Вильнюсе, слыша его заявления о том, что «обстановка в Союзе под контролем», непокорные республики будут приведены к послушанию и что Центр никому власть не отдаст, я испытал глубочайшее отвращение. Решил, что работать на таких людей — преступление против собственного народа.

Я был майором КГБ, старшим оперативным уполномоченным по должности. Помимо прочего, отвечал за координацию так называемых «активных мероприятий», т. е. тайных акций влияния в Норвегии. Поэтому читал и регистрировал все телеграммы с заданиями, поступавшими из Центра. Направленность их была очевидна: убедить Запад, что только Горбачев и его правящая верхушка отвечает интересам и чаяньям всего человечества. Соотношение «чистых» советских представителей в Осло и разведчиков (КГБ и ГРУ) составляло пропорцию 40 и 60 % в пользу последних. Ведь на них идут деньги как от ведомств прикрытия, так и от разведок на оперативные и прочие расходы.

Итак, шла большая политическая игра. Страна катилась к катастрофе. «Демократ» Горбачев уверенно прокладывал дорогу к путчу, подписывая указы о патрулировании городов войсками, о чрезвычайном положении, распорядившись о вводе войск в Литву зимой 1990 г. и в Москву весной 1991 г., предоставив КГБ СССР чрезвычайные полномочия. А внешняя разведка КГБ отвечала за создание

«благоприятных внешних условий» для внутренней политики советского руководства. Таким образом она соучаствовала в преступлении против своего народа. Многие мои бывшие коллеги утешают себя тем, что разведка-де дело «чистое», служит не партии, не режиму, а стране и народу. Абсурд!

Не мог я оставаться нейтральным, когда решается судьба нации. Я изменил КГБ, КПСС, тем, кто предавал и мучил мой народ, прикрываясь высокими словами об Отечестве. И считаю, что поступил правильно.

М. Бутков, Лондон, ноябрь 1991 г.».

«Русский патриот», Бутков не ограничился открытыми письмами советскому руководству и русскому народу, и в 1993 году в Лондоне вышла его книга под названием «КГБ в Норвегии — последняя глава», где он подробно описывает все, что знал об операциях ПГУ, к которым имел доступ в силу своего служебного положения. Кроме того, он обнародовал совершенно фантастические материалы о помощи, которую Россия якобы оказывает Ирану в создании ядерного оружия.

В Англии «русского человека и патриота» достойно вознаградили. Ему предоставили статус пенсионера британских спецслужб с ежегодной пенсией в 14 тысяч фунтов стерлингов, и, кроме того, он получил единовременное пособие в 100 тысяч фунтов. В Англии Бутков, заручившись новыми документами на имя Майкла Ньюмена, вступил в брак с Марией Н., после чего супруги Ньюмен приобрели дом в пригороде Лондона на Темзе.

Однако новоявленные Майкл и Мария Ньюмен так и не смогли приспособиться к жизни в Англии. Им всегда

катастрофически не хватало денег, а жить хотелось на широкую ногу. И поэтому, когда летом 1996 года эмигранты из России Игорь Фальковский и Светлана Кузнецова предложили Бутковым-Ньюменам обманывать бывших соотечественников при помощи фальшивых приглашений на стажировку в Калифорнию, они с готовностью согласились.

Разработанная ими афера была довольно проста. На фальшивых бланках бизнес-центра города Рединг они напечатали рекламные материалы с приглашением на учебу в несуществующую коммерческую школу менеджмента в Калифорнии и разослали их по 700 адресам в России и на Украине. В ответ на «приглашение» они получили заявки от 1450 человек, которые перевели на их банковские счета в Швейцарии и на островах Джерси и Гернси плату за обучение — около 2,4 миллионов долларов. С этими деньгами аферисты собирались бежать и спокойно доживать свой век в Андорре. Но судьба распорядилась иначе, и их мошенничество открылось, когда русские и украинские бизнесмены приехали в одну из московских гостиниц, где их якобы должен был встретить представитель «курсов менеджмента» перед полетом в Америку.

Английская полиция арестовала мошенников в декабре 1996 года. Следствие длилось долго. При этом никто нигде не сделал заявления, что Майкл Ньюмен — это Михаил Бутков. И только в заключительной речи судья позволил себе осторожный намек, сказав о главном подсудимом: «У него была интересная, веселая жизнь с большим количеством приключений». В итоге Бутков получил три года тюремного заключения, его жена Мария — полтора, а их подельники Фальковский и Кузнецова — в общей сложности пять лет тюрьмы.

Но не все бывшие сотрудники ПГУ КГБ были столь красноречивы, как Бутков. Так, 1 октября 1991 года

работавший в генеральном консульстве СССР в Мюнхене под прикрытием должности вице-консула подполковник ПГУ Владимир Фоменко принял решение остаться на Западе и попросил политического убежища в ФРГ. Оно было ему предоставлено. Но несмотря на поднявшийся вокруг его имени шум, Фоменко оставался нем как рыба. А с другим перебежчиком вообще случилась странная история.

Майор КГБ Сергей Папушин, долгое время работавший в ПГУ, в августе 1990 года ушел в отставку и занялся бизнесом. Достиг он на новом поприще успехов или нет — неизвестно. Но в 1991 году во время одной из своих деловых поездок в США он решил пойти на сотрудничество с американскими спецслужбами. Выкачав из него все, что он знал, его собеседники из Ленгли утратили к нему интерес. И тогда Папушин сообщил американцам чрезвычайно важные сведения о том, что один из высокопоставленных сотрудников ЦРУ завербован КГБ, намекая, возможно, на Эймса. И здесь произошло нечто странное. Через несколько часов после того, как его сообщение достигло высокого начальства в ЦРУ, Папушин скончался при загадочных обстоятельствах.

В том же 1991 году вступил на путь предательства сотрудник военной контрразведки Западной группы войск в Германии майор Владимир Александрович Лаврентьев.

Лаврентьев родился в 1954 году в подмосковной Балашихе в рабочей семье. В семидесятых годах он окончил Высшую школу КГБ и по распределению попал в Третье главное управление (военная контрразведка) КГБ. После окончания спецфакультета Института имени Ю. Андропова он был направлен в Группу советских войск в Германии в один из особых отделов в город Эберсвальд. Через некоторое время он вернулся в

Москву, продолжал работать в центральном аппарате Третьего управления, а в 1988 году вновь был командирован в Эберсвальд. Там он отвечал за связь с партийными органами, общественными организациями, а также с министерством безопасности (Штази) ГДР.

В начале 1991 года, после объединения Германии, западногерманская разведка «подвела» к Лаврентьеву с целью вербовки его старого знакомого, бывшего сотрудника органов безопасности ГДР. Расчет строился на уязвимом месте Лаврентьева — хронической нехватке денег. После непродолжительного прощупывания Лаврентьеву было сделано конкретное вербовочное предложение, которое он принял. Но в отличие от командира 244-го гвардейского полка 27-й мотострелковой дивизии подполковника Михаила Колесникова и командира роты того же полка капитана Геннадия Моисеенко, бежавших 29 ноября 1990 года из Западной группы войск в США, прихватив с собой три снаряда к новому танку «Т-80», ПТУРС «Кобра» и зенитную ракету «Тунгуска», Лаврентьев стал «кротом» и, снабженный необходимым шпионским снаряжением, регулярно поставлял ФРС (федеральная разведывательная служба) сведения, являвшиеся государственной и военной тайной. Всего с марта по октябрь 1991 года он провел со своими операторами из БНД восемь конспиративных встреч, в том числе и на территории Западной Германии. В оперативных документах немецкой разведки Лаврентьев значился под псевдонимом Бэр (Медведь).

Вернувшись в октябре 1991 года из Германии в Москву, Лаврентьев продолжал поддерживать связь с сотрудниками ФРС, причем дважды выезжал для встречи с оператором в Прибалтику. Но судьба не долго улыбалась Лаврентьеву. В марте 1994 года он был задержан своими же коллегами. Обыск, произведенный у него на квартире, подтвердил имевшиеся подозрения.

В ходе обыска были обнаружены фотопленки с копиями секретных документов, шифроблокнот, дискеты с шифрограммами, инструкции, фотокамера. Следствие полностью доказало вину Лаврентьева, и в августе 1995 года Главная военная прокуратура передала его дело в Военную коллегию Верховного суда России. Заседание суда проходило с 9 по 15 августа в обстановке строжайшей секретности. Представители средств массовой информации на заседания суда допущены не были, не были они и ознакомлены с обвинительным заключением.

Пятнадцатого августа, после выступления главного военного обвинителя генерал-майора В. Смирнова и последнего слова обвиняемого, председательствовавший генерал-майор юстиции В.А. Яськин огласил приговор. Лаврентьев был признан виновным в измене Родине, преступных контактах с представителями немецких спецслужб (ФРС), выдаче им государственных и оборонных секретов. При этом отмечалось, что Лаврентьев действовал исключительно в интересах личной наживы и материального обеспечения семьи. Учитывая наличие у него малолетнего сына и помощь правосудию, Военная коллегия Верховного суда приговорила Лаврентьева к десяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима, конфискацией имущества и шпионского снаряжения, а также лишению воинского звания майора и государственных наград.

К сказанному добавить, пожалуй, нечего, кроме, может быть, того, что за свое предательство Лаврентьев получил от ФРС в общей сложности 16 600 немецких марок. В той же Германии этой суммы хватило бы разве что на покупку средней руки автомобиля.

Мало изменилось положение с перебежчиками и в 1992 году. Так, в феврале 1992 года в Норвегию бежал

высокопоставленный сотрудник ГРУ. По сведениям, появившимся в норвежской печати, он отвечал за работу агентурных сетей ГРУ в Скандинавии и, возможно, в Канаде. Многомесячный допрос перебежчика проводился на конспиративной вилле контрразведки под Осло. Одним из последствий предательства стала высылка из Норвегии в октябре 1992 года сотрудника ГРУ Виктора Федика, работавшего под дипломатическим прикрытием третьего секретаря посольства Российской Федерации. Как заявил в интервью норвежской телекомпании НТВ начальник контрразведки Норвегии Ян Грендал, Федик пытался завербовать норвежского гражданина, располагающего информацией об иностранцах, обучавшихся в Норвегии. Впоследствии некоторые из этих студентов могли бы стать агентами с долгосрочной перспективой.

А в январе 1993 года в средствах массовой информации Швеции появилось сообщение со ссылкой на министерство обороны о нарушении СССР и Россией шведской морской границы и о том, что советские подводные мини-лодки якобы неоднократно заходили в шведские территориальные воды. Эти данные, по утверждению представителей министерства обороны Швеции, предоставил в их распоряжение один из бывших сотрудников ГРУ за вознаграждение в 1 миллион крон (125 тысяч долларов).

История о советских подводных лодках в территориальных водах Швеции восходит к началу шестидесятых годов. С завидной регулярностью командование ВМС Швеции заявляло о появлении в территориальных водах неопознанных подводных лодок, которые неизменно идентифицировались как советские. Правда, за исключением единственного случая, когда 27 октября 1981 года близ базы ВМС Швеции в Карлскруне села на мель советская

подводная лодка, никаких других фактов не приводилось.

Советская сторона много раз опровергала заявления властей Швеции, а точку в вопросе нарушения шведских территориальных вод поставил в августе 1994 года информационный отдел оборонительных сил Швеции, объявивший, что регистрировавшийся как шумы подводных лодок звук принадлежит морским животным.

Другим сотрудником ГРУ, бежавшим на Запад в 1992 году, стал Станислав Лунев. Пятидесятилетний полковник работал в вашингтонской резидентуре ГРУ под прикрытием должности сотрудника корпункта ИТАР-ТАСС. Что толкнуло Лунева на предательство — неизвестно, но он мало чем отличается от остальных перебежчиков. Так, после продолжительного молчания он в 1998 году выступил в американской газете «Майами геральд» с заявлением о том, что бывший президент СССР М. Горбачев был прекрасно осведомлен о секретном плане Пентагона внезапного нападения на Ирак («Буря в пустыне»), а известны эти планы М. Горбачеву стали благодаря станции радиоперехвата ГРУ, расположенной в Лурдесе на Кубе. В связи с этим Лунев в своей статье призывал бить во все колокола, так как, по его мнению, американские спецслужбы недооценивали все возможности Лурдеса. А они позволяли перехватывать практически все — вплоть до болтовни летчиков ВВС США и частных телефонных разговоров американских солдат со своими семьями. Впрочем, эти откровения Лунева вызвали всего лишь несколько откликов в других американских газетах, и он снова канул в небытие.

Надо сказать, что развал СССР выявил множество людей, маскирующих под речами о «борьбе за демократию и права личности» полное отсутствие

чести, совести и элементарной порядочности. Примером тому может служить некая литовка Рита Дапкute.

Она родилась в 1962 году в США и в середине восьмидесятых годов проходила стажировку в Вильнюсском университете. По ее словам, в 1986 году к ней в общежитии подошел человек, «часто сопровождающий прибывающих с Запада литовцев», и предложил работать на КГБ. Отказаться от сотрудничества она не посмела, так как ее предупредили, что в случае отказа будет аннулирована ее виза, но вознаграждение в тысячу долларов в месяц, она, по собственному ее утверждению, решительно отвергла.

Вернувшись на каникулы в США, Дапкute встретила с агентами ФБР и рассказала им о произошедшем. Те посоветовали ей продолжать контакты, и она сотрудничала с КГБ и ФБР одновременно до 1989 года, проживая в это время в Литве. «Я прикидывалась, что сотрудничаю с КГБ, — объясняла Дапкute свое поведение, — но на самом деле сообщала о них (КГБ) Федеральному бюро расследований». В 1989 году ФБР перестало интересоваться представляемой Дапкute информацией, и та, не долго думая, вскоре обратилась с аналогичным предложением в только что созданный департамент государственной безопасности Литвы, где ее встретили с распростертыми объятиями и посоветовали контактировать с КГБ и впредь. В это время Дапкute занимала пост руководителя информационного бюро парламента Литвы и, общаясь с представителями средств массовой информации, не раз поучала журналистов, как и что следует писать о Литве.

Осенью 1990 года КГБ законсервировал с ней свои связи, а в апреле 1992 года на волне «литовского кагэбэйти» Дапкute была вынуждена выступить перед журналистами с объяснениями своего нечистоплотного

поведения. Нисколько не смущаясь, она объяснила такую тройную игру желанием быть полезной освободительному движению в Литве, которому «помогала» столь необычным образом. После своего изумившего и шокировавшего всех заявления Дапкute уволилась со своего поста в парламентских службах и срочно отбыла в США, чтобы, по ее собственным словам, найти «более высокооплачиваемую работу».

В марте 1992 года бежал за рубеж Владимир Яковлевич Коноплев. Он родился в 1946 году. После окончания средней школы некоторое время работал на заводе, потом отслужил срочную службу в армии. Затем Коноплев поступил в МГИМО, который окончил в 1974 году и был приглашен на службу в КГБ. Для начала ему пришлось пройти курс обучения в 101-й разведшколе, по окончании которой он получил назначение в управление «Т» ПГУ КГБ. Его первая зарубежная командировка, длившаяся целых шесть лет, была в Швейцарию. Судя по всему, она прошла для него успешно, так как по возвращении в СССР ему было присвоено звание полковника, а в декабре 1988 года его направили во вторую зарубежную командировку — на сей раз в Бельгию, заместителем резидента по научно-технической разведке (линия «Х») под прикрытием должности первого секретаря посольства СССР. По отзывам коллег, Коноплев не пил, не увлекался женщинами и не страдал алчностью. Человек скрупулезный, своей профессией он гордился, подчеркивая ее элитарный характер.

Но неожиданно для всех в конце марта 1992 года полковник Коноплев вместе с женой Людмилой и младшей дочерью (старшая училась в России) исчез из российского посольства в Брюсселе. Поначалу в его предательство никто не верил, но вскоре в этом пришлось убедиться.

Что толкнуло Коноплева на предательство, доподлинно неизвестно. Но вполне возможно, что разменявший пятый десяток лет полковник усомнился в своем дальнейшем материальном благополучии. Так это или нет, но в конце 1991 года он установил контакт с сотрудниками ЦРУ в Бельгии и предложил свои услуги. Некоторое время он продолжал работать в брюссельской резидентуре в качестве «крота», а потом бежал в США. Там он за солидную сумму и предоставление ему с семьей политического убежища поведал американцам обо всех операциях бельгийской резидентуры, к которым имел отношение. Американцы передали полученные от него сведения в бельгийскую контрразведку, и та 10 апреля 1992 года провела операцию «Гласность». В ходе нее было задержано 14 человек, которые были допрошены государственным обвинением. В результате допроса пятерым из них было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу СССР, а потом и России. Ими оказались бельгийский бизнесмен Эмиль Эльярд, журналист газеты «Стандаард» Гвидо Клиндт, инспектор одного из ведомств системы образования Рене Мооненс и сотрудники фирмы «Юнион химик бельж» Франсуа Коллар и Джанфранко Кальсиньини.

Здесь следует прежде всего отметить заслуги перед КГБ Э. Эльярда и Г. Клиндта. Бельгийский бизнесмен Э. Эльярд, 1932 года рождения, был завербован КГБ в конце шестидесятых годов на идейной основе. Сотрудничество с различными западноевропейскими торговыми компаниями позволяло ему получать у своих партнеров важную научно-техническую информацию, которую он передавал советской разведке. Позднее он был назначен руководителем сети информаторов (групповодом) как в Бельгии, так и во Франции. Пятидесятилетний журналист Г. Клиндт также был

завербован на идейной основе в 1967 году и числился в резидентуре под псевдонимом ИВАР. Являясь научным обозревателем газеты «Стандаард», Клиндт имел доступ к информации, интересующей разведку КГБ. Будучи завсегдатаем всех европейских научно-технических салонов, он без особого труда добывал секретную информацию у инженеров аэрокосмических предприятий и даже сумел подружиться с бельгийским космонавтом Дирком Фримутом, совершившим полет на американском космическом корабле «Атлантис». За успешную деятельность советское руководство наградило его орденом, что само по себе было редчайшим явлением.

В 1987 году в связи с ослаблением международной роли СССР и стремлением советского руководства к сотрудничеству с США Эльярд и Клиндт перестали работать на Москву. Произошло то, что называется «размыванием идейно-политической основы». Насильно принуждать их работать никто не стал. Но прибывший в Бельгию в 1988 году Коноплев попытался реанимировать связи с Эльярдом и Клиндтом. Их встречи ни к чему не привели — бельгийцы не понимали проводимой Горбачевым политики. Потерпев неудачу с ними в 1988 году, Коноплев выдал их бельгийской контрразведке в 1992 году, предав людей, к деятельности которых сам не имел никакого отношения.

Разоблачения в Бельгии привели к провалу агентуры российской разведки и во Франции. Сотрудники Управления по охране территории (УОТ) во главе со следователем Жан-Пьер Гетти в конце апреля 1992 года арестовали пятерых французских и бельгийских граждан, подозреваемых в промышленном шпионаже в пользу России. И хотя после многочисленных допросов все обвиняемые, кроме некого бельгийца Бриенна, были 23 апреля отпущены

за недостаточностью улик, Гетти установил, что Эльярд вербовал агентов под «чужим флагом», то есть не раскрывая своей принадлежности к российской разведке. В результате Эльярду удалось получить материалы о французской химической промышленности, информатике, военной системе связи «РИТА», о новейших европейских проектах в области высоких технологий («Эспри», «Эврика» и других), проникнуть в компании «Филипс» и «Томпсон». А на обнаруженной у одного из арестованных компьютерной дискете были записаны имена двухсот высокопоставленных сотрудников ЕЭС, занимавшихся научными исследованиями. Более того, при помощи одного агента, работавшего в Париже в компании «Аэропейс ресерч энд девелопмент», российской разведке удалось получить материалы о европейском космическом корабле «Гермес» и французской ракете «Ариан» и ее топливе.

Кроме провала агентуры, предательство Коноплева повлекло за собой высылку сотрудников российской внешней разведки. В апреле 1992 года из Бельгии было выслано четверо российских граждан, из них два сотрудника посольства и два сотрудника торгпредства. А в мае 1992 года Голландия, где также (правда, безуспешно) искали советских агентов, объявила о высылке четверых российских граждан, якобы уличенных в шпионаже.

А в июле 1992 года бежал в Англию сотрудник парижской резидентуры СВР полковник Виктор Ощенко. Ощенко, родившийся в 1940 году, служил в управлении «Т» ПГУ КГБ. В семидесятых годах он успешно работал в лондонской резидентуре, а в 1985 году был командирован заместителем резидента по линии «Х» в Париж под прикрытием должности советника посольства по экономическим вопросам.

Впоследствии в посольстве и в СВР его характеризовали как дисциплинированного сотрудника, не отлынивавшего от общественных поручений — он состоял в комиссии при посольском парткоме по проверке выполнения партийных решений. По своему мировоззрению он был убежденным коммунистом и после начала так называемой перестройки решительно возражал против департизации посольства. Правда, некоторые бывшие его коллеги говорили, что он любил пускать пыль в глаза начальству.

В 1992 году в связи с сокращением аппарата МИД и разведки за рубежом многим сотрудникам СВР предстояло вернуться домой. Среди них был и Ощенко, чей отъезд намечался на 8 августа 1992 года. У него уже был на руках билет на самолет «Аэрофлота», рейс 252. В связи с этим он отправил морским путем в Санкт-Петербург из Гавра автомобиль и культиватор, с помощью которого собирался заняться садоводством.

В пятницу 24 июля 1992 года Ощенко вместе с женой Натальей и 14-летней младшей дочерью Ольгой отправились на экскурсию в долину Луары и исчезли. В посольстве Ощенко хватились лишь 26 июля, после звонка старшей дочери из России, желавшей узнать, что ей следует делать с прибывшей в Санкт-Петербург машиной. После ее звонка были предприняты поиски пропавших силами посольства, а когда они не увенчались успехом, посол России во Франции Юрий Рыжов 28 июля официально обратился к французским властям с просьбой принять меры по розыску пропавшего дипломата. И только 5 августа один из сотрудников посольства обнаружил служебный «фольксваген» Ощенко на стоянке парижского аэропорта Орли. Факт исчезновения Ощенко и его близких старались как можно дольше держать в секрете. Но уже 12 августа в прессе появилось сообщение о том, что пропавший дипломат был на

самом деле сотрудником российской разведки, а сейчас находится в одной из западных стран. Больше молчать о случившемся не было смысла, и на следующий день пресс-бюро СВР сообщило об исчезновении советника советского посольства, сотрудника СВР, подозреваемого в сотрудничестве с одной из разведок западных стран.

Сам Ощенко, бежав с женой и дочерью из Франции, вскоре оказался в Англии, где и попросил убежища, которое ему было предоставлено. В связи с этим мнения в прессе по поводу причин его предательства разделились. Одни считали, что его связь с СИС началась в семидесятые годы, когда он работал в Англии, другие полагали, что он лишился почвы под ногами после распада СССР в августе 1991 года. Так или иначе, но, обосновавшись в Англии, Ощенко начал активно отрабатывать свой хлеб. По полученным от него данным французская контрразведка осенью 1992 года арестовала троих граждан Франции, подозревавшихся в шпионаже в пользу СССР и России.

Шестнадцатого сентября 1992 года был арестован 35-летний инженер-ядерщик Франсис Тампервиль, завербованный в сентябре 1989 года сотрудником ПГУ Сергеем Борисовичем Жмыревым, работавшим в Париже с 1986 по 1991 год под «крышей» третьего секретаря посольства. Тампервиль передавал ему, а впоследствии другому своему оператору — Валентину Макарову — данные о ядерных испытаниях, проводимых на атолле Мораруа в Тихом океане. По словам Ощенко, услуги Тампервиля были оценены в 2 миллиона франков, хотя сам обвиняемый утверждает, что получил только 160 тысяч.

Первого октября был арестован 39-летний Дидье Дегу, специалист по ядерной физике, работавший в военной организации — Генеральном управлении вооружений. А 15 октября в Гренобле был задержан 44-

летний техник Жозеф Карон, занимавший высокий пост на заводе «Томпсон-ТСМС» в городе Сент-Эгрев. Ему предъявили обвинение в передаче русским сведений о составных частях военной системы связи «РИТА».

Кроме агентов Ощенко предал и своих бывших коллег, с которыми долгие годы работал под одной крышей. В результате 26 октября 1992 года временный поверенный в делах России во Франции О. Кривоклыков был уведомлен французским МИД об объявлении персонами нон грата четырех российских дипломатов. В ноябре 1992 года они покинули Париж. Среди них был и резидент СВР во Франции Борис Валерьянович Волков.

[\[83\]](#)

Коснулись разоблачения Ощенко и Великобритании. Уже 8 августа 1992 года там был арестован 45-летний инженер-электронщик Майкл Смит, которого обвинили в шпионаже в пользу СССР и России. Смит, окончивший Суррейский университет и придерживавшийся левых взглядов, работал в компании И-эм-ай, а потом и в научно-исследовательском центре «Херст», занимавшемся разработками новой военной техники. Следствием было установлено, что бывший член компартии Великобритании Смит был завербован в 1976 году Ощенко, когда последний работал в Англии под прикрытием должности второго секретаря посольства. Вскоре Смигу было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу СССР и России и в передаче советской разведке стратегической секретной информации, в частности данных о разрабатывавшейся в Англии атомной бомбе свободного падения и управляемых ракетах класса «земля — воздух».

Англичане долго не церемонились, и уже в октябре 1993 года суд приговорил Смита к двадцати пяти годам тюремного заключения. Ощенко в процессе не

участвовал, а в качестве эксперта выступал О. Гордиевский.

Первого сентября 1992 года в Финляндию бежал майор пограничных войск России Андрей Выхрустюк. Сдавшись финским властям, он попросил в Финляндии политического убежища, мотивируя свой побег несогласием с политическим курсом, проводимым в России. В ответ на требование российских властей вернуть перебежчика финны ответили отказом. А в октябре 1992 года и самому А. Выхрустюку было отказано в предоставлении политического убежища, но по решению финских властей он в течение года мог оставаться на территории Финляндии. Его дальнейшая судьба до сих пор неизвестна.

Список предателей, совершивших измену в 1993 году, открывает бывший сотрудник ПГУ КГБ Юрий Швец. При этом, однако, следует отметить, что он бежал в США уже после того, как уволился из разведки, американцы не называли его своим агентом, а официального обвинения со стороны России ему предъявлено не было. Поэтому на истории бегства Швеца в США и его откровениях стоит остановиться более подробно.

Юрий Швец родился в 1953 году. После окончания школы он поступил в Университет дружбы народов в Москве, и на протяжении всего времени обучения там был примерным студентом. Особенно преуспел он в иностранных языках, выучив кроме обязательного английского еще испанский и французский языки. На последнем курсе его, в числе еще нескольких десятков студентов, пригласили на собеседование в КГБ. Прошли собеседование всего трое, включая Швеца. В результате он был приглашен на работу в ПГУ и после

получения диплома университета был направлен на учебу в Институт разведки.

Его дальнейшую карьеру можно назвать рядовой. Некоторое время он работал в Центре в 1-м (северо-американском) отделе ПГУ, а в 1985 году был командирован в Вашингтон под прикрытием корреспондента ТАСС. В Америке Шве́ц неожиданно для многих привлек к работе на советскую разведку Джона Хелмера, бывшего сотрудника администрации президента Картера, получившего после вербовки оперативный псевдоним СОКРАТ.^[84] Однако этот успех молодого капитана вкупе с его пристрастием к алкоголю привели к тому, что в 1987 году он был досрочно отозван в Москву. (Возможно, отзыв в Москву был связан с предположением Центра о том, что ФБР подвело ему подставу.) В Москве Шве́ца перевели из престижного 1-го отдела в управление РТ ПГУ (разведка на территории СССР). Но он не выказывал недовольства по поводу досрочного отзыва и перевода в другое управление, вскоре получил очередное воинское звание, но 12 сентября 1990 года положил на стол начальству рапорт об увольнении из ПГУ по собственному желанию. Что послужило причиной такого решения, сказать трудно. Но скорее всего — бесперспективность дальнейшей карьеры. После августа 1991 года Шве́ц вышел из КПСС, а потом занялся написанием книги о своей работе в разведке.

Вскоре об этом проводали в СВР, и бывший начальник Шве́ца полковник Бычков в частной беседе предупредил его, что разглашение служебных тайн чревато серьезными последствиями, а кроме того, все контакты с издательствами, местными или зарубежными, должны быть согласованы с руководством СВР. Готовя книгу к изданию, Шве́ц начал вести переговоры с российскими издательствами. Но

вскоре, по его словам, понял, что «успешно издать книгу в Москве не удастся». Тогда он принял решение выехать в США и предложить рукопись американским издателям.

В 1993 году он стал оформлять визу в США. Когда ОВИР запросил, как это обычно делается, мнение разведки, Ясенево категорически возражало против выдачи Швецу заграничного паспорта. Но все же он, используя коммерциализацию процесса получения загранпаспортов, выехал в США через Прибалтику. Вместе с ним выехал в Америку и другой бывший сотрудник ПГУ Валентин Аксиленко, также в восьмидесятые годы работавший в вашингтонской резидентуре. В феврале 1993 года знакомая В. Аксиленко, американка Бренда Липсон свела Швеца с литературным агентом Джоном Брокманом. Но тот забраковал первоначальный вариант рукописи Швеца, озаглавленный «Я всегда поступал по-своему», более напоминавший художественную прозу, и предложил сделать документальный вариант. Швец и Аксиленко, поселившись в Вирджинии, засели за работу над новым вариантом книги.

В апреле 1994 года окончательный вариант рукописи под названием «Вашингтонская резидентура: моя жизнь шпиона КГБ в Америке» был передан в нью-йоркское издательство «Саймон и Шустер». Разумеется, литературная деятельность бывших сотрудников КГБ привлекла внимание ФБР. Агенты американской контрразведки ознакомились с содержанием рукописи, и вскоре Швец и Аксиленко получили уведомление Службы иммиграции и натурализации США, датированное 21 апреля, в котором сообщалось о намерении властей депортировать их из страны. Не остались в стороне и американские СМИ. В прессе замелькали сообщения о том, что Швеца и Аксиленко в процессе работы над книгой посещали сотрудники ЦРУ

и «провели с ними подробные беседы». А газета «Нью-Йорк таймс» со ссылкой на компетентное лицо в ФБР поведала о том, что Швец и Аксиленко помогли разоблачить агента КГБ в ЦРУ О. Эймса.

Не остались в стороне и российские газеты. После появившихся в них публикаций выступил руководитель пресс-службы СВР Ю. Кобаладзе. Он резко осудил Ю. Швеца, назвав его мерзавцем, но воздержался от комментариев по поводу Аксиленко. Говоря о Швеце, Кобаладзе утверждал, что в подоплеке всей истории лежит «дело Эймса», и именно поэтому американцы пытаются раздуть фигуру Швеца. В связи с этим сама книга тоже не имеет для них первостепенного значения, хотя в ней и говорится о некоем СОКРАТЕ.

Заявление Кобаладзе возымело эффект. В воздухе запахло новым шпионским скандалом. Этим не замедлил воспользоваться Швец, пославший в мае 1994 года открытое письмо в газету «Московские новости», которая в апреле опубликовала статью с высказываниями Кобаладзе. В письме досталось и руководству бывшего ПГУ и нынешнего СВР и Кобаладзе. Досталось и Крючкову, который, по словам Швеца, заключил контракт на написание книги с одним американским издательством и получил аванс в 10 тысяч долларов. А издательство «с тех пор не видело ни книги, ни аванса».

Книга «Вашингтонская резидентура» увидела свет в Америке в конце декабря 1994 года. Через некоторое время в российских газетах появились отрывки из нее. Но всех, кто ждал сенсационных разоблачений, постигло разочарование. Никаких сверхскандальных откровений в книге не было. Ведь трудно назвать сенсацией то, как разоблачили предателя из ПГУ С. Моторина, с которым Швец одно время работал в Вашингтоне. Не впечатляет и описание вербовки некоего Барнетта, шифровальщика американского посольства в

Боготе. Но есть в книге и страницы, заслуживающие внимания. В частности, те, где говорится об агенте Билле, завербованном одним из героев книги — Валентином. Билл — выходец из Перу, много лет прожил в США. У него было необычное хобби — мусорология. Он убирал мусор в нескольких офисах системы национальной безопасности США, и осенью 1979 года стал работать на советскую разведку.

«Билл не добывал секретных документов Совета национальной безопасности США, но они щедро цитировались в бумагах, которые он извлекал из мусорных корзин, — пишет Шве́ц. — С помощью этих цитат аналитикам разведслужбы нередко удавалось воспроизвести оригиналы...»

Говоря о причинах, по которым Билл согласился работать на Советский Союз, Шве́ц приводит слова агента: «Я помогаю вашим военным не потому, что они лучше американцев, а потому, что они слабее и тем не менее пытаются им противостоять». Провал Билла произошел в октябре 1983 года, и, как утверждает Шве́ц, исключительно из-за глупости руководства разведки. Правда, Билл остался на свободе, и это, по словам Шве́ца, было единственным светлым моментом во всей этой истории.

Однако, как уже говорилось выше, ничего особо шокирующего публику в книге не было, и очередного шпионского скандала не возникло. В России, вопреки надеждам Шве́ца, его книгой издательства не заинтересовались, и поэтому широкой известности на родине он не получил. Впрочем, как и в США. В Службе внешней разведки Шве́ца считают предателем, хотя он сам таковым себя не признает. Вот что он в 1996 году ответил на вопрос журналиста И. Михайлова:

«— Как вы относитесь к тем, кто по различным причинам все же стали предателями?

— Конечно, однозначно — я их презираю. Самое ужасное, что эти люди предавали не только Родину... Самое ужасное, что эти люди, нанося вред Родине, предавали своих близких друзей, с которыми вместе работали порой многие годы. Одного из таких предателей я лично хорошо знал. Этот рубаха-парень, душа компании, он после вечеринок и душевных бесед на следующий день шел к представителю разведки противной стороны и все ему сообщал».

Трудно не согласиться с такой точкой зрения, но возникает законный вопрос — почему сам Швец не спешит возвращаться в родные пенаты, а продолжает жить в Америке? Между тем в феврале 1996 года генерал-майор Ю. Кобаладзе вновь предупредил всех бывших сотрудников спецслужб, публикующих мемуары, о том, что они несут по закону ответственность за разглашение государственной тайны. И он прав. Статья 19 закона «О внешней разведке» гласит:

«Сведения о лицах, оказывающих (оказывавших) конфиденциальное содействие органам внешней разведки России, составляют государственную тайну и рассекречиванию в связи с истечением максимально допустимого срока засекречивания сведений, составляющих государственную тайну, не подлежат».

Таким образом, в соответствии с этим законом Швец все-таки предатель. Ведь он, формально никого не

предав, остался после написания своих мемуаров на Западе. Более того, ФБР намечало его в качестве свидетеля на процессе против О. Эймса. Разумеется, официально ему никто не предъявлял обвинения, и поэтому он может ходить с гордо поднятой головой. И пусть Бог будет ему судьей.

Впрочем, и без Швеца 1993 год оказался богатым на предателей. Причем в данном случае имел место случай, о котором раньше никто даже и помыслить не мог.

Начало этой истории восходит к 1992 году, когда решением и.о. премьер-министра России Е. Гайдара и министра обороны П. Грачева Центру космической разведки ГРУ было разрешено в целях заработка валюты продавать слайды, сделанные с фильмов, отснятых советскими спутниками-шпионами. Высокое качество этих снимков было широко известно за рубежом и поэтому цена за один слайд могла достигать двух тысяч долларов. Одним из тех, кто осуществлял коммерческую продажу слайдов, был начальник отдела Центра космической разведки полковник Александр Волков. Прослуживший в ГРУ более двадцати лет, Волков не занимался оперативной работой. Но в области разведывательной космической техники считался одним из ведущих специалистов. Так, одних патентов на изобретения в этой сфере у него было более двадцати.

Среди тех, кому Волков продавал слайды, был кадровый сотрудник израильской разведки Моссад в Москве, занимавшийся координацией деятельности российских и израильских спецслужб по борьбе с терроризмом и наркомафией, Рувен Динель, официально считавшийся советником посольства. Встречался Волков с Динелем регулярно, каждый раз заручившись санкцией руководства на встречу.

Израильтянин покупал у Волкова разрешенные к продаже несекретные слайды снимков территории Ирака, Ирана, Сирии, Израиля, а тот вносил полученные деньги в кассу Центра.

В 1993 году Волков уволился из ГРУ и стал одним из учредителей и заместителем директора коммерческой ассоциации «Совинформспутник», которая являлась официальным и единственным посредником ГРУ в торговле коммерческими снимками. Однако контактов с Динелем Волков не прервал. Более того, в 1994 году при помощи бывшего старшего помощника начальника отдела Центра космической разведки Геннадия Спорышева, к тому времени также уволившегося из ГРУ, он продал Динелю 7 секретных снимков с изображением городов Израиля, в том числе Тель-Авива, Бэер-Шевы, Реховота, Хайфы и других. Позднее Волков и Спорышев подключили к своему бизнесу другого действующего сотрудника Центра — подполковника Владимира Ткаченко, который имел доступ к секретной фильмотеке. Тот передал Волкову 202 секретных слайда, 172 из которых купил Динель. Израильтяне в долгу не остались, и передали Волкову за проданные слайды более трехсот тысяч долларов. Волков не забыл расплатиться со своими партнерами, вручив Спорышеву 1600, а Ткаченко — 32 тысячи долларов.

Однако в 1995 году деятельность Волкова и его партнеров привлекла к себе внимание военной контрразведки ФСБ. В сентябре телефон Волкова был поставлен на прослушивание, а 13 декабря 1995 года на станции метро «Белорусская» Волков был задержан сотрудниками ФСБ в момент передачи Динелю очередных десяти секретных слайдов территории Сирии.

Так как Динель обладал дипломатической неприкосновенностью, то его объявили персоной нон

грата, и через два дня он покинул Москву. Тогда же был арестован Ткаченко и еще три офицера Центра космической разведки, которые изготавливали слайды. Спорышев, попытавшийся было скрыться, был арестован чуть позднее.

Против всех задержанных было возбуждено уголовное дело по факту измены Родине. Однако доказать, вину Волкова и трех офицеров, помогавших изготавливать слайды, следствию не удалось. Все они утверждали, что не знали о секретности снимков. Найденные при обыске дома у Волкова 345 тысяч долларов он, по требованию следователя, внес на счет государственной фирмы «Металл-бизнес», учрежденной Министерством обороны и заводом «Серп и молот», за фасадом которой скрывался центр переподготовки офицеров. А по поводу продажи снимков Израилю заявил: «Израиль — наш стратегический партнер, а Саддам — просто террорист. Я считал своим долгом помочь его противникам». В результате он и три других офицера оказались всего лишь свидетелями по данному делу.

Что касается Спорышева, то он сразу же во всем признался, оказал посильную помощь следствию. Учитывая, что он передал Моссад слайды территории Израиля и тем самым особого урона безопасности страны не нанес, суд Московского военного округа приговорил Спорышева за разглашение государственной тайны (статья 283 УК РФ) к двум годам условно.

Меньше всех повезло Ткаченко. Его обвинили в продаже Моссад двухсот двух секретных слайдов. На следствии он полностью признал свою вину, но на суде, начавшемся в марте 1998 года, от своих показаний отказался, заявив: «Следователи меня обманули. Они сказали, что им просто надо вытурить из страны Динеля, а я должен помочь. Я и помог». Суд над

Ткаченко длился две недели и 20 марта был объявлен приговор — три года лишения свободы.

Так закончилась эта довольно необычная история. Необычность ее совсем не в том, что три офицера спецслужбы зарабатывали деньги на государственных секретах, а в странном их наказании — одни были осуждены, а другие оказались всего лишь свидетелями. Недаром адвокаты Ткаченко после вынесения ему приговора заявили, что дело их подзащитного шито белыми нитками и что «у ФСБ, скорее всего, была цель прикрыть своего человека, который сливал Моссад дезинформацию».

В марте 1994 года состоялся побег очередного сотрудника СВР России. На этот раз отличился Игорь Макеев, 1955 года рождения, работавший в бангкокской резидентуре СВР под прикрытием третьего секретаря посольства России в Таиланде.

Двадцать второго марта 1994 года он исчез, прихватив из резидентуры портативный компьютер, в котором содержалась секретная информация. По версии СВР причина побега в том, что он был завербован ЦРУ и побег свой запланировал давно. Существует версия, что побег Макеева был организован резидентурой ЦРУ в Бангкоке. В американской прессе были сообщения о том, что в ходе допроса, проведенного сотрудниками ЦРУ и ФБР, Макеев передал им всю имевшуюся у него секретную информацию о деятельности СВР в Юго-восточном регионе. Макеев получил статус беженца и обосновался в США.

В следующем, 1995 году стал перебежчиком сотрудник СВР подполковник Олег Морозов. Он родился в Баку, окончил Горьковский политехнический институт, после чего в 1978 году был принят на работу в УКГБ по Горьковской области. Там он зарекомендовал себя с

самой лучшей стороны и в 1985 году был переведен в ПГУ КГБ.

С 1988 по 1991 год он находился в командировке по линии ПГУ в Италии, а с началом так называемой перестройки работал в Москве в коммерческой фирме, созданной в качестве «крыши» для осуществления разведывательных операций на территории России. Создание подобных фирм в эпоху «рыночных реформ» было делом обыденным. По данным, приведенным в документе «Справка по обеспечению государственной безопасности в сфере деятельности совместных предприятий с участием зарубежных фирм», подготовленном в начале 1991 года в УКГБ по Москве и Московской области, 25 процентов сотрудников Московского управления КГБ — специалистов по политической и научно-технической разведке — работали под «крышей» столичного бизнеса. Вот что говорится по этому поводу в вышеупомянутой «Справке»:

«С целью выявления и упреждения противодействия возможной подрывной деятельности противника Управлением КГБ СССР по Москве и Московской области приняты меры по созданию контрразведывательных возможностей в новых экономических структурах с позиции глубокого прикрытия с участием оперативных сотрудников. Так, в соответствии с санкцией руководства Управления и ПГУ 6-я служба принимала активное участие в создании 2 чекистских (КГБ) фирм, 7 совместных предприятий, 1 инопредставительства фирмы, 4 ассоциаций международного сотрудничества, 2 международных неправительственных организаций...»

Это официальная версия. Она, безусловно, отражает действительность. Но создание коммерческих предприятий с двойным дном открывает огромные возможности для нечистых на руку людей. Примером тому может служить Морозов.

По свидетельству людей, хорошо знавших Морозова, он и его семья были неплохо обеспечены материально. В 1994 году Морозов продал собственную двухкомнатную квартиру и купил взамен четырехкомнатную на Кутузовском проспекте, где был сделан евроремонт. Жена Морозова, преподаватель русского языка и литературы, увлекалась творчеством А.С. Пушкина и собрала библиотеку редких книг, посвященных поэту, насчитывающую более 200 томов. Сын учился на первом курсе МАИ. Работая под «крышей», где постоянно крутятся огромные деньги, Морозов, которому исполнилось 48 лет, не смог одолеть соблазна быстро разбогатеть и принял решение бежать вместе с семьей в США.

В мае 1995 года он оформил на себя, жену и сына загранпаспорта, которые приобрел на черном рынке. А перед самым отъездом в Швейцарию занял под различными предлогами у своих коллег по работе крупную сумму в валюте (предположительно около двухсот пятидесяти тысяч долларов) и, используя возможности в ведомстве прикрытия, разместил деньги на своих банковских счетах за рубежом. Вылетев из московского Шереметьева-2 8 июня 1995 года, он вместе с семьей прибыл в Швейцарию, где вступил в контакт с представителем ЦРУ в Берне и предложил свои услуги. После предварительного допроса в Швейцарии, Морозов с семьей был переправлен в США. Не забыл он и об украденных деньгах, сняв их со своих счетов и обналичив в Берне по пластиковым карточкам VISA и MASTER CARD.

В Ленгли Морозова, естественно, подвергли интенсивным и продолжительным допросам. Трудно назвать «узником совести» человека, бежавшего из родной страны, предавшего ее, да еще и мошенника. Кстати, последнее обстоятельство может серьезно помешать Морозову получить американское гражданство, так как конгресс США справедливо полагает, что в Америке и своих мошенников хватает.

В Москве исчезновение О. Морозова вызвало шок, так как он имел доступ ко многим секретам. В отношении него было возбуждено уголовное дело по статьям 274, пункт «в» (дезертирство), 64, пункт «а» (измена Родине) и 174, часть 3 (мошенничество) УК РСФСР. Но надеяться на то, что американцы выдадут России заурядного уголовного преступника не приходится, поскольку у них два подхода к понятиям о правах человека: один для себя и другой — для остального мира.

В том же 1995 году совершил предательство еще один сотрудник российской разведки Вячеслав Валерьевич Антонов.

Антонов, 1962 года рождения, пришел в ПГУ КГБ в 1990 году. Как и положено, он отработал некоторое время в центральном аппарате, а в 1993 году был командирован в Финляндию, в хельсинкскую резидентуру СВР. На дворе было время создания «рыночной экономики», и старший лейтенант Антонов наряду с оперативной работой начал втайне от своих коллег заниматься бизнесом. В 1994 году он без ведома руководства резидентуры открыл в Хельсинки собственную консультативно-торговую фирму, которая занималась продажей подержанных автомашин и торговыми операциями с российскими и финскими организациями. В правление фирмы входили Антонов, его жена Ирина и некий гражданин Финляндии. Однако

начинающий бизнесмен вскоре прогорел на одной из сделок и оказался должен партнерам крупную сумму денег. Кредиторы, видя, что должнику нечем даже платить за телефон, пригрозили подать на Антонова в суд.

Опасаясь, что в этом случае его нелегальная коммерческая активность станет известна начальству и его вышвырнут из разведки, Антонов решился на предательство. Летом 1995 года перед возвращением в Москву он установил контакты с сотрудниками резидентуры СИС в Финляндии и предложил в обмен на оплату долгов и на предоставление политического убежища в Англии рассказать все, что он знает о СВР. Англичане приняли условия Антонова.

Исчез Антонов из Хельсинки на следующий день после того, как в кругу посольских коллег «отметил» свое возвращение в Москву. Посольство России в Финляндии немедленно обратилось к финским властям с просьбой принять все необходимые меры для поиска Антонова. Однако найти его не удалось, и только в сентябре 1995 года в Ясенева стало известно, что Антонов вместе с семьей пребывает в Лондоне и находится под покровительством английских спецслужб.

История с сотрудником советских спецслужб, оказавшимся на Западе в 1995 году, до сих пор вызывает у многих противоречивые чувства. И это неудивительно, ибо речь пойдет о генерал-майоре ПГУ КГБ О. Калугине.

Биография Олега Даниловича Калугина широко известна, и поэтому подробно останавливаться на ней нет смысла. Гораздо интереснее другое — почему 55-летний генерал-майор КГБ был отправлен в отставку, а затем почти сразу же начал обличать родное ведомство во всех смертных грехах. Его мемуары и восторженные

статьи о нем самом, заполонившие газеты и журналы в 1990–1993 годах, ответа не дают. То есть ответ напрашивается сам собой: генерал в отставке решил вдруг бороться за правду и свободу, но почему-то верится в это слабо. Поэтому придется плясать от печки.

О. Калугин родился в 1934 году в Ленинграде в семье сотрудника НКВД. Окончив школу, он в 1952 году поступил в Институт иностранных языков МГБ СССР в Ленинграде, который окончил в 1956 году и был направлен на учебу в 101-ю разведывательную школу. После окончания школы с красным дипломом Калугин получил назначение в американский отдел ПГУ и уже в 1959 году был командирован под видом студента ЛГУ в Колумбийский университет США по программе студенческого обмена. Кстати, одновременно с Калугиным в США проходил стажировку и будущий член Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлев.

В 1960 году Калугина вновь направляют в США, но на этот раз в Нью-Йорк под прикрытием должности корреспондента Московского радио. Там он работал до февраля 1964 года, когда после бегства Ю. Носенко его срочно отозвали в Москву. Впрочем, в Центре он не засиделся и уже в 1965 году опять был командирован в Америку, уже заместителем резидента вашингтонской резидентуры по линии ПР под «крышей» второго секретаря посольства СССР. Именно в это время в карьере Калугина происходит стремительный взлет. Вербовка резидентом Б. Соломатиным ценного агента Д. Уокера в 1967 году, с которым позднее работал и Калугин, позволила ему после возвращения в 1970 году в СССР занять должность заместителя начальника Второй службы (внешняя контрразведка) ПГУ.

Вся дальнейшая служба Калугина в ПГУ была связана с внешней контрразведкой. С 1970 по 1973 год он — заместитель начальника Второй службы, а с 1973

по 1979 год — начальник управления «К» ПГУ. В 1974 году ему присвоили звание генерал-майор, после чего он стал самым молодым генералом ПГУ в то время.

Будучи генералом ПГУ, Калугин еще не думал о борьбе с партийной номенклатурой. Он успешно делал карьеру (и нет в этом ничего зазорного), а попутно боролся с отклонениями от линии партии в своем управлении. За примерами далеко ходить не надо. После выхода в свет «исторической эпопеи» Л.И. Брежнева «Малая земля» парторг управления «К» Н. Штыков позволил себе язвительное замечание в ее адрес в присутствии Калугина, за что получил суровый нагоняй, был отстранен от должности, а позднее и откомандирован из управления.

Но твердая политическая линия Калугина не уберегла его от конфликтов с новым начальником ПГУ В.А. Крючковым, назначенным на эту должность в 1974 году. Можно долго ломать голову по поводу причин этого конфликта, но ясно одно: новый начальник не пожелал терпеть рядом строптивного подчиненного и постарался избавиться от него, что и произошло в 1980 году. Разумеется, для 46-летнего перспективного генерал-майора перевод в Ленинградское управление, пусть даже на специально для него созданную должность, был неприятной неожиданностью, нарушившей стремительный взлет его карьеры, и, по-видимому, он затаил на Крючкова жгучую обиду.

Ленинградское УКГБ, где полновластным хозяином был его начальник генерал-лейтенант Д.П. Носырев, встретило Калугина сдержанно. А после того как его назначили ответственным за второстепенные участки работы, он понял, что о дальнейшем карьерном росте в Ленинграде можно даже не мечтать. Правда, оставалась надежда вернуться в Москву. В 1983 году, когда Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Ю. Андропов, Калугину показалось, что на горизонте

забрезжили радужные перспективы — его пригласили на учебу в Москву и поручили возглавить группу из сорока заместителей председателей республиканских КГБ и областных управлений. И действительно, предложение вернуться в Москву последовало, но не на оперативную работу, а в Высшую школу КГБ. Предложение перейти на преподавательскую работу в «отстойник» Калугин воспринял как оскорбление и решительно отказался. Вернувшись в Ленинград, он продолжал настойчиво добиваться перевода в разведку, но смерть Ю. Андропова в феврале 1984 года перечеркнула его надежды.

В 1984 году Калугину исполнилось 50 лет. Его попытки добиться приема у нового председателя КГБ В.М. Чебрикова не увенчались успехом. Не ответил Чебриков и на рапорт Калугина, поданный на его имя. Тем временем отношения Калугина и Носырева все более ухудшались, и в середине 1986 года дело дошло до того, что в Ленинград приехала комиссия Инспекционного управления КГБ. Она была направлена в город после того, как Калугин написал письмо на имя М. Горбачева, в котором обвинял Носырева в замазывании реальных проблем и злоупотреблении служебным положением. Дело закончилось тем, что в начале 1987 года Калугина вызвали в Москву, перевели в действующий резерв КГБ и назначили заместителем начальника управления по режиму Академии наук СССР.

Оказавшись в Москве, Калугин сделал очередную попытку вернуться «во власть» и написал письмо в духе перестройки лично М. Горбачеву, в котором рекомендовал реформировать КГБ.

Ответа на это письмо не последовало, но в начале 1988 года Калугина перевели в Министерство электронной промышленности СССР на должность начальника управления безопасности и режима, что являлось повышением. Однако в октябре 1988 года

председателем КГБ стал В. Крючков и карьере Калугина пришел конец. Правда, Калугин сделал последнюю попытку, и на встрече с Крючковым, состоявшейся после назначения последнего председателем КГБ сказал, что наибольшую пользу родному ведомству он мог бы принести на посту руководителя пресс-службы КГБ. Назначение это не состоялось, а в сентябре 1989 года, после того как Калугину исполнилось 55 лет, его вызвали в управление кадров и сообщили о предстоящем увольнении в запас. В марте 1990 года он получил удостоверение генерала запаса, ветеранскую медаль и 7 тысяч рублей премии.

Но спокойная жизнь пенсионера не устраивала Калугина. И 16 июля 1990 года он выступил на конференции «Демократическая платформа в КПСС» с критикой в адрес ведомства, в котором прослужил 32 года.

Ничего нового сверх того, что уже знали советские граждане, в выступлениях Калугина не было. Но Крючков в ответ на это выступление приказал начать против отступника кампанию по дискредитации с лишением Калугина пенсии, наград и т. д.

В защиту отставного генерала выступили не только те, кто называл себя демократами, но и бывшие сотрудники КГБ. На волне популярности Калугин становится депутатом Верховного Совета СССР. Однако все в мире переменчиво, и после роспуска Верховного Совета Калугин очередные выборы проиграл и о нем вскоре стали забывать.

Но мятежный генерал не успокоился и сделал сенсационное заявление об участии ПГУ в убийстве в 1978 году в Лондоне болгарского диссидента Г. Маркова. Правда, сам же в результате и пострадал. Тридцатого октября 1993 года, когда он в очередной раз прилетел в Лондон для участия в съемках передачи Би-би-си об английской разведке, его арестовали в

аэропорту Хитроу по подозрению в причастности к убийству Маркова и доставили в Скотленд-Ярд для допроса. На следующий день, после демарша российского посольства, он был отпущен на свободу и вернулся в Россию. Зла, по утверждению Калугина, на англичан он не держал, но те не оценили его великодушия и, когда он в ноябре 1994 года вновь решил посетить Лондон, отказали ему в визе.

Впрочем, Калугин особо по этому поводу не горевал, так как в сентябре 1994 года в США вышла его книга «Первое главное управление». Книга разошлась приличным тиражом и принесла автору не только деньги, но и известность. Ее издали также и в России, в сокращенном варианте. Но бывших сослуживцев Калугина она неприятно удивила. Вот, например, как отзывался о ней резидент КГБ в Вашингтоне в 1966–1968 годах Б. Соломатин:

«Прямо скажу, знакомство с этой книгой было, мягко выражаясь, неприятным сюрпризом. Передо мной оказался отчет о работе вашингтонской резидентуры советской разведки за несколько лет».

У Соломатина есть все основания для таких заявлений, ибо Калугин на страницах своей книги дал описание пятерых агентов советской разведки.^[85]

Вычислить этих агентов ФБР не составило бы труда. Что и произошло на самом деле. Двадцать третьего февраля 1996 года был арестован бывший сотрудник АНБ Роберт Липка. После его ареста власти США заявили, что разоблачить Липку им помогла книга Калугина. Разумеется, Калугин немедленно опроверг это заявление, мол, изложенные в книге сведения об агентуре «не позволяют ее идентифицировать, даже если сто следователей будут трудиться над этим в течение десятков лет». Но факты — вещь упрямая, солдата, служившего в АНБ, арестовали.

Так или иначе, по сей день среди ветеранов КГБ идут дебаты о том, был ли Калугин ренегатом. Одни уверены в том, что был он завербован еще в студенческие годы, во время стажировки в США. Некоторые полагают, что, хотя Калугин и выдал ряд сведений, составляющих государственную тайну, сделал он это исходя из личной обиды на руководство КГБ, которое устроило травлю на непокорного генерала. А генерал Калугин, проживающий сейчас в американской столице, индифферентно наблюдает за этими страстями. Кстати, Олег Калугин — единственный офицер советской разведки столь высокого ранга, получивший вид на жительство в США.

Пожалуй, самым одиозным из перебежчиков 90-х годов стал Василий Никитич Митрохин. Родился Василий Митрохин в 1922 году. Достоверно неизвестно, где произошло это событие, но по косвенным данным можно предположить, что в Пензенской области. О его детских и юношеских годах, о том, где учился и работал, о том, воевал ли он, информация отсутствует. Точкой отсчета его карьеры в разведке стал 1948 год, когда Митрохин начал работать в Комитете информации. Напомним, что КИ был образован в марте 1947 года в результате слияния Первого главного управления МГБ и Главного разведывательного управления Министерства обороны СССР. В марте 1949 года военная разведка была возвращена в Минобороны. А в январе 1952 года КИ был возвращен в МГБ, где и получил название Первое Главное управление, впоследствии ПГУ.

Первая заграничная командировка Митрохина состоялась в 1952 году. Под прикрытием какой должности и в какую страну он выезжал — неизвестно. В январе 1953 года в связи с раскрытием «террористической группы врачей-отравителей» в СССР

начинает разгораться антисемитская кампания. В газетах пестрят сообщения об арестах шпионов с еврейскими фамилиями. В это время Митрохин принимал участие в разработке и выявлении связей, с «агентами международного сионизма», корреспондента «Правды» в Париже Юрия Жукова. Жена Жукова была еврейкой. В 1956 году карьера Митрохина как оперативного работника закончилась. Он перешел на работу в отдел оперативного учета (архив) ПГУ, переименованный впоследствии в двенадцатый отдел, а затем в пятнадцатый.

Основная работа будущего перебежчика заключалась в составлении оперативных справок в ответ на запросы, поступающие из главных и республиканских управлений КГБ. Начав работать в архиве, Митрохин с удивлением узнал, что личный архив Берия, еще недавно хранившийся в управлении, по распоряжению Хрущева, подлежал уничтожению. Председатель КГБ Серов мотивировал это тем, что архив содержал много «провокационных материалов».

В 1968 году Митрохин был направлен на работу в аппарат уполномоченного КГБ в ГДР, который располагался в Карлсхорсте. По сути, это была самая крупная заграничная советской разведки в то время. Аппарат практически копировал структуру ПГУ. Единственной разницей было то, что линейные (региональные) отделы ПГУ заменял отдел политической разведки. По-видимому, в Карлсхорсте Митрохин работал в архивном отделении. После возвращения из командировки он приступил к своим привычным служебным обязанностям.

В июне 1972 года внешняя разведка переехала в новую штаб-квартиру, которая расположилась к юго-востоку от Москвы в живописном Ясеневе.

Типичный рабочий день в Ясеневе начинался с того, что каждое утро десятки автобусов забирали

сотрудников от близлежащих станций метро, чтобы к 9 часам утра они заняли свои рабочие места. В их числе был и Василий Никитич Митрохин, который в новом отдельном кабинете заполнял учетные карточки, сшивал и опечатывал архивные дела, привезенные с Лубянки. Этим он занимался в понедельник, вторник и пятницу, а в среду ехал на Лубянку, где сортировал, отбирал и упаковывал в металлические контейнеры архивные дела управления «С» (нелегальная разведка). Эти дела составляли наиболее секретную часть архива советской внешней разведки. В четверг утром контейнеры доставляли в Ясенево, Митрохин их распечатывал, а затем приступал к учету и инвентаризации архивных папок. Возможно, именно тогда он и решился впервые сделать выписки из материалов службы, которая даже в недрах ПГУ была мифологизирована и окутана ореолом тайны. Так это или нет, но, начав «конспектировать», остановиться Митрохин уже не мог. Сначала он делал выписки на клочках, но, войдя во вкус, начал переписывать уже целые страницы. Единственное его опасение состояло в том, что при выходе на посту охраны его могут обыскать, и он прятал выписки в ботинки. Но через некоторое время просто стал класть их в карманы пиджака и брюк. Каждый вечер, придя домой, он прятал свои записи в матрас. В выходные, выезжая на дачу, перепрятывал их в молочный бидон, который хранил в тайнике под полом дома. Так «трудолюбивый» архивариус на протяжении почти двенадцати лет, изо дня в день, выкрадывал государственные секреты. На пенсию он вышел в 1984 году в звании майора.

Через год после развала СССР и организации, в которой он прослужил 37 лет, Митрохин решился вступить в контакт с англичанами. В марте 1992 года, прибыв ночным поездом в столицу одного из прибалтийских государств, он посетил английское

посольство. Там в разговоре со служащей посольства он дал понять, что имеет важные материалы относительно деятельности КГБ, и в качестве примера передал ей некоторые из своих выписок, касающихся операций советской разведки в Великобритании. Он сказал, что вернется через месяц, и попросил организовать встречу с офицером английской разведки.

В следующий свой приезд, который состоялся 9 апреля, на встрече с английским разведчиком Митрохин передал ему уже около двух тысяч своих записок, а также предъявил свое пенсионное удостоверение сотрудника КГБ и партийный билет в доказательство своей принадлежности к этой структуре. Далее события развивались стремительно. Прибыв в Москву, по заранее оговоренному плану, Митрохин сообщил московской резидентуре СИС, что он может выехать в Прибалтику 10 июня ночным поездом. С каждым его приездом количество выписок, передаваемых англичанам, росло. И поэтому, сойдя 11 июня с поезда, за собой Митрохин уже вез чемодан на колесиках. На этот раз на встрече с англичанами обсуждались вопросы его вывоза в Англию. И вот 7 сентября в сопровождении офицеров СИС Митрохин отбывает в туманный Альбион. В результате интенсивных опросов англичане поняли, что в их руках оказался ценнейший источник информации, и согласились вывезти его вместе с женой и больным сыном в Лондон. 13 октября Митрохин отправился обратно в Москву, а 7 ноября, в день 75-летия Великой Октябрьской социалистической революции, отбыл вместе с семьей в Англию, воспользовавшись проверенным «прибалтийским коридором».

В 1993 году еженедельник «Вашингтон пост», ссылаясь на незваного представителя из ФБР, рассказал о некой перебежчике, который предоставил сенсационную информацию об активности КГБ в США.

В октябре разразился скандал во Франции. Журналисты агентства Франс Пресс, ссылаясь на некоего перебежчика из России, обвинили военного министра Франции Шарля Гёну в сотрудничестве с КГБ, которое продолжалось с 1953 по 1963 год. А вслед за этим на Европу обрушился еще ряд сенсационных разоблачений, касающихся сотрудничества политических деятелей Европы с советской разведкой. Во Франции почти 300 сотрудников МИД подозревались в связях с КГБ. В 1996 году в Германии еженедельник «Фокус» заявил о том, что Германской контрразведывательной службе удалось выявить около сотни агентов Москвы среди высокопоставленных политиков. Даже икона немецкой социал-демократии Вилли Брандт был обвинен в сотрудничестве с Советами. На свет стали извлекаться тайники с радиостанциями, предназначенные советским нелегалам. Правда, через год скандалы как-то сами собой затихли. А в 1999-м на прилавках книжных магазинов Англии, затем США, Германии и Италии появилась увесистая книга под названием «THE MITROKHIN ARCHIVE: The KGB in Europe and the West» (Архив Митрохина: КГБ в Европе и на Западе), в которой Василий Митрохин в соавторстве, а скорее под руководством Кристофера Эндрю решил разоблачить деятельность советской внешней разведки. Поговаривают, что книга в скором времени будет переведена и на русский язык. Поэтому не будем перечислять «сенсационные» подробности, изложенные в этом манускрипте. Можно лишь отметить, что тот часовой механизм, который с таким тщанием приводили в действие авторы этого труда, похоже, не сработал. Вместо эффекта разорвавшейся бомбы прозвучал приглушенный хлопок детской петарды. А побег архивариуса так и остался предательством.

Когда версталась эта книга, стало известно о побеге еще двух офицеров российских спецслужб. Это сотрудник ФСБ Александр Литвиненко, сбежавший в Англию, а также Сергей Олегович Третьяков, первый секретарь Российского представительства в ООН в Нью-Йорке.

Приложение

Данные о предательстве и побегах сотрудников советских спецслужб, упомянутых ниже, были крайне ограничены. Поэтому авторы решили свести их в информационную таблицу.

Имя, фамилия	Ведомство, звание	Официальная должность	Обстоятельства и дата побега
Владимир Александрович Скрипкин	ГРУ, младший лейтенант	Член советской военной миссии в Токио	Установил контакт с британским военно-морским атташе 9 мая 1946 г. 17 мая встретился с представителями американских оккупационных властей. Ким Филби, прочитав шифровку о перебежчике в Лондоне, сообщил об этом в Москву. В связи с этим Скрипкин 19 июля был отозван в Москву и впоследствии расстрелян
Анатолий Грановский	МГБ	Нет данных	В США из Швеции в 1946 г.
Борис Иванович Бакланов	МГБ	Офицер безопасности посольства СССР в Австрии	В Англию в июле 1947 г.
Георгий Петрович Покровский	КГБ	Посольство СССР в Японии	Токио 17 марта 1966 г.

Имя, фамилия	Ведомство, звание	Официальная должность	Обстоятельства и дата побега
Юрий Сергеевич Пивоваров	ГРУ	Посольство СССР в Аргентине	Буэнос-Айрес 29 марта 1970 г.
Вантин Дербенев	ГРУ	Офицер станции радиоэлектронной разведки на Дальнем Востоке	В 1970 г. – в Китай. 9 лет просидел в китайской тюрьме. После этого был выдворен в СССР
Александр Сахаров	КГБ	Нет данных	В 1971 г. вывезен в США из Кувейта
Николай Григорьевич Петров	ГРУ	Сотрудник военного атташата в Джакарте	12 июня 1972 г. в США. 12 ноября 1973 г. обратился в посольство СССР в Вашингтоне. Вернулся в СССР
Артуш Сергеевич Ованесян	КГБ Армянской ССР, лейтенант	Нет данных	В июне 1972 г. в Турцию из Армении. 8 сентября был вывезен в США. В сентябре 1973 г. вернулся в СССР
Евгений Георгиевич Сорокин	ГРУ, лейтенант	Сотрудник военного атташата во Вьентьяне	10 сентября 1972 г. попросил убежища в американском посольстве. Был вывезен в США. В октябре 1973 г. явился в советское посольство в Вашингтоне и 26 октября отбыл в СССР
Константин Нидирашвили	КГБ	Нет данных	Совершил побег в Австрии в 1975 г.
Владимир Букреев	ГРУ	Сотрудник советской миссии при ООН в Женеве	Попытка побега была пресечена. Был вывезен в СССР 6 июня 1978 г.
Игмантас Лещинскас	КГБ	Сотрудник советской миссии при ООН в Нью-Йорке	18 сентября 1978 г. попросил политического убежища у американских властей
Виктор Королук	ГРУ	Переводчик на переговорах по ядерному разоружению в Вене	В Австрии 9 января 1981 г.
Вадим Иванов	Предположительно КГБ	Шеф бюро ТАСС в Вене	В январе 1984 г. перебежал в США из ФРГ

Имя, фамилия	Ведомство, звание	Официальная должность	Обстоятельства и дата побега
Олег Агранянц	КГБ	Сотрудник совет- ского посольства в Тунисе	В США в 1986 г.
Александр Дубов	КГБ	Сотрудник рус- ской духовной миссии в Иеру- салиме	В США в 1988 г.
неизвестный	КГБ, капитан	Технический специалист на авнасалоне в Ле-Бурже	Во Франции в июне 1989 г.

Библиография

- Агабеков Г. Секретный террор. М., 1996.
- Альбац Е. Мина замедленного действия. М., 1992.
- Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж М., 1996.
- Бадуркин В. Тони на связь не выйдет. — Труд, 1994, 26 января. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992.
- Бармин А. Соколы Троцкого. М., 1997.
- Баррон Д. КГБ сегодня. СПб., 1992.
- Березняк Е. Операция «Голос». М., 1992.
- Берия С. Мой отец Лаврентий Берия. М., 1994.
- Беседовский Г. На пути к термидору. М., 1997.
- Блейк Дж. Иного выбора нет. М., 1991.
- Бобков Ф. КГБ и власть. М., 1995.
- Брук-Шеперд Г. Судьба советских перебежчиков. — Иностранная литература, 1990, № 6–8.
- Бурбыга Н. Предательство — нелегкая работа. — Известия, 1992, 7 марта.
- Васильев А. Почему «ушел» полковник КГБ. — Комсомольская правда, 1992, 9 мая.
- Велидов А. Похождения террориста. М., 1998.
- Вернер Р. Соня рапортует. М., 1980.
- Власов Н. Арестованы в Канаде. — Новости разведки и контрразведки, 1996, № 12.
- Вознесенская З. Под псевдонимом Ирина. М., 1997.
- Военные разведчики XX века. Авт. — сост. Толочко М. Минск, 1997. Волкогонов Д. Сталин. Кн. 1–2. М., 1996.
- Волкогонов Д. Троцкий. Кн. 1–2. М., 1997.
- Вольтон Т. КГБ во Франции. М., 1993.
- Ган В. Три метра высотой... — Правда, 1991, 24 октября. Геворкян Н. Мусорная корзина с золотым дном. — Московские новости, 1994, № 61.

Геворкян Н. Жертвы Олдрича Эймса. — Московские новости, 1994, № 63.

Геворкян Н. Олег Гордиевский: «Моя книга может вызвать скандал...» — Московские новости, 1995, № 13.

Герэн А. Серый генерал. М., 1971.

Гиленсен В. ФБР: в тенетах политического сыска. М., 1987.

Голинков Д. Крушение антисоветского подполья. Кн. 1-2. М., 1980.

Гордиевский О., Эндрю К. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992.

Григорьев А. Как вербовали «борца за идею». — Красная звезда, 1992, 19 мая.

Григорьев Б. Дело Гордиевского: новые подробности. Вне закона. 1997, № 3.

Грушко В. Судьба разведчика. М., 1997.

Даллес А. Искусство разведки. М., 1992.

Дело Пеньковского. М., 1997.

Дерябин П., Шектер Дж. Шпион, который спас мир. Кн. 1-2. М., 1993.

Долгополов Ю. Война без линии фронта. М., 1981.

Донован Дж. Незнакомцы на мосту. М., 1992.

Дробышев И. Я был поваренком на кухне КГБ. — Комсомольская правда, 1992, 25 апреля.

Дроздов Ю. Нужная работа. М., 1994.

Другая война: 1939-1945. М., 1996.

Евсеев А. Крот-96. — Совершенно секретно, 1996, № 5.

Зайцев В. Захват. — Служба безопасности, 1993, № 2.

Ильинский М. Скандал в Италии вокруг советской шпионской сети. — Известия, 1992, 1 февраля.

Любимов М. Шпионы, которых я люблю и ненавижу. М., 1998.

Калинин В. Кто вы, капитан Резун? — Новая газета, 1993, 25 декабря.

Калугин О. Вид с Лубянки. М., 1990.

Калугин О. Прощай, Лубянка! М., 1995.

Картаков В. Стриптиз иуды из «Аквариума». — Новости разведки и контрразведки, 1998, № 1.

Кечин И. Смертник без срока давности. — Совершенно секретно, 1998, № 6.

Кирпиченко В. Из архива разведчика. М., 1993.

Кирпиченко В. Анатомия явления. Предатели в разведке. — Новости разведки и контрразведки, 1995, № 3-4, 5-6, 7-8.

Кирпиченко В. И снова о предателях, на этот раз о Калугине. — Новости разведки и контрразведки, 1997, № 19.

Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. М., 1928.

Климов В. По дешевке продается тот, кто и родную мать заложит за пол-литра. — Российская газета, 1996, 18 апреля.

Коваленко Ю. «Волгу» отправил в Питер, а сам махнул в Лондон. — Известия, 1992, 15 августа.

Коваленко Ю. Новые эпизоды шпионской саги. — Известия, 1992, 4 ноября.

Когда шпион вскрывает вены. — Московский комсомолец, 1998, 20 февраля.

Кондауров А. Обвиняется Олег Пеньковский. М., 1993.

Конквест Р. Большой террор. Кн. 1-2. Рига, 1991.

Корзун А. Нам с Кубы слышно все. — Новые известия, 1998, 7 апреля.

Коста А. Странник с одинокой звезды. Нью-Йорк, 1986.

Красная книга ВЧК. Т. 1-2. М., 1989.

Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1996.

Крючков А. Личное дело. Кн. 1-2. М., 1996.

Кузичкин В. Я был распределен в управление С. — Совершенно секретно, 1992, № 1-4.

Леонов Н. Лихолетье. М., 1994.

Литовкин В. Преступление генерала Полякова. — Известия, 1991, 26 января.

Мильштейн М. Побег Гузенко. — Совершенно секретно. 1995, № 3.

Михайлов И. Я ушел, потому что вокруг был маразм. — 24 часа, 1996, № 26.

Мостовщиков С. «Дипломат» сбежал в США. — Известия, 1991, 17 мая.

Найтли Ф. К.Филби — супершпион КГБ. М., 1992.

Найтли Ф. Шпионы XX века. М., 1994.

Нечипоренко О. Освальд: путь к убийству президента. М., 1996.

Неотвратимое возмездие. М., 1987.

Никольский В. Аквариум-2. М., 1997.

Овчаренко Г. В святая святых безопасности. — Правда, 1990, 16 сентября.

Олег Калугин: борец с тоталитаризмом или предатель? — Аргументы и факты, 1996, № 11.

Ольшанский А. Записки агента Разведупра. Париж, 1927.

Орлов А. Тайная история преступлений Сталина. СПб., 1991.

Остряков С. Военные чекисты. М., 1979.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997.

Павлов В. Операция «Снег». М., 1996.

Певцова Т., Баженов С. Награда нашла героя. — Коммерсантъ-Daily, 1998, 29 апреля.

Пестов Ст. Бомба. Тайны и страсти атомной преисподни. СПб., 1995.

Петров Н. Убийство Игнатия Рейсса. — Московские новости, 1995, № 63.

Пиляцкий Б., Чародеев Г. Эймс «приговорил» к расстрелу 14 советских агентов. — Новые известия, 1998, II апреля.

Полежаев А. И Швец, и жнец, и в ФБР игрец. — Комсомольская правда, 1994, 23 апреля.

Полежаев В. Блеск и нищета нелегалов. — Новости разведки и контрразведки, 1996, № 19.

Порецки Э. Тайный агент Дзержинского. М., 1996.

Профессия: разведчик. М., 1992.

Прянишников Б. Незримая паутина. СПб., 1993.

Радю Ш. Под псевдонимом Дора. Пермь, 1992.

Снегирев В. Версия полковника КГБ. — Труд, 1992, 13, 15, 18 августа.

Снегирев В. Агент по имени Федора. — Труд, 1992, 5, 8, 9 декабря.

Соболева Т. Тайнопись в истории России. М., 1994.

Советский «бриллиант» ЦРУ. — Новости разведки и контрразведки. 1994, № 17-18.

Суворов В. Аквариум. М., 1991.

Старков Б. Чужие наши. — Российская газета, 1992, 6 марта.

Старосадский В. Сколько веревочке ни виться... — Новости разведки и контрразведки, 1998, № 11.

Степенин М. Офицеры ГРУ продавали Моссад государственные секреты. — Коммерсантъ-Daily, 1998, 21 марта.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996.

Тарасов Д. Жаркое лето полковника Абеля. М., 1997.

Тихомиров И. Псевдомоисей. — Правда, 1990, 19 октября.

Треппер Л. Большая игра. М., 1990.

Уайз Д. Охота на «кротов». М., 1994.

Уайтон Ч. Знаменитые шпионы. М., 1996.

Удильов В. Записки контрразведчика. М., 1994.

Федорова Г., Федоров М. Будни разведки. М., 1994.

Федосеев С. Фаворит Ежова. — Совершенно секретно, 1996, № 9.

Феликсов А. За океаном и на острове. М., 1994.

Филби К. Моя тайная война. М., 1968.

Фомин Ф. Записки старого чекиста. М., 1964.

Хазов А. Вице-консул — экс-шпион. — Московские новости, 1992, № 6.

Хенки н К. Охотник вверх ногами. М., 1991.

Хинштейн А. Крот-96: почему продают Россию сегодня. — Совершенно секретно, 1996, № 4, 5.

Хинштейн А. Ваша карта бита! — Московский комсомолец, 1998, 14 марта.

Хрущев Н. Воспоминания. М., 1997.

Царев О., Костелло Д. Роковые иллюзии. М., 1995.

Цветов В. Почему не расцвела хризантема? — Совершенно секретно, 1991, № 6.

Чумаков Н. Класс кремации — второй. — Совершенно секретно, 1992, № 5.

Швец Ю. Тюбик для резидента. — Совершенно секретно, 1993, № 7.

Швец Ю. Все разведслужбы мира близнецы-братья. — Московские новости, 1994, № 19.

Швец Ю. Мусор из Пентагона. — Совершенно секретно, 1996, № 1.

Шебаршин Л. Рука Москвы. М., 1992.

Шелленберг В. Лабиринт. М., 1991.

Шевелев В., Шевелев М. Агент по кличке Оса. — Московские новости, 1991, № 44.

Широнин В. Под колпаком контрразведки. М., 1996.

Широнин В. КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997.

Эрли П. Признания шпиона. М., 1998.

Примечания

1

Руководство ВЧК осуществляли Коллегия и Президиум ВЧК. В структуру ВЧК входили: Информационный отдел, который собирал оперативную информацию и составлял сводки для ЦК РКП(б) и СНК о борьбе с контрреволюцией; организационный отдел отвечал за создание чрезвычайных комиссий на местах и руководил их деятельностью; отдел борьбы непосредственно занимался борьбой с контрреволюцией.

Елизавета Юльевна Горская (Розенцвейг) родилась в 1900 г. в г. Хотине. До 1924 училась на историко-филологических факультетах Черновицкого, Парижского и Венского университетов. В 1923 г. вступила в компартию Австрии. С 1924 г. в органах ОГПУ. В 1929 г. вышла замуж за сотрудника ИНО ОГПУ Василия Михайловича Зарубина. Работала в легальных и нелегальных резидентурах Польши, Австрии, Франции, Германии, США и других стран. Была уволена из органов госбезопасности в 1946 г. 14 мая 1987 г. трагически погибла.

Когда вскоре стали ходить слухи об обстоятельствах ареста Блюмкина, было проведено специальное расследование, установившее, что их источником был сотрудник секретно-политического отдела ОГПУ Рабинович. За это он был расстрелян. Вероятно, именно поэтому об обстоятельствах ареста Блюмкина говорилось, в том числе и А. Орловым, так много нелепиц.

Настоящей причиной предательства Агабекова была, как это ни удивительно, любовь. Нелегальный резидент ИНО влюбился в 20-летнюю англичанку Изабел Стритер, у которой брал уроки английского языка. Роман, начавшийся как легкий флирт, вскоре стал единственным смыслом жизни. Родители Изабел, пришедшие в ужас от ее выбора, отправили дочь во Францию. Но Агабеков последовал за ней и ценой предательства добился своего — в ноябре 1930 г. они поженились. Но бурная любовь вскоре кончилась. В апреле 1936 г. они разошлись, и Изабел, вернув себе девичью фамилию, уехала в Англию. В 50-е годы она работала стенографисткой в различных государственных учреждениях, в том числе и в британских посольствах за границей. Умерла Изабел Стритер в возрасте 62 лет 27 ноября 1971 г. в Нью-Йорке, где она работала в английской миссии ООН.

Маневич в 1937 г. был приговорен Особым трибуналом по защите фашизма к 12 годам тюремного заключения. Освобожден союзниками из тюрьмы «Чинквато чинкве» на острове Санто-Стефано 9 сентября 1943 г. Но в том же сентябре, прибыв в Италию, был арестован немцами, сменил с помощью русских заключенных фамилию Кертнер на Старостин и был отправлен в концлагерь Маутхаузен. Умер 9 мая 1945 г., в день освобождения лагеря американцами.

ОВРА (Институт надзора за антифашистским движением) — тайная полиция фашистского режима в Италии.

Правдин Виктор (Владимир Сергеевич) родился в 1905 г. в Лондоне (в некоторых анкетах указывается, что родился в Санкт-Петербурге) в семье музыканта и композитора, гражданина Монако. Национальность — француз. В 1912 г. вместе с родителями выехал во Францию. Работал по найму в сельском хозяйстве г. Данкастер (Англия). В 1922–1924 гг. — посыльный, официант гостиницы «Эрмитаж» в Монте-Карло. В 1924–1925 гг. — бухгалтер гостиницы «Париж» в Монте-Карло, в 1925–1926 гг. — кассир гостиницы «Метрополь» в Марселе, в 1926 г. — официант гостиницы «Астор» в Нью-Йорке, в 1926–1928 гг. — безработный в США. В 1929–1932 гг. — зам администратора и администратор гостиницы «Альгамбра» в Ницце. С 1932 г. сотрудник ОГПУ-НКВД-МГБ. В 1937 г. принял советское гражданство. В 1940–1941 гг. — выпускающий информацию для заграницы в ТАСС. В 1941–1943 гг. корреспондент-редактор отделения ТАСС в Нью-Йорке, в 1943–1946 гг. — заведующим ТАСС в США. С 1948 г. на пенсии по инвалидности. В 1948–1953 гг. главный редактор «Иноиздата». В мае — июне 1953 г. — сотрудник 9-го отдела МВД СССР (у П.А. Судоплатова) в звании капитана. В анкетах в графе «основная профессия» писал «Чекист». В 1946 г. принят в партию. Умер в Москве в 1962 г.

Афанасьев Борис Маноилович (настоящая фамилия Атанасов) родился в г. Лом (Болгария) в 1902 г. в семье писаря. Национальность — болгарин. С 1922 г. — член болгарской компартии. В 1916–1922 гг. работал чернорабочим на кирпичном заводе и на виноградниках. После ареста по подозрению в организации покушения

на министра просвещения в сентябре 1922 г. выехал в СССР, где до 1926 г. учился в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. В 1923 г. вступил в ВКП(б). В 1926-1927 гг. — зам зав агитационно-пропагандистским кабинетом Краснопресненского РК в Москве. В 1927-1930 гг. — аспирант и преподаватель коммунистического университета им. Свердлова. В 1930-1947 гг. — сотрудник ОГПУ-НКВД-МГБ, был на нелегальной работе. В 1947 г. в связи с отрицательной характеристикой уволен из МГБ. В 1948-1953 гг. — начальник управления научной информации Издательства иностранной литературы. В мае — июне 1953 г. вновь в МВД СССР в 9-м отделе у Судоплатова в звании полковника. В 1953-1954 гг. — внештатный литсотрудник журналов «Новое время» и «Военная мысль». В 1954-1958 гг. — пенсионер. В 1958-1963 гг. — ответственный редактор журнала «Произведения и мнения» на французском языке. В 1963-1981 гг. — зам главного редактора журнала «Советская литература». Имел звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». Умер в Москве в апреле 1981 г.

Эйслер Герхард (1897-1968) — профессор, доктор наук. В годы Первой мировой войны лейтенант австро-венгерской армии. С 1920 г. муж Гедды Массинг. В 1918 г. вступил в Компартию Австрии, затем переехал в Германию, вступил в КПГ и стал одним из ее функционеров. Подвергался политическим репрессиям, находился на нелегальном положении. С 1933 г. в эмиграции. Сражался в рядах антифашистов в Испании. Организатор и впоследствии комментатор подпольной немецкой радиостанции «29,8». В 1941-1943 гг. находился в США, где неоднократно подвергался арестам. Нелегально выехал в ГДР, где до самой смерти занимал пост председателя Госкомитета по радиовещанию.

Массинг Пауль (1902–1979) Сотрудник Иностранного (разведывательного) отдела (ИНО) ОГПУ-НКВД. Родился под Триром. Сын чиновника. Специалист по сельскохозяйственным проблемам и социолог, получил докторскую степень во Франкфуртском университете. В 1929–1930 годах жил в СССР. Работал в Международном аграрном институте. В 1931 году вернулся в Германию и входил в руководство общества по изучению советской плановой экономики «Артплан». В 1933 году в концентрационном лагере. Описал свое пребывание там в повести «Отечество» (1935). Вел разведработу в Западной Европе и США. В 1937–1938 годах находился в Москве. В 1938 году выехал в США. Преподавал в ряде американских институтов. Автор социологических трудов. В 1967 году со своей второй женой В. Герцог вернулся в ФРГ, где и умер.

Буков Борис Яковлевич — сотрудник Разведупра РККА в 1920–1941 гг. Резидент военной разведки в США в 1934–1938 гг.

Коротков Александр Михайлович (1909–1961). Известен также под фамилиями Коротин, Кудрявцев, Степанов, Эрдберг. В ОГПУ с 1928 г. По рекомендации личного секретаря Г.Г. Ягоды Вениамина Герсона принят на оперативную работу в ИНО. С июля 1933 по апрель 1934-го работал в нелегальной резидентуре А. Орлова в Париже. После провала с 1935 по 1938 год в Германии. В январе 1939 г. уволен из НКВД, но обжаловал свое увольнение и был восстановлен в должности. В 1939 г. совершил нелегальную поездку по Дании и Норвегии. С августа 1940 г. заместитель резидента в Берлине. Восстановил прерванную связь с А. Харнаком и Х. Шульце-Бойзеном. С июля 1941 г. в Москве на должности заместителя начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД. В 1945–1946 гг. — главный резидент на оккупированных территориях Германии. С 1946 г. в Москве, на посту заместителя начальника разведывательного управления МГБ и начальника управления нелегальной разведки. С 1957 г. уполномоченный КГБ СССР по координации связи с МГБ ГДР. В июне 1961 г., находясь в командировке в Москве, умер от инфаркта.

По свидетельству перебежчика Дерябина, П. — С.М. Глинский, который будучи парижским резидентом, завербовал и внедрил в окружение Троцкого Марка Зборовского. М. — это Теодор Малли, при непосредственном участии которого были завербованы К. Филби (ЗЕНХЕН) и Д. Маклин (ВАЙЗЕ).

Разумеется, Павлов и Корнилов — не подлинные фамилии сотрудников НКВД, арестованных в Турции. Подлинное имя Корнилова — Г.И. Мордвинов.

Георгий Иванович Мордвинов родился 5 мая 1896 г. в Бурятии в семье крестьянина-батрака. После Октябрьской революции вступил добровольцем в Красную Армию. В 1918 г. был направлен на работу в Забайкальскую ЧК. Участвовал в боевых действиях на Дальнем Востоке. С 1924 по 1929 год — на командных должностях в пограничных войсках и органах ГПУ. В 1929 г. поступил на китайский факультет Института востоковедения, а в 1930 г. по линии разведки был командирован сначала в Монголию, а потом в Китай. В 1937 г. уволен из НКВД по приказу Ежова и до 1940 г. работал в исполкоме Коминтерна.

С началом Великой Отечественной войны был возвращен в НКВД и назначен начальником отделения 4-го (диверсионного) управления, которым руководил П.А. Судоплатов. В октябре 1941 г. его направляют в Турцию для подготовки покушения на фон Папена. После освобождения из тюрьмы вернулся в СССР и до конца войны работал в тылу противника. Перед началом войны с Японией был назначен начальником разведотдела УНКГБ по Читинской области, а в декабре 1945 г. — заместителем начальника Китайско-Чунцинской железной дороги.

В январе 1949 г. вышел в отставку и в последующие годы занимался научной работой в Институте востоковедения АН СССР. Умер 7 апреля 1966 г.

Генерал-лейтенант А.А. Власов попал в плен к немцам в июле 1942 г. В плену он добился разрешения сформировать Русскую освободительную армию (РОА) для борьбы с советским режимом. В мае 1945 г. две дивизии РОА освободили Прагу от немцев до прихода Красной Армии. Сам Власов был взят в плен военной контрразведкой СМЕРШ в 1945 г. и в 1946 г. по решению трибунала был повешен за измену Родине.

«Штаб Валли» был создан в системе абвера в июне 1941 г. для руководства разведывательной, контрразведывательной и диверсионной работой против СССР. Штабу подчинялись абверкоманды, приданные армейским группировкам. В подчинении каждой абверкоманды было от трех до восьми абвергрупп.

На самом деле Гузенко выдал гораздо больше агентов канадской резидентуры ГРУ:

— Алан Нан Мей (АЛЕК), ученый-физик — осужден на 10 лет;

— Филипп Дарнфорд Смит (БАДО), Национальный исследовательский совет — осужден на 5 лет;

— Эдвард Мазерал (БЭГЛИ), Национальный исследовательский совет — осужден на 4 г.;

— Раймонд Бойер (ПРОФЕССОР), специалист по взрывчатым веществам — осужден на 2 г.;

— Сэм Карр (ФРЭНК), оргсекретарь коммунистической партии Канады — осужден на 6 лет;

— Фред Роуз («Дюбуа»), член парламента Канады — осужден на 6 лет;

— Дэвид Г. Лунан (БЭК) капитан, — осужден на 5 лет;

— Гарольд Герсон (ГРЕЙ), департамент военного снаряжения — осужден на 5 лет;

— Эмма Войник (НОРА). МИД Канады — осуждена на 2 г.;

— Кэтрин Уиллшец (ЭЛЛИ), британская комиссия — осуждена на 3 г.;

— Израэль Гальперин (БЭКОН), армейское научно-исследовательское учреждение — оправдан;

— Дэвид Шугар (ПРОМЕТЕЙ), лейтенант, специалист по радарам — оправдан;

— Джеймс Беннинг (ФОРСТЕР), департамент военного снаряжения — оправдан апелляционным судом;

— Эрик Адамс (ЭРИК), Банк Канады — оправдан;

— Мэтт Найтингейл (ЛИДЕР), канадские ВВС — оправдан;

- Фрэд Поланд, канадские ВВС — оправдан;
- Генри Харрис, оптометрист — оправдан апелляционным судом;
- Агата Чэпмен, Банк Канады — оправдана;
- В. Пэппин — оправдан;
- Джон Соболефф — штраф 500 долларов;
- Фреда Линтон (ФРЕДА), Международное бюро труда — выслана;
- майор Сол Бурман (БУРМАН) — не обвинялся;
- капитан Джек Готтхейл (КИНГСТОН) — не обвинялся;
- Норман Вилл — не обвинялся.

Кроме того, Гузенко выдал и трех нелегальных резидентов ГРУ, действовавших на территории Канады и США, — Яна Черняка, Залмана Вольфовича Литвина (МУЛАТ), проживавшего в США и работавшего в Южно-Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, и Артура Алмса (АХИЛЛ), руководившего нелегальной резидентурой в Нью-Йорке. Все они были взяты под наблюдение контрразведкой и были осуждены немедленно нелегально покинуть страну пребывания.

МИ-5 — орган английской контрразведки. Но в то время контрразведывательной деятельностью против коммунистических стран занимался 5-й отдел МИ-6 (СИС) — английской разведки.

Эта странная сумма, возможно, была исчислена по тогдашним котировкам валют, сейчас она составляет около полумиллиона фунтов.

Два агента в МИД, о которых упоминал Волков, были, по всей видимости, Берджесс и Маклин. Среди семи агентов в разведке, несомненно, были Филби, Блант, Кэрнкросс, Лонг и Ключман. Двумя другими могли быть Цедрик Белфрейдж, который во время войны два гола работал в британской координационной службе безопасности в Нью-Йорке, и офицер Управления специальных операций, имя которого до сих пор не называется.

В. Перло входил в агентурную сеть ГРУ, возглавляемую У. Чемберсом. После предательства последнего в апреле 1938 г. агентура была передана НКВД, а ее руководителем стал Гайк Бадалович Овакимян.

Олег Туманов в сентябре 1966 г., будучи матросом эсминца «Справедливый», в Ливии бежал с корабля и попросил в английском посольстве политического убежища. Он был передан американской разведке и после проверки зачислен в штат радиостанции «Свобода». Сделав там стремительную карьеру, он получил доступ к материалам западных спецслужб, благодаря чему некоторые его донесения докладывались непосредственно высшему руководству СССР. 23 февраля 1986 г. из-за угрозы провала был вынужден нелегально покинуть Мюнхен и бежать в Москву. В настоящее время на пенсии.

Существует и другая версия выхода Попова на контакт с американской разведкой, согласно которой он был скомпрометирован на «медовой ловушке». Так, В.А. Никольский, работавший в то время в Австрии, пишет следующее: «В 1951 г. подполковник Попов, работавший поначалу в Союзнической комиссии, а затем в одной из разведывательных частей группы войск, был завербован американцами, подставившими ему девицу, с которой он установил интимные отношения. Все контакты Попова с ней были зафиксированы на фотопленку и использованы для шантажа. Не найдя воли признаться в своих проступках, Попов пошел на предательство».

Но Смит не знал, для кого он готовит тайники, и это спасло Попова. Дело в том, что Смит был скомпрометирован своей горничной — «ласточкой» из Второго главного управления (контрразведка) КГБ. Он нашел в себе силы и доложил об этом начальству, после чего был отозван из Москвы и в 1956 г. уволен из ЦРУ.

В марте 1953 г. по приказу Берия произошло слияние МГБ и МВД при образовании укрупненного МВД во главе с С.Н. Кругловым. КГБ был образован в марте 1954 г., и первым его начальником был назначен И.А. Серов.

Павел Анатольевич Судоплатов родился в 1907 г. С мая 1921 г. в органах госбезопасности, член партии с 1928 г. С 1933 г. в ИНО ОГПУ. В мае 1938 г. лично «убрал» в Роттердаме лидера украинских националистов Коновальца. Руководил операцией по убийству Троцкого в Мексике в 1940 г. С февраля 1941 г. заместитель начальника ПГУ НКГБ СССР. С июля 1941 г. бессменный руководитель диверсионно-террористических подразделений госбезопасности. Арестован 21 августа 1953 г. и осужден Верховным судом СССР на 15 лет лишения свободы за измену Родине. Освобожден по отбытии наказания в 1968 г., после чего занялся литературной деятельностью. Под псевдонимом Андреев опубликовал три книги. Постановлением от 18 октября 1991 г. реабилитирован в соответствии с пунктом «а» статьи 3 закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». В 1994 г. в США вышла книга «Специальные задания. Мемуары нежелательного свидетеля — советского мастера шпионажа», написанная Судоплатовым совместно с сыном Анатолием и американскими журналистами Джерольдом и Леоной Шектер. И России его мемуары вышли в 1996 г. под названием «Разведка и Кремль». Умер 24 сентября 1996 г.

Здесь необходимо отметить, что операция по ликвидации Кубе (была проведена сотрудниками военной разведки под руководством Н.Н. Федорова, действовавшего на базе спецотряда ГРУ ДИМА под командованием Д.И. Кеймаха. Участие в операции сотрудников 4-го управления НКВД, и в том числе Хохлова, было минимальным.

Второй раз совершить покушение на Хохлова предложил в 70-х гг. Аркадий Васильевич Гук, в те времена начальник линии КР в резидентуре КГБ в Нью-Йорке. Центр на это согласия не дал.

Спецотдел при ОГПУТУГБ НКВД существовал с мая 1921 г. по июнь 1938 г. и занимался шифровкой и дешифровкой совместно с 4-м управлением штаба РККА (ГРУ). Начальником отдела был старый большевик Глеб Иванович Бокий, его заместителем полковник ГРУ П.Х. Харкевич.

В.Ф. Санько прославился и в 1967 г., когда пытался в Нью-Йорке похитить дочь И. Сталина Светлану Аллилуеву, заявившую о своем нежелании вернуться в СССР.

И.И. Агаянц в 1941-1943 гг. был резидентом в Тегеране, с 1947 по 1949 г. резидентом в Париже. В 1949 г. он был назначен начальником Второго (Европейского) управления КИ. С 1959 г. начальник службы «Д» (позднее управление «А») ПГУ КГБ, подразделении, занимающегося дезинформацией.

Комитет по информации был образован по предложению В.М. Молотова осенью 1947 г. В КИ были объединены управления внешней разведки и дешифровальные службы МГБ и ГРУ. Официально КИ находился под непосредственным руководством Совета Министров, но назначение Молотова первым руководителем КИ определяло главенствующую роль Министерства иностранных дел. Летом 1948 г. министру обороны Булганину удалось вернуть всех сотрудников военной разведки в ГРУ, которое, таким образом, осталось самостоятельным ведомством. Окончательно КИ был расформирован в конце 1951 г.

Рой Роудс, 1917 г. рождения, с 1951 г. работал в Москве в аппарате военного атташе посольства США заведующим гаражом. В январе 1952 г. он был завербован КГБ на основе компрометирующих материалов (пьянство и тайные сексуальные контакты) и дал подписку о сотрудничестве. В июне 1953 г. выехал из СССР, но вопреки инструкции на связь с сотрудниками советской разведки не вышел.

ШВЕД — псевдоним Александра Михайловича Орлова. Подробнее о нем см. в главе 2.

Турецкий лейтенант, которого завербовал Ионченко, впоследствии был казнен как предатель. Ионченко продолжал карьеру в ГРУ и одно время состоял советником при Хо Ши Мине в Ханое.

Незадолго до конца войны по приказу Сталина были сформированы специальные группы, в задачу которых входило изъятие архивов правительственных и белоэмигрантских организаций в странах, освобожденных Советской Армией. Конфискованные архивы были доставлены в СССР в 1946–1950 гг. и переданы в распоряжение КГБ. Возможно, из них и стало известно, что отец Пеньковского служил в белой армии.

Винн первый раз посетил Москву 1 декабря 1960 г. с целью подготовить визит делегации английских технических специалистов, которая прибыла в СССР 8 декабря 1960 г. Следует особо подчеркнуть, что Винн в ноябре 1960 г. был завербован офицером СИС Д. Франксом с заданием информировать о своих контактах и работе в СССР.

По некоторым данным, Логинов остался жив.
(Примеч. авт.)

В 1962 г. ФБР передало Полякова в ЦРУ, так как по американской конституции ФБР не имеет права заниматься разведывательной деятельностью за пределами США. В ЦРУ Полякову присвоили псевдоним Бурбон.

ПТУРС — противотанковый управляемый реактивный снаряд.

Вскрытие тела Гейтскелла показало, что он умер не от волчанки, а от «комплексного иммунодефицита». Симптомы этой болезни впервые были отмечены у него за год до смерти.

У многих авторов «Федора» идентифицируется как Виктор Мечиславович Лесиовский (см., например, Найтли: «Шпионы XX века»; Гольтон: «КГБ во Франции», Гэрроу: «ФБР и Мартин Лютер Кинг»), По это не так. С 1961 по 1966 г. Лесиовский, работал в должности главного сотрудника секретариата ООН в Нью-Йорке. С 1968 г. — директор секретариата ООН в Нью-Йорке. У него были очень высоте связи, и во время визита в 1965 г. в Нью-Йорк Папы Римского и организовал встречу с ним Жаклин Кеннеди. Лесиовский вернулся в СССР в 1971 г.

Агентство национальной безопасности (АНБ) — спецслужба США, занимающаяся глобальным радиоперехватом и дешифровкой иностранных сообщений. Штаб-квартира находится в Форт-Мид, штат Мэриленд.

«Ласточкой» на сленге сотрудников КГБ называют сотрудницу, используемую в качестве соблазнительницы интересуемого объекта. В ЦРУ для этой цели используют слово «воробей». В чем причина этих орнитологических различий — остается неясным.

Несмотря на то, что Белицкий находился под контролем КГБ, ЦРУ продолжало использовать его некоторое время, чтобы проследить, какого рода дезинформацию будет передавать через него советская разведка. В дальнейшем Белицкий продолжал работать на Московском радио, проводя большую часть времени в Англии. В 1989 г. он был заместителем заведующего отдела, вещавшего на Великобританию и Северную Америку.

Вассел был направлен в Москву в 1954 г. на должность клерка в аппарате военно-морского атташе. В 1955 г. он был сфотографирован на вечеринке гомосексуалистов, организованной Вторым главным управлением, и завербован при помощи шантажа. Вернувшись в 1958 г. в Лондон, Вассел работал сначала в разведывательном управлении Адмиралтейства, а потом в военном отделе того же ведомства. Оператором Вассела в Лондоне был Николай Борисович Родин. Из восемнадцати лет Вассел отсидел десять, а в 1975 г. в Лондоне вышла его автобиографическая книга «Вассел».

Существуют разные версии о том, когда именно Носенко сообщил о провале тайника. По словам Кайзвальтера, это произошло в 1962 г., и он якобы сообщил об этом в Ленгли. Бегли же утверждает, что Носенко рассказал о тайнике в 1964 г., и поэтому никто не предупредил об опасности московскую резидентуру ЦРУ. Сам Носенко не мог точно вспомнить, когда он сообщил о тайнике.

Сотрудник ЦРУ Майлер позднее подтвердил, что показания Носенко помогли установить личность САШИ. Офицер военной разведки США, нуждавшийся в деньгах, он был завербован в Германии сотрудником КГБ М.А. Шаляпиным, и поставлял ему информацию во время кубинского ракетного кризиса. В 1962 г. САША был переведен в Вашингтон и дослужился уже до майора, когда попал под подозрение ФБР. Ему была гарантирована неприкосновенность в обмен на сотрудничество с его стороны. САША представлял интерес для ФБР, пока был нужен КГБ, а потом его отправили в отставку.

В дополнение к докладу Соли в рамках ЦРУ было проведено два анализа дела Носенко. Один Джоном Хартом в 1976 г., а другой Джеком Филдхаусом весной 1981 г. по просьбе директора ЦРУ У. Кейси. Все они содержали вывод о том, что Носенко был действительно перебежчиком.

Чернов уверен, что агентов ФБР на него вывел Д. Поляков, бывший в то время заместителем резидента ГРУ в Нью-Йорке и завербованный американцами в 1961 г. Агенты ФБР показали ему три фотоснимка, сделанных, по-видимому, миниатюрным фотоаппаратом, на которых были запечатлены коридоры резидентур КГБ и ГРУ, а также референтуры советского представительства при ООН в Нью-Йорке. Надписи на фотографиях указывали, кому из сотрудников какой принадлежит кабинет, в том числе и кабинет Чернова.

Классической операцией такого рода служит история сотрудницы американского посольства в Москве Аннабеллы Бюкар. По приезду в Москву в 1948 г. у нее возник роман с артистом Московского театра оперетты Лапшиным, который сблизился с ней по заданию Второго главного управления. После того как Аннабелла Бюкар забеременела, Лапшина «арестовали» и, играя на чувствах девушки, заставили ее попросить политическое убежище и подписать гранки книги, вышедшей в 1949 г. под хлестким названием «Правда об американских дипломатах». Единственное отличие от установленного шаблона — жертвой в данном случае оказалась женщина, а соблазнителем — мужчина. Правда, именно такая ситуация позднее была применена на практике главой разведслужбы ГДР Макрусом Вольфом.

После отставки Дежан стал одним из руководителей ассоциации «Франция — СССР» и был назначен генеральным директором небольшого завода по производству часов «Слава», созданного в 60-х гг. и Гезансоне на советские средства. Умер Дежан в Париже 14 января 1982 г. в возрасте 82-х лет.

Джеймс Нолан, заместитель директора ФБР по контрразведке, с самого начала считал И. Кочнова подставой КГБ, и говорил, что с САШИН КГБ вновь установило непродолжительный контакт, дабы повысить доверие к КИТТИ ХОК. Сообщение Кочнова об И. Орлове в свете последующих событий можно считать дезинформацией, запущенной КГБ с целью еще больше дезориентировать сотрудников ЦРУ, занимавшихся поисками «кротов».

Стиг Берглинг родился в 1938 г. После службы в полиции, а затем офицером ООН, он, несмотря на возражения коллег, был принят на службу в шведскую службу безопасности (СЕПО), где выполнял обязанности офицера связи со штабом обороны. Будучи завербованным КГБ, Берглинг передавал важные данные о работе спецслужб Швеции и НАТО. О его деятельности сообщил англичанам завербованный ими в 1974 г. сотрудник КГБ О. Гордиевский, после чего в марте 1979 г. Берглинг был арестован и в декабре осужден (Стокгольмским судом первой инстанции на пожизненное заключение. Ему были разрешены короткие отлучки из тюрьмы домой под бдительной охраной, и во время одной такой отлучки в загородном доме семьи в местечке Ринкебю под Стокгольмом в ночь на 6 октября 1987 г. он вместе с женой Элизабет Сандберг осуществил побег в СССР.

Некоторое время супруги Берглинги проживали на территории СССР, позже они переехали в Ливан, где выполняли задания ГРУ. По неожиданному в августе 1994 г. вернулись в Швецию, где Берглинг «нов» был помещен под стражу. В 1998 г., после неоднократных попыток адвокатов добиться его досрочного освобождения, Берглинг по состоянию здоровья был выпущен из тюрьмы и в настоящее время живет в Швеции.

С 1967 по конец 1974 г. дипломатические отношения между США и Алжирской Народной Демократической Республикой были разорваны в связи с ближневосточной войной.

Судя по оригиналу письма, адресованному Чеботареву, в ЦРУ явно ощущался дефицит сотрудников, хотя бы сносно владевших русским языком.

Исхак Абдулович Ахмеров был ведущим нелегалом ИНУ НКВД в США с 1934 по 1939 г. У него на связи находилась большая агентурная сеть в правительственных учреждениях США. Вызванный по приказу Берия в Москву, он был обвинен в измене, но с началом Великой Отечественной войны вновь направлен в США, где проработал до конца войны.

Конон Трофимович Молодой — известный разведчик-нелегал. Под именем Гордона Лонсдейла он с 1955 по 1961 г. работал в Англии. После бегства на Запад сотрудника польской военной разведки М. Голеневского был арестован и приговорен к 25 годам тюремного заключения. В 1964 г. он был обменен на Г. Винна.

В 1992 г. Трехольт был досрочно освобожден и работал консультантом в норвежской фирме «Бредерна Хольмлунд».

Отсидев в тюрьме четырнадцать лет, Беттани в мае 1988 г. был помилован и выпущен на свободу. Интересно, что когда английские журналисты спросили его, не жалеет ли он о содеянном, Беттани ответил: «Комментариев не будет».

Гордиевский был не единственным сотрудником КГБ, которого западные спецслужбы тайно переправили за рубеж. Так, в 1980 г. ЦРУ удалось нелегально вывезти в США из Москвы сотрудника КГБ В. Шеймова с женой и дочерью.

Х. Хемблтон, канадец, был завербован КГБ в 1956 г. Работал с 1956 по 1961 г. в штаб-квартире НАТО, передав за это время своему оператору майору А. Тришину более 120 секретных документов. После ухода из НАТО продолжал работать на КГБ, готовя аналитические обзоры по политике и экономике стран Латинской Америки, ЮАР, Израиля. В июне 1975 г. встречался в Москве с Ю.В. Андроповым. В 1978 г. после ареста Земенека был задержан канадской полицией, но так как шпионских акций на территории Канады и против нее он не совершал, то начатое в отношении него расследование было прекращено. В 1982 г. он был арестован в Лондоне во время туристической поездки в Англию. Суд на основании закона о неразглашении государственной тайны приговорил его к десяти годам тюремного заключения.

Предположительно речь шла о перебежчике, бывшем сотруднике КГБ Ю.И. Носенко.

Ю.И. Дроздов работал в ПГУ КГБ с 1957 г. В 1961–1962 гг. участвовал в обмене нелегала КГБ В.Г. Фишера (Р. Абеля) на американского летчика Пауэрса. В 1964–1968 гг. был резидентом в Китае. С 1975 по 1979 г. был резидентом в Нью-Йорке. С октября 1979 по июль 1991 г. возглавлял управление «С» ПГУ.

Сотрудники идеологической контрразведки в центральном аппарате КГБ входили в состав 5-го Управления, а в городских, областных и районных управлениях — в состав так называемой пятой линии.

Так утверждает сам Резун. По другим данным, подразделение, в котором он служил, так и не пересекло границу Чехословакии.

7-й отдел ПГУ специализировался по Японии, Таиланду, Индонезии, Малайзии, Сингапуру, Филиппинам.

Д.А. Ерохин в 1967–70 гг. успешно работал резидентом КГБ в Индии в Дели, и по возвращении в Москву стал самым молодым генерал-майором в КГБ. В 1973–1976 гг. работал резидентом в Токио. В 1976 г. был отозван в Москву и на партийной комиссии обвинен в «травле» подчиненного. Будучи переведен из ПГУ в управление погранвойск КГБ, в 1977 г. в возрасте 45 лет вышел на пенсию.

Майор А. Мачехин был арестован японской контрразведкой в момент получения секретных материалов от мичмана ВМФ США. В момент задержания ему удалось избавиться от микроплёнки, но он вступил в драку с полицейскими и угодил за решетку. В результате инспирированной КГБ газетной кампании и нажима по дипломатическим каналам Мачехин был освобожден и без лишнего шума покинул Японию.

Старший лейтенант Виктор Беленко 6 сентября 1976 г. посадил свой «МиГ-25» на гражданском аэродроме японского острова Хоккайдо. Несмотря на все попытки советских представителей встретиться с ними, Беленко не пошел на контакт и вскоре выехал в США, где получил политическое убежище.

Все эти утверждения Шеймова, по всей видимости, являются чистым вымыслом, так как с мая 1980 г. он не имел никакого отношения к КГБ, и такую информацию мог получить только от ЦРУ.

5-й отдел ПГУ занимался разведкой на территории стран Западной Европы — Испании, Португалии, Франции, Италии, Греции, Швейцарии и стран Бенилюкса.

В их число входили: Военно-промышленная комиссия, управление «Т» ПГУ КГБ, управление научно-технической разведки ГРУ, Государственный комитет по науке и технике, Государственный комитет по внешним экономическим связям, отдел экономических отношений с западными странами и отдел импорта оборудования из капиталистических стран Министерства внешней торговли, Академия наук СССР.

2-й отдел управления «С» занимался документацией и легендами нелегалов по региональным вопросам.

Аятолла — высший духовный титул у шиитов.

Эти меры безопасности кажутся вполне обоснованными в свете не удавшейся в апреле 1980 г. попытки администрации Р. Рейгана вооруженным путем освободить взятых в заложники сотрудников американского посольства в Иране.

Как оказалось в дальнейшем, опасения сотрудников ЦРУ оказались оправданными. Сметанин не воровал никаких денег, а просто пытался продаться подороже.

С.М. Голубев в 1960–1965 гг. работал в США. С 1966 по 1970 год был резидентом КГБ в Каире, после чего получил назначение во Вторую службу ПГУ, которая была сформирована на базе 14-го отдела (контрразведка) и 9-го (эмиграция) в 60-х годах. В 1985 г. становится заместителем начальника управления «К» ПГУ и генерал-майором.

Толкачев был арестован 9 июня 1985 г., а 13 июня был задержан Пол Стомбах, оперативный сотрудник ЦРУ в Москве под «крышей» второго секретаря посольства, когда он шел на встречу с Толкачевым, роль которого исполнял заgrimированный сотрудник КГБ. Стомбах был объявлен персоной нон грата, а Толкачев отдан под суд. На суде выяснилось, что за переданные секреты Толкачев получил от ЦРУ 789 500 рублей, а также имел на банковском счете в США 1 990 729 долларов. Суд приговорил Толкачева к расстрелу, и 23 июля 1986 г. приговор был приведен в исполнение.

Дальнейшая судьба Говарда довольно интересна. В СССР он был окружен заботой и вниманием, ему был предоставлен дом в поселке Жуковка под Москвой с круглосуточной охраной. После распада СССР у него появились опасения за свою судьбу, и он стал добиваться разрешения на выезд в какую-нибудь спокойную цивилизованную страну. Вскоре он оказался в Венгрии, откуда не без нажима со стороны США был выслан, и в декабре 1991 г. перебрался в Швецию. Но и в Швеции спокойной жизни у него не получилось. В августе 1992 г. он был арестован по подозрению в шпионаже. В сентябре 1992 г. дело было закрыто, а сам Говард выдворен из Швеции и вернулся в Россию, где его следы окончательно затерялись.

В западной печати даже фигурировала цифра в 4,6 миллиона долларов.

— Поляков — сотрудник контрразведки КГБ, завербован в 1990 г.;

— Олег Аграняц — сотрудник МИД СССР, завербован в 80-х гг. В 1985 г. отказался возвращаться в СССР и попросил политического убежища в США;

— Сергей Илларионов — сотрудник ПГУ КГБ, завербован в 1990 г. В 1991 г. отказался выполнить приказ о возвращении в Москву и тайно бежал в США;

— Вячеслав Баранов — полковник ГРУ, завербован в 1989 г. В 1992 г. арестован и осужден на 6 лет лишения свободы.

К этим семнадцати следует добавить Сергея Федоренко, сотрудника Института США и Канады, завербованного в 1976 г. и единственного из известных Эймсу агентов ЦРУ, которого он не выдал КГБ, и некого агента МОТОРБОУТ — разведчика одной из стран Варшавского Договора, арестованного и расстрелянного в 1986 г. Кроме того, до сих пор существуют определенные подозрения относительно того, кто помог разоблачить Адольфа Толкачева, ведущего конструктора Московского НИИ радиостроения, арестованного в 1985 г. — и на следующий год расстрелянного. Традиционно считается, что Толкачева выдал Э. Говард, но он все время категорически отрицал свою причастность к этому делу. Таким образом, с определенной долей уверенности можно говорить о 20 агентах ЦРУ, разоблаченных с помощью данных, полученных от Эймса.

Силиконовая долина — район в США, штат Калифорния, крупнейший центр электронной и биотехнологической промышленности.

Устав Интерпола запрещает ему вести политические дела.

Волков родился в 1934 г. в Москве. До назначения во Францию работал в Тунисе, Бухаресте, Белграде. В Париж прибыл в апреле 1991 г.

После обнародования псевдонима Джона Хелмера в одной из шотландских газет он предъявил ей иск и выиграл процесс. Газете пришлось напечатать опровержение и извиниться перед бывшим чиновником.

1) Солдат, служивший в АНБ, предложивший свои услуги КГБ в 1965 г., и поставлявший секретные документы;

2) посол Норвегии в Вашингтоне, скончавшийся в США в 1965 г.;

3) старший дипломат посольства одной из западноевропейских стран, до приезда в США работавший в Бонне;

4) женщина-архивист посольства крупной европейской страны, приехавшая в Вашингтон из Москвы, где проработала два года;

5) посол крупной арабской страны, с которым Калугин встречался в течение года и который покинул Вашингтон в 1966 г.